

МАХАТМА ГАНДИ

Александр ГОРЕВ

Александр ГОРЕВ

МАХАТМА ГАНДИ

Александр ГОРЕВ

МАХАТМА ГАНДИ

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1989

ББК 63.3(0)

Г67

Г $\frac{0503030000-018}{003(01)-89}$ 55-89

ISBN 5—7133—0053—6

© «Международные отношения», 1989

*В. И. Ленин считал,
что Ганди «как вдохновитель
и вождь массового движения
был революционером».*

*«Рано или поздно вам
(колониальной администрации. — Авт.)
придется сокрушить Ганди, Индийский
национальный конгресс и все то,
что они отстаивают».*

(У. Черчилль)

*«Возможно, грядущие поколения
вряд ли поверят, что такой человек
из обыкновенной плоти и крови ходил
по этой земле».*

(А. Эйнштейн)

*«Да будет сохранен великий человек
от тех, кто никогда не сможет объять
всего учения и кто, дробя его
на параграфы, разрушает гармонию,
высший дар живой души!»*

(Р. Роллан)

«Нет человека, способного письменно воспроизвести подлинную жизнь Ганди, если этот человек не так же велик, как сам Ганди. Поэтому нам не следует ожидать того, что мы будем располагать истинным и полностью адекватным описанием жизни этого человека. Написать биографию Ганди само по себе трудно; эта задача становится еще более сложной, поскольку его жизнь неотделима от жизни Индии на протяжении полувека или более. Тем не менее, если и существуют многочисленные попытки написать о его жизни, они могут быть успешными, проливая свет на некоторые стороны его беспримерной деятельности, а также давая другим людям определенное понимание этого незабываемого периода истории Индии».

(Дж. Неру)

«Пока на свете существуют угнетение и деградация человеческого духа, люди всегда будут обращаться к Махатме Ганди, чтобы утвердить свое достоинство. Оружие ненасильственного сопротивления, которое он дал человечеству, сейчас применяется в других странах и в другой обстановке. Мир справедливо считает Ганди величайшим индийцем после Будды».

(Индира Ганди)

«Примирение и мир — вот то, что нужно сегодня всей Земле. Махатма Ганди как-то заметил, что вся история человечества со времен каннибализма и до нашего времени свидетельствует о неуклонном прогрессе на пути к ненасилию. Наука помогла достигнуть невообразимой мощи. Только устремленность к миру позволит человечеству спастись от последствий этой ужасающей мощи».

(Раджив Ганди)

Глава первая

Великая душа

Люди называют его Махатма — Великая душа. Ему это не нравится: он не любит громких слов и не считает себя ни великим мыслителем, ни ученым, ни вождем. Он резко протестует, когда имя Махатма вызывает в умах простых индийцев представление о нем как о посланце божьем, как о святом, который будто бы способен творить чудеса и один в состоянии взять на себя заботу об освобождении Индии.

Вокруг его худого тела кусок домотканой материи — кхадии, сандалии на босу ногу, в руках посох — и все. Спокойные, как глубокие воды, глаза, всегда горящие светом внутренней силы; беззубая, открытая улыбка ребенка на безмятежном ласковом лице; большие внимательно слушающие собеседника уши.

В общении прост и застенчив, никакой позы. Начисто лишен себялюбия, зависти, заносчивости, приспособленчества, хитрости. Удивительно доверчив и бескорыстен. Никогда не скажет неправды, даже если бы это стоило ему жизни. Не любит оставаться подолгу на одном месте, постоянно разъезжает по стране. Всю Индию исходил пешком, и ее народа лучше его никто не знает. С каждым индийцем беседует на его родном языке — на хинди, урду, тамили, гуджарати, телугу, бенгали; с англичанами — на совершенном английском.

Спит на полу или топчане и очень мало, работает же непрестанно. В доме никаких лишних вещей, украшений, мебели — только самое необходимое. Уметь обходиться

тем, чем довольствуется бедный труженик, стало его неизменным правилом. Ест вегетарианскую пищу, не употребляет молока и яиц, не пьет никаких горячительных и возбуждающих напитков, включая чай. Естественно, не курит. Слуг не имеет. Сам готовит пищу, моет за собой посуду и полностью обслуживает себя. Ожидает того же от близких, но свою волю им не навязывает.

Открыто признает свои ошибки и заблуждения, не стремится к ораторскому успеху, к популярности, не принимает никаких почетных титулов, званий и не претендует на высокие государственные посты, отклоняет любые подношения. Постоянное самоограничение страстей и желаний — образ его мыслей и уклад жизни.

Совсем не похож на сильных мира сего. И все-таки он великий и сильный человек. Ему послушны миллионы. О нем говорит весь мир. Он на редкость прозорливый и тонкий политик с обостренной интуицией, с умением видеть невидимое, достигать компромисса в бескомпромиссной борьбе, уступать противнику, сохранив в чистоте принципы, отдалить цель во имя честных и справедливых средств ее достижения. Он испытывает отвращение как к насилию, так и к бессилию.

Надменный велеречивый премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль называет его «полуголым факиром», а великий сын Индии Джавахарлал Неру заявляет, что тот, кто оскорбляет Махатму Ганди, не понимает индийский народ и оскорбляет саму Индию.

«...В этом маленьком, физически слабом человеке, — писал Неру, — было что-то твердое, как сталь, несокрушимое, как скала, что-то такое, с чем не могла совладать никакая физическая сила, как бы велика она ни была... Он обладал каким-то царственным величием, внушавшим окружающим невольное почтение... Он говорил всегда просто и по существу, без лишних слов. На слушателей действовала абсолютная искренность этого человека, сама его личность; казалось, в ней сокрыты неисчерпаемые источники внутренней силы... Обретя внутренний мир, он излучал его на окружающих и шел по извилистым путям жизни неустрашимо, твердым шагом».

Гандиджи* мыслит масштабом мира и при том не говорит ничего такого, что не было бы понятно и ребенку.

* Джи — приставка, означающая «уважаемый».

Он — за ненасилие, против кровопролития и войны, но предпочтет смерть положению раба. Презирует трусость. «Я твердо убежден, — говорил он, — что если бы оставался лишь один выбор — между трусостью и насилием, я рекомендовал бы насилие... Я скорее предпочел бы, чтобы Индия прибегла к оружию для защиты своей чести, нежели чтобы она из-за своей трусости оказалась или осталась беспомощной жертвой своего собственного бесчестия...» Он убежден, что сила порождается не физической, в том числе вооруженной, мощью, а несокрушимой волей, проявляющейся в ненасилии — ахимсе.

В международных делах он стремится к тому, чтобы законы общечеловеческой морали и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях простые люди, стали и непреложными законами в отношениях между народами.

У Махатмы Ганди этический подход к жизни во всем, не исключая и ее международной сферы. В его бесконечной любви к Индии нет слепого эгоистического национализма. Он ставит интересы международного сообщества выше национальных. «Национализм в моем понимании, — провозглашал он, — означает, что моя страна должна обрести свободу, что, если нужно, вся моя страна должна умереть, чтобы человечество могло жить...» Его национализм (читай — патриотизм) включает благо всего человечества, и его служение Индии равнозначно служению всем людям Земли. Он мечтает, пусть в далеком будущем, увидеть на нашей планете не отчужденные, конфликтующие и воюющие между собой государства, а мировую федерацию дружественных и тесно сотрудничающих между собой стран и народов. Целью государств мира, считает он, должна стать не изолированная независимость, а добровольная и благотворная взаимозависимость, их дружественное и тесное сотрудничество во имя всей цивилизации, многократно обогащенной национальными культурами разных народов Земли.

Подходила к концу вторая мировая война. «Каким окажется послевоенный мир? Какой будет для Индии обещанная английским правительством свобода?» — дума-

ли индийские патриоты. В грядущую победу внесли свой вклад все честные люди Земли, антифашисты всех пяти континентов. Свой заметный вклад в общую победу внесла и Индия, свыше двух миллионов солдат которой в составе британских войск принимало участие в боях против стран гитлеровской «оси», и главным образом против милитаристской Японии. Под громовое русское «ура», прокатившееся от Москвы до стен рейхстага, была повержена фашистская Германия. Человечество выздоравливало от «коричневой чумы». Теперь, в конце войны, оно уже стало другим, чем было прежде.

В Европе война закончилась. Берлин дымился в руинах. Советские войска, сломив сопротивление гитлеровских фанатиков, спасли от разрушений известный своими историческими памятниками и картинными галереями Потсдам — небольшой городок близ Берлина. Здесь, в одном из зданий дворцово-паркового ансамбля, служившем в свое время резиденцией бранденбургских курфюрстов, а затем прусских королей, — Цецилиенхофе собрались руководители союзных государств, чтобы выработать программу справедливого и прочного мира.

12 марта 1945 г. президента Ф. Рузвельта не стало, и в Потсдам прибыл новый президент США — Г. Трумэн. Всем своим обликом: накрахмаленной сорочкой, галстуком «бабочкой», модным штатским костюмом с платочком в нагрудном кармане — он резко отличался от руководителей двух других союзных держав: И. В. Сталина и У. Черчилля. Сталин был одет в свободного покроя китель со звездой Героя Советского Союза, Черчилль — в помятый военный френч с широким рядом орденских планок.

Трумэн, знакомясь с главой Советского правительства, сказал, что он, как и президент Рузвельт, «хочет быть другом генералиссимуса», но, не выдержав его холодного, стального взгляда, отвернулся и совсем некстати добавил, что «он не дипломат и любит говорить прямо». Сталин, разумеется, понял подлинный смысл его слов. Ему было известно, как Трумэн, еще будучи сенатором, отбросив химеру политической совести, с цинизмом призывал: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Трумэн сразу же заговорил о том, что дела у союзников

в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась активная помощь Англии, но США тем не менее ожидают помощи от СССР. «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа. Он сдержит свое слово», — твердо сказал Сталин. Последняя фраза прозвучала так, что все догадались о произнесенной другой: «Советский Союз сдержит слово в отличие от западных союзников, затянувших открытие второго фронта в Европе до самого последнего момента, когда, собственно, победа над фашистской Германией была уже предreshена».

Трумэн ничуть не сомневался в заявлении Сталина. Американский президент перед отъездом в Потсдам познакомился со специально подготовленной для него государственным департаментом подробной характеристикой советского руководителя. Сталин ради достижения цели не останавливается ни перед какими жертвами. Людские потери для него не препятствие на пути осуществления стратегического замысла, тем более, если затрагивается его полководческий престиж. Подлинные политические гарантии вступления СССР в войну против Японии для Трумэна значили меньше, чем личные обещания «стального вождя», на которые он в данном случае и рассчитывал.

В Потсдаме Трумэн получил срочную депешу об успешном испытании в США атомной бомбы, и президент уже тешил себя мыслью, как он ущемит болезненное самолюбие генералиссимуса, сообщив ему об этой новости.

Однако чем неотвратимее становилась победа союзнических держав над государствами-агрессорами, тем больше беспокойства проявлялось в Вашингтоне и Лондоне. Парадокс? Ничуть. Для беспокойства в этих столицах причин было более чем достаточно. Военно-промышленные корпорации в США и Англии получали баснословные прибыли на военных поставках, и они не собирались терять свои доходы с наступлением победы. Министерские портфели в правительствах этих двух стран по большей части перешли в руки непосредственных представителей военного бизнеса, которые не могли, да их хозяева и не позволили бы им, замедлить вращение уже раскрученного маховика военного производства. Грядущая победа вызвала у империалистических группировок Англии и США ужас при одной мысли о возможности утраты своей власти в колониях, а значит и потери источников

сырья, рынков сбыта готовой продукции, резервной дешевой рабочей силы.

Черчилль — глыба гранита, из которого, пожалуй, вырублены и сами колонны банковских зданий в лондонском Сити, проливая после традиционной бутылки коньяка настоящие слезы, воскликнул: «Какая это будет победа, если она обернется такой катастрофой, как потеря Индии!» Тогдашний министр иностранных дел Великобритании Антони Иден, желая смягчить трагизм Черчилля, патетично заявил в английском парламенте, что «Италия потеряла навсегда свои колонии» и что они теперь «законно» будут присоединены к Британской империи.

— Если Италия потеряла, то кто их нашел? — спросил Сталин на потсдамской встрече.

Этот вопрос вызвал злорадный смех Трумэна. А Черчилль, не уловив горькой иронии в нем, но почувствовав недоброе в веселой реакции Трумэна, стал тут же обосновывать «права» Англии. «Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами, — сказал он, — британская армия одна завоевала эти колонии» (итальянские — Сомали, Эритрею, Киренаику и Триполи. — Авт.). Кстати, Черчилль забыл упомянуть, что воевали там по большей части индийские солдаты, родина которых тоже не была свободной.

— Все? — с явной насмешкой спросил Трумэн.

— А Берлин взяла Красная Армия, — под общий смех бросил реплику Сталин.

Было ясно, что если Англия старалась сохранить свою огромную колониальную империю, и прежде всего Индию, а также прибрать к рукам бывшие итальянские колонии, то администрация Трумэна и разбогатевшие на войне американские монополии были одержимы манией мирового лидерства. Мечтая о переделе колониального мира, США настаивали на установлении международной (понимай — американской) опеки над огромными территориями в Азии, Африке, над многочисленными островами в Океании. Соединенные Штаты все чаще стали заявлять о своих интересах в Индии. Глобальная экспансионистская программа США, рассчитанная на перераспределение «мирового имущества» за счет старых колониальных держав — Великобритании, Франции и Италии, — могла быть осуществлена лишь путем военного устрашения народов и подавления национально-освободительного движения.

Через четыре дня после межсоюзнической конференции в Потсдаме, 6 августа в 8 час. 15 мин. утра, над Хиросимой поднялся ядовитый гриб атомного взрыва, под которым были погребены развалины города и прах его жителей. Еще через три дня эта участь постигла Нагасаки. Такого массового убийства мир не знал со времени своего существования. Человечество ужаснулось от этого бессмысленного зверства. Но оно не было бессмысленным для тех, кто его совершил. Трумэн, отдавший в самом конце войны приказ о применении атомного оружия против мирного населения Японии, и те, по чьей злой воле он действовал, совершили это чудовищное преступление с холодным расчетом. Они хотели запугать народы своей, никем тогда не превзойденной, «атомной силой». Так началась американская политика атомного шантажа Советского Союза и стран, добивавшихся своей национальной и политической независимости.

Взрывы в Хиросиме и Нагасаки были недобрым знаменем: притязания гитлеровской Германии на мировое господство сменялись заявкой США на руководство миром. Империализм, будь то германский, японский, американский, оставался самим собой, но средства, используемые им для подавления свободы народов, становились с началом атомной эры все более устрашающими, грозили самому существованию человечества.

В эти дни Махатма Ганди встретился с Джавахарлалом Неру. Индийский вождь не мог скрыть волнения перед своим другом и соратником.

— Что вы думаете об атомных бомбах, которые американцы обрушили на головы беззащитных людей? Куда заведет человечество это сатанинское оружие? — спросил Ганди, озабоченно глядя на Неру. И не дожидаясь ответа, снова заговорил:

— Война, насилие порождают еще большее насилие. Люди лишились разума и вместо любви в их сердцах поселились ненависть и страх. Если они не откажутся от своего пристрастия к науке убивать, на Земле неминуемо наступит Судный день и человечество погибнет. Только политика ненасилия может отвлечь человечество от всеобщей беды.

— Наша практика ненасилия, Бапуджи (буквально — отец. Так называли Ганди его соратники. — Авт.), слишком слаба, чтобы противостоять атомным бомбам, — с горечью сказал Неру. Ганди провел ладонью по лицу и,

точно смахнув с него прежнюю рассеянность, твердо возразил:

— Нет, Джавахарлал, когда идею ненасилия воспримут все народы, атомное чудовище отступит. После такого неслыханного злодеяния, — продолжал он, — я только еще больше убедился, что у людей один выход из тупика своего развития — ненасилие. В этом спасение.

— Международное насилие, войны, Бапуджи, исходят не от простых людей, а от правительств и власть имущих. Индийцы же, как и многие другие народы, даже не имеют своего правительства, которое могло бы проводить политику ненасилия.

Поверх круглых стареньких очков, сползших на самый кончик носа, на Неру смотрели удивленные глаза Ганди.

— Разве вы не убедились, что в своем ненасилии индийский народ оказался сильнее британского правительства и его грубой власти в Индии? Индийцы скоро обретут свободу и будут иметь свое правительство. Уж кто-кто, а вы, Джавахарлал, знаете это не хуже меня. Надо только позаботиться, чтобы ненасилие в мировых делах стало святым принципом независимого правительства свободной Индии. Ганди помолчал и затем, наклонившись к Неру, доверительно и ласково добавил:

— А пока, мой друг, мы не будем ждать часа свободы и уже сейчас осудим создание в Америке атомной бомбы..., открыто скажем всем, что это акт против человека и человечности.

В сентябре 1945 года руководящий комитет возглавляемого Махатмой Ганди Индийского национального конгресса (ИНК) принял резолюцию. «Мировая война, — говорилось в ней, — к счастью, окончилась, однако ее зловеющие тени все еще омрачают Землю, и уже обсуждаются планы будущих войн. Появление атомной бомбы в качестве оружия войны с ее чудовищной разрушительной силой уже выявило кризисные явления, проявившиеся в аморальных, самоубийственных сторонах современной политической, экономической и духовной структуры мира. Цивилизация, вероятно, уничтожит себя, если она не откажется от империалистических, стяжательских тенденций и не будет основываться на мирном сотрудничестве свободных наций и на поддержании достоинства человека».

Ганди — апостол ненасилия и, следовательно, ярый противник войны. Он убежден, что пропаганда и про-

славление войны, идеализация солдатской смерти — не образ мышления для гомо сапиенс, человека разумного. Войны уродуют человека, калечат его душу, порождают жестокость и алчность, вероломство и месть; они обесценивают жизнь, множат людские пороки, приносят беды, страдания, нищету, голод и болезни. Ганди противна война, потому что она убивает главное в человеке — человечность. Ненасилие для Ганди — не библейская категория, это его политика, неразрывно соединенная с общечеловеческими нормами нравственности. Он видит мировое сообщество стран и народов, в котором триединое понятие «человек — человечность — человечество» будет приведено в гармонию с мировой политикой, с практикой международного общения государств, правительств, людей.

«Мои американские друзья высказали предположение, — говорит Ганди, — что атомная бомба скорее, чем что-либо другое, принесет ахимсу. Следует понимать это так, что ее разрушительная сила вызовет такое отвращение, что весь мир на какое-то время отвернется от насилия... Бесспорно, атомная энергия, которая была использована американскими учеными и военными в разрушительных целях, может быть использована другими учеными в гуманных. Но мои американские друзья имели в виду не это. Они не настолько просты, чтобы задавать вопрос, ответом на который будет простая истина. Поджигатель использует огонь в разрушительных и гнусных целях, хозяйка же пользуется им ежедневно для приготовления пищи...»

Ганди говорит, что «атомная бомба убила самые возвышенные чувства, которые помогали человечеству в течение веков». «Прежде существовали так называемые законы войны, которые делали ее терпимой, — рассуждает он. — Теперь нам известно лишь одно: война не знает других законов, кроме закона силы. Атомная бомба... погубила душу Японии. А что произошло с душой погубившей ее нации, судить еще рано... Рабовладелец не может держать раба, не входя сам или не посылая своего помощника в клетку, в которой находится раб...» Ганди не хочет, чтобы у кого-то создалось впечатление, будто он выступает в защиту злодеяний Японии, совершенных ею во время войны. «Я допускаю, — отмечает он, — что алчность Японии была более недостойной. Но большая недостойность не дает права менее недостойному безжалостно уничтожать японских мужчин, женщин и детей...»

2 октября 1945 г. Ганди исполнилось семьдесят шесть лет. В этот день Джавахарлал Неру писал о нем: «В нашем мире ненависти, крайнего насилия и атомной бомбы этот миролюбивый человек доброй воли стоит стороной и бросает ему вызов. В стяжательском обществе, бешено ищущем новых развлечений и роскоши, он неизменно носит хлопчатобумажную одежду и живет в глинобитной хижине. Он, как это очевидно для всех, не участвует в людском состязании за обладание богатством, властью, силой. Хотя эта власть исходит из его добрых, но одновременно и строгих глаз, и эта сила заполняет его слабое, истощенное тело и сообщается другим людям...»

Ганди не был похож на других политических лидеров. Когда он выступал, голос его звучал мягко и негромко, но он доходил до слуха каждого — и друзей, и противников. В его учтивых словах звучал металл, и никто не сомневался, что однажды сказанное им будет непременно сделано. Ганди — требовательная совесть Индии. У каждого народа есть собственное представление о вождях, которых выдвигает он под влиянием конкретных социально-исторических условий и национальных традиций. Индия — не исключение.

Ганди, как признавали его соотечественники и даже английские колонизаторы, был фактически верховным руководителем Индии и владел сердцами миллионов, не прибегая к силе или принуждению, не занимая официального положения и не имея капиталов. Видимо, в ответе на вопрос, какого вождя избирает себе народ, раскрываются социально-исторические условия страны, духовные устремления и политические идеалы людей. «Может быть, в любой другой стране он (Ганди. — Авт.), — писал Неру, — был бы сейчас не на месте, но Индия все еще понимает или, по крайней мере, ценит людей пророчески-религиозного склада, говорящих о грехе, спасении и ненасилии». Однако, по его же утверждению, Ганди «стал крупнейшим и наиболее выдающимся из индийских вождей не благодаря своему учению о ненасилии или своим экономическим теориям. Для огромного большинства индийского народа он является символом решимости Индии добиться освобождения, ее воинственного национализма, ее отказа подчиниться высокомерной силе, символом неизменного сопротивления всему, что влечет за собой национальное бесчестие».

Старая Индия еще не была свободной, но молодая

Индия, которую выпестовывал Махатма Ганди более тридцати лет, уже нарождалась. Идея свободы овладела страной и стала материальной силой народа.

Не могли не сознавать этого очевидного факта и в Лондоне, и в Вашингтоне. В скромную обитель к Бапу — «отцу нации», как обращались к Ганди соотечественники, потянулась за советами вереница колониальных министров, политических деятелей, дипломатов, журналистов. Теперь побеседовать с ним полагали необходимым и губернаторы, и вице-король.

Изменилось в Индии многое, а Ганди по-прежнему оставался самым собой: верным своим убеждениям, безгранично преданным своему патриотическому делу и таким же простодушным. Не менялись с годами и признанием Ганди вождем освободительного движения его быт, привычки, отношение к людям. Речь его всегда бесхитростна и народна. Разговаривает он со всеми одинаково уважительно, будь то крестьянин или губернатор. Всех их он называет друзьями. Даже в письме к президенту США Рузвельту пишет: «Мой друг!» Письмо «Ко всем японцам» тоже подписывает «Ваш друг и доброжелатель М. К. Ганди». В слова «друг», «брат» он вкладывает глубокий гуманный смысл и произносит их проникновенно, так что собеседник ощущает теплоту его души. Все это у Махатмы Ганди очень естественно, без всякой деланности. Он назовет другом и того, чьи мысли и поступки ему совсем не нравятся. Он отделяет человека от его поступков. В этом, в частности, проявляется его глубоко религиозный подход к земным делам, к политике, цели которой, хотел того Ганди или нет, определяются практическими интересами классов.

О Ганди написаны тома, сняты фильмы, ему возведены памятники. Биографы Ганди в различных странах мира все еще не окончили спор о том, был ли он революционером.

А между тем еще на II конгрессе Коминтерна в полемике с индийским коммунистом М. Н. Роем о роли Ганди в национально-освободительном движении В. И. Ленин, вспоминая Рой, утверждал, что «как вдохновитель и вождь массового движения он был революционером». Да и сами ближайшие соратники Ганди писали о нем, что «он был прирожденным мятежником, революционером, стремившимся к глубоким изменениям, которого не мог удержать никакой страх перед последствиями».

Революционные национально-освободительные цели Ганди, соединенные с мирными средствами их достижения, вызывают сочувственный отклик в сердцах выдающихся мыслителей и гуманистов других народов и стран. Ромен Роллан, опубликовавший о нем еще в 1922 году биографический очерк, писал, что борьба за независимость у Ганди вовсе не последняя цель. Его борьба — борьба за Человека. Вот почему Ганди высоко оценили великие писатели-гуманисты Рабиндранат Тагор, Лев Толстой, Максим Горький, Ромен Роллан, Бернард Шоу.

В ноябре 1986 года Советский Союз и Индия подписали Делийскую декларацию о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, в которой человеческая жизнь признается высшей ценностью, а насилие — основой жизни человеческого сообщества и в которой, по словам М. С. Горбачева, «смыкаются наши философские и политические подходы к строительству безъядерного, ненасильственного мира с подходами великой Индии и миллиардов людей, представленных движением неприсоединения».

В образе ненасильственного будущего человечества идеи социализма нашли соединение с мечтой и заветами Махатмы Ганди, с чаяниями лучших представителей человеческого рода, с устремлениями всех честных людей Земли к миру, свободе, социальной справедливости и прогрессу.

Читатель успел лишь прикоснуться к образу Великой души, отца молодой Индии. То был 1945 — первый послевоенный год. Ганди еще предстояло пройти нелегкий путь в три года, в конце которого Индия обретет свободу. К сороковым годам мы еще вернемся. Однако откуда и как пришел в наш мир Ганди? Познакомимся подробнее с его суровой жизнью, с жизнью, заполненной борьбой, поисками истины, личными и социальными экспериментами.

Глава вторая

В Южной Африке. Позади отчий дом и учеба в Лондоне

28 ноября 1896 г. из Бомбея курсом на южноафриканский порт Дурбан одновременно отплыли два парохода «Курлянд» и «Надери». На их борту находилось около восьмисот индийцев. Среди пассажиров «Курлянда» был и двадцатисемилетний Мохандас Ганди. Он возвращался из Индии в Южную Африку, где за три предшествующих года блистательно состоялась его карьера адвоката; о нем с похвалой заговорили в здешней индийской общине, чьи интересы он представлял в судах и адвокатских конторах. Ганди, однако, был далек от того, чтобы упиваться своим успехом. Он не принадлежал к тем молодым коллегам на родине, которые за карьеру и личную удачу готовы были заплатить любой ценой, лишь бы выбиться в индийскую элиту и занять в колониальной иерархии местечко поближе к самым английским властителям. Для Ганди самоутверждением в жизни была не карьера, а желание быть нужным людям, беспокойное участие в судьбах отверженных, потребность служить им. Все поглощающее чувство неисполненного долга перед людьми не давало ему покоя. Он жаждал подвига — не для своего возвеличения, нет. Ганди готов был унижить себя до ничтожной пылинки на

дороге людей, которая вела бы их в мир справедливый и достойный для жизни человека. Где же эта дорога?

Возвращаясь в Южную Африку, он чувствовал себя вполне счастливым человеком, потому что знал: впереди ему предстоит хорошо послужить соотечественникам и они ждут его приезда. «Служение без радости не помогает ни тому, кто служит, ни тому, кому служат, — говорил он. — Но все другие удовольствия и обладание чем бы то ни было превращаются в ничто в сравнении со служением, ставшим радостью».

Даже слова «горькая чужбина» для индийцев, живших тогда в Южной Африке, не отражали всех обид и лишений, которые выпадали на их незавидную долю. Хотя Мохандас своим костюмом и манерами в те годы мало чем отличался от английского джентльмена, ему не раз пришлось испытать на себе грубые оскорбления расистов: железнодорожный кондуктор выталкивал его из вагона первого класса; его не сажали в дилижанс, в котором ехали белые; в Йоханнесбурге полицейские сталкивали его с тротуара на мостовую, ибо тротуар предназначался только для белого населения; ему отказывали в ночлеге в гостиницах, где останавливались европейцы. Всех индийцев здесь называли «кули» независимо от того, какую работу они выполняли, и к Мохандасу Ганди презрительно обращались «адвокат-кули». При всей своей безобидности и природной терпимости, Ганди всякий раз оказывал расистскому произволу вежливое, но настойчивое сопротивление. Причем когда оскорбления касались лично его, он отказывался от того, чтобы требовать наказания обидчика или какого-то возмездия, и уповал лишь на пробуждение у того совести. Все это походило на своего рода дуэль невежества и подлости с совестью и человеческим достоинством. И надо сказать, Ганди удавалось иногда устыдить тех из белых расистов, кто еще не совсем растерял остатки человечности.

В минуты грустных размышлений Мохандаса посещала мысль о том, что Южная Африка не та страна, где может жить уважающий себя индеец, и его все больше занимал вопрос, как изменить такой порядок вещей. Постепенно адвокатская практика отодвигалась на второй план; им все больше овладевало желание посвятить себя служению обездоленным людям, борьбе с политической и социальной несправедливостью. Он пишет прошения и петиции южно-

африканским властям в защиту своих бесправных соотечественников — индийских рабочих, завербованных по контрактам в Индии для работы на местных плантациях и горнорудных шахтах, принадлежащих европейцам.

Десятки тысяч законтрактованных индийских рабочих находились в Южной Африке чуть ли не на положении рабов. Их можно было избить до смерти, выгнать на улицу, бросить в тюрьму за отказ от работы; они жили в специально отведенных для них местах — нечто вроде резерваций — в убогих лачугах в условиях ужасающей нищеты и антисанитарии.

Подписав кабальные контракты, индийцы покидали родину в надежде спасти от голодной смерти свои семьи. Истощенная колонизаторами Индия уже не могла прокормить своих пахарей. Только за 10 лет, с 1891 по 1900 год, 19 миллионов индийцев умерло от голода. Свыше двух миллионов обезземеленных крестьян и обнищавших рабочих эмигрировало из Индии в другие страны. Они гнули спины на европейских предпринимателей на Цейлоне и Малакке, на островах Маврикий и Тринидад, на Фиджи и в Британской Гвиане, на шахтах Южной Африки. Здесь, на чужбине, индийцы умирали от болезней, от эпидемий чумы и холеры.

На второй год пребывания Ганди в Натале, 22 мая 1894 г., в богатом доме главы индийской торговой фирмы Дады Абдуллы собрались местные индийские буржуа и представители интеллигенции.

На этом собрании Ганди по аналогии с Индийским национальным конгрессом, действовавшим на родине с 1885 года, предложил учредить организацию под названием Индийский конгресс Наталья (ИKN). Это была организация индийской буржуазии с весьма умеренной программой. Устав ее был прост, цели в основном благотворительные, а членские взносы — весьма высокие. В ИKN вошли владельцы торговых фирм, мелкие лавочники, конторские служащие. Рабочие оставались вне организации. Да если бы они и захотели вступить в нее, то все равно были бы не в состоянии платить членские взносы.

Организация всячески стремилась наладить сотрудничество с английскими колониальными властями. Используя исключительно конституционные методы, организация ставила своей задачей получение индийцами равных прав с европейцами. Члены ИKN начали с того, что снабжали

колониальную администрацию в Натале и местную прессу информацией о бедственном положении индийской общины, устраивали просветительские лекции, регулярно проводили собрания, на которых обсуждались проблемы улучшения санитарных условий в индийских поселениях, обучения детей грамоте, вопросы труда и быта рабочих.

Чувство долга перед униженными соотечественниками и желание вызвать у англичан сострадание к ним побудили Мохандаса написать и опубликовать два обращения. Одно из них он озаглавил «Воззвание ко всем британцам Южной Африки», а другое — «Избирательное право индийцев — призыв». Строго основываясь на достоверных фактах и ничего не прибавляя от себя, молодой адвокат обращал внимание общественности и властей на нищенское и бесправное существование индийцев в Южной Африке. Пожалуй, это было первым печатным словом правды о жизни этих обездоленных людей. Изданные в виде брошюр обращения Ганди произвели впечатление на некоторых либерально настроенных европейцев. В целом же реакция среди белой общественности оказалась более чем настороженной, а среди крупных собственников, владельцев плантаций и шахт — откровенно злобной. Однако в Индии голос Мохандаса Ганди отозвался сочувственным эхом. Кто, как не сами индийцы, мог понять горести своих отверженных братьев и сестер и посочувствовать им? Разве в самой Индии англичане не осуществляли все ту же позорную политику расового превосходства белых? Но участь южноафриканских индийцев была еще горше и отягощалась вынужденной разлукой с родиной.

Правда, не все индийцы пребывали здесь в нищете. Деятельность торговцев — выходцев из Индии быстро расширялась, но европейцы усилили давление на своих «цветных» конкурентов путем грубой расовой и политической дискриминации. Правительство Натала подготовило законопроект, который еще более усложнял и без того тяжелое положение индийских торговцев. Власти объявили также о своем намерении взимать немислимо высокий по тем временам ежегодный налог в 25 фунтов стерлингов с рабочих, которые по истечении контракта оставались в Южной Африке.

Ганди расценил эти меры натальских законодателей как прямое следствие острой конкурентной борьбы за африканский рынок и результат возросшей религиозно-

расовой неприязни между европейской и азиатской общинами. Он начинает кампанию за отмену расовых законов в Южной Африке. И когда вице-король Индии лорд Элджин, идя навстречу прошениям Индийского конгресса Наталя, «милостиво» повелел заменить чудовищный налог на законтрактованных рабочих подушным налогом в три фунта на каждого члена семьи, Мохандас Ганди при всем своим уважением к наместнику английской короны не сдержался от критики в его высочайший адрес. «...Это был серьезный промах со стороны вице-короля, — открыто заявил Ганди. — Давая такое согласие, он совершенно не подумал от интересах Индии. В его обязанности совсем не входило оказывать услуги европейцам в Натале». В данном случае нельзя не признать того, что серьезный промах допустил не лорд Элджин, а молодой, еще неопытный тогда в политике Мохандас: ведь в прямые обязанности вице-короля как раз и входило служить интересам английского капитала.

Возглавленному Ганди движению за отмену этого бесчеловечного закона для победы потребуется двадцать лет борьбы, в ходе которой будут и расстрелы, и линчевание «цветных», и уготованные для многих тысяч индийцев и самого Ганди тюрьмы. Через все это еще предстоит пройти.

Приехав в Индию за семьей, Ганди опубликовал здесь работу о положении индийцев в Южной Африке. Она стала известна под названием «Зеленая брошюра». Газеты поместили о ней многочисленные отзывы и открыли на своих страницах обсуждение поднятого Ганди вопроса. Агентство Рейтер передало в Англию по телефону изложение брошюры. Известие о ней в довольно искаженном и тенденциозном виде дошло и до Наталя, вызвав там среди европейцев бурю негодования.

В Индии Ганди принимают и подолгу беседуют с ним прославленные «отцы-основатели» партии Индийский национальный конгресс Ф. Мехта, Г. К. Гокхале, Б. Тилак. Первые два лидера занимали влиятельные посты в английской колониальной администрации Индии, а в ИНК возглавляли его умеренное крыло, выступая за сотрудничество с англичанами. Тилак, прозванный Локаманья — что значит «уважаемый народом», — возглавлял в Конгрессе радикальное крыло так называемых «крайних». Прославленный трибун и вожак народа, Тилак призывал к сверже-

нию английской колониальной власти в Индии и к использованию, если потребуется, против колонизаторов насильственных методов борьбы.

На молодого впечатлительного Мохандаса Ганди, мыслившего яркими образами, все трое произвели неизгладимое впечатление, и на всю жизнь он проникся к ним глубоким уважением. Мехта, богатый бомбейский адвокат, представился его воображению недоступными Гималаями, Локаманью Тилака он сравнил с океаном, по которому нелегко плавать, а Гокхале показался ему Гангом, священной рекой, в которой можно искупаться и освежиться.

По признанию Ганди, как политик Гокхале занял в его сердце особое место. Идеи Гокхале больше всего импонировали ему. В свою очередь и Гокхале, ученый, великолепный оратор, член Исполнительного совета при вице-короле Индии, увидел в молодом Мохандасе начинающего политика, мировоззрение которого в основном и главном вполне соответствовало либерально-буржуазным взглядам самого Гокхале.

Ганди был уверен тогда, что расовая дискриминация в Южной Африке и в самой Индии противоречит британской конституции, к которой, по его словам, он относился, наверное, с большей лояльностью, чем сами англичане. В ту пору он хотя и считал систему британского управления колониями несовершенной, но относился к ней терпимо и все ее недостатки считал явлением временным. Как верный подданный британской короны он, например, всегда вдохновенно исполнял британский гимн, будь то по случаю открытия обычного митинга или по более важному поводу, скажем, на торжествах в связи с празднованием шестидесятилетия царствования королевы Виктории или коронованием короля Эдуарда VII императором Индии. Вскоре, правда, он обнаружит, как не соответствуют слова гимна Великобритании «Рассей ее врагов, и пусть они погибнут...» его вере в принцип ненасилия.

Ганди выступал на собраниях и митингах в Индии, рассказывая о бедственном положении южноафриканских индийцев, и планировал еще некоторое время побыть на родине, когда получил от друзей из Дурбана телеграмму: «Парламент начинает работу в январе. Возвращайтесь скорее». Надо было ехать, чтобы на месте продолжать кампанию за отмену несправедливых законов в отношении

индийцев. Так Ганди вместе со своей семьей оказался на пароходе «Курлянд». С ним плыли в Южную Африку жена Кастурбай и два сына — девяти и пяти лет, а также десятилетний сын его сестры.

Мохандас считал тогда, что быть цивилизованным — значит во всем подражать европейцам: носить их одежду, освоить их манеры, этикет. На нем был английский костюм — тройка, манишка с накрахмаленным стоячим воротничком, аккуратно завязанный и тщательно подобранный по цвету галстук. Усы, гладкая прическа с проборм придавали молодому человеку солидность. Оттопыренные уши, какие часто бывают у людей, одаренных музыкальным слухом, нисколько не портили его внешности. Выразительность лица Мохандаса подчеркивалась сильно выдающейся над подбородком пухлой губой и взглядом, спокойным и мягким, говорившем о глубине души.

Кастурбай обладала трогательной женственностью и природным обаянием. Индианки, как никакие другие женщины в мире, верны своей традиционной одежде — сари, которую они носят с удивительной грациозностью. Кастурбай и мысли не допускала, чтобы сменить сари на европейское платье. По настоянию Мохандаса она лишь заменила гуджаратское сари на сари бомбейских парсов, которое больше походило на европейскую одежду.

В декабре в южном полушарии дуют летние муссоны, вызывая на море штормы. В четырех днях пути, оставшихся до Наталя, «Курлянд» и «Надери» попали в такой шторм, что никто уже и не надеялся остаться в живых и снова ступить на земную твердь. Ганди любил стихию, ее величие, заставлявшее людей забыть об их мелких распрях и пустой суете. Он наблюдал, как пассажиры, презрев расовые, социальные и религиозные предрассудки, богатые и бедные, мусульмане, индусы, христиане, объединились перед разгневанной природой и молились о спасении всевышнему. Если бы люди, отбросив все свои различия, были такими же едиными в обычное время! Какую бы справедливую жизнь они могли устроить на земле!

Под вспышки молний пароход крутило и бросало из стороны в сторону целые сутки. Наконец небо прояснилось, шторм утих, и люди снова разобщились: уже индус и христианин отчужденно смотрели друг на друга, а богатый торговец брезгливо перешагивал через спавших на палубе рабочих.

«Курлянд» и «Надери» бросили якоря на рейде при входе в Дурбан. Над кораблями были подняты желтые флаги, которые по установленному порядку должны развеваться над кораблем до тех пор, пока все пассажиры не пройдут медицинский осмотр и врач не выдаст разрешение на высадку людей на берег.

Шторм на море утих, но теперь началась настоящая буря на берегу. Белое население Дурбана каждый день собиралось на митинги и требовало отправки «Курлянда» и «Надери» обратно в Индию. Самый влиятельный член правительства Наталя Гарри Эскомб возглавил эту неистовую кампанию. Расисты угрожали сбросить «цветных» в море.

Главным объектом их негодования оказался Ганди. Они обвиняли его в том, что он во время пребывания в Индии позволил себе неодобрительно высказываться о белых в Натале и что он привез два парохода с колонистами, чтобы наводнить Наталь индийцами. Жизнь Ганди и его семьи была в опасности, но он вел себя спокойно и не чувствовал за собой вины. Обвинения не соответствовали истинному положению вещей: он никого не оскорблял из числа белого населения Наталя и никого из индийцев не агитировал ехать в Южную Африку.

Власти наложили на корабли длительный карантин, хотя основания для этого не было. Дни тянулись медленно и уныло. Наступили рождественские праздники, и капитан пригласил пассажиров первого класса, в их числе и Ганди, на обед. От пассажиров капитан предоставил слово Ганди. В своей речи Мохандас осудил западную цивилизацию, основанную на насилии. Кое-кто скептически отнесся к приверженности Ганди к ненасилию и, кажется, капитан спросил его: «Допустим, белые осуществят свои угрозы. Что вы тогда будете делать со своим принципом ненасилия?» Ганди сказал, что он простит невежественных и ограниченных людей, которые, применяя насилие, видимо, полагают, что они поступают справедливо. Ответ Ганди вызвал на лице капитана ироническую улыбку.

Хотя карантин с кораблей был снят, власти Наталя предъявили пассажирам ультиматум, предлагая возвратиться восвояси, если им дорога жизнь. Но и теперь Ганди продолжал настаивать на праве пассажиров сойти в Дурбане. Только через 23 дня пребывания кораблей на

рейде было получено разрешение войти в гавань и высадить пассажиров на берег.

Член правительства Эскомб передал через капитана, что белые крайне обозлены на Ганди и что его жизнь в опасности. Мохандас был вынужден принять некоторые меры предосторожности и сначала отправил на берег свою семью, а сам сошел с корабля несколько позднее. Его сразу же узнали, вокруг него собралась разъяренная толпа белых. В него полетели камни, тухлые яйца. Его били ногами, рвали на нем одежду. Он почувствовал, что теряет сознание. Какой-то индийский юноша, видевший всю эту сцену линчевания, сообщил о происходящем полиции. Под охраной полицейского отряда Ганди был доставлен в дом своего друга, где он собирался на время остановиться. Вокруг этого дома снова собралась толпа расистов. С наступлением темноты она все увеличивалась. Раздавались зловещие крики: «Давайте сюда Ганди!» По всему было видно, что эти люди решились на самое крайнее. В дом явился старший офицер полиции и предложил Ганди, если тот хочет спасти свою семью, а также дом и имущество друга, не мешкая бежать. Слова офицера звучали мрачнее, чем простое предостережение. Переодевшись в принесенную ему форму индийского полицейского и выйдя через черный ход из дома в сопровождении двух агентов сыскной полиции, Мохандас темными и тесными переулками добрался до полицейского участка.

Тем временем офицер, оставшийся у осажденного толпой дома, поддразнивал людей: «Повесить старину Ганди на дикой яблоне...» Затем он объявил, что их жертве удалось улизнуть, и разрешил им удостовериться в этом самим. Представители толпы обыскали дом и, злобно ругаясь, сообщили остальным, что Ганди действительно исчез.

Случай о попытке линчевать Ганди получил широкую огласку. Дело грозило разрастись в большой скандал. Известие об этом факте дошло до Лондона. Там забеспокоились, остерегаясь дальнейшего осложнения обстановки. Министр колоний Великобритании Джозеф Чемберлен, вошедший в 1895 году в консервативное правительство Солсбери, считавшийся идеологом английского империализма, — и тот счел разумным направить телеграмму правительству Наталя с распоряжением привлечь к ответственности лиц, участвовавших в избиении Ганди.

Эскомб, который, кстати, сам и организовал расистские митинги и, безусловно, был хорошо осведомлен о готовящейся расправе с Ганди, теперь пригласил его к себе и выразил сожаление о случившемся. При этом он не преминул упрекнуть Ганди в том, что он-де не внял его предупреждению о грозящей ему опасности. «Если вы сможете опознать виновных, я готов арестовать их и привлечь к суду. Господин Чемберлен тоже хочет, чтобы я это сделал», — сказал Эскомб.

Ганди ответил, что не собирается возбуждать дела, поскольку не видит в этом проку. «...Я считаю, что осуждать следует не тех, кто нападал на меня, — заявил он Эскомбу. — Им сказали, будто я распространял в Индии неверные сведения относительно белых в Натале и оклеветал их. Они поверили этим сообщениям, и неудивительно, что пришли в бешенство. Осуждать надо их руководителей и, прошу прощения, вас», — без обиняков заключил Ганди.

«Дело в том, что мне нужно ответить на телеграмму г-на Чемберлена, — продолжал Эскомб и многозначительно добавил: — Должен признаться, однако, что если вы откажетесь от своего права привлечь виновных к суду, то в значительной степени поможете мне восстановить спокойствие и, кроме того, поднимете свой престиж». Но Мохандаса Ганди не нужно было уговаривать. Он принял решение об этом еще до визита к Эскомбу.

Вряд ли можно говорить о том, что этот инцидент, столь отвратительный по своему внешнему проявлению и самому духу, сразу же перевернул уже сложившиеся у Ганди к тому времени взгляды на мир. Слишком сильное влияние на формирование его мировоззрения оказали, с одной стороны, индуизм, а с другой — либеральные и националистические воззрения представителей привилегированных слоев тогдашней Индии, уповавших на прозрение английских колонизаторов. Тем не менее дурбанский линч бесповоротно и навсегда внес Ганди в бурлящий классовыми страстями мир политики. Его взглядам суждено было претерпеть сложную эволюцию.

Оставаясь приверженцем идеи надклассовой общечеловеческой истины, данной от бога, он, однако, сможет успешно соединить вековые чаяния индийского народа о мире и социальной справедливости с современным антиимпериалистическим, антиколониальным движением, тра-

диционные верования и национальные устремления народа с его борьбой за свободу Индии; привести в религию политическую практику, превратить абстрактную веру в активное целеустремленное действие.

Свое видение мироздания, понятия о добре и зле он воспринял с молоком матери, от земли и народа, которые дали ему жизнь. Это видение мира проходило у него еще и через фильтры классической английской школы; на его взгляды немалое влияние оказывали привилегированные, но все же угнетаемые индийские классы, из которых он вышел сам.

Мохандас Карамчанд Ганди родился 2 октября 1869 г. в небольшом княжестве Порбандаре, расположенном в одном из отдаленных уголков Западной Индии. Основное население княжества говорит по-гуджаратски. Древний род Ганди принадлежал к купеческой касте бания. Из этой касты вышло немало представителей национальной торгово-промышленной и финансовой буржуазии. Из касты бания колонизаторы рекрутировали также часть государственных служащих, привлекали к сотрудничеству интеллигенцию.

Отец Мохандаса — Карамчанд (люди звали его Каба) Ганди не имел законченного образования, но он до тонкостей знал индуистские традиции, установившийся механизм феодально-колониального управления и весь тогдашний уклад жизни провинциальной Индии. Он был диваном, то есть главным министром в небольших княжествах, сначала в Порбандаре, некоторое время в Раджкоте, а затем в Ванканере. Каба Ганди славился своей неподкупностью, благородством и прямоотой характера, из-за чего ему нередко приходилось конфликтовать с английскими резидентами на местах, от которых, по сути дела, целиком зависели индийские князья. Позднее Мохандас Ганди вспоминал, что хотя его отец занимал вроде бы и высокий пост, он все же был зависимым и небогатым человеком.

Каба Ганди был женат четыре раза. Первые три жены рано умерли. От этих браков осталось две дочери. Четвертая жена — Путлибай родила еще одну дочь и трех сыновей. Мохандас был последним ребенком. Он рос слабым, стеснительным и боязливым мальчиком, не отличавшимся особыми способностями в учебе. Но он всегда был

прилежным и исполнительным учеником и чутким любящим сыном.

В семье Ганди строго соблюдались все религиозные обряды. Особенно набожной была мать. Богослужение в храмах, принятие обетов, соблюдение постов, строжайшее вегетарианство, самоотречение, чтение священных книг индусов, беседы на религиозные темы — все это составляло духовную жизнь семьи юного Мохандаса.

Каба Ганди был противником религиозно-общинных распрей, проявлял уважение к людям независимо от их религиозной принадлежности, в том числе к мусульманам, которые были частыми гостями в его доме. Веротерпимость он воспитывал и у сына. Поэтому у Мохандаса были друзья из разных религиозных общин и каст. Исключение составляли разве что горделивые и заносчивые сверстники — христиане. К ним он испытывал определенную неприязнь: ему доводилось часто наблюдать противную его душе сцену, когда христианские миссионеры вставали на пути в школу учеников-индусов и грубо насмехались над их богами.

Родители учили Мохандаса, что на свете нет ничего выше истины, что непричинение вреда всему живому на Земле есть высшая добродетель.

Но идеи Запада все же проникали в отдельные уголки Индии, и, как всегда, новые веяния прежде всего привлекали молодежь. Некоторые молодые люди, хотя и с оглядкой, начали роптать на религиозные запреты, которые, как они считали, способствовали тому, что Индия оказалась под властью англичан. По их мнению, например, отказ от употребления в пищу мяса стал причиной физической слабости индусов.

Одно время и Мохандас попал было под влияние некоторых своих сверстников. Тайком от родителей они устраивали мясные трапезы и курили, подражая англичанам. Но, познав вкус мяса, Мохандас ничего кроме отвращения не испытал. Расходы на трапезу надо было оплатить, и он украдкой взял из дома несколько монет. Испытав острое чувство стыда и угрызения совести, Мохандас чистосердечно признался во всем отцу. Юноша морально был готов к тому, чтобы смиренно принять самое строгое наказание за свой поступок. К крайнему изумлению Мохандаса, отец, растроганный искренним раскаянием сы-

на, со слезами на глазах прижал его к груди и простил, не высказав ему даже упрека.

Столь трогательное проявление отеческой любви потрясло юношу. Этот, казалось бы, обыденный житейский случай вселил в него веру, что правдивость в поведении людей порождает любовь других и тем самым удерживает их от применения насилия.

По сути, суждение это бытовало в Индии со времен Будды. В гуманитарном и теологическом смысле оно известно и у других народов. И все же триединая формула ахимсы — правда, любовь, ненасилие — как всеохватывающая и преобразующая сила мира больше всего близка индийскому крестьянину.

Личному опыту, полученному Мохандасом в семье, словно семени, брошенному отцом в благодатную почву, предстояло прорасти и развиваться в политическую доктрину всенародного движения в масштабах огромной страны, а позднее оказать решающее воздействие и на внешнеполитические позиции независимой Индии.

В Индии в то время существовали ранние, точнее было бы сказать — детские браки. Для Мохандаса не было сделано исключения. Его женили, когда ему исполнилось тринадцать лет. Жена Мохандаса, девочка по имени Кастурбай, была его одногодкой.

Браки у индусов — событие огромной важности не только для новобрачных, но и для родни и даже всей округи. Нередко затраты на свадьбу основательно разоряют родителей жениха и невесты. На подготовку брачных обрядов и на добывание денег для их проведения уходят месяцы.

Отец Мохандаса был уже в преклонном возрасте и слаб здоровьем. Ему хотелось во что бы то ни стало еще при жизни женить последнего сына. Он не остановился ни перед какими расходами и, преодолевая болезнь, все хлопоты по организации свадебной церемонии взял на себя.

Отшумели пышные празднества, и Мохандас оказался в роли мужа. Не помогли наставления и внушения старших: молодые супруги оставались по сути наивными детьми, а рано встревоженный инстинкт плоти больно ранил их еще неокрепшую психику. С тяжелым чувством вспоминая об этом событии в своей жизни, Ганди пишет, что он не находит «никаких моральных доводов,

которыми можно было бы оправдать столь нелепые ранние браки». К счастью, молодые глубоко полюбят друг друга, и ни частые разлуки, ни жизненные испытания не смогут их разлучить.

Вскоре Мохандас тяжело переживет смерть отца. Заботу о семье Ганди, как это строго предписывают обычаи Индии, возьмет на себя старший мужчина в роду, в данном случае — дядя Мохандаса.

Средняя школа, которую Мохандас посещал с шести до шестнадцати лет, осталась позади. Надо было решать вопрос о дальнейшем образовании, о выборе профессии. Сначала он хотел стать врачом, но старший брат твердо возразил, сказав, что вишнуиты (люди, исповедующие вишнуизм, одно из ортодоксальных течений индуизма) не должны заниматься вскрытием трупов и что отец мечтал об адвокатской карьере для сына. После долгих обсуждений и советов с родственниками и влиятельными друзьями семьи было решено послать Мохандаса на учебу в Англию. Поездка стоила больших денег, однако все были уверены, что затраты в конечном счете окупятся сторицей.

Препятствием на пути осуществления этого замысла было не только изыскание нужных средств. Дядя высказывал опасение, что, живя в Англии, Мохандас может нарушить заветы своей веры. В подтверждение своих слов он говорил, что ему довелось встречаться с индусами-адвокатами, получившими образование в Англии. Они переняли европейский образ жизни, неразборчивы в еде, не вынимают изо рта сигару и одеваются так же бесстыдно, как англичане. Кроме того, сокрушаясь продолжал дядя, правоверный индус вообще не должен переплывать моря и покидать Индию. Но в конце концов после того, как мать взяла с Мохандаса три обета — не дотрагиваться до вина, не знать женщин и не употреблять в пищу мяса, — дядя согласился отпустить племянника в Лондон.

Но заупрямились старейшины касты банья. Шет — глава общины, находившийся в отдаленном родстве с Ганди, за отказ Мохандаса подчиниться запрету на выезд за границу вынес приговор об отлучении его от касты. Наказание было суровым. Отныне Мохандас лишился всякой поддержки своей касты. Но и это не могло повлиять на его решение, настолько сильным было желание поехать учиться в Лондон.

4 сентября 1888 г. Мохандас отплыл на пароходе из Бомбея в Англию. Прибыв в промозглый осенний Лондон, он появился на его улицах, одетый в белую фланелевую пару, которую специально приготовил для столь торжественного момента. Среди англичан, зябко кутавшихся в темные плащи, он казался «белой вороной» и, сознавая, что выглядит смешно, чувствовал себя неловко. Начались проблемы с жильем, с питанием, с привыканием к незнакомым ему английским традициям. «Все было чужое: народ, его обычаи и даже дома», — вспоминал впоследствии Ганди. Англия сразу же пришлась ему не по душе, но мысль о возвращении в Индию он гнал от себя прочь.

Постепенно Мохандас освоился с новым образом жизни. Он поступает в Лондонский университет и Школу права. Изучает английский, французский и латинский языки, юридические и естественные науки.

В то время в Лондоне находился Дадабхай Наороджи — один из основателей и первых руководителей партии Индийский национальный конгресс. Он был известен своими либеральными взглядами и большой ученостью. Критикуя крайности английских колониальных порядков в Индии, Наороджи выступал за предоставление самоуправления Индии в рамках Британской империи. Это ему принадлежат образные слова о том, что «британские правители, стоя на часах у парадной двери Индии, уверяют мир, что защищают ее от внешних пришельцев, а сами через заднюю дверь уносят то сокровище, которое сторожат у парадного входа».

Как и другие индийские студенты в Лондоне, Мохандас посещает лекции Наороджи, читает издаваемый им журнал «Индия». Наороджи снискал себе имя патриарха Индии, и Мохандас, имевший к нему рекомендательное письмо, долго не решался вручить его этому выдающемуся человеку. Когда же он все-таки набрался мужества сделать это, Наороджи внимательно отнесся к нему и сказал: «Вы можете в любое время прийти ко мне за советом».

Ганди с интересом следит за организованными выступлениями рабочих в Англии. Такого в Индии ему еще не приходилось наблюдать. Его симпатии на стороне угнетенных. Когда Мохандас узнал, что кардинал Манинг оказал помощь бастующим докерам, он вместе со своим другом пришел на прием к кардиналу и выразил ему свое восхищение.

Веря в божественное начало мира, Мохандас-студент тем не менее стремится понять и суть атеизма. Он знакомится с атеистическими воззрениями руководителя английского общества «Свободомыслие», члена парламента Чарлза Брэдлоу. О нем он не без симпатии скажет: «Для атеистов, подобных Брэдлоу, истина занимала такое же место, какое для других занимал бог». Ганди познакомился со знаменитой ирландкой Энни Безант, возмутителем спокойствия, оппозиционеркой английским властям, «филантропической героиней» лондонского Ист-энда — царства нищеты и человеческого унижения. Она и член общества «Свободомыслие», и, вместе с Бернардом Шоу, активистка Фабианского общества, и проповедница утопического социализма; но она же и теософ, правая рука известной русской дамы Елены Блаватской, основоположницы теософского «учения» о богопознании. Мохандас не мог знать тогда, что пройдут годы — и он встретит Энни Безант в Индии, куда она приедет в 1893 году, чтобы остаток жизни посвятить освободительной борьбе индийского народа (одно время она даже возглавит Индийский национальный конгресс).

Начинающий юрист Ганди оказался в Лондоне, когда в Англии была основана Независимая рабочая партия, когда вышел в свет «Капитал» Карла Маркса, Бернард Шоу опубликовал свои знаменитые «Фабианские очерки» с проповедью утопического социализма, Чарлз Дарвин потряс умы людей своими трудами о живой природе и сенсационной работой «Происхождение человека и половой отбор».

Разумеется, дух времени не мог не оказать влияния на молодого человека, ищущего свое место в жизни. Но сознание юноши из далекой провинциально-княжеской Индии еще не было подготовлено для критического осмысления огромного потока новых идей, которыми была наводнена промышленная Англия конца XIX века. Тем не менее Мохандас уже в те годы интуитивно, больше сердцем, чем разумом, сумел почувствовать социальную несправедливость, порожденную промышленной революцией.

Особый интерес Ганди проявил к религиозной литературе. На него произвели сильное впечатление книга Эдвина Арнольда «Свет Азии» о жизни Будды и английские переводы индийских священных книг. Он с увлечением читает и «Новый завет». Нагорная проповедь Христа

покоряет его воображение. Уже в те годы Мохандас проявляет склонность к религиозному реформаторству и мечтает о духовном сближении Востока и Запада. В зрелые годы, вспоминая о лондонском периоде жизни, Ганди скажет: «Мой неискушенный ум пытался объединить учение Гиты, «Свет Азии» и Нагорную проповедь...»

Мохандас, верный своему слову, строго соблюдает обет, данный матери, хотя сдержатъ его в условиях Лондона было далеко не просто, и не по внутренним мотивам, а в основном из-за насмешек окружавших его людей.

Желая больше походить на своих английских сверстников, он берет уроки музыки и танцев, но тщетно — эти занятия не для него. Зато он преуспел как член движения за вегетарианскую пищу. Его избирают секретарем вегетарианского общества, в журналах появляются его статьи по диететике. Спорт ему заменяют длительные пешие прогулки, привычку к которым он сохранит до глубокой старости.

В 1891 году, получив диплом барристера*, Мохандас Ганди вернулся в Индию. После непродолжительной и малоуспешной юридической практики на родине молодой адвокат принял предложение индийской торговой фирмы Дады Абдуллы вести ее дела в Южной Африке. Так Ганди оказался в Южной Африке, совсем не намереваясь оставаться здесь на годы; но судьба распорядилась иначе. Теперь он привез в Дурбан всю свою семью.

Созданный Ганди Индийский конгресс Наталя приобрел среди общины все больший вес. Индийские торговцы, считая Конгресс своей политической организацией, поддерживали его деньгами. Правда, правительство Наталя не очень считалось с Конгрессом и продолжало проводить твердую политику поощрения английского капитала путем законодательных ограничений, направленных на ослабление конкуренции со стороны «цветной» буржуазии. Обращение Ганди к имперскому министру колоний с просьбой защитить интересы индийских подданных короны, как и следовало ожидать, было оставлено в Лондоне без внимания.

Много сил отдает Ганди благотворительной работе, не получая за это никакого вознаграждения. Поэтому, чтобы содержать семью и покрывать скромные личные расходы,

* Барристер (англ. barrister) — высшее звание адвоката в Великобритании.

он открыл небольшую адвокатскую контору, занимаясь в основном третейским решением имущественных споров.

Житейских забот у Ганди хватает. В Южной Африке у него родились еще два сына. Власти, учитывая социальное положение и авторитет Ганди, могли бы сделать для него исключение и разрешить его детям посещать местную школу для европейцев, но Ганди не желает пользоваться особыми привилегиями и сам занимается нравственным и трудовым воспитанием своих детей. Тем более, что он считает официальную систему образования далеко не совершенной.

Не чуждаться простого физического труда — для него нравственный принцип поведения человека. Пример тому — его образ жизни. Он неплохо справляется с работой акушера и фармацевта, медбрата и прачки, печатника и ассенизатора, землекопа и плотника, пахаря и садовника.

Деятельная натура Ганди не давала ему покоя: то он приютит у себя в доме прокаженного и затем хлопочет об устройстве его дальнейшей жизни, то бесплатно подрядится работать в больнице, то днями хлопочет о каком-нибудь несчастном кули, то создает группу добровольцев для борьбы со вспышкой эпидемии чумы и, рискуя жизнью, сутками ухаживает за больными.

Его мучила мысль, почему индийцы — подданные той же британской короны, что и англичане — в отличие от них подвергаются унижительной расовой дискриминации и поставлены в оскорбляющие человеческое достоинство социально-политические условия жизни как в самой Индии, так и здесь, в Южной Африке.

В минуты тягостных раздумий о судьбах соотечественников ему, естественно, не могли не приходиться на ум высказывания знаменитых индийских либералов того времени. Глубоко чтимый им Дадабхай Наороджи, например, говорил: «Мои желания и цель состоят не в том, чтобы поощрить восстание, а в том, чтобы предотвратить его и сделать связь между Англией и Индией полезной и благотворной для обеих стран, каковой эта связь несомненно может быть, но, к сожалению, еще не стала из-за дурной и несправедливой системы управления, упорно сохраняемой исполнительной властью вопреки желаниям короля, народа и парламента Англии править справедливо». «Добрый король»! Вера в доброго короля-батюшку, совсем как в старой России. Вот он, «бунт на коленях» привилегированных

классов, недовольных существующим правлением. Вот она, идейно-политическая позиция этих классов — решать вопрос о политической власти без участия народа, «по-семейному», так, чтобы, несмотря на внутренние разногласия, привилегированные группы получили свое и были наделены соответственно их весу в обществе имущественными и политическими правами.

Молодой Мохандас Ганди полностью унаследовал идейные установки отцов освободительного движения Индии XIX века. В то же время его ищущий социальную правду ум, искреннее сочувствие самым униженным и угнетенным соотечественникам побуждали его действовать во имя их и вместе с ними. Он догадывался, что ключ к свободе находится у самого народа. Но как этим ключом воспользоваться?

Для Ганди была неприемлема слепая, злобная, без разбору все сокрушающая на своем пути стихия неуправляемых людских масс. Он чувствовал неприязнь к безрассудному проявлению гнева взбунтовавшейся толпы. Ему импонировали самодисциплина, осознанное действие и организованность, непобедимая мирная воля людей к достижению поставленной цели.

В том, что в обществе царит несправедливость, Ганди винит не только «добросовестно заблуждающихся» власть имущих, но и весь народ, который страдает от гордыни превосходства одних людей над другими. В этом, по его убеждению, повинны и сами индийцы. Когда, например, белый парикмахер отказывается обслуживать его, Ганди с горечью задается вопросом — а разве не тот же гнусный порядок вещей существует в самой Индии? Парикмахер-индеец ни за что на свете не будет обслуживать отверженного обществом соотечественника-парию («неприкасаемого»). По мысли Ганди, древние евреи были наказаны потому, что считали себя, в отличие от всех других народов, людьми, избранными богом. Теперь за подобный грех расплачиваются и индусы, которые причисляли себя к цивилизованным арийцам, а на часть своих соотечественников смотрели как на людей вне касты.

В 1899 году началась англо-бурская война. Ее развязала Англия против буров — потомков голландских колони-

стов в Южной Африке, которые создали здесь две независимые республики: Трансвааль и Оранжевую. Формальным предлогом для войны Англия объявила защиту интересов английских поселенцев. В действительности же бурские республики стали объектом империалистического соперничества между Англией и Германией. Английские монополии ставили целью подчинить себе всю Южную Африку, захватить источники сырья и богатейшие золотые прииски. В. И. Ленин назвал англо-бурскую войну в числе главных исторических вех, ознаменовавших эпоху империализма*.

С началом войны Ганди переживает острую внутреннюю борьбу. Война велась между европейцами — бурами и англичанами за преобладание в Африке. Война была чужда и непонятна ни местным индийцам, ни коренным африканцам. И буры, и англичане относились к ним, как к грубой рабочей силе. Когда, например, депутация индийцев обратилась к президенту бурской республики Трансвааль Крюгеру с просьбой предоставить им некоторые гражданские права, тот ответил, что они «по самому своему рождению должны находиться в рабском услужении у европейцев».

Война, как средство разрешения международных проблем, противоречила убеждениям Ганди. Его личные симпатии оставались на стороне защищавшихся буров, но в то же время как британский подданный он считал недобросовестным уклоняться от выполнения долга перед своим правительством. Тем более, что южноафриканские индийцы все еще надеялись получить от этого правительства равные права с европейцами. «А права влекут за собой и обязанности перед государством», — рассуждал Ганди. К тому же, как полагал он тогда, Индия может стать независимой только в рамках Британской империи и при ее содействии. Итак, он решает занять вполне определенную и активную позицию в войне на стороне Англии и тем самым продемонстрировать перед Лондоном политическую и гражданскую лояльность членов индийской общины к верховной власти.

На войне есть разная работа и, в частности, в ней участвуют люди, которые не убивают других, а спасают человеческие жизни. И эта работа по душе Ганди. Он формирует санитарный отряд, состоящий из трехсот свободных индийцев и восьмисот законтрактованных рабочих.

* См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 164.

Несмотря на большие потери, отказавшись от личного оружия, санитары отряда во главе со своим командиром под пулями и артиллерийским огнем выносят с поля боя раненых солдат и офицеров.

Ганди проявляет себя стойким и решительным командиром, действующим в экстремальных условиях, когда от человека требуется подлинный героизм и бесстрашие. Он удостоивается золотой медали за храбрость и отвагу.

Хотя война была ненавистна Ганди, он говорит, что она дала ему возможность ближе сойтись с индийскими рабочими и узнать их. «Они, — писал Ганди, — становились сознательнее, и в их умах глубоко укоренилось убеждение, что индусы, мусульмане, христиане, тамилы, гуджаратцы и синдхи являются индийцами и детьми одной родины. Все верили, что белые загладят свою вину за нанесенные индийцам обиды».

Англо-бурская война завершилась подписанием в Претории 31 мая 1902 г. мирного договора. Англия добилась для своих монополий свободы действий в Южной Африке. Отныне и по сей день, вот уже более 80 лет, в лондонские банки непрерывным потоком льется южноафриканское золото. А к индийской крови, пролитой за это золото, прибавятся реки негритянской крови. Апартеид же будет введен в государственную политику. И в этой горькой правде вскоре предстояло убедиться Мохандасу Ганди, который с наивным простодушием ожидал от «наконец прозревшего» Лондона благодарного сочувствия к бесправным индийским подданным империи.

Освободившись от военных обязанностей, Ганди принимает решение вернуться на родину и посвятить себя там общественно-политической деятельности. Друзья из индийской общины в Натале берут с него слово вернуться в Южную Африку, если они будут нуждаться в его помощи.

Прощание было трогательным. Индийцы Наталя буквально засыпают Ганди щедрыми подарками, среди которых дорогие изделия из золота, серебра, бриллиантов. Все это могло бы составить целое состояние.

При виде всего этого добра Кастурбай, жена Ганди, облегченно вздыхает: боже милостивый, наконец-то они выберутся из нищеты и ей не придется каждый день считать гроши, чтобы хоть малость сэкономить на черный день. Ведь Мохандас такой неземной человек.

— Хорошо бы положить деньги под проценты, — гово-

рит она. — Случись какая беда, пропадем: запасов никаких. Даже своей крыши в Индии не имеем. Еще не известно, когда вернемся, на что и как будем жить.

Ганди смотрит виновато. Он совсем не щадит жену. Прислуг в доме нет, как у других адвокатов. Она сама делает всю черную работу, с утра до позднего вечера моет, чистит, готовит, смотрит за детьми.

— Не могу я, Кастурбай, принять эти богатства, — говорит Ганди, и по его лицу видно, что никакие увещания жены не изменяют его решения. — Нельзя жить без совести, без денег, да, бог поможет, — вроде бы и не ей, а себе поясняет он.

— При чем же здесь совесть, Мохандас, — не отступает Кастурбай. — Благодарные люди платят своей любовью...

— Любовь не имеет имущественного выражения, — не дает ей закончить мысль Ганди. — Возможность служения обществу уже сама по себе высшая для меня награда.

— И что же вы думаете делать с этим богатством? — сокрушается Кастурбай.

— Все ценности отдам индийской общине, — начал уже сердиться на жену Ганди. — И знай, Кастурбай, я твердо придерживаюсь мнения, что человек, посвятивший себя служению обществу, не должен принимать дорогих подарков.

В Индии Мохандас Ганди впервые присутствует на сессии Индийского национального конгресса. Сессия Конгресса созывалась один раз в год на три дня. Остальное время Конгресс практически бездействовал. Работа сессии произвела на Ганди удручающее впечатление. Делегаты произносили длинные расплывчатые речи, принимали бесчисленные резолюции. Среди участников Конгресса чувствовалась разобщенность по национальному, социальному и религиозному принципам. Заседания велись на непонятном для простых людей английском языке.

Ганди встречается с руководителями ИНК — Локманьей Тилаком, Энни Безант, долго живет в доме Гокхале... На лидера южноафриканских индийцев теперь все чаще обращают внимание видные государственные деятели, представители колониальной администрации. Его при-

глашают на приемы, устраиваемые английскими вельможами, самим вице-королем.

«Я расстроился при виде магарадж, — вспоминал Ганди, — разодетых подобно женщинам — в шелковых пижамах, с жемчужными ожерельями на шее, браслетами на запястьях, жемчужными и бриллиантовыми подвесками на тюрбанах. В довершение всего на поясах висели сабли с золотыми эфесами». По мнению Ганди, эта мишура из драгоценностей была скорее не знаком королевского достоинства, а напротив — признаком рабства. Требование вице-королевского протокола посещать официальные приемы в украшениях, надевать которые к лицу только женщинам, — унизительно, говорил Ганди.

Во время поездки по Индии он сталкивается с возмущительным невежеством английских чиновников, с их бездушным барским отношением к индийцам. Наблюдая за отправлением «правосудия» одним из англичан, Ганди с горечью говорит: «Откуда ему было знать о страданиях бедной Индии? Разве он мог понять нужды, нравы, взгляды и обычаи народа? И как мог он, привыкший оценивать вещи в золотых соферах, начать считать на медяки? Подобно тому, как слон бессилен мыслить по-муравьиному, несмотря на самые лучшие намерения, так и англичанин бессилен мыслить понятиями индийцев, а следовательно, и устанавливать законы для них».

Как раз тогда, когда Ганди намерен был обосноваться в Бомбее и уже арендовал помещение для своей адвокатской конторы, он неожиданно получил из Южной Африки телеграмму следующего содержания: «Ожидается приезд Чемберлена. Пожалуйста, возвращайтесь немедленно». В Дурбан Ганди прибыл вовремя и заблаговременно успел составить петицию для вручения ее имперскому министру колоний Джозефу Чемберлену.

В Южной Африке Чемберлену, по воспоминаниям Ганди, европейцы устроили пышную встречу. Он получил от помирившихся теперь англичан и буров «подарок» в 35 миллионов фунтов стерлингов — по тем временам сумму баснословную. Поэтому вряд ли можно было ожидать от него теплого приема индийской делегации во главе с Мохандасом Ганди.

— Вы знаете, — сказал Чемберлен, — что имперское правительство не обладает большой властью в самоуправляющихся колониях, но ваши жалобы кажутся нам обо-

снованными, и я сделаю все, что смогу. Однако вы и сами должны стараться ладить с европейцами, если хотите жить среди них.

Это был типичный образец колониальной дипломатии по-английски: широким жестом преподнести «дырки от бубликов». Беседа с министром произвела на Ганди тяжелое впечатление. Он понял, что теперь придется начинать все сначала. Чемберлен, по словам Ганди, напоминал индийцам о праве сильного, который всегда прав, иначе говоря, о праве владеющего мечом.

Из Дурбана Чемберлен поехал в Трансвааль. Здесь индийские переселенцы страдали от расовой дискриминации не меньше, если не больше, чем в Натале. Они обратились к Ганди с просьбой возглавить делегацию местных индийцев к Чемберлену. Ганди попытался возобновить переговоры с Чемберленом. Однако получить разрешение на поездку в Трансвааль для «цветного» было очень сложно. Дело в том, с горькой иронией замечает Ганди, что по окончании войн правительственные органы обычно облачаются особыми полномочиями. Так было и в Южной Африке. Правительство издало «декрет о сохранении мира», по которому каждый проникший на территорию Трансвааля без пропуска подлежал тюремному заключению.

Приложив немалые усилия, Ганди все же удалось через своих друзей в Дурбане получить такой пропуск. Власти в Йоханнесбурге были взбешены этим обстоятельством. Чиновники из Азиатского департамента в Трансваале заявили Ганди, что пропуск ему был выдан ошибочно и что было бы лучше вернуться ему обратно, поскольку к м-ру Чемберлену его не допустят. Чемберлен действительно отказался принять Ганди, сказав при этом, что не желает всегда и всюду выслушивать одного и того же представителя. Ганди чувствовал себя оскорбленным.

Друзья упрекали Ганди в том, что по его настоянию индийская община помогла англичанам в войне, а теперь за все это они платят индийцам черной неблагодарностью. Ганди не раскаивался в том, что служил санитаром на войне. Но он соглашался с той правдой, что индийцам уготована «поистине собачья жизнь», которую трудно выносить. И именно потому он решает переселиться в Трансвааль и вместе с соотечественниками продолжать борьбу за их права.

Профессия юриста опостылела Ганди, ибо он видел, как протитуировалось право для сокрытия очевидных преступлений. В Южной Африке трудно было рассчитывать на то, чтобы белые присяжные осудили белого, нанесшего обиду «цветному».

Итак, пошел XX век от рождества Христова, а Земля, как до и после него, продолжала вращаться и нестись по космической орбите. Планета наматывала нить бесконечного времени на то, что всегда воспринималось под Солнцем трагично конечным, временным, случайным — на хрупкую жизнь человека, протягивая эту неразрывную нить времени через исторические эпохи по эстафете поколений.

Начало века, однако, ознаменовалось новым представлением о времени и пространстве, и Альберт Эйнштейн уже поражал воображение дерзкой теорией относительности.

В самом деле время, казалось, ускорило свой бег, стремительно преображая облик планеты. Земные города по ночам заливала светом электрическая лампочка русского изобретателя П. Н. Яблочкова. Заработал, оглушая ревом округу, двигатель внутреннего сгорания немецкого инженера Р. Дизеля. Поднялся в воздух самолет братьев Райт, а в Калуге К. Э. Циолковский уже создавал чертежи будущих космических аппаратов. Появились телефон, кинематограф, заговорило радио, и слово человека заполнило эфир. Сдавали широкую грудь Земли, затрудняя ее дыхание, железные дороги и заводские корпуса тяжелой индустрии. В русла рек потекли ядовитые отходы химической промышленности. Люди стали одеваться в одежду из искусственных тканей и ездить в бензиновых автомобилях. Им все больше требовалось чугуна, стали, угля, нефти.

Одно открытие в науке следовало за другим. Началось массовое производство машин и вещей. В мире бешено увеличивались богатства, а жизнь людей становилась все более напряженной и малоценной.

Наука теперь могла точно объяснить, что такое жизнь с точки зрения живой материи, но она не давала ответов на вопросы: «Зачем жить?», «Какой смысл в такой жизни?», «Во что верить?».

С этими вопросами вышли люди на Дворцовую площадь в Петрограде, и царь, хранитель веры в России, устроил им Кровавое воскресенье. Ужесточением насилия отвечали на эти вопросы народа и английские колонизаторы в Индии: смертные приговоры, тюрьмы, порки и, наконец, такая же, как в Петрограде, «Амритсарская бойня».

Новая элита, пришедшая на смену старой аристократии и провозгласившая в пору своего «невинного» детства народные вольности, выросла в ненасытное жадное чудовище, готовое ради умножения своих богатств переплавить в слитки золота и заложить в банки все, что дано человеку природой, — его горячую кровь и совершенные мускулы, его пытливый ум и устремленную к возвышенным идеалам душу.

Прошли первые империалистические войны: испано-американская, англо-бурская и русско-японская. Колониальные империи уже готовились к глобальной войне, и индустрия смерти осваивала производство удушливых газов, автоматического стрелкового оружия, дальнобойной артиллерии, танков.

А над древней Индией, одной из колыбелей цивилизации, звучала все та же надрывающая сердце мелодия векового ситара, но в ней уже явственно слышались мотивы духовного пробуждения народа, его непреклонного порыва к свету, национальной свободе, к жизни.

В этом мире голого чистогана, насилия и крушения извечной мечты людей о свободе, равенстве и братстве, преодолевая огромные расстояния, устремились навстречу друг другу два неистовых человеческих сердца: Мохандаса Карамчанда Ганди и русского графа Льва Николаевича Толстого.

Тот и другой ищут духовного сближения Востока и Запада, хотят переустроить жизнь по совести и социальной справедливости, призывают к ненасилию, к миру без армий и войн.

Уникальное во Вселенной древо духовности, разума, творения зародилось и расцвело на Земле в Человеке, и его неистребимые корни пронизывают великие души двух апостолов добра.

Один — граф, мыслитель, великий писатель с мировым именем, признаваемый русским мужиком за пророка, старец на краю жизни. Другой — молодой, скромный адвокат

индийской общины в Южной Африке, стоящий еще в начале своего беспримерного в истории людей жизненного пути.

Толстой — знаток Востока. Он помнит на своем веку Сипайское восстание в Индии. Восторгается индийским эпосом — Махабхаратой и Рамаяной, пропагандирует учение Будды и других мыслителей древней Индии, но сокрушается, что прошли столетия и глубокие человеческие в своей основе учения не удержались на своей духовной и нравственной высоте: мудрость древних искажена своекорыстными жрецами.

Ганди, познав учителей прошлого, ищет применения их заветов к жизни, зачитывается произведениями Толстого. Толстовская «Исповедь» и «Царство божие внутри вас» потрясают его глубиной откровения и криком измученной, страдавшей души. Все те же вопросы — «Зачем жить?», «Как жить по совести и правде?», «Чем помочь задавленному народу?».

«Я продолжал испытывать чувство неудовлетворенности. Мне хотелось гуманистической деятельности, и притом постоянной», — писал о тех годах своей жизни Ганди.

«Смиранный» гнев русского гения, его ненасильственный бунт против лжи и лицемерия казенной церкви, неприятие им несправедливого государственного устройства, «порочных» даров науки и просвещения индустриального века — все это воспринимает Ганди как свет, озаривший «темные уголки» в его мятущемся сознании, обеспокоенном за горькую участь своих соотечественников.

Литературные произведения великого русского писателя и гуманиста — самостоятельная форма проявления общественного сознания, причем наиболее доступная, доходчивая, образная, а потому и хорошо понятная народу: ведь в книгах Толстого речь идет о самом народе, о его думах и чаяниях, о его духовной жизни и моральных ценностях. Чем точнее и беспощаднее изобличал Толстой социальные пороки своего времени, тем большее эмоциональное воздействие его проповеди имели на людей. В. И. Ленин образно говорил о Толстом как о «зеркале русской революции».

Ганди не могло не привлекать учение Льва Толстого. Оно было близко ему по идеализму и изобличительной силе, по гуманизму и христианскому непротивлению злу насилием, по ностальгии об утраченном «вечном начале»

нравственности, по отрицанию индустриального прогресса, по культу «простого» уклада жизни, по убеждению, что богатства, материальное — ничто, пустое, суета.

Вместе с тем он говорит: «Я вовсе не сторонник необоснованного поклонения всему, что именуется «старинной». Я без колебания отвергаю дурное и безнравственное, каким бы старинным оно ни было, но, сделав эту оговорку, признаюсь, что обожаю старинные обычаи. Мне больно думать, что люди в погоне за всем современным презирают старые традиции и не соблюдают их в повседневной жизни».

Ганди восхищается русским графом. «Удивительно, в какой простоте и скромности жил Толстой! — пишет он. — Рожденный и воспитанный в роскоши и комфорте богатой аристократической семьи, щедро осыпанный земными благами, какие только можно пожелать, этот человек, познавший все радости жизни, отвернулся от них в расцвете лет и никогда больше ими не прельщался...»

Поразительно, индеец в далекой от России Южной Африке, по выражению Толстого, «на краю света», которому как по объективным обстоятельствам, так и по внутреннему зову предстояло пройти свой собственный суровый жизненный путь, заполненный борьбой и исканиями истины, и которого индийский народ назовет Махатмой, Великой душой, своим вождем и Бапу, отцом новой Индии, воспринимает гения «русского духа» Льва Толстого своим учителем. Пройдут десятилетия, а Махатма Ганди уже в 1942 году публично заявит: «Россия дала мне в лице Толстого учителя, который предоставил рациональную основу моего ненасилия».

Толстой и Ганди исповедуют одну истину — все люди равны перед природой, она наделила всех, независимо от расы, веры, одним общим правом на жизнь, на равное пользование их общим домом — планетой Земля.

Отрицание Ганди, как и Толстым, всего аморального, стяжательского, что нес с собой предприимчивый капитал, и крушение милого сердцу Ганди традиционного уклада старой крестьянско-ремесленной Индии постоянно толкали его к поиску социального выхода из создавшегося тупика, к истокам нравственных начал общества. Он видел, как в Индии и здесь, в Южной Африке, а по описанию Толстого, и в России происходила трагическая ломка первичных отношений между людьми, принося

большинству неисчислимы бедствия. Он вместе с Толстым горевал об уходящем прошлом, о поруганных традициях, о нарушении священных заповедей «золотого» прамира.

Но Мохандас Ганди — не отчаявшийся пессимист, утративший веру в судьбу человечества, не философ в «слоновой башне»; он не претендует на создание какого-то своего особого «изма», он практик и экспериментатор, лабораторией которого является прежде всего он сам как человек, его народ, жизнь, как она есть.

Ганди и Толстой знают одно — вне общечеловеческого блага нет счастья на Земле, но оно зависит от самого народа.

С 1904 года Ганди начинает выпускать еженедельную газету «Индиан опиньон» («Индийское мнение»). Под впечатлением прочитанной им книги английского писателя Джона Раскина «Последнему, что и первому», в которой автор настаивает вести исключительно трудовую жизнь земледельца или ремесленника, Ганди переводит издание газеты в сельскую местность. Он покупает под Дурбаном в местечке Феникс земельный участок и организует колонию, обитатели которой вместе с работой по изданию газеты обрабатывают землю и тем самым зарабатывают себе на скромное пропитание.

Позднее Мохандас Ганди окончательно утвердился в мысли о необходимости физического труда для каждого человека. Отвечая на вопрос, почему великий индийский писатель Рабиндранат Тагор и подобные ему столпы науки и искусства должны заниматься физическим трудом, Ганди скажет, что умственная и творческая работа, несомненно, занимает важнейшее место в жизни людей. Вместе с тем ни один человек не должен быть свободен от обязанности трудиться еще и физически. «В этой связи, — заметил Ганди, — я хотел привести в пример жизнь Толстого и его знаменитое учение о необходимости физическим трудом добывать свой хлеб...»

На страницах «Индиан опиньон» Ганди обращается к опыту революционных событий 1905 года в России. Говоря о русских революционерах, Ганди не без упрека в свой адрес пишет: они «не ограничиваются петициями.., они храбры и патриотичны, они беззаветно служат своей стране, и не будет удивительным, если эта страна свергнет тиранию и добьется свободы». Разумеется, Ганди говорит

при этом о ненасильственной борьбе за свободу, но он призывает индийцев проявить самоотверженность и патриотизм «такого же рода».

Вождь российского пролетариата В. И. Ленин в 1908 году называет существовавшие в тогдашней Индии порядки «английско-русскими»*, а Ганди, еще не зная о статье Ленина, метко подмечает определенное сходство между царским самодержавием и английской властью в Индии.

В русском опыте Мохандаса Ганди больше всего привлекает организованность массовых выступлений народа. «Нынешнее движение в России является важнейшим уроком для нас., — пишет он. — Русские рабочие и все другие трудящиеся объявили всеобщую забастовку и бросили работу. И царь ничего не может с ними поделать, ибо нельзя заставить народ работать силой, штыками... Мы тоже можем использовать русское средство против тирании... Наши оковы падут в тот день, когда индийцы объединятся, возлюбят свою страну и будут ставить благо родины выше личных интересов. Нынешняя власть в Индии возможна потому, что есть люди, которые работают на нее. А ведь и мы можем показать такую же силу, какую показал русский народ».

В своей «Индиан опиньон» от 1 июля 1905 г. Ганди пишет статью о Максиме Горьком. Он восхищается им как человеком, произведения которого призваны «поднять народ против тирании», как героем, который был брошен в тюрьму за свое служение народу, и, наконец, как поборником народных прав. Но и здесь для Мохандаса народ социально неделим и люди по природе своей все хорошие.

Уже тогда Ганди прозорливо подмечает историческое значение революционного процесса в России для народов всего мира и стран Азии в частности. «Если русский народ победит, — высказывает он свою мысль, — то революция в России будет считаться величайшей победой, крупнейшим событием нынешнего века».

Российский опыт убеждает его в мысли, что народ — решающая сила в переустройстве мира, творец истории. Пример России учил исходить из интересов угнетенных и в политике опираться на их массовую поддержку.

* См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 17. — С. 179.

Живя в самой гуще народа, Ганди не мог не признавать огромной разницы в социальном и экономическом положении классов, но он не хотел соглашаться с наличием между ними непримиримых противоречий. Народ представлялся ему единым целым. Как поборник истины через всеобъемлющую любовь, Ганди искренне исходит в политике из честного принципа: «Скорейший путь добиться справедливости — относиться справедливо и к противной стороне». Но суровой проверкой этой рыцарской формулы явятся грядущие годы, сама жизнь, со всеми ее земными законами, познать которые так страстно хотел Ганди.

В 1906 году в Натале вспыхнуло антиколониальное восстание местных племен — зулусов. Ганди вновь организует индийский санитарный отряд. «Зулусский «мятеж», — писал он, — обогатил меня новым жизненным опытом и дал пищу для размышлений. Бурская война раскрыла для меня ужасы войны далеко не так ярко, как «мятеж». Это, собственно, была не война, а охота за людьми». Сочувствие Ганди было целиком на стороне зулусов, и он был доволен тем, что его работа заключалась в уходе за ранеными зулусами.

В том же году, 22 августа, в правительственной газете Трансвааля был опубликован проект так называемого «черного закона». Согласно закону, каждый проживающий в Трансваале индеец — мужчина, женщина и даже ребенок, начиная с 8-летнего возраста, — должен зарегистрироваться в полиции, сообщить сведения о своем общественном положении, оставить отпечатки пальцев и получить особое регистрационное удостоверение. Отсутствие такого удостоверения влекло за собой арест и депортацию.

Ганди прочитал это сообщение и с несвойственной ему жесткостью в голосе сказал: «Лучше умереть, нежели согласиться с подобным законом».

«Но как мы должны умереть?» — спрашивал он себя. Трансваальские власти нанесли тяжкое оскорбление индийцам и самой Индии. Если этот закон вступит в силу в Трансваале, он затем будет распространен и на другие районы Южной Африки.

В Йоханнесбурге в помещении театра «Империял» состоялся митинг представителей индийской общины. Зал кипел страстями. Собравшиеся выкрикивали угрозы прибегнуть к оружию. «Черный закон» предусматривал меры, унижавшие достоинство индийских женщин. Любой полицейский мог вторгнуться в их жилище и удостовериться в «законности» их пребывания в Трансваале.

Для индийских мусульман и индусов, ревностно оберегающих достоинство своих жен и дочерей, такая мера была просто невыносима. Многие из индийцев заявляли, что они без колебания пристрелят на месте любого, кто посмеет запятнать честь их жен и дочерей.

Поднявшись на трибуну, Ганди предложил принять резолюцию о неподчинении «черному закону», если он будет принят. Он сказал, что предложенная им резолюция не рассчитана на то, чтобы произвести впечатление на мировое общественное мнение. Индийцы сами в состоянии постоять за себя. Смысл резолюции заключается в том, что каждый, кто поклянется не подчиняться «черному закону», должен решить для себя, хватит ли у него внутренних сил сдержать эту клятву, несмотря ни на какие гонения, потерю работы, тюремное заключение, избиения, пытки, голод и даже смерть. Борьба, по словам Ганди, может продолжаться долго, возможно, годы. «Но я смело и с полной уверенностью заявляю, что если даже небольшая часть людей сохранит верность своему слову, наша борьба может завершиться только одним — победой».

Участники митинга встретили слова Ганди восторженными аплодисментами и единодушно проголосовали за резолюцию. Звучали клятвы людей не подчиняться «черному закону». Все ли выдержат предстоящие испытания? Ганди, однако, твердо знал, что если ему придется страдать и бороться в одиночку, то и тогда он не отступит от своей клятвы.

Это было началом многолетней борьбы между героической совестью и властью. Преданная людям душа возстала против тех, кто угнетал их нравственно и физически, кто отнял у них человеческое право быть свободным.

На страницах «Индиан опиньон» Ганди обсуждает вопрос, каким методом должна вестись борьба с властью. Ему ясно одно и главное — этот метод должен быть противоположен тому, который называется «око за око» и ко-

торый, по его убеждению, может лишь ослепить обе стороны.

Движение, выражавшееся в неповиновении несправедливым законам, сначала называлось «пассивным сопротивлением». Ганди, однако, не нравилось слово «пассивное». Оно не передавало смысла протеста — мирного, но в высшей степени воинственного, активного. Пассивность, по его словам, означает оружие слабого против сильного. Участниками же движения могли стать только сильные духом, небезучастные к судьбам соотечественников, полные бесстрашной решимости победить и, если нужно, умереть ради поставленной цели.

Ганди объявил конкурс на лучшее и более точное название этого движения, в результате проведения которого победил его сын Маганлал, верный последователь и помощник отца. Он предложил термин, образованный путем соединения двух слов из языка гуджарати: сат — истина и аграха — твердость, упорство. С тех пор политическая борьба, проявлявшаяся в двух формах: гражданского неповиновения и ненасильственного несотрудничества, стала называться сатьяграхой (упорством в истине).

Ганди, никогда не отказывавшийся в политической борьбе от возможности уладить конфликт путем переговоров, решает, прежде чем призвать к сатьяграхе, поехать в Лондон. Трансвааль был колонией английской короны, и король мог посоветовать своему правительству отклонить «черный закон». В Англии Ганди добивается встречи с министром колоний лордом Элджином и министром по делам Индии Морли.

Прославленный соотечественник Дадабхай Наороджи, которого Ганди знал еще со студенческих лет, помогает ему всем, чем может. В политических кругах Наороджи — известная личность. Он прожил в Англии более 50 лет и был первым индийцем, избранным в английский парламент. В ходе избирательной кампании тогдашний премьер-министр Солсбери надменно заявил о Наороджи: «Я сомневаюсь, чтобы мы дошли до того в своих взглядах, когда английский избиратель мог бы проголосовать за черного». Однако премьер-министр просчитался: не все же англичане — расисты.

Дадабхай Наороджи организует выступление Ганди перед группой членов палаты представителей английского

парламента. Некоторые из них с тревогой задумываются о возможных неблагоприятных последствиях «черного закона» для интересов Англии в Южной Африке. Спокойным и убедительным доводам Мохандаса Ганди об опасной и нетерпимой обстановке, сложившейся в Трансваале по вине колониальных властей, казалось, внял и сам лорд Элджин. Уже на обратном пути в Южную Африку Ганди неожиданно получает от Элджина телеграмму, в которой говорится, что он не санкционирует антиазиатский закон трансваальского правительства. Ганди счастлив: индийцы одержали правую победу.

Однако по приезде в Йоханнесбург обнаруживается, что телеграмма министра была всего лишь политической уловкой. Оказывается, отправляя телеграмму Ганди, в тот же самый день лорд Элджин, истый дипломат английской школы, приглашает к себе верховного комиссара Трансваала в Лондоне и поясняет ему, что-де король отверг бы закон о принудительной регистрации индийцев, но поскольку Трансвааль самоуправляющаяся колония, то ее правительство вправе принять этот закон без королевского одобрения. Потрясенный двуличием лорда Элджина, Ганди называет его действия «плутовской политикой».

Ганди предупреждает премьер-министра Трансваала генерала Бота, что в случае введения в силу «черного закона» индийская община объявит кампанию гражданского неповиновения и ненасильственного несотрудничества — сатьяграху. Тот отвечает, что беспомощен что-либо изменить и что правительство проявит необходимую твердость. «Что ж, проявят твердость и индийцы», — решает Ганди.

Власти рассылают индийцам официальные повестки с требованием явиться в полицию для регистрации или покинуть Трансвааль. 11 января 1908 г. Ганди организует перед зданием магистрата в Йоханнесбурге шествие протеста, участники которого отказываются подчиниться предписанию властей.

Организатор демонстрации протеста предстает перед тем самым судом, в котором часто выступал в качестве адвоката. Подсудимый и не думает оправдываться: говорит, что является руководителем кампании неповиновения индийцев несправедливому закону и поэтому готов принять самый строгий приговор. Хорошо знавший его судья Дж. Джордан смущен. Ему явно не по себе. Оправ-

дать же Мохандаса Ганди он не может и выносит ему по возможности мягкий приговор: два месяца тюремного заключения.

Репрессии — бессильны. Закон о принудительной регистрации индийцев превращается в позорный листок, подрывающий авторитет законодателей: «цветные» игнорируют их закон. На десятки тысяч людей тюрем не хватает, к тому же тюрьмы не в состоянии убить их волю к неповиновению властям.

Трансваальский министр генерал Ян Смэтс не видит иного выхода, кроме как начать переговоры с руководителем сатьяграхи Мохандасом Ганди, которого прямо из тюрьмы глава полиции республики лично доставляет в Преторию. Смэтс при всех своих генеральских регалиях долго и очень вежливо — можно сказать, на равных — беседует с человеком, одетым в арестантскую робу. По словам Смэтса, правительство Трансвааля готово аннулировать «черный закон», как только индийцы согласятся добровольно, в разовом порядке сообщить о себе сведения, необходимые властям для учета количества иммигрантов и иностранных рабочих. Такая постановка вопроса меняла суть дела, и Ганди дает согласие Смэтсу: на добровольной основе осуществить регистрацию членов индийской общины.

Бесконечно веря в доброе начало человеческой природы, Ганди, как политический лидер, часто бывал обманут. Исследователи его жизни, даже когда они считают себя гандистами, склонны представлять своего учителя простодушным, наивным человеком. В этом, мол, была его слабость как дипломата. Принято замечать то, чего не доставало Ганди как политику (не доставало ему в данном случае политической нечестности), и замалчивать то, чего не хватало его политическим оппонентам — большим и маленьким талейранам, лордам и пэрам Британской империи. А не хватало им главного — классовой заинтересованности в вопросе о предоставлении колониальным народам свободы. Из этого же принципа исходил и Ян Христиан Смэтс, будущий премьер-министр Южно-Африканского Союза и фельдмаршал Великобритании. Он просто-напросто обманул Ганди: «черный закон» не был отменен.

Ганди тяжело поплатился за свою доверчивость (точнее, за вероломство Смэтса). Некоторые члены общины

обвинили своего лидера в продажности. Один из возмущенных соотечественников так избил его, что Ганди потерял сознание и попал в больницу.

Физическая боль — ничто в сравнении с душевной раной. Ганди публикует в «Индиан опиньон» статью под заголовком «Грязная игра», где называет трансваальского министра «бессердечным человеком» и призывает индийцев возобновить сатьяграху. Адвокатская контора Ганди на углу улиц Риссик и Андерсон в Йоханнесбурге и ферма Феникс в Натале становятся руководящими центрами кампании гражданского неповиновения в Южной Африке. Вокруг Ганди собирается группа преданных ему помощников. Среди них не только индийцы, но и те из европейцев, которым ненавистна политика апартеида.

Всю вторую половину 1908 и начало 1909 года Ганди находился в тюрьмах Претории. Судебные приговоры следуют один за другим. Его можно видеть в сопровождении конвоиров на этапе из Натала в Йоханнесбург. На нем одежда для уголовных преступников: едва прикрывающий макушку головы колпак, свободная куртка с номерным знаком заключенного, шорты, одна штанина которых — черная, другая — светлая (знак особой изощренности расистских тюремщиков). Однако генерал Смэтс не лишен «человечности»: он присылает Ганди в камеру религиозную литературу, отбирая ее по своему усмотрению.

В тюрьме Ганди, оторванный от повседневных дел, имеет возможность уйти от суеты жизни и погрузиться в заманчивую глубину раздумий. Редкие люди (к коим относился Мохандас Ганди, будучи в высшей степени деятельной натурой), оказавшись в одиночной камере заключения, не попадают в ледяные объятия истребляющей живую душу тоски. В сознании Ганди умещается целый мир во всем его объеме и многоцветии проявлений. Книги помогают ему понять суровую действительность.

Ганди с упоением, не отрываясь изучает Льва Толстого. Его статьи по религиозно-этическим вопросам оказывают на Ганди глубокое эмоциональное воздействие, укрепляют веру в главенство духовного начала в человеке.

К этому времени среди индийских эмигрантов в Европе, США и Южной Африке из рук в руки уже ходило открытое «Письмо к индусу», которое Толстой написал в связи с обращением к нему из Вашингтона редактора журнала «Свободный Хиндустан» индийского эмигранта

Т. Даса. Толстой, ознакомившись с политической позицией журнала, сделал в дневнике запись: «Нехорошо. Хотят конституцию, хотят участвовать в правительстве, то есть закрепить то насилие, которое над ними совершается». В «Письме к индусу» Толстой пишет: «Во всем мире происходит то удивительное явление, что большинство трудящегося народа подчиняется кучке праздных людей, распоряжающихся не только трудами, но и жизнью большинства... В Индии это кажется особенно странным, так как здесь более чем 200-миллионный, высокоодаренный и духовными и телесными силами народ находится во власти совершенно чуждого ему небольшого кружка людей, стоящих в религиозно-нравственном отношении неизмеримо ниже тех людей, над которыми они властвуют».

Писатель раскрывает картину современного собственного мира и показывает, что всякое угнетение всегда опиралось на насилие, которое зижделось на вере угнетаемых в божественные права властителей.

Толстой призывает своих индийских братьев отвергнуть «божьих помазанников», осуществлявших насилие над Индией, и дает совет: «Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас».

Узкий национализм чужд Толстому. Он мыслит глобально, о всех людях Земли, независимо от их расы. И это импонирует Мохандасу Ганди, отвечает зову его большого сердца: он тоже патриот и интернационалист и мечтает о мире, в котором не будет места насилию.

«...Я думаю, — читает Ганди слова мыслителя из далекой России, — время такого перехода человечества от одного возраста к другому наступило теперь, и теперь не в том смысле, что оно наступило именно в 1908 году, а в том, что то внутреннее противоречие жизни людей: сознание благодетельности закона любви и устройство жизни на противном закону любви насилии, вызвавшее бессмысленную, раздраженную, суетливую и страдальческую жизнь человечества, продолжавшееся столетия, в наше время дошло до такого напряжения, при котором оно не может уже более продолжаться и неизбежно должно разрешиться, и разрешится, очевидно, не в пользу отжившего свое время закона насилия...»

Ганди вступает в переписку с Толстым по поводу «Письма к индусу». С его разрешения он публикует письмо в своей газете «Индиан опиньон». «Сейчас, — отвечает писатель своему новому индийскому другу, — получил ваше в высшей степени интересное и доставившее мне большую радость письмо. Помогай бог нашим дорогим братьям и сотрудникам в Трансваале. Та же борьба мягкого против жесткого, смирения и любви против гордости и насилия с каждым годом все более и более проявляется и у нас...»

Учение Льва Толстого, как отмечал В. И. Ленин, в своем «реальном историческом содержании» являлось «идеологией восточного строя, азиатского строя»*. Разумеется, следует иметь в виду не географию, а исторические условия развития стран Востока и соответствующие этим условиям умопредставления людей. Толстовская проповедь непротивления злу насилием становится столь понятной Ганди именно из-за сходства исторических условий России и Индии — и там, и здесь (хотя в России раньше и в больших масштабах) происходила ломка патриархальных отношений, на развалинах которых расцветал капитализм. Но Толстой не знал, «какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам „ломки“»**. Эта ленинская оценка мировоззрения Толстого позволяет понять историческую ограниченность и взглядов Ганди.

Для Ганди социально-политические искания усложнялись еще и иностранным порабощением его родины. Поэтому, в отличие от Толстого-пророка, Ганди — политический деятель, стремящийся путем личных и социальных экспериментов увязать свои идеи с самим течением жизни народа, с антиимпериалистическим и антиколониальным движением.

Ганди (как и Толстой, преданный церковью анафеме) — религиозный реформатор. Он верует в индуизм, но не признает за ним никакой исключительности и даже считает, что в индуизме не все совершенно. Религию Ганди стремится подвергнуть проверке жизнью, совестью. Он не соглашается слепо с любым догматом священных писаний. Веруя, он критикует. «Я не сделаю себе фетиша, — говорит Ганди, — даже из самой религии и никакого зла не

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 20. — С. 102.

** Там же.

извиню во имя ее... У меня нет желания увлечь кого-нибудь за собой, если я не понял его разумом. Я сам отрекись от божественности древнейших шастр (священные книги индусов. — *Авт.*), если они не убедят меня».

Для Ганди вера — руководство к действию. Он исходит из того, что любое несоответствие между словом и делом — есть вместилище для паразитирования лжи. Малейшее расхождение между убеждениями и поступками людей — благотворная среда для порождения неисчислимых ошибок и бедствий в жизни общества. В этом он усматривает порок всех религий, учений и теорий, функционирования буржуазных партий и правительств. В этом, по Ганди, заложена первопричина разложения общества и раздвоения личности.

Поэтому-то Ганди упорно ищет ту формулу душевного состояния индивидуума и общества в целом, которая бы гармонично слила воедино веру с поступками, образ мысли с действиями, декларации правительств с политической практикой, конституции государств с реальной жизнью людей и деятельностью властей. Одним словом, он ищет правду, закон которой проявляется в истинном гуманизме и всеобщей любви к человеку.

Выйдя из заключения, Ганди снова едет в Англию, где находится с июля по ноябрь 1909 года. Уже прибывшие сюда Бота и Смэтс ведут с английским правительством активные переговоры о создании единого государства на юге Африки — Южно-Африканского Союза.

Ганди понимал, что создание такого государства может лишь укрепить позиции расистов и увековечить господство европейцев в Африке. Он пытается помешать миссии Бота — Смэтса. Наносит визиты английским министрам, стремится склонить на свою сторону членов парламента, редакторов газет, создать благожелательное для индийцев общественное мнение в Англии. Но, конечно же, дипломатические возможности Бота и Смэтса в Лондоне несравненно превосходят все усилия, предпринимаемые Ганди. Английским колонизаторам, правда, небезынтересно выслушать исповедь индийского лидера о настроении масс и узнать о его политических намерениях. Они на словах не прочь посочувствовать ему и даже что-нибудь неопределенное пообещать: ну, скажем, попробовать убедить Бота и Смэтса в большей мере считаться с интересами индийцев. В итоге же всех бесед Ганди английский министр колоний

лорд Крю письменно уведомил его, что «м-р Смэтс посчитал невозможным принять требования азиатов о том, чтобы они были уравнены с европейцами в эмиграционных и других правах».

Л. Фишер, американский биограф Ганди, в связи с этим отмечал, что для «воинствующего барристера», ставшего перед фактом своего поражения на дипломатических переговорах в Лондоне, ничего не оставалось делать, кроме как планировать дальнейшее расширение кампании гражданского неповиновения в Южной Африке.

Во время этой поездки в Англию Мохандас Ганди сближается с местной индийской общиной. Дни и ночи ведет он здесь дискуссии о судьбах Индии, о путях борьбы за ее национальную свободу. Он пишет письмо лорду Амфиллу, бывшему губернатору Мадраса, в котором говорит о том, как глубоко укоренилась среди индийцев ненависть к британским правителям, и о том, что призывы к насильственному свержению их власти становятся все более угрожающими и популярными в Индии. «Видимо, англичанами, — сокрушается Ганди, — завладел демон коммерческого эгоизма. Зло заключено не в людях, а в самой системе. Индия эксплуатируется в интересах иностранного капитала...» Такой власти, по мнению Ганди, народ должен оказать ненасильственное сопротивление с целью установления желаемой им новой системы правления. Эти мысли Ганди разрабатывает в работе «Хинд сварадж» («Самоуправление Индии»), в которой впервые систематически излагает свои социально-политические воззрения.

Ганди заявляет, что патриотизм для него означает благодеяние всего народа. Он горько упрекает английских и своих, индийских, капиталистов в том, что «рабочие бомбейских фабрик превращены в рабов». Именно Ганди одним из первых лидеров национально-освободительного движения того времени сумел прозорливо увидеть в развивающейся национальной буржуазии «троянского коня» в условиях Индии. «Непохоже, чтобы те, кто обогащается за счет фабрик, оказались лучше, чем другие богачи. Глупо полагать, что индийский Рокфеллер будет лучше американского Рокфеллера», — писал Ганди в книге «Хинд сварадж».

Книга Ганди — по-толстовски страстная, но и столь же утопичная проповедь отказа от современной цивилизации и от насилия против государственного насилия. Англий-

ские колонизаторы запрещают распространение книги. Вместе с обстоятельным письмом автор направляет свою книгу в Ясную Поляну Толстому. Толстой, называя Ганди другом и братом, 8 мая 1910 г. отвечает ему: «Я прочел вашу книгу с большим интересом, так как я думаю, что вопрос, который вы в ней обсуждаете — пассивное сопротивление — вопрос величайшей важности не только для Индии, но и для всего человечества».

Вернувшись в Южную Африку, Ганди вместе со своими сподвижниками организует недалеко от Йоханнесбурга трудовую общину по типу общины в Фениксе под Дурбаном и называет ее именем Толстого. «Ферма Толстого представляла семью, — впоследствии вспоминал Ганди, — в которой я был вместо отца и в меру своих сил нес ответственность за обучение молодежи». Всю работу на ферме выполняли сами ее обитатели. Они шили для себя одежду и обувь, обрабатывали землю, готовили пищу, убирали нечистоты. Слуг не было, разделения по профессиям тоже не было. Ганди установил на ферме правило — не требовать ни от кого того, чего не делаешь сам.

Здесь же, на ферме Толстого, Ганди обдумывал план проведения кампании гражданского неповиновения южноафриканским властям.

Толстой прислал ему письмо от 7 сентября 1910 г., в котором писал, что получил газету «Индиан опиньон» и был рад узнать все об участниках гражданского неповиновения. В письме говорилось: «...Ваша деятельность в Трансваале, как нам кажется, на краю света, есть дело самое центральное, самое важное из всех дел, какие делаются теперь в мире и участие в котором неизбежно примут не только народы христианского мира, но всякого мира».

Граф Толстой — антихрист в глазах официальной церкви, но пророк божий в умах российских крестьян, открывал перед Мохандасом Ганди свои несмирненные, «крамольные» мысли: «...В признании христианства, хотя бы и в той извращенной форме, в которой оно исповедуется среди христианских народов, и в признании вместе с этим необходимости войск и вооружения для убийства в самых огромных размерах на войнах заключается такое явное, вопиющее противоречие, что оно неизбежно должно рано или поздно, вероятно очень рано, обнаружиться и уничтожить или признание христианской религии, которая необходима для поддержания власти, или существование вой-

ска и всякого поддерживаемого им насилия, которое для власти не менее необходимо».

Так в начале XX века, в преддверии первой мировой войны, два мыслителя — Толстой и Ганди, — по-своему выражавших протест против подавления и обмана меньшинством господствующих классов большинства своих и чужих народов, ненавидя войну, пытались, оценивая обстановку в мире, повлиять на международные отношения, найти ненасильственные, мирные пути к изменению существовавшего миропорядка, к освобождению закабаленных народов.

Ганди интенсивно готовил проведение сатьяграхи, которая, по его замыслу, должна была охватить все провинции Южно-Африканского Союза, прежде всего Трансвааль и Наталь. Ни один номер «Индиан опиньон» не выходил без его призывной статьи. Дух воинственного неповиновения Ганди расистским законам гипнотически воздействовал на массы обездоленных, единственным оружием которых была их собственная жизнь, ценой которой они могли заплатить за право называться людьми.

По совету Ганди горняки Наталя начали забастовку. Он снова, уже в который раз, — на скамье подсудимых. В послании рабочим Ганди призывает их бастовать до тех пор, пока они не добьются удовлетворения своих требований. Забастовочное движение с каждым днем ширилось. В нем уже участвовало 20 тысяч горняков. Оно быстро распространялось по городам и провинциям Южной Африки. В мирных протестах принимали участие тысячи индийских женщин. Правительство применило против бастующих оружие — несколько горняков были расстреляны на месте. Тюрьмы не вмещали заключенных. Горняки, призванные Ганди к решительным действиям, проявили такую организованность и массовый героизм, на которые способен только рабочий класс.

Власти сочли благоразумным освободить Ганди из тюрьмы под залог. Однако волю его невозможно было сломить ни уговорами, ни насилием. 6 ноября 1913 г. он начинает знаменитый мирный поход протеста из Наталя в Трансвааль. Эта акция была новым серьезным вызовом правительству: перемещение индийцев между провинциями было запрещено законом и нарушение его каралось тюремным заключением с последующей депортацией.

Ганди возглавил длинную колонну отчаявшихся людей,

готовых лучше принять смерть, чем покориться расистским законам. Вначале в походе принимало участие более двух тысяч рабочих, женщины и дети. Но число участников марша росло с каждым днем. Посланные на границу Трансвааля войска и полиция применить оружие не решились. Правительство оказалось в замешательстве, не зная, что предпринять. В течение четырех дней похода Ганди арестовывался три раза, и каждый раз власти, опасаясь еще больших волнений, отпускали его.

В поддержку Ганди выступили прогрессивные деятели Европы и Америки, и среди них такие корифеи, как Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Ромен Роллан. Мировое общественное мнение было на стороне Ганди и его движения. Массовая кампания героического неповиновения в Южной Африке неожиданно приобрела международное значение. События в Африке будили сознание индийского народа-великана. Забеспокоился Лондон. Английское правительство не хотело, чтобы дух неповиновения властям распространился на саму Индию и другие британские колонии. В Лондоне понимали, что в канун готовящейся большой войны надо было во что бы то ни стало умиротворить «непротивленцев», успокоить свои тылы.

Да и само южноафриканское правительство начало сомневаться в эффективности своих действий: нельзя же было без конца держать в тюрьмах тысячи индийцев. Шахтовладельцы тоже не хотели терпеть убытки от прекращающихся забастовок горняков.

Тогда заработали правительственные телеграфы между Англией, Индией и Южно-Африканским Союзом, полетели в эфир шифрованные телеграммы. Как всегда, за телеграммами начался обмен делегациями, полномочными представителями; проводились переговоры, консультации — в ход были пущены тайные и официальные каналы. Правительство в Лондоне вынуждено было принять неприятное для себя решение. На Бота и Смэтса было оказано давление с тем, чтобы склонить их к компромиссу с М. Ганди.

Смэтс включил в состав правительственной комиссии для ведения переговоров с Ганди отъявленных расистов. Однако индийский лидер был уже не тем, каким его знал Смэтс в 1908 году, когда ему удалось без труда его обмануть. Нет, Ганди по-прежнему оставался правдивым и доб-

рожелательным. Только к этим неизменным его качествам прибавился опыт политической борьбы, и — что самое главное — теперь за ним стояла внушительная армия мирных, но стойких бойцов: мощная сила, обеспечивавшая успех переговоров.

Незадолго до начала переговоров Ганди был освобожден из заключения и, обращаясь к собравшимся на митинг индийцам в Дурбане, спросил, готовы ли они пойти под пули, но отстоять правое дело, готовы ли они разделить участь тех соотечественников, которые уже отдали свои жизни. И в ответ он услышал многократно повторенное тысячеголосое — «Да, да, да!» Опираясь на эту решимость людей, Ганди мог спокойно приступить к переговорам со Смэтсом. Сначала Ганди попросил вывести из состава правительственной комиссии расистов, известных своей жестокой расправой с индийцами. Смэтс уступил.

Переговоры продолжались четыре недели. Ганди ведет дело уверенно и достойно, отвергая неприемлемые или двусмысленно сформулированные статьи будущего соглашения. На него не действуют ни блеск генеральских орденов, ни пышный ритуал, ни изысканные речи высокопоставленных персон. Он — дипломат от народа, а потому одет, как одеваются простые люди, и говорит, как они говорят: коротко, бесхитростно, мудро, не скрывая правды.

30 июня 1914 г. между Ганди и Смэтсом было подписано соглашение. Оно предусматривало аннулирование подушного налога на индийцев и отмену наиболее оскорбительных для них расистских законов. Разумеется, это был всего-навсего компромисс: апартеид остался официальной политикой Южно-Африканского Союза. И все же это соглашение было выдающейся политической победой индийских трудящихся в Южной Африке и их лидера Мохандаса Ганди. Его двадцатилетняя деятельность в этой расистской стране по своей морально-политической силе по праву снискала ему славу вожака народных масс.

В знак завершения переговоров Ганди, никогда не терявший чувства юмора, передал Смэтсу подарок со смыслом — сандалии, сделанные им самим на ферме Толстого: образец обуви, в которую были обуты большинство участников похода Наталь — Трансвааль.

Опыт сатяграхи в Южной Африке привел Ганди к важнейшему выводу: освободиться от рабства может только сам народ. Давая оценку итогам южноафриканской

сатьяграхи, Ганди писал: «Победа могла быть достигнута только с помощью горняков». Дух борьбы и самопожертвования, проявленный простым народом, произвел на него сильнейшее впечатление, укрепил его гуманистические идеалы и веру в людей.

Когда ему и его жене Кастурбай в 1915 году после возвращения из Южной Африки в Мадрасе устроили торжественную встречу, он, отвечая на приветственный адрес, сказал: «Если хотя бы десятая часть тех слов, которые содержатся в этом адресе, нами заслужена, то какими же словами вы намереваетесь охарактеризовать тех, кто пожертвовал своей жизнью и поэтому не может продолжить свою деятельность на благо ваших многострадальных соотечественников в Южной Африке? Какими словами вы собираетесь охарактеризовать Начапана и Нараянасами — семнадцати- и восемнадцатилетних юношей, которые, воодушевляясь своей бесхитростной верой, перенесли все испытания, все страдания и оскорбления во имя чести своей отчизны? Какими словами вы собираетесь охарактеризовать Валлиамму, прелестную шестнадцатилетнюю девушку, которую выпустили из тюрьмы в Марицбурге только тогда, когда от нее остались кожа да кости и она уже горела в лихорадке, от которой скончалась месяц спустя? Вы говорите, — продолжал Ганди, — что я вдохновитель этих великих мужчин и женщин, но я не могу согласиться с этим. Это они, простые, искренние люди, которые действовали, воодушевленные своей верой, не ожидая никакой награды, — это они вдохновили меня и дали мне возможность достичь того, чего я достиг... Это они заслужили тот венец, который вы хотите возложить на нас...»

Возвращение. Война. Октябрьская революция в России и Индия

Прежде чем навсегда вернуться на родину, Ганди совершил очередную поездку в Англию.

Европа жила беспокойно. За помпезными братаниями императоров и глав правительств, за мелодрамой дипломатических приемов скрывались вражда, политическое коварство, конкуренция и военное соперничество. Обогащаясь, Европа требовала от остального мира безоговорочного почитания и подчинения, жаждала иметь все больше богатств и привилегий. Не задумываясь о последствиях, империалистические державы готовы были смертельной хваткой вцепиться друг в друга, лишь бы что-то прирасстить к своим империям.

Грандиозные планы расширения своей и без того огромной империи вынашивались в Англии. «Строители империи» мечтали на этот раз о создании обширной африканской колонии, которая простиралась бы от Каира до Кейптауна. Поэтому Англия с ревнивой ненавистью следила за замыслами Германии. Англичанам были невыносимы крикливые и самодовольные речи кайзера Вильгельма II о том, что Германии должны принадлежать моря и океаны, что ее миссия — распространить немецкую культуру не только в Европе, на Балканах, но и в Азии и Африке.

В Европе завершались последние приготовления к войне. Уже определились группировки империалистических сил для передела мира с целью получения новых источников сырья и рынков сбыта.

Дипломаты говорили о сложившемся в мире «равновесии сил». Скорее это было равновесие страха, авантюриз-

ма, империалистической алчности к национальному достоинству других народов. Определили свои позиции в войне и страны, не входившие в блоки. Япония выступила на стороне Англии. Этот союз должен был защищать интересы Англии на Востоке, особенно в Индии. Саму Индию, разумеется, никто не собирался спрашивать о ее позиции. Индию, по словам Дж. Неру, держала в подчинении тройная оккупационная армия Англии — военная, гражданская и коммерческая. США предпочли не присоединяться ни к одному из союзов, пока не прояснится, какой из них им следует поддержать в интересах американских монополий.

Уже слышалось грозное дыхание приближавшейся мировой войны. Атмосфера в Европе была заполнена ее едким угаром, который застилал глаза и одурманивал сознание. Военная истерия нагнеталась разветвленной, точно щупальца спрута, пропагандой, впервые поставленной империализмом на мощную индустриальную основу. Психологическая обработка огромных масс людей, целых народов стала одной из международных функций промышленно-финансовых монополий.

Дезинформация, сенсационные сообщения о новых видах оружия, о проведении в других странах мобилизаций, клевета, искажение всего и вся; газеты и журналы огулively растерявшегося в потоках лжи человека и, вместе с распространением всеобщего страха, распяляли в нем ненависть к другим странам, разжигали в людях национализм, прославляли «героическую» смерть за отечество. Войну восхваляли и некоторые писатели. Англичанин Джон Раскин писал: «...Великие нации обретали правдивые слова и силу ума во время войны и теряли их во время мира: война их учила, а мир обманывал, война воспитывала, а мир предавал — одним словом, они рождались во время войны и умирали во время мира». Интересно, что сказал бы Раскин, доживи он до наших дней, о термоядерной войне?

На книгах Раскина воспитывалось целое поколение английского колониального офицерства. Дж. Неру называл его откровенным империалистом. Но, как ни странно, тот же Раскин своей идеализацией крестьянского быта и мелкобуржуазной психологии оказал заметное влияние на формирование мировоззрения Ганди — человека, для которого ненасилие, правда, любовь были богом и смыслом жизни.

Итак, политические партии, святая церковь и даже пацифисты объединились со своими правительствами в культе войны, шовинизма, идеи национального «превосходства» одних народов над другими. Но в России большевики, руководимые Лениным, со всей определенностью выступили против готовившейся империалистами грабительской и чуждой интересам народов мировой бойни.

Нельзя сказать, что Ганди оправдывал войну и не понимал ее антинародного характера. Однако, осуждая войну, он все же не призывал к поражению в ней Англии. Как подданный Британской империи, Ганди по-прежнему считал своим долгом не оставлять Англию в годину испытания.

Когда Ганди пересекал Ла-Манш, стало известно о начале мировой войны. Судно едва прошло между подводными минами, которые были заложены вдоль всего пролива. 6 августа 1914 г. оно вошло в порт и военно-морскую базу Саутхемптон. Англия воевала уже два дня. Люди словно сошли с ума. Молодые парни покидали свои дома, чтобы уже никогда в них не вернуться. Они толком так и не узнали, из-за чего возникла война, и не догадывались о том, что чем бы ни закончилась она — победой или поражением, им она несла только смерть и беды; те же, кто посылал их на войну, рассчитывали взамен бранных солдатских тел приумножить в своих банковских подвалах число желтых слитков нетленного металла.

Ганди наблюдал, как по улицам Лондона маршировали солдаты и, распевая «патриотические» бравурные песни, беспечно направлялись в свирепую пасть войны. Англичане, индийцы, немцы, русские — все обманутые солдаты антинародной войны, умирая, должны были верить в то, что они отдают свои жизни за идеал свободы и вечный справедливый порядок, который будет установлен на земле после войны.

В индийских эмигрантских кругах — в Германии, Франции, США, Канаде, Англии, а также в самой Индии среди ее национальных лидеров шли горячие споры о том, какую позицию в войне должны занять индийцы, добивавшиеся свободы для своей родины. Немало индийских патриотов выступили за налаживание сотрудничества с правительствами стран, находившихся в состоянии войны с Англией, — Германией и Турцией, от которых они рассчитывали получить поддержку в борьбе против колонизаторов. Сторонники этой линии образовали в Берлине Комитет

индийской независимости и выпустили манифест, объявивший войну Англии. Они даже сформировали на территории Афганистана Временное правительство Индии в эмиграции. Эмиссары этого правительства во время войны трижды приезжали в Россию, тщетно пытаясь заручиться поддержкой царя, а затем Керенского. Но они не получили помощи ни от Германии, ни от Турции.

Другие деятели национально-освободительного движения, к которым относился Ганди, считали необходимым поддержать в войне Англию и таким путем морально принудить ее к предоставлению Индии статуса доминиона.

По своим убеждениям Ганди был против войны, и, выступая в ней на стороне Англии, он «всей душой стремился к тому, чтобы освободить от войны себя, свой народ и весь мир». Как и в войне против буров, Ганди намерен был сформировать санитарный отряд. Осуществить этот замысел помешала болезнь, и Ганди пришлось уехать в Индию. Позднее он со всей суровостью расценит свое решение поступить на военную службу к англичанам. «Тот, кто добровольно пошел на службу, — напишет он, — в шайку разбойников возчиком или сторожем, чтобы охранять их добро, когда они идут на промысел, или же сделался их сиделкой, чтобы ухаживать за ними, когда они ранены, в той же мере виновен в разбое, как и сами разбойники. Совершенно так же тот, кто ограничивается уходом за ранеными в бою, в равной мере не может уйти от ответственности за войну».

Ганди, хотя и критиковал «несовершенство» британской системы управления, но в те годы не утратил веры в нее и поэтому добросовестно стремился ее улучшить. Когда же со временем Ганди признает эту систему нетерпимой, он с обнажающей искренностью спросит себя: «Но если, потеряв веру в эту систему, я отказался теперь сотрудничать с британским правительством, то как могли мои друзья, которые уже тогда (в период первой мировой войны. — Авт.) потеряли веру и в систему, и в ее представителей, сотрудничать с британским правительством?» Ганди был не единственным из национальных индийских деятелей, кто поддался, как писал в биографическом очерке о нем Ромен Роллан, «лицемерному идеализму войны 1914 года».

Свобода родины для индийских патриотов была главной ставкой в войне. Поэтому члены английского кабинета,

желая покрепче привязать Индию к колеснице войны, не скупились на посулы. Они обещали Индии не только статус доминиона, но и достойное представительство ее в имперских органах управления, а также некоторую свободу во внешнеполитической сфере. Премьер-министр Англии Ллойд Джордж, например, даже предусмотрел участие представителя Индии в работе своего военного кабинета и имперской конференции. И это было им осуществлено, несмотря на то, что несколькими годами раньше такое казалось просто немыслимым. Министр по делам Индии лорд Морли перед началом войны предупреждал, что Великобритания «не может иметь две внешние политики». А премьер-министр Асквит на имперской конференции в 1911 году тоном, не допускающим возражений, заявил, что лишь одно правительство Соединенного Королевства наделено правом решать вопросы войны и мира и не будет делить эти полномочия с колониями.

Из политической практики, однако, известно, что к таким категорическим заявлениям государственные деятели прибегают тогда, когда их позиции в том или ином вопросе уже не так прочны. Амбициозные слова Морли и Асквита могли свидетельствовать лишь о том, что право метрополии на монополию во внешнеполитических делах уже было поставлено доминионами под сомнение. Национальные лидеры крупных и наиболее развитых колоний, опираясь на освободительное движение в своих странах, все настойчивее претендовали на участие в формировании внешней политики Британской империи. Они использовали внешние трудности Лондона, чтобы «выторговывать» у него политические и экономические уступки, добиваясь либерализации колониального гнета.

В январе 1915 года сорокашестилетний Мохандас Ганди прибыл в Бомбей. Ступив на родную землю по прошествии десяти лет, он был счастлив.

В Бомбее его встречал Гокхале, который по этому случаю специально приехал из Пуны.

Высокопоставленные соотечественники устроили в честь Ганди большой банкет. Среди его участников, облаченных в модные европейские костюмы, Ганди, по его сло-

вам, выглядел «неотесанной деревенщиной». В своем дхоти — куске хлопчатобумажной ткани, обвитом вокруг бедер, — он вносил в обстановку роскоши и блеска явный диссонанс. Присутствующие произносили в адрес «чудаковатого» гостя по-восточному хвалебные речи на английском языке, хотя большинство из них были его земляками — гуджаратцами.

Ганди, увешанный гирляндами цветов, смущаясь, выступил с ответным словом на родном гуджарати. Вряд ли ему удалось этим устыдить своих земляков, но для них, по крайней мере, стало ясно, что он не одобрял их англофильства.

Время, когда Ганди, поддавшись общему веянию в среде индийской интеллигенции, подражал всему английскому, давно прошло. Еще в середине 1906 года, в возрасте тридцати семи лет, он принял обет брахмачария, поставив тем самым всю свою жизнь в рамки жесточайших ограничений. Обет предусматривал, наряду с выполнением целого свода религиозных предписаний индуизма, отказ от владения собственностью, исключение из рациона питания продуктов животного происхождения, половое воздержание и другие запреты. Аскетический образ жизни, основанный на сознательном подавлении страстей и желаний, по убеждению Ганди, закалял волю, просветлял ум и душу, давал возможность целиком посвятить себя служению своему народу.

В Индии подобный образ жизни — дело вовсе не диковинное. Таких людей — брахмачари там исстари почитают как подлинных приверженцев веры и добронравия.

Гокхале сообщил Ганди, что с ним хотел бы встретиться губернатор провинции Бомбей лорд Уиллингдон. Вскоре в губернаторском дворце состоялась эта встреча. После обычных расспросов, проходивших в манере светской беседы, губернатор раскрыл цель встречи: он попросил Ганди дать ему обещание не предпринимать никаких политических шагов без предварительного совета с ним. Уиллингдон сказал при этом, что он будет готов принять его без всяких формальностей и в любое время. Губернатор, очевидно, надеялся услышать от собеседника слова о полной лояльности к правительству и заверения не выступать против имперских властей, но этих слов, к глубокому разочарованию Уиллингдона, Ганди не произнес. Ганди ответил губернатору, что ему легко дать обещание совето-

ваться с ним, поскольку он взял себе за правило прежде всего уяснять точку зрения другой стороны и по возможности приходить к соглашению.

Беседа с Ганди, поскольку он заговорил о противостоящих друг другу сторонах как о само собой разумевшемся факте, не предвещала правительству ничего утешительного. Кто-кто, а губернатор был хорошо осведомлен тайной полицией о «фанатичности» в своих убеждениях и неподкупности этого «дипломата в лохмотьях».

Вскоре Ганди уже по своей инициативе появился во дворце. Рассказав о грубом произволе железнодорожных и таможенных чиновников в отношении индийцев — пассажиров третьего класса, он просил губернатора принять надлежащие меры. Уиллингдон, не скрывая своего недовольствия, постарался отделаться от визитера замечанием, что вину за эти беспорядки несут, мол, власти Дели. Присутствовавший при разговоре секретарь бомбейского правительства выразил Ганди возмущение по поводу выказанного им намерения прибегнуть в случае бездействия властей к кампании гражданского неповиновения — сатьяграхе.

— Не угроза ли это? — спросил секретарь. — Неужели вы думаете, что сильное правительство уступит угрозам?

— Это не угроза, — ответил Ганди, — а воспитание народа. Моя обязанность — указать народу все законные средства борьбы с обидчиками. Нация, которая желает стать самостоятельной, должна знать все пути и способы достижения свободы. Обычно в качестве последнего средства прибегают к насилию. Сатьяграха, напротив, представляет собой абсолютно ненасильственный метод борьбы. Я считаю своей обязанностью разъяснять населению, как и в каких пределах им пользоваться. Не сомневаюсь, что английское правительство — правительство сильное, но не сомневаюсь также и в том, что сатьяграха — в высшей степени действенное средство.

Секретарь скептически покачал головой и мрачно сказал:

— Посмотрим.

В общем Ганди, вернувшись на родину, сразу же дал почувствовать английским властям, что смирения от него ожидать не следует. С настороженностью следили за действиями Ганди и «отцы-основатели» Конгресса.

Некоторое время по приглашению Гокхале он гостит

у него в Пуне. Казалось, между этими двумя людьми не было ничего общего, что могло бы их объединять тесными узами дружбы: один походил на сельского плебея, другой вел патрицианский образ жизни. Но это было лишь внешним впечатлением. Их роднило главное — общие взгляды на мирное развитие освободительного движения в Индии, любовь к родине.

Профессор Гокхале зорко подметил в Ганди удивительный дар, каким никто другой, разве что Локаманья Тилак, в Индии не обладал, — умение повести за собой простых людей и удерживать их в подчинении своей воле. Что особенно ценил он в Ганди, так это его умение «дозировать» энергию масс, не допуская перерастания ее в насильственную стихию.

Гокхале считал, что только Ганди мог установить связь индийской национальной элиты с простым народом, которой ей так недоставало. Профессор, однако, опасался возможной радикализации взглядов Ганди. Настораживала Гокхале и книга Ганди «Хинд сварадж», которую он расценил как «поспешный плод незрелой мысли». Поэтому Гокхале, желая поближе присмотреться к своему другу, посоветовал ему в течение первого года не организовывать никаких политических кампаний и жить, как он сказал, с широко открытыми глазами, но закрытым ртом.

Соглашаясь, Ганди поделился со своим наставником планами основать в Гуджарате ашрам (обитель) и, поселившись там, посвятить себя служению землякам. Одобрив этот план, Гокхале обещал необходимую Ганди финансовую помощь для осуществления задуманного. Гокхале представил гостя респектабельным членам очень умеренного общества «Слуги Индии», которые отнеслись к герою Южной Африки с вежливой снисходительностью и скрытым недоверием: «слуги», принявшие Ганди за «простолюдина», не нашли с ним общего языка, как не находили его и с самим народом. Ганди тоже не был в восторге от знакомства со «слугами» и не помышлял вступать в их унылое общество.

Еще находясь в Южной Африке, Ганди постоянно прислушивался к неровному пульсу родины и обращал свой взор на Западную Индию, на Махараштру, где в 1906—1907 годах пришли в движение народные массы, происходило брожение умов и оживился воинственный национализм. Там выдвинулся первый великий вождь на-

родной Индии Локаманья Тилак. До него простые люди не знали руководителей Конгресса — это были лидеры элитарной Индии. Они не стремились возглавить народное движение и предпочитали спокойные политические умствования в своей среде, куда не вторгались люди с полей и фабрик. «Им не нравился пламенный энтузиазм Бенгалии, — говорил Дж. Неру, — не по душе им был также негиббаемый дух Махараштры, воплощенный в Тилаке».

Колонизаторы не утруждали себя изобретением новых методов подчинения народа Индии. С одной стороны — тюрьмы, избиения, штрафы, полицейские облавы и своры сыщиков, принятие репрессивных законов о подпольных организациях и о нелояльности прессы; с другой — заискивание перед индийской элитой и обещание увеличить для нее число мест в законодательных советах.

Тилака арестовали, над ним был учинен суд. Тогда население Бомбея начало и успешно провело шестидневную всеобщую политическую стачку — по числу лет каменных работ, к которым был приговорен Тилак.

Вести о волнениях в Индии облетели весь мир. В. И. Ленин писал по поводу суда над Тилаком: «...Эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета!»*. Давая оценку политике английских либералов, каковым слыл министр по делам Индии Джон Морли, Ленин отмечал, что они «превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингисханов...»**.

Путем репрессий и посулов, осуществления частичных реформ, известных по именам их творцов как реформы Морли — Минто, Англия сбила пламя разгоравшейся национально-освободительной борьбы в Индии. Однако дремота, в которую погрузилась страна, походила на напряженно-тревожное затишье перед бурей, и Ганди, обладая острой политической интуицией, хорошо чувствовал это.

По возвращении в Индию Ганди нужно было время для того, чтобы собраться с мыслями, многое обдумать, вжиться в политическую обстановку, разобраться в пози-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 17. — С. 179.

** Там же. — С. 178.

циях политических группировок; наконец, нужно было определить свое место в общенародном движении и решить: когда, как, с кем и с чего начать борьбу. Для него было ясно одно: он начнет с малого, не торопя события, действуя по принципу, что и один шаг в правильном направлении лучше стремительного движения не в ту сторону.

После непродолжительного посещения родного Раджкота Ганди направился в Шантиникетон к Рабиндранату Тагору, великому поэту Индии. Поэт гостеприимно предоставил колонистам из Феникса, прибывшим с Ганди из Южной Африки, отдельное помещение. В Шантиникетоне — «обители спокойствия» — Тагор принял и обласкал Ганди, как самого близкого человека. Тогда он и назвал дорогого гостя Махатмой. С тех пор это имя прочно закрепилось за ним, несмотря на все протесты Ганди против его возвеличивания.

Тагор, красивый, в шелковом хитоне, свободно ниспадавшем с плеч, с длинными волнистыми волосами и патриаршей, окладистой бородой, выглядел в сравнении с Ганди атлантом. Разнились они и по своему миропониманию. Тем не менее без этих двух индийцев немислимо представить себе образ народа этой страны, узнать его чаяния, душу, понять национальный характер.

Тагор познакомил Ганди с народным университетом в Шантиникетоне, который он создал на свои средства, показал обширную библиотеку, лаборатории, опытные поля и мастерские. Ганди быстро сошелся с преподавателями и студентами. С позволения Тагора он пытался передать им навыки самообслуживания. Находившиеся здесь же колонисты с фермы Феникс вызвали у обитателей Шантиникетона интерес к их опыту совместного ведения хозяйства.

Здесь же его застала печальная весть о смерти Гокхале. Проводив своего покровителя и наставника в последний путь, Ганди уехал в Гуджарат. Он не хотел долго обременять гостеприимного Тагора. К тому же Ганди, хотя и глубоко почитал Тагора, не воспринимал уклада его жизни и многих его идей. Ганди, разумеется, нельзя причислить к нигилистам, скорее наоборот, он признавал авторитет выдающихся личностей. И все же он, пожалуй, никогда не являлся по-настоящему чьим-то последователем: он обладал слишком независимым характером. Друзья

Ганди шутили, что он всегда резервировал право не соглашаться и с самим собой.

25 мая 1915 г. под Ахмадабадом Ганди основал обитель, которую назвал «Сатьяграха ашрам». Название ашрама говорило о том, что мысль о проведении кампании гражданского неповиновения против английских колонизаторов все больше завладевала Ганди. Поначалу в ашраме поселились 25 человек, живших по особому уставу. Самопожертвование и личная скромность стали главными заповедями сатьяграхов. Ганди считал, что национальный лидер, решивший участвовать в сатьяграхе, не должен ставить себе в заслугу служение народу и требовать за это почета или каких-либо знаков отличия. «Служение без скромности, — утверждал Махатма, — есть эгоизм и сомнение».

Когда Ганди принял в число равноправных обитателей ашрама семью неприкасаемых, он в глазах правоверных индусов совершил нечто вроде страшного святотатства. Эта весть потрясла и оскорбила религиозные чувства руководителей индуистской общины. Они с возмущением отвернулись от Ганди: ведь он покушался на самое святое, чем всегда кичились представители высших каст — на их «благородное» происхождение. Теперь же Ганди уравниал «презренных мусорщиков» с людьми из высших каст, знать с чернью. Ни один политический деятель тогдашней Индии не решился бы на такой смелый шаг, рискуя быть осужденным и даже проклятым своими же последователями.

Уж на что послушная и уважительная к мужу Кастурбай и та поначалу было не удержалась от того, чтобы не обвинить его в ереси. А Ганди и не думал отступать. «Если мне докажут, что постыдная система неприкасаемых присуща индуистской религии, — заявил он, — то я открыто восстану против самого индуизма». В этом проявились и подлинный гуманизм Махатмы, и его политическое чутье. «Я бы предпочел, чтобы меня изрезали на куски, — писал он, — чем не признавать своих братьев из отверженных сословий... Я не желаю возрождаться, но если мне это суждено, я желаю возродиться среди отверженных, дабы разделять их позор и посвятить свой труд их освобождению». Ганди удочерил маленькую девочку из «неприкасаемых» и с нежностью говорил об очаровательном семилетнем чертенке, принесшем ему в дом и

солнце, и непогоду. По-матерински обласкала девочку и Кастурбай. Муж оказался прав: любовь и совесть сильнее предрассудка.

— Пусть живет с нами божье создание, — благостно сказала она. И Мохандас широко заулыбался, восторгаясь душевной победой жены.

— Я знал, что по-другому ты не могла поступить.

В этот период жизни Ганди продолжает свои «эксперименты с истиной», все так же увлекается диететикой. Он агитирует отказаться не только от употребления в пищу мяса, но и исключить из рациона молоко, ибо оно вырабатывается в организме священной для индусов коровы.

Весьма показательна в этом отношении встреча Ганди в 1915 году с виднейшим индийским философом Сарвепалли Радхакришнаном, в последующем одним из первых индийских послов в СССР, а затем президентом свободной Индии.

— Не пейте молока — это квинтэссенция говядины, — убеждает Ганди Радхакришнана.

А тот с присущим ему даром к полемике парирует довод собеседника:

— В таком случае мы все каннибалы, так как пьем материнское молоко, которое суть квинтэссенция человеческого мяса.

Ганди, как и Толстой, остро чувствовал приближение духовного кризиса современной цивилизации. Он болезненно переживал подмену нравственного сознания технократическими знаниями, а потому и предостерегал людей об опасности деформации цивилизации из-за их чрезмерного увлечения технократической деятельностью. Мыслителей, подобных Толстому и Ганди, называли утопистами, хотя многие и считали этих двух гигантов пророками. Их утопия, однако, имела весьма земное происхождение. Они как гении социальной интуиции, в отличие от миллионов других людей, уже в начале века сумели узреть и понять реальные (не утопические!) проблемы, которые за ближайшим поворотом истории поджидали «беспечное» человечество, — это и изобретение средств массового уничтожения, и экологические бедствия, и невиданный доселе в мире взрыв насилия, и многие другие страшные grimасы истории. Предвидя нависшую над мировым сообществом смертельную угрозу, Толстой и Ганди ищут дру-

гую модель его развития. Они ориентируются не на ту буржуазную цивилизацию, которая связана с промышленной революцией, а на иную, более простую, гуманную, устремленную не к богатству, а к самосовершенствованию, на цивилизацию более чуткую к законам природы и духовным потребностям человека. «Я не мечтатель, скорее практический идеалист. Религия ненасилия предназначена не для ангелов и святых. Она предназначена для обычных людей, — заявляет Ганди. — Ненасилие является свойством людского рода, тогда как насилие — закон грубых животных инстинктов. Духовное начало не развито у зверя, и кроме физической силы ему неведом другой закон. Достоинство человека требует соблюдения высшего закона, который проявляется в силе его духа».

Технократическое искривление цивилизации, по мысли Ганди, объясняется стремлением удовлетворить лишь тленную плоть человека: создать комфортные излишества его бытия, приумножить роскошь, материальные блага и собственность, что непременно ведет к оскудению нравственных начал человека, к увяданию его души. А загубить душу — значит загубить все сущее на Земле, ибо наивысшим смыслом и даром бытия является духовность, способность человека любить, искать истину и исповедовать ее.

Впадая в крайность, Ганди не признавал даже медицину как науку. Он, в частности, говорил Радхакришнану: — Тысячи людей рождаются в джунглях и обходятся без всякой медицинской помощи.

А тот отвечал:

— Но в джунглях и умирают тысячи.

В какой-то мере и Радхакришнан осуждал буржуазную цивилизацию, говоря, что она чересчур «материалистична» и ей крайне недостает «духовности». Но он был далек от того, чтобы отрицать науку. По правде говоря, беседа оказалась не из приятных. Радхакришнан не знал тогда, что случай свел его с человеком, который станет идеологом освободительного движения, выразителем умонастроений миллионов его соотечественников, будет страстно добиваться их единства.

Национальное единство... Возможно ли оно вообще? Как объединить крестьянина с помещиком, как сблизить в одном национальном порыве к свободе фабриканта и рабочего, феодальных князей, консервативную религиоз-

ную верхушку с новой интеллигенцией и мелкой буржуазией, как ликвидировать раздуваемую колонизаторами индусско-мусульманскую вражду, как преодолеть вековечное изгнание из жизни общества миллионов неприкасаемых? Индийский национальный конгресс, каким он был в начале века, не мог решить этих проблем, да он и не ставил перед собой таких задач. Надо было решительно все изменить. Вдохнуть в вялый организм Конгресса жизнь, влить в него народную силу. Это попытался сделать Тилак. В результате Конгресс оказался расколотым, а сам Тилак — в тюрьме. Индия изнывала от раздиравших ее социальных конфликтов, и чем больше они обострялись, тем увереннее себя чувствовали колонизаторы.

В 1914 году Тилак вышел из тюрьмы. Ганди с восторгом наблюдал за «мятежной» деятельностью Тилака. Это был человек редкой энергии, в которой воплотились все качества народного вождя «крайних» — ум, воля, знания, бесстрашие, прозорливость политика и логика математика, бескорыстие и беззаветная любовь к людям.

«Что было бы, если бы преждевременная смерть не унесла его в августе 1920 года? — писал Ромен Роллан. — Ганди, преклонявшийся перед высокой властью его гения, глубоко расходился с ним в политическом методе, и бесспорно, что если бы Тилак остался в живых, Ганди сохранил бы лишь религиозное руководство восстанием. Каким бы мог быть порыв индийского народа под этим двойным предводительством! Ничто не смогло бы устоять против него, ибо в руках у Тилака были вожди дела, а у Ганди — внутренние силы его. Но судьба поступила иначе, и можно сожалеть об этом и ради Индии, и ради самого Ганди... Он бы без колебания предоставил Тилаку управление общей массой народа... И на этот раз она могла бы принадлежать Тилаку... Он был демократом от рождения и решительным политиком, без оглядки на религиозные требования. Тилак говорил, что политика не для богомольных людей».

Ганди, так же как и Тилак, опирался на народ. Почему же, как утверждает Роллан, он не доверял массам? Все дело в том, что Ганди опасался потерять на каком-то этапе освободительного движения контроль за мирными формами борьбы. Его преследовал кошмар братоубийственной резни огромных толп, вышедших из повиновения вождям, тупых массовых убийств, хаоса и разрушений.

Это могло бы быть только на руку колонизаторам. Они уже не раз использовали выступления индийцев для разжигания религиозно-общинных беспорядков в стране.

Ганди — богослов по натуре и политик по необходимости. Тилак шокирует его своим заявлением, что в политике все дозволено. Ганди, в отличие от Тилака, готов пожертвовать свободой родины, лишь бы не «осквернить» насилием и кровью путь к ее достижению. Политическая практика Ганди — это надстройка над религиозным постаментом, приспособленная к стремлениям народа к свободе и исторически отвечающая общим национальным интересам Индии.

Ганди ездит по стране. На его пути — Карачи, Калькутта, Лахор, Аллахабад, Бенарес, Дели, Канпур, Мадрас, десятки городов и сотни отдаленных, забытых богом деревень. «По пятам за мной всегда следовали агенты тайной полиции, — вспоминал Ганди, — сыщики то и дело приставали ко мне на станциях, спрашивая билет и записывая его номер».

И всюду он видел запуганных и покорных крестьян, унылых, изможденных рабочих, беспомощных, охваченных чувством безысходности представителей местной интеллигенции. Некоторые из индийцев, считавшие себя борцами за национальную свободу, упрямо обращали свои взоры в прошлое, пытаясь найти в ушедших веках ответ на вопросы, которые ставила перед ними сегодняшняя Индия. Но разве в омертвевшем прошлом можно было найти эти ответы? И как прав был Тагор, говоря этим людям, что они не должны хранить в себе то, что умерло, так как мертвое несет с собой смерть. Другие, напротив, отворачивались от национальных традиций, с надеждой смотрели на Запад, жалко подражали ему, цепляясь за пышный шлейф Англии, подобострастно припадая к ее стопам. «Где выход из такого положения? — спрашивал себя Ганди. — Как можно вырвать Индию из засасывающей ее трясины рабства?» Покорность, бездействие, апатия, порожденные столетиями английского господства, глубоко проникали в психологию народа и его вождей. Это явление в общественной жизни страны Дж. Неру сравнивал с жестокой болезнью, «которая, разрушая ткань легких, убивает медленно, но верно». «Иногда нам казалось, — писал он, — что лучше бы болезнь протекала быстрее и более открыто, подобно холере или бубонной чуме; но эти

мысли преходящи, ибо авантюризм ни к чему не приводит, а заговоры при серьезном заболевании не приносят пользы».

«И вот тогда пришел Ганди, — вспоминает Неру. — Он был подобен струе свежего воздуха, заставившей нас расправить плечи и глубоко вздохнуть; подобно лучу света, он прорезал мрак, и пелена спала с наших глаз; подобно вихрю, он все всколыхнул, и в первую очередь человеческое мышление. Ганди не спустился сверху; казалось, он вышел из миллионных масс индийцев, он говорил их языком и уделял им и их ужасающему положению все внимание».

Богатым соотечественникам — князьям, помещикам, фабрикантам и торговцам, гордившимся своей принадлежностью к Индийскому национальному конгрессу, Ганди советовал: «Слезайте со спин крестьян и рабочих — все вы, живущие их эксплуатацией, уничтожьте систему, порождающую эту нищету и эти страдания». Понятие политической свободы в устах Ганди приобрело новое содержание. Многие из руководителей Конгресса не соглашались с Ганди, но они уже не могли так просто отмахнуться от него: его идеи быстро распространялись в народе, возрастало его влияние на рядовых конгрессистов; позиция Ганди становилась все более весомым фактором в расстановке политических сил в стране.

В начале 1917 года Ганди проводит свои первые сатьяграхи. Они распространяются пока на небольшие по площади районы страны. Выношенный и досконально продуманный им метод политической борьбы против колониальной администрации теперь проверен на практике. Укрепляется вера Ганди в действенность этого метода.

...Чампаран, округ на северо-западе провинции Бихар, расположенный у подножия Гималаев на границе с королевством Непал. Здесь англичане владели обширными плантациями индиго. На мировом рынке индиго уже вытесняли дешевые искусственные красители. Чтобы выдержать конкуренцию, плантаторы до нитки обирали крестьян-арендаторов, обрекали их семьи на голодную смерть. На сессии Конгресса, проходившей в Лакхнау, к Ганди подошел крестьянин по имени Раджкумар Шукла. Он приехал из Чампарана искать для своих земляков — возделывателей индиго защиты у Конгресса. Никто из лидеров Конгресса не стал заниматься этим делом. Они и не знали,

с какой стороны подступиться к нему. «Чем, собственно, — рассуждали они, — земледельцы в Чампаране живут хуже миллионов других индийских крестьян».

Один Ганди выслушивает печальную историю о земледельцах Чампарана. Он едет в Бихар. Встречается с представителями местной администрации, с правительственным комиссаром округа, с судьями, с плантаторами, с самим губернатором, а самое главное — беседует с тысячами крестьян, вникает в каждую их жалобу. Из деревни в деревню ездит на слонах и лошадях, чаще всего ходит пешком, живет в бамбуковых хижинах крестьян. Повсюду он видит одну и ту же ужасающую нищету. «Ознакомившись с делами, — говорит Ганди, — я пришел к выводу, что нужно совершенно отказаться от обращения в суд. От этого толку мало. Там, где крестьянин так угнетен и запуган, суд бесполезен». Ганди призывает крестьян не выполнять кабальные условия аренды земли, навязанные им плантаторами.

Тогда власти предписывают Ганди покинуть Чампаран. А когда он наотрез отказывается подчиниться приказу, его арестовывают. Начинается судебный процесс.

— Я пренебрег предписанием не из-за отсутствия уважения к законной власти, — заявляет он на суде, — а во имя подчинения высшему закону нашего бытия — голосу совести.

Примерно в этом же духе Ганди посылает телеграмму вице-королю Индии. Тот, поразмыслив, во избежание смуты отдает распоряжение прекратить слушание дела. Губернатор провинции разрешает Ганди продолжить знакомство с положением крестьян. Одержана победа. «Состоялся, — говорит Ганди, — первый урок гражданского неповиновения». Но плантаторы еще долго не унимаются и ведут бешеную кампанию против Ганди. Тем не менее им приходится уступить организованному сопротивлению крестьян: вернуть часть поборов, а правительству принять в скором времени закон об отмене существовавшей на плантациях индиго кабальной системы аренды земель.

Из Чампарана Ганди переезжает в Ахмадабад, ближе к своему ашраму. Здесь он руководит забастовкой рабочих текстильных фабрик, добивавшихся увеличения заработной платы. В знак солидарности с требованиями рабочих Ганди объявляет голодовку протеста. Соглашение с фабрикантами было достигнуто на двадцать первый день за-

бастовки. По этому случаю владельцы фабрик организовали раздачу сладостей. К огромным толпам изголодавшихся рабочих присоединились еще и тысячи городских нищих. Создалась такая людская свалка, что бóльшая часть сладостей была втоптана в землю. С чувством стыда и обиды наблюдал Ганди за этой сценой унижения человеческого достоинства. «Отчаянная борьба за хлеб лишает их всякого чувства приличия и самоуважения, — с горечью говорит он. — А филантропы вместо того, чтобы обеспечить людей работой, которая даст им хлеб, швыряют им милостыню».

Теперь Ганди в округе Кхеда, под Ахмадабадом. Из-за неурожая крестьяне были не в состоянии оплатить налоги, не обрекая себя на голод. Ганди призвал их отказаться от уплаты налогов. Чиновники по сбору податей стали продавать крестьянский скот; забирать их утварь, посуду, — все, что попадалось им под руку; они накладывали арест на урожай на корню. Это был самый настоящий грабеж. Благодаря усилиям Ганди события в Кхеде получили широкую огласку по всей стране. Стойкость крестьян внушала уважение индийских патриотов и пугала колонизаторов.

«Сатьяграха в Кхеде знаменует собой пробуждение крестьян Гуджарата, — писал Ганди, — начало их настоящего политического воспитания». Кампания в Кхеде побудила руководителей Конгресса обратить внимание на крестьянское движение и увидеть в нем огромную политическую силу. Властям пришлось отступить и на этот раз. «Полученный урок, — говорил Ганди, — навсегда запечатлелся в общественном сознании: спасение народа зависит от него самого, от его готовности страдать и жертвовать собой».

Мировая война шла уже три года. Вместо обещанной свободы она принесла Индии голод, свирепые эпидемии холеры, чумы, оспы, унесшие 13 миллионов жизней. Экономика Индии, вконец истощенная тяжелым бременем военных поставок и расходами на содержание индийских войск, находилась на грани краха. Околицы индийских деревень белели костями крестьян, а в крупных городах — Калькутте, Бомбее, Мадрасе — полицейские с первыми лучами солнца собирали баграми с тротуаров трупы умерших за ночь бездомных индийцев.

Кровавые поля Европы, неутешные страдания калек войны, слезы вдов и сирот, всеобщее духовное опустошение, разруха — все это ввергало людей в состояние беспросветного уныния. Казалось, целые народы, отчаявшись, уже не знали, что будет с ними завтра. Но история поставила перед раздираемым противоречиями человечеством задачу — выйти из этого тупика и пойти вперед по пути, предначертанному законами общественного развития. Этот путь суждено было проложить России.

Великая Октябрьская социалистическая революция — крупнейшее событие XX века — вселила в человечество великую созидательную силу, вернула ему утраченный оптимизм, поставила высокие гуманистические идеалы, открыла новую эру в мировой политике, осудила позорную систему колониального угнетения народов и встала на их защиту.

Весть о ленинских декретах о мире и земле могучим эхом раскатилась по планете. Еще совсем недавно казавшиеся несбыточными лозунги В. И. Ленина «Мир — народам! Хлеб — голодным! Земля — крестьянам!» стали в России свершившимся делом. Какое сердце индийского крестьянина, услышавшего эту весть, не воспламенится благодатным жаром надежды? Разве призыв Декрета о мире к отказу от аннексий не был прямой политической поддержкой и индийских борцов за национальную свободу? Декрет срывал маски со всех, кто оправдывал колониальный захват чужих земель, будь то в Европе или в далеких заокеанских больших и малых странах.

В 1918 году сессия Конгресса впервые приняла резолюцию с требованием самоопределения для Индии.

Колонизаторы клеветали на революционную Россию, обливали ее грязью, возводили «санитарные кордоны», чтобы спасти Индию от «красной скверны», уберечь «смирный» народ от «жестокостей» революционного насилия. Газетные полосы пестрели лживыми рассказами о зверствах большевиков, и уж конечно там не было ни слова о кровавом белом терроре. Напуганные социальными переменами в России, местные фабриканты, помещики, ростовщики, старая консервативная «гвардия» Индийского национального конгресса вторили английским властям. Не все и не сразу понял из происшедшего в России Ганди. Но позднее, уже в 1928 году, он скажет:

«...Как бы там ни было, нельзя отрицать того факта,

что за большевистскими идеалами стоит самая настоящая самоотверженность бесчисленного количества мужчин и женщин, которые отдали во имя этих идеалов все, что у них было. Идеал, освященный жертвами такого выдающегося человека, как Ленин, не может пропасть даром. Благородный пример их самоотверженности будет прославлен в веках и будет делать этот идеал все более чистым и прекрасным». В устах Ганди эти слова звучали высшей похвалой.

Для Ганди, все честные помыслы которого были устремлены к обновлению старых основ общежития людей, к бесклассовому единению их морали, к примирению в нарождающейся молодой Индии социальных антагонизмов с абстрактным понятием добра, революция в России все-таки была загадкой. Неведомое, далекое, то, что оставалось вне его личного опыта, не увиденное своими глазами порождало в Ганди недоверие и сомнение.

Совсем иначе встретили Октябрьскую революцию представители радикального крыла национально-освободительного движения в Индии — Локаманья Тилак и его сподвижники. Спустя три месяца после провозглашения в России Советской власти, 29 января 1918 г., Тилак в своей газете «Кесари» писал: «Ленин является поборником мира... Он разошелся с Керенским именно из-за того, что тот хотел руководить правительством в России на основе компромисса с имущими классами. Ленин же и думать не хочет о каких-либо отношениях с этими классами. По мнению Ленина, эти имущие классы воюющих сторон занимают опасные и исключительно эгоистические позиции. Они выступают против интересов простых людей всех стран. Именно эти классы развязали войну в то время, как трудящиеся искренне стремятся к миру... В конечном счете, рабочая партия во главе с Лениным свергла правительство Керенского и взяла власть в свои руки».

Невзирая на жесточайшую цензуру, правда о революции в России просачивается в индийские газеты и журналы. Бенгальский ученый и общественный деятель Рамананд Чаттерджи на страницах редактируемого им журнала «Модерн ревью» печатает выдержки, репортажи и очерки о Советской России, написанные Джоном Ридом. Пишет об Октябрьской революции соратник Тилака К. П. Кхадилкар. Рабиндранат Тагор видит в Советской России «утреннюю звезду, возвещающую зарю новой эры». «Я не

сомневаюсь, — напишет Дж. Неру, — что советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир». Э. Безант, выступая на сессии Конгресса в 1917 году, заявила, что русская революция стала одним из исторических событий, «коренным образом меняющих существовавшее ранее положение в Индии».

С тем, что Октябрьская революция неизбежно скажется на развитии политической жизни в Индии, были согласны все — и тот, кто приветствовал ее, и тот, кто боялся и осуждал ее. Признавали «пагубное» влияние событий в России на обстановку в Индии и высшие колониальные власти — министр по делам Индии лорд Монтегю и вице-король лорд Челмсфорд. В докладе, подготовленном для английского парламента, они нарисовали тревожную, но вполне объективную картину. «Революция в России, — сообщали они, — была воспринята в Индии как победа над деспотизмом... Она дала толчок развитию политических устремлений в Индии».

Жители деревень узнали о событиях в далекой России от демобилизованных солдат, возвратившихся с полей сражений в Европе и на Среднем Востоке после окончания войны. Так было во многих деревнях Северной Индии, особенно в Пенджабе, откуда была набрана основная часть солдат для индийской армии, принимавших участие в войне, а также в военных действиях в Туркестане, Прикаспии и в Средней Азии.

Вице-король издает один указ строже другого, предписывающие суровые наказания за любую «русскую пропаганду» в стране. Из-за животного страха перед революционной Россией он даже вводит смехотворный запрет на обращение в Индии русского рубля, который и без того никогда не имел хождения в этой стране. Английские власти распространяют слухи о каком-то сговоре русских большевиков с афганским королем и их совместных планах нападения на Индию. Лорд Челмсфорд даже обращается к лидерам Индийского национального конгресса с призывом прекратить в связи с этим всякие антиправительственные выступления и оказать ему помощь в борьбе против «большевистской угрозы», будто бы нависшей над страной. Ганди, однако, не позволил вовлечь себя и ру-

ководимый им Индийский национальный конгресс в разжигавшуюся колонизаторами антисоветскую кампанию и выразил восхищение идеалами свободы, равенства, справедливости и прогресса, во имя которых трудящиеся России свергли самодержавие. Он понимал, что Октябрьская революция была осуществлена трудящимися в их собственных интересах, и недвусмысленно публично заявил: «Я ничего не имею против русских, которые сделали великие дела ради пролетариата».

Ганди резко отвергает призыв вице-короля. «Я никогда не верил в большевистскую угрозу, — говорит он. — Да к тому же, почему какое-либо правительство Индии должно бояться русской большевистской или какой бы то ни было другой опасности?»

Война отнимала у людей все: хлеб, жилье, счастье, саму жизнь. Воюющие страны являли собой мрачную картину. Процветавшие до войны мирные отрасли промышленности, сельское хозяйство теперь зачахли и не могли удовлетворить даже самых насущных потребностей населения. Англия, экономический потенциал которой обильно пополнялся за счет огромной колониальной периферии, и та в конце войны ослабла, истощилась материально и духовно. Война требовала новых солдат, сырья, продовольствия. Получая военные займы от США, Англия, чтобы выплачивать проценты по ним, ужесточала эксплуатацию Индии.

В этих условиях английское правительство решило созвать в апреле 1918 года в Дели «военную конференцию», пригласить на нее индийских национальных лидеров и, заручившись их поддержкой, осуществить в Индии мобилизацию материальных средств и людских ресурсов для «победоносного» завершения войны.

Вице-король Челмсфорд попросил Ганди принять участие в этой конференции. Сопричастность Ганди к конференции, по замыслу вице-короля, во многом могла способствовать успеху ее работы. Теплые личные отношения, установившиеся у него с Ганди, позволяли рассчитывать на его поддержку. Челмсфорд, однако, не все учел. Заполучить согласие Махатмы на участие в «военной конференции» оказалось делом непростым. Для наместника английской короны, привыкшего к беспрекословному подчинению, получить отказ от Ганди было более чем оскорбительным. Нежелание участвовать в конференции он мо-

тивировал тем, что на нее не были приглашены видные политические деятели Индии Тилак, Безант и братья Али.

Что касается братьев Мухаммеда и Шауката Али, то о них следует сказать особо. Именно здесь Челмсфорд просчитался, замышляя противопоставить авторитет Ганди популярным мусульманским лидерам страны и тем самым разъединить национально-освободительное движение, вбить клин между индусами и мусульманами. Братья Али возглавили «халифатское движение» в Индии — в поддержку халифа, верховного религиозного главы мусульман, титул которого тогда носил турецкий султан. Индийские мусульмане активно выступили против раздела Турции, за сохранение ее политической самостоятельности. Возникшее на религиозной основе халифатское движение вскоре приняло антианглийский, антиимпериалистический характер.

Являясь наряду с М. А. Джинной основателями крупной политической партии Индии — Мусульманской лиги, братья Али открыто призывали соотечественников к изгнанию колонизаторов из Индии. В результате оба оказались в тюрьме. Но еще до их ареста Ганди успел познакомиться с ними и считал братьев настоящими патриотами; вел с ними переписку, добивался их освобождения.

В вопросе о необходимости укрепления индусско-мусульманского единства Ганди проявляет беспримерное политическое чутье, чувство гражданской ответственности, смелость и мудрость. Он говорит, что разобщенность, тем более религиозная вражда между индусами и мусульманами — на руку колонизаторам. Именно в этом вопросе принципу ненасилия, предсказывает он, суждено подвергнуться серьезному испытанию. Поэтому Ганди, правоверный индус, делает все, для того чтобы «постичь дух мусульманства», установить с исламскими руководителями искренние дружественные отношения, поддержать справедливые требования угнетенных мусульман. Левацки настроенные конгрессисты усматривают в поддержке Ганди халифатского движения реакционный религиозно-реформаторский смысл, а крайне правые — измену индуизму в угоду единству с мусульманами.

Махатма Ганди отправляется в Дели с твердым намерением встретиться с вице-королем и выступить в защиту требований мусульман. Он пишет Челмсфорду письмо, и

тот сразу же дает ему аудиенцию. Вице-король буквально уговаривает Ганди не отказываться от участия в конференции и заверяет его, что английское правительство с пониманием относится к халифатскому движению и не намерено унижать религиозное достоинство мусульманского населения.

На пути участия Ганди в конференции возникает еще одно препятствие: в революционной России опубликованы тайные договоры самодержавия со странами Антанты, затрагивающие судьбы Турции, и в английскую прессу просачиваются сообщения относительно секретных соглашений между Англией и другими империалистическими державами. Ганди просит вице-короля разъяснить ему, насколько эти сведения соответствуют действительности. Но разве лорд Челмсфорд мог дать честный ответ? «Этот старый мир, — писал В. И. Ленин, — имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто»*.

Вице-король, устремив взор мимо собеседника в пространство зала, с притворным откровением заговорил:

— Вы, я полагаю, не думаете, что вице-король Индии в курсе всего, что предпринимает британский кабинет министров?.. Я сам читал в английских газетах о тайных договорах. Смеем вас уверить, что знаю не более того, что сообщалось в газетах. Вы же, конечно, имеете представление об «утках», которых так много появляется в печати. Неужели, лишь основываясь на газетной заметке, вы откажетесь помочь империи в такой критический момент? По окончании войны можете предъявить какие угодно моральные требования и бросить нам любой вызов, но, пожалуйста, после войны, а не теперь.

Просьба эта не была для Ганди новой. Он слышал об этом аргументе и раньше. Политически, однако, было очень важно предать гласности джентльменскую договоренность с вице-королем, обнародовать обещания английского правительства. «Я понимал, — вспоминал позднее Ганди, — что... обязан был объяснить, как и почему я принял участие в конференции, и четко изложить, чего народ ждет от правительства». Ганди спрашивает согласие лорда Челмсфорда на опубликование своего открытого письма к нему: на этих условиях он будет присутствовать на

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 299.

конференции. Вице-королю приходится согласиться: иначе конференция не выполнит своего назначения.

На конференции Ганди вместо ожидаемой речи произнес всего одну фразу о том, что он с полной ответственностью просит поддержать резолюцию о вербовке новых рекрутов. Причем произнес он эту фразу не на английском, а на хиндустани, что вызвало недовольство представителей английских властей и восторженные поздравления индийцев, поскольку это был первый случай, когда индиец говорил на подобных форумах в присутствии вице-короля на языке своего народа. «Какая трагедия для страны, — возмущается в ответ Ганди, — что ее язык объявлен «табу» на заседаниях, происходящих в этой же стране, в работе, имеющей непосредственное отношение к этой стране, и что речь, произнесенная на хиндустани случайным лицом вроде меня, может даже вызвать поздравления!.. До какого положения мы низведены!»

Открытое письмо вице-королю Ганди публикует без промедления. Вот выдержки из этого документа:

«Как Вам известно, после долгих размышлений я вынужден был сообщить Вашему Превосходительству, что не смогу участвовать в работе конференции... Однако после аудиенции, которой Вы меня удостоили, я решил принять участие в ней, хотя бы из глубокого уважения к Вам. Одной и, пожалуй, основной причиной моего отказа от участия в конференции было то, что Локаманья Тилак, Энни Безант и братья Али, которых я считаю одними из наиболее влиятельных руководителей общественного мнения, не были приглашены на конференцию. Я по-прежнему считаю, что это было грубейшей ошибкой... Осмелюсь заметить, никакое правительство не может позволить себе игнорировать таких лидеров, которые представляют широкие народные массы, как в данном случае, даже если их взгляды будут совершенно иными».

Далее Ганди пишет, что индийцы посчитали своим долгом в час опасности оказать поддержку империи и что исполнение этого долга породило их право требовать предоставления Индии статуса доминиона в кратчайший срок. «Мы должны понять, — подчеркивает он в письме, — что, служа делу спасения империи, тем самым обеспечиваем себе самоуправление». Касаясь намерений метрополии и далее пополнять свой военный бюджет за счет Индии, Ганди отмечает: «Мои откровенные беседы с крестьянами

убедили меня, что Индия уже дала в имперскую казну больше, чем могла».

«И еще одно, о чем я не хочу умолчать, — пишет Ганди лорду Челмсфорду. — Вы обратились к нам с призывом забыть о внутренних раздорах. Если это обращение предполагает нашу терпимость в отношении тирании и злоупотреблений чиновников, то здесь я бессилен. Всеми силами я буду оказывать активное противодействие организованной тирании... В Чампаране своим противодействием вековой тирании я показал, что есть пределы и британской власти. В Кхеде крестьяне, проклиная правительство, теперь понимают, что они, а не правительство, являются силой тогда, когда они готовы страдать во имя справедливости. Говоря себе, что правительство должно быть правительством для народа, население допускает организованное и почтительное неповиновение там, где имеет место несправедливость. Поэтому моя деятельность в Чампаране и Кхеде — это мой непосредственный, определенный и особый вклад в войну».

Махатма Ганди неразрывно связывает состояние внутриполитической обстановки в Индии с внешней политикой Англии. «И наконец мне хотелось бы, — заключает он свое письмо, — чтобы Вы попросили министров Его Величества дать твердую гарантию в отношении мусульманских государств. Я уверен, что Вы знаете, как глубоко заинтересован в этом каждый мусульманин. И хотя я индус, я не могу относиться безразлично к их делу. Их горести должны стать нашими горестями. Безопасность империи коренится в честном уважении и справедливом удовлетворении требований Индии — предоставить ей самоуправление...»

Итак, лорду Челмсфорду не удалось ни в малейшей степени использовать авторитет Ганди для достижения политических целей. Лондон был явно раздражен «либерализмом» Челмсфорда, который, как все считали, потерпел крупную неудачу в открытом состязании, навязанном ему Махатмой Ганди.

Борющаяся Индия называет своего вождя

Первая мировая война с ее неисчислимыми жертвами и разрушениями окончательно убеждает Махатму Ганди в «сатанинской» природе капиталистической цивилизации, господствующей на Западе. Все законы нравственности были попорчены победителями. За всеми преступлениями стояла цель голой наживы, обогащения одних за счет других. «Европа, — восклицает Ганди, — не может быть названа христианской. Она поклоняется мамоне». Но тем больше он верит в ненасилие как в единственное универсальное средство против всякого зла — внешнего и внутреннего, массового и индивидуального. «Те, кто открыл закон ненасилия в море насилия, были несравненно гениальнее Ньютона. Они были и более великими воинами, нежели Веллингтон, — возражал Ганди одному из английских генералов, хваставшемуся несокрушимой мощью Британской империи и мировой славой ее оружия. — Зная, как пользоваться оружием, владея им, они поняли его бесполезность и учили измученный мир тому, что его спасение — в отказе от насилия».

— Ненасилие — это смирение, апатия к борьбе, трусость, это отвратительно походит на добровольный приход обреченных животных на скотобойню, — полемизируют с Ганди.

— Ненасилие вовсе не означает смиренного подчинения воле злоумышленника, — спокойно поясняет Ганди. — Это скорее противопоставление всех душевных сил обиженного злой воле тирана. Ненасилие — не удел трусости, оно всегда героизм. В то же время владение

ненасилием требует от человека гораздо большего искусства, нежели оно необходимо фехтовальщику со шпагой. Человек, владеющий методом ненасилия, способен бросить вызов всему могуществу несправедливой империи и отстоять свою честь и достоинство.

— Может быть, ненасилие приемлемо для одного человека, желающего уподобиться Иисусу Христу, но оно вряд ли приемлемо для всего народа, в отношениях между государствами. Взгляните на историю: она — сплошь войны, иными словами — массовое организованное насилие одних государств над другими, — возражают Ганди его оппоненты.

Ганди соглашается, что с незапамятных времен история действительно обезображена постыдными для человечества войнами. Но он тут же подмечает, что история фиксирует лишь войны, тогда как многочисленные свидетельства о жизни народов в мире, согласии и дружбе остаются фактически без упоминания. Это происходит потому, что история, по его мнению, отражает лишь события, связанные с нарушением всеобщего закона ненасилия, присущего человеку и человеческому обществу. «Сила духа и нравственность человека, — говорил Ганди, — будучи естественным даром природы, не являются предметом истории». Он соглашался, что заключенное в человеке зло нередко берет верх, однако этим вовсе не отменяется закон ненасилия, в котором гармонично соединены любовь и истина. «Жизнь не смогла бы торжествовать над смертью, если бы в ней не главенствовал этот закон. Жизнь являет собой вечный триумф над могилами», — убеждал Ганди и подчеркивал: «Мнение, что закон ненасилия достаточно хорош для индивидуумов, но не для широких масс людей, для всего человечества, является самой большой и горькой ошибкой».

Первая мировая война не принесла ни одному из народов, участвовавших в ней, ни лавров чести, ни лучшей жизни. Страданий же и проблем прибавилось как у народов-победителей, так и у побежденных.

Махатма Ганди ворвался на политическую арену страны будто стихийная сила, заставшая врасплох английское правительство в Индии. Имя Махатмы, непостижимо загадочной, на редкость истовой и в то же время, казалось бы, самой ординарной личности, вдруг пришло на уста миллионов индийцев. Раскатистым эхом оно докати-

лось и до стен лондонских колониальных крепостей. Хранители мировой империи поначалу хотели было воспринять Ганди как нового «восточного духовидца», как явление, относящееся больше к индийской экзотике, чем к политике, но уже вскоре поняли, что ошиблись: борющаяся Индия обрела своего вождя.

Победа Англии в войне погрузила Индию в состояние сдержанного возбуждения. Главная колония империи ожидала решающих перемен. Социальные и политические процессы в течение некоторого времени скрыто протекали в глубинах общества и лишь иногда проявлялись на поверхности в виде локальных забастовок фабричных рабочих и крестьянских волнений. Затаенное напряжение между классовыми полюсами в стране, усиливаемое иностранным гнетом, крушение надежд индийцев, связываемых с победой в войне, — все предвещало конец терпению людей, социальный взрыв, ломку устоев старого порядка.

В стране возрос вес индийских капиталистов, которые за годы войны расширили за счет военных поставок сферу своей предпринимательской деятельности. Теперь они хотели удержать и умножить свои прибыли. Конкурентная борьба индийской национальной буржуазии приводила к еще большему обнищанию тружеников города и деревни.

Имущие классы добивались от метрополии экономических свобод и равных возможностей, тогда как рабочие и беднейшие крестьяне, утратив всякую надежду на завтрашний день, готовы были идти на любые жертвы, только бы освободиться от двойных цепей рабства — своих и чужеземных угнетателей; средние классы, интеллигенция мечтали о конституционных реформах, которые предоставили бы Индии широкое самоуправление и тем самым открыли для них заманчивые перспективы роста и свободы деятельности.

Во внешнеполитическом плане Лондон после победы как бы в оплату своих векселей, выданных Индии во время войны, пригласил ее представителей присутствовать (разумеется, в составе английской делегации) на Версальской мирной конференции. Индийский национальный конгресс даже принял решение о делегировании в Версаль Ганди. Однако он не проявил к этой конференции никакого интереса и от поездки отказался.

Пользуясь положением державы-победительницы, Англия как бы в угоду Индии настояла на том, чтобы она вошла в число «полноправных» первоначальных членов Лиги наций. Решение это было принято вопреки Уставу Лиги, по которому ее членами могли стать только независимые государства.

Ганди понимал: под «Индией» имелось в виду английское правительство в Индии и что благодаря этой дипломатической акции Англия получала еще один голос в Лиге наций, где она и без того была одной из главенствующих держав. Империалистические государства через Лигу наций устанавливали в мире послевоенный статус-кво и объявляли принципом «справедливости и чести» сохранение в неприкосновенности своих колониальных владений, расширенных за счет вновь приобретенных мандатов на колонии, отторгнутые у Германии, и некоторых территорий распавшейся Османской империи.

Так обстояло дело с обещанием Англии допустить Индию после войны к участию в мировой политике. Что же касается обещания о предоставлении ей самоуправления, то английское правительство использовало все ухищрения, чтобы не только сохранить, но и упрочить свою власть в Индии.

Министр по делам Индии Монтегю и вице-король Челмсфорд подготовили для английского правительства и парламента доклад об английской политике в Индии, на основании которого в 1919 году был принят закон об управлении Индией. Этим законом предусматривалось символическое расширение состава избирателей в центральную и провинциальные законодательные ассамблеи страны (всего с 1 до 3 % взрослого населения!). Индийцам предоставлялись места в исполнительных советах при вице-короле и губернаторах провинций для занятия постов министров здравоохранения, просвещения и некоторых других второстепенных должностей колониальной администрации. Англичане же по-прежнему полностью контролировали финансы, армию, полицию — все жизненно важные области экономики, внутренней и внешней политики Индии. Новый закон вводил избирательную систему по религиозным куриям и таким образом преднамеренно разъединял и противопоставлял друг другу индусов и мусульман, бросая между ними яблоко раздора. Закон был рассчитан на отрыв националисти-

чески настроенной буржуазии, помещиков, религиозно-общинной верхушки и зажиточной интеллигенции от освободительного движения.

Кроме того, в том же 1919 году английские власти вводят в силу закон Роуллетта, названный так по имени его автора — английского судьи. Закон предусматривал усиление уголовных наказаний за антиправительственную деятельность. Полиция наделялась правом подвергать аресту и тюремному заключению и судить за закрытыми дверями всех неугодных или подозреваемых в революционной деятельности.

Еще до вступления закона Роуллетта в силу Ганди писал вице-королю письма и открытые послания, взывая к его справедливости, умоляя не давать своего согласия на законопроект. И хотя, как всегда, письма были уважительные, но в них чувствовалась решимость не уступать вызову властей. Вице-король так и не внял призывам Ганди.

«Раз уговоры не помогают, нужны активные и организованные действия», — решает Махатма. Он основывает «Сатьяграха сабху» — «Союз сатьяграхов», члены которого клянутся: невзирая на угрозу тюремного заключения, не повиноваться деспотическому и антинародному закону.

Ганди и его приверженцы развертывают по всей стране широкую агитацию против действия властей, выпускают листовки, повсюду организуют митинги и демонстрации. Разъезжая по стране, Ганди выступает в городах и селах перед огромным скоплением взволнованных людей, которые, встречая его, скандируют: «Да здравствует Гандиджи!»

На древней земле тамилон в Негапатаме Ганди произносит речь перед тысячами рабочих, собравшихся на лужайках города. Ганди говорит, что практически вся его жизнь прошла среди людей труда и ему известны их проблемы. Рабочие и крестьяне составляют подавляющее большинство общества. Именно им принадлежит решающее слово, от них зависит будущее Индии. Рабочие должны осознать свое достойное место среди других классов. Естественно и необходимо участие рабочих в движении за отмену оскорбительных законов, но в отличие от Запада, наставлял Ганди, где общество раздирается насилием из-за конфликта между трудом и капиталом, в Индии должно быть налажено их мирное и даже благотворное взаимодействие.

Итак, что касается социальных проблем, Ганди четко

расставляет все акценты в своей схеме классового сотрудничества в общенациональной борьбе Индии за свободу. Он пока еще относит свою деятельность скорее к моральной, чем к политической сфере. Однако волей-неволей он становится руководителем своей первой общеиндийской политической кампании. Теперь все взоры националистически настроенных индийцев, включая и представителей имущих классов, были с надеждой обращены на него. Предложенный им метод борьбы за национальную независимость, как никакой другой, соответствовал переменчивым настроениям буржуазии и землевладельцев, смягчал их подозрительность к своему народу. Им уже не чудились кошмары народных бунтов, и бунты теперь не казались такими неотвратимыми. В методе, предложенном Ганди, было что-то новое, необычное, и одновременно привычное — смирение, причудливо соединенное с героической непокорностью. Каждому предоставлялась возможность выразить протест против колонизаторов: то ли в одиночку, то ли организованно — главное, без насилия приносить на алтарь борьбы личные страдания и личные жертвы, и уж конечно совсем не покушаясь ни на чьи права. И так до тех пор, пока незаконно владеющие этими правами и недобросовестно использующие эти права сами не раскаются в своих «ошибках» или будут уже не в состоянии управлять непокорным народом.

С особым энтузиазмом откликнулась на призыв Ганди молодежь. Молодые люди, с присущим им темпераментом и готовностью жертвовать собой, объявляли о своем непризнании закона Роулетта и демонстративно отправлялись в тюрьмы для того, чтобы принять страдания во имя родины и свободы. Молодой адвокат из Аллахабада Джавахарлал Неру, вернувшийся из Англии после окончания Кэмбриджа, с восторгом отзывался о кампании, проведенной Ганди: «Наконец-то появился выход из тупика, найден метод прямого, открытого и, возможно, эффективного действия!»

Но его отец — Мотилал Неру, один из авторитетнейших юристов страны и основателей партии Индийский национальный конгресс, не разделял энтузиазма сына: ему казалось просто сумасбродством сознательно навлекать на себя репрессии властей, добровольно становиться мучеником совести и безропотно переносить страдания как укор злу и политической несправедливости.

Тем не менее Мотилал Неру решает познакомиться с легендарным человеком, о котором заговорила вся Индия, и приглашает Ганди посетить семейный дом Неру в Аллахабаде. Он ведет долгие беседы с гостем наедине. Джавахарлал в этих беседах участия не принимает: отец не хочет вовлекать единственного, горячо любимого сына в опасную политическую кампанию, из-за участия в которой он может оказаться за решеткой.

Мотилал Неру — выразитель чаяний индийской элиты от национальной интеллигенции: одновременно англофил и патриот Индии. Все, что на поверхности, все, что составляет оболочку, — все это им заимствовано из Европы, пришло сюда с далеких северных островов; то же, что живет в его сердце, что суть его бытия, чувств и характера, — традиционно индийское, точнее кашмирское, откуда происходит род Неру. Баловень адвокатской карьеры и гонораров с шестизначными цифрами, получаемых от индийских князей, имущественными делами которых он занимался в Верховном суде, Мотилал Неру жил широко. Ему завидовали даже иные высокопоставленные колонизаторы. Свой дом — настоящий дворец — он не случайно назвал «Ананд бхаван» — «Обитель радости». Махатме Ганди было понятно, что в жизненные планы хозяина дома никак не входили добровольные страдания, акты самопожертвования и лишения, связанные с ненасильственными кампаниями гражданского неповиновения.

Ганди готов был к нелегкому разговору.

— Стало быть, по вашему убеждению, ненасилие и есть универсальный ключ к индийской свободе, — интересовался Мотилал Неру, выговаривая слова с характерной для адвокатов пытливой интонацией.

— Да, ненасилие способно остановить и сокрушить любую силу, в том числе и парализовать мощь британской империи, — ответил Ганди.

— Ненасилие как бездействие, непротивление злу, покорность. Простите, Гандиджи, так надо понимать движение сатьяграхов?

— Нет, я понимаю это совсем иначе, уважаемый господин Неру. Ненасилие требует противопоставления грубой, аморальной и несправедливой силе угнетателя всех духовных и интеллектуальных резервов отдельного человека или целой нации. Согласитесь, что сознательное

принятие на себя страдания или даже смерти за торжество истины совсем не означает покорности злу или бездействию.

— Читал обо всем этом у русского графа Толстого... Тебя бьют по одной щеке, а ты подставляй другую. Только вот не так пошли дела в России..., не по Толстому.

— Не так, — согласился Ганди. — Но это еще не доказательство того, что ненасилие потерпело банкротство. Виноват не принцип, а люди, не воспользовавшиеся им... Большевики ставят себе благородную цель — мир. Однако насильственными средствами им не достичь желанного мира ни у себя дома, ни с другими странами.

— Униженные и оскорбленные индийцы имеют право на бунт, — возразил Мотилал Неру. — Хотя я, как вы, очевидно, знаете, вовсе не сторонник крайних в Конгрессе, в том числе и Тилака. И все-таки я, как индеец, понимаю и уважаю Тилака и не понимаю вас, призывающего индийцев добровольно заключать себя в тюрьмы колонизаторов.

— Мотилалджи, ненасилие как раз и есть бунт, но с той лишь разницей, что он проявляется не на кулаках и в кровавых погромах, а стоической непокорностью души и воли человека поступкам злодея или несправедливого государства со всей его машиной управления, армией, полицией, тюрьмами, — охотно пояснял Ганди. — Такого человека не испугает тюрьма. Представьте себе, власти, боясь вас, желают упрятать вас в тюрьму, наказать. А здесь вы сами идете в тюрьму — и так тысячи, десятки тысяч людей. Власти смущены, и вы непременно одержите победу, возвысив свое достоинство и в то же время не унизив и не нанеся ущерба своему противнику.

— Ну, а как ваш метод ненасилия разрешает вопрос о священном праве собственности? — явно желая поставить собеседника в тупик, лукаво улыбаясь, спросил Неру.

Ганди уже не раз приходилось слышать подобные вопросы от представителей имущих классов и, поняв причину беспокойства собеседника, он, тепло улыбаясь ему, серьезно ответил:

— В своей жизни я отказался от владения какой-либо собственностью. Это мое личное убеждение, и оно не связано с принципом ненасилия. Должен, однако, сказать вам, что ненасилие в состоянии полностью защитить

вашу честь и достоинство, но оно не всегда способно отстоять право того или иного человека на владение землей или движимостью.

— Не всегда, — выделил Мотилан Неру.

— Именно не всегда. Уже по своей нравственной природе ненасилие не обязано вставать на защиту права собственности, нажитой нечестно или путем аморальных поступков, — пояснил Ганди и добавил: — Добропорядочные землевладельцы, промышленники, такие состоятельные и образованные люди, как вы, Мотилалджи, являются опекунами народа, и воспринятое им ненасилие создаст ту необходимую социальную гармонию в нашем обществе, которой нам так недостает.

Собеседники еще долго разговаривали, а расставаясь, остались довольны друг другом. Махатма Ганди был рад, что ему удалось поближе познакомиться и найти общий язык с одним из самых авторитетных и волевых лидеров старой «конгрессистской гвардии». Тогда Ганди еще только готовился к политической деятельности в общенациональном масштабе и, естественно, искал достойных соратников. Ему уже удалось привлечь на свою сторону Махадева Десаи, Валлабхаи Пателя, Раджендра Прасада, — теперь Мотилала Неру. Мотилал Неру тоже остался доволен: он прояснил для себя позицию Ганди и почувствовал его способность повести за собой народ. Для него, юриста, было важно также узнать от Ганди, из первых уст, что праву и закону «революционная анархия» не грозит.

Проницательный Ганди обратил внимание и на молодого Неру. Вот такой лидер нужен Индии — прогрессивный, знающий мир. Но Ганди решил выждать и не торопить день завтрашний.

Прощаясь с Мотилалом Неру, Ганди подошел к Джавахарлалу и, ласково положив руку ему на плечо, посоветовал не опережать событий и не предпринимать ничего такого, что могло бы огорчить отца. С того дня Махатма становится самым близким другом семьи Неру, а Мотилал и Джавахарлал — его верными соратниками в борьбе за свободу Индии.

Закон Роулетта вступил в силу. Ганди, как он и предупреждал вице-короля, объявил всеиндийский день траура — хартал, означавший прекращение всей деловой жизни, своего рода всеобщую забастовку. Призыв Махатмы

был услышан народом, и 6 апреля 1919 г. стало началом кампании гражданского неповиновения.

В этот день замерла вся страна. Хартал затронул глубины народного сознания, вернул людям веру в свои силы, озарил их души благоговением перед поруганной родиной. Индия вновь обрела себя. Начались индуско-мусульманские братания, единение народа. Впервые рабочие и крестьяне приняли участие в массовых политических демонстрациях.

Перепугавшиеся власти восприняли забастовку как приближавшуюся катастрофу и поспешили применить силу. Полиции и войскам был дан приказ разгонять демонстрации и митинги, не останавливаясь перед использованием оружия. Начались кровавые расправы в Дели, Ахмадабаде, Амритсаре, Лахоре, Бомбее. В Пенджабе вводится военное положение, границы провинции закрываются. Ганди пытается проникнуть в Пенджаб, но по дороге его арестовывают и под охраной возвращают в Бомбей.

Улицы Бомбея заполнены людьми, скандировавшими «Банде матарам!» («Привет тебе, Родина-мать!») и «Аллах-и-акбар!» («Велик аллах!») — восклицание, принятое у мусульман. Ганди видит, как отряды конной полиции врзались в гущу народа и, размахивая пиками, давили копытами лошадей стариков, женщин, детей. Пешие и конные смешались, воздух потрясали вопли искалеченных людей и крики обезумевших от ярости карателей. Ганди был потрясен.

Полицейский автомобиль доставил его к резиденции комиссара Бомбея Гриффита. Вокруг здания и в самом помещении разместились подразделения солдат и полиции. Создавалось впечатление, что город готовится к боям. Первым делом Ганди выразил комиссару свое возмущение жестокой расправой с демонстрантами. Тот резко ответил ему:

— Увидев, что толпа не поддается никаким увещаниям, я вынужден был отдать приказ конной полиции разогнать собравшихся.

— Но, — возразил Ганди, — вы ведь знали, каковы будут последствия. Лошади буквально топтали людей. Я считаю, что не было никакой необходимости высылать так много конных полицейских.

— Не вам судить об этом, — злобно сказал комис-

сар. — Мы, полицейские офицеры, хорошо знаем, какое влияние на народ имеет ваше учение. И если бы мы вовремя не приняли жестких мер, мы не были бы хозяевами положения. Уверяю вас, что вам не удастся удержать народ под своим контролем. Он очень быстро усвоит вашу проповедь неповиновения законам, но не поймет необходимости сохранять спокойствие.

Не соглашаясь с мнением комиссара, Ганди уверял его, что индийский народ по природе миролюбив и противник насилия.

— Предположим, — заявил тогда комиссар, — вы убедитесь, что народ не понимает вашего учения. Что вы тогда станете делать?

— Если бы я в этом убедился, — ответил Ганди, — я бы приостановил гражданское неповиновение.

— Подождите еще немного, — угрожающе сказал Гриффит, — и вы поймете, что народ не воспринимает вашего учения. Знаете ли вы, что делается в Ахмадабаде? А что было в Амритсаре? Предупреждаю, что ответственность за эти беспорядки ложится на вас.

Если в Ахмадабаде в результате беспорядков, спровоцированных самими колонизаторами, были убиты только сержант и правительственный чиновник, то в Амритсаре произошли действительно зловещие события. Здесь, как и повсюду, власти в день всеобщей забастовки — хартала прибегли к разгону демонстраций и к избиению людей. Местные руководители хартала Китчлу и Сатьяпала были арестованы по обвинению в антиправительственной агитации. Чтобы выразить протест против ареста и высылки их из Амритсара, тысячи индийцев направились к городскому магистрату. Демонстрацию встретили солдаты. Завязалась потасовка. И с той и с другой стороны были убитые и раненые. Во время столкновения случайно пострадала английская миссионерка, некая Шервуд. Волнения разрастались. В Амритсар вошли войска под командованием генерала Дайера. 13 апреля 1919 г., в Новый год по местному календарю, на городской площади Джаллианвала Багх собралось около 20 тысяч горожан и жителей близлежащих деревень. Начался митинг. Ораторы требовали отмены закона Роулетта и освобождения из-под ареста Китчлу и Сатьяпалы. Площадь оглашала многоголосое: «Инкилаб зиндабад!» — «Да здравствует революция!» В самый разгар митинга на площадь

ворвались солдаты генерала Дайера. Раздалась команда «Огонь!» Эта команда повторялась непрерывно, пока на площади не полегло около тысячи участников митинга.

Расстрел безоружных начался без предупреждения и продолжался, пока не были истрачены все патроны, и даже тогда солдаты еще расправлялись с несчастными и беззащитными людьми с помощью штыков. Это была тупая месть, хладнокровное истребление людей. Дайер действовал, как убийца-маньяк. Сразу же после кровавой бойни Дайер под страхом смерти запретил жителям города выходить из своих домов, лишив этим помощи сотни раненых, умиравших на площади.

На той самой улице, где миссионерка Шервуд получила ушибы, был установлен «пост возмездия», и в течение десяти дней английские солдаты по приказу Дайера заставляли всех проходивших мимо индийцев под дулами ружей ползти на животе. Всюду проводились публичные порки, совершались казни. Англичане хотели унижить гордый, непокорный пенджабский народ. Этот террор вполне соответствовал политической психологии колонизаторов. «Сила — единственное, что уважают азиаты», — заявил в Дели английский генерал Дрейк Брокман.

Ганди попытался незамедлительно выехать в Пенджаб. Он писал и телеграфировал вице-королю, но все было напрасно: власти и слышать не хотели об этом. По горькому свидетельству Ганди, в Пенджабе «царил полнейший произвол. Везде были созданы специальные трибуналы, которые стали, однако, не судами справедливости, а судами деспотической воли... В Амритсаре ни в чем не повинных мужчин и женщин заставляли как червей ползать на животе». Это попрание человеческого достоинства возмущало Ганди даже больше, чем пролитая кровь. Он тяжело переживал последствия руководимой им кампании гражданского неповиновения. Насилие властей мало его удивляло. Он и не обещал народу вести его к победе путем, усыпанным розами. Он предсказывал, что путь этот будет лежать через реки крови. Каждый индиец, говорил он, вступая на путь неповиновения властям, должен быть морально готовым к смерти. Достижение свободы требует жертв.

Случаи ответного насилия со стороны возмущенного народа — вот что больше всего угнетало Ганди. Поэтому он публично признает, что совершил «ошибку, огромную,

как Гималаи». Народ, заключил он тогда, еще не был морально подготовлен к осуществлению столь широкой кампании ненасильственного неповиновения властям.

В течение нескольких месяцев правительство пыталось скрыть от мировой общественности ужасы Амритсара, а когда правду все же не удалось утаить, была назначена специальная комиссия по расследованию пенджабских событий. Но комиссия, как и следовало ожидать, разоблачать виновных не собиралась. В ее задачу входило по возможности приглушить эхо амритсарских выстрелов. Тем не менее члены комиссии все же вынуждены были отметить в своем докладе: «Мы не сомневаемся, что он (генерал Дайер. — *Авт.*) сумел произвести очень сильное впечатление, но совсем не то, на которое рассчитывал. Убийства на Джаллианвала Багх вызвали другие выступления... и широкое возмущение по всей стране».

Ганди призвал бойкотировать правительственную комиссию и осуществить самостоятельное расследование амритсарских событий представителями Индийского национального конгресса. Он продолжал настоятельно добиваться у вице-короля разрешения на поездку в Пенджаб, но тот отвечал: «Не теперь». Наконец, Ганди во главе группы конгрессистов, в которую вошли также Мотилал и Джавахарлал Неру, выехал в Амритсар. Материалы расследования, осуществленного конгрессистами в Пенджабе, стали свидетельством правительственной тирании и произвола колониальных чиновников. Все учиненные ими зверства были совершены в провинции, которая во время минувшей войны поставила Великобританию наибольшее число солдат.

Сквозь трагедию Амритсара Ганди увидел, однако, и ободрившее его обстоятельство: индусы и мусульмане отбросили религиозные распри и на поле амритсарской резни кровью скрепили свое братство.

В конце ноября 1919 года в Дели состоялась конференция халифатского движения мусульман Индии. И впервые в истории страны Ганди, индус по религии, был избран ее председателем. Он — ярый сторонник индусско-мусульманского единства. Для него мусульманский вопрос — ключ к единению всего народа, а стало быть и к достижению Индией независимости, к созданию в Индостане свободного светского государства. Ганди не боится упрекнуть своих единоверцев-индусов в том,

что они еще мало сделали для того, чтобы ослабить религиозную нетерпимость. Он с досадой говорит о случаях, когда приверженцы двух основных религий в стране провоцировали друг друга. Индусы, например, проходя мимо мечети, нарушали «священную тишину», распевая песни. Мусульмане же зло шутили над индусами по поводу их культа коровы. Все это влекло за собой ссоры и стычки, а иногда и убийства. Англичанам индусско-мусульманская вражда казалась вечной, и их собственный мир в захваченной стране прочно покоился на этой спасительной для них вражде. Совсем не случайно поэтому призыв Ганди к индусско-мусульманскому братству привел к тому, что халифатское движение живительным потоком влилось в Индийский национальный конгресс, усилив его антиимпериалистическую направленность.

В самом конце 1919 года состоялась очередная сессия Конгресса. Она была знаменательна тем, что собралась в многострадальном Амритсаре. Но не только этим. Незадолго до сессии король Англии призвал индийцев содействовать имперским властям в осуществлении «дарованного» им нового закона об управлении Индией. По этому случаю объявлялась амнистия для политических заключенных.

Многие руководители Конгресса прибыли на сессию прямо из тюрем. Среди них были соратники Ганди — мусульмане, знаменитые братья Али. Сюда, в Амритсар, приехали Тилак, Мотилал и Джавахарлал Неру, Безант и другие видные политические деятели страны. Все они видят в Ганди вожака народных масс, человека несгибаемой воли. Однако многие консервативно настроенные конгрессисты еще не готовы воспринять ни его учение, ни его руководство. Впрочем, и они не могут отрицать того факта, что с приходом Ганди Конгресс превратился в массовую политическую партию. Это пугает «старую гвардию» Конгресса, которая не привыкла и не хотела иметь дело с народом.

В работе сессии принимает участие лидер партии «Мусульманская лига» М. А. Джинна. И хотя союз двух партий — Конгресса и Лиги кажется еще достаточно прочным, Джинну явно не устраивает единая позиция братьев Али и Ганди. Амбиция, соединенная с политическим и религиозным консерватизмом, мешает Джинне искренне сотрудничать с ними: по всему видно, что он не

примирится со второй ролью в партии и сделает ставку на воинствующий исламизм, противопоставляя его общим интересам борьбы страны за независимость.

В противоположность Джинне, Ганди совсем не заботится о своем политическом авторитете: его влияние на конгрессистов было всеобъемлющим и неоспоримым. Сессия с большим энтузиазмом приняла предложенную им резолюцию о сооружении памятника жертвам амритсарского расстрела. По всей стране прошла кампания по сбору средств на памятник. В соответствии с решением сессии Ганди возглавил комиссию, которая должна была выработать новый Устав Индийского национального конгресса. По настоянию Ганди в комиссию вошел и Тилак. Позднее Ганди вспоминал об амритсарской сессии Конгресса как о начале своей политической деятельности.

В это же время Махатма Ганди при содействии своих друзей организует в Ахмадабаде издание газеты «Янг Индия» («Молодая Индия»). Он считал, что основной целью ее должно быть воспитание и подготовка народа к проведению кампании гражданского неповиновения, пропаганда принципов ненасилия. «Янг Индия» должна была воскресить в сознании индийцев прекрасное прошлое их родины. Издательский опыт, приобретенный Ганди еще в Южной Африке, очень пригодился ему для организации выпуска газеты.

Ганди в это время был занят еще и поиском общественного механизма, с помощью которого миллионы голодных и раздетых индийцев могли бы хоть в самом малом обеспечивать свои жизненные потребности самостоятельно, вне сферы производства и распределения, установленной колонизаторами. В этом он усматривал залог успеха в проведении широкой кампании гражданского неповиновения. Его внимание привлекает движение «свадеши» — массовый бойкот английских товаров и требование развивать национальную промышленность. Оно возникло еще в 1905 году как форма протеста на решение вице-короля Керзона осуществить раздел Бенгалии по религиозному принципу и уже вскоре приобрело всеиндийский характер, став по существу движением за экономическую независимость страны.

Ганди вдохнул в движение «свадеши» новую силу. Он призывает индийцев носить одежду исключительно из тканей ручного производства. Обитель Ганди на реке Сабар-

мати становится центром возрождения ручного прядения, которое с удивительной быстротой распространяется по всей стране. По образцу старых делались новые прялки, и вот, казалось, все население Индии поголовно занялось производством кхади. Изображение прялки, по предложению Ганди, становится символом независимости на знамени Конгресса. А самих конгрессистов можно было узнать по головному убору — «топи», белой шапочке, типа пилотки, сделанной из того же кхади.

Призыв Ганди использовать ткани отечественного производства отвечал интересам местной буржуазии, которая вела конкурентную борьбу с английскими текстильными фабрикантами, но объективно этот призыв способствовал также и вовлечению в антиколониальное движение много-миллионного крестьянства страны. В сложившейся социально-политической обстановке Ганди, как еще никто и никогда, умел предложить людям программу конкретного действия. Хотя программа производства кхади и возврата к старым ремеслам была рассчитана на примирение труда и капитала, на мирное разрешение социальных проблем общества, на ненасильственное освобождение народа от жестокой колониальной эксплуатации, она тем не менее служила целям пробуждения народа и была по существу антиимпериалистической.

Известный советский индолог А. Д. Литман по этому поводу писал: «Несмотря на кажущуюся отсталость и консервативность этих взглядов, движение за внедрение кхади как временная мера имело определенный смысл и значение. Учитывая, что колониальное правительство не предпринимало никаких шагов к ликвидации массовой безработицы, Ганди считал, что кхади экономически несколько поможет безработным, а главное — поднимет в них чувство собственного достоинства, вселит в них уверенность в свои силы». По мнению Ганди, производство кхади могло подрвать установленную колонизаторами практику вывоза из Индии дешевого сырья и ввоза в нее дорогостоящих тканей, изготовленных из него. «Индия умирает с голоду, — напишет Ганди в октябре 1921 года, — ибо она лишена работы, которая ей может дать пищу... Прялка есть средство к существованию для миллионов умирающих. Голод толкает Индию к прялке».

Социальные эксперименты Ганди помимо его воли

часто принимали острую форму политической борьбы трудящихся против иностранных и своих собственных угнетателей. Мечта Ганди о национальном объединении на основе социального компромисса, принципа «сарводайя» — всеобщего возрождения путем морального исправления богатых наталкивалась на суровую действительность. Богатые потому и становились богатыми, что других оставляли в нищете. И тогда Ганди, глубоко страдая, но как одержимый веря в свою идею о добром начале всякого человека, с удвоенной энергией продолжал начатое им дело.

Ганди обладал даром заражать своей идеей других. В каждого, кто общался с ним или просто приходил за советом, будь то рабочий, крестьянин, интеллигент, помещик или фабрикант, он вселял ободряющую мысль об их нужности обществу и веру в их способности служить великому делу экономического, политического и духовного возрождения своей страны.

К 1920 году влияние Ганди в Конгрессе стало быстро возрастать. К тому же за ним шла независимая тогда от Конгресса организация — Союз сатьяграхов. Успешная агитация Ганди по таким злободневным вопросам, как бойкот законопроекта Роуллетта, его союз с влиятельными руководителями халифатского движения, видная роль в расследовании амритсарского расстрела, популярность в народе — все это позволило ему действовать на политической арене самостоятельно и инициативно и, руководствуясь только своей совестью и убеждениями, принимать важные решения. Вокруг Ганди стало складываться ядро самых стойких и последовательных борцов за индийскую независимость. Среди них Абул Калам Азад, весьма образованный человек того времени. До знакомства с Ганди и вступления в Конгресс он был связан с бенгальскими террористами и в борьбе с колонизаторами готов был идти на самые крайние меры; издавал газету «Аль-Хиляль» («Полумесяц», символ ислама. — *Авт.*). С 1912 года Азад вместе с братьями Али возглавил халифатское движение. Теперь же он стал одним из видных сподвижников Ганди, восприняв его учение о ненасильственной борьбе с колонизаторами.

18 мая 1920 г. Ганди, Азад и Тилак встретились в Дели и обсудили план дальнейших действий по поддержке халифатского движения, которое набирало все

большую силу; в нем стихийно принимали участие не только мусульмане. Дело в том, что слово «халиф» на языке хиндустани созвучно слову «кхилияф» — «против». Поэтому халифатское движение в умах многих простых индийцев ассоциировалось с призывом выступать против англичан, а не в защиту власти турецкого султана над священными для мусульман местами Мекки и Медины и сохранения за султаном титула халифа, религиозного главы всех мусульман. Хотя, разумеется, Ганди, Тилак и Азад прекрасно сознавали важность использования и религиозного чувства индийских мусульман в целях оказания давления на английское правительство. Проявляя солидарность с Турцией, азиатской страной, потерпевшей поражение в войне, индийские лидеры тем самым уже в начале 20-х годов делали шаг к созданию единого антиимпериалистического фронта зависимых и колониальных стран.

В общем, было решено, что Ганди возглавит делегацию к вице-королю и изложит ему требование индийских мусульман о том, чтобы Англия и другие страны-победительницы не навязывали несправедливого и позорного мира Турции.

Вице-король принял делегацию Ганди и пространно говорил о том, что Англия, насколько это будет возможным, учтет интересы Турции, но в заключение беседы властным тоном посоветовал индийским мусульманам «принять неотвратимое» в отношении Турции.

Тогда 30 июня 1920 г. на конференции мусульман в Аллахабаде Ганди, Шаукат Али и Азад провели решение о несотрудничестве с английскими властями в Индии. В открытом письме вице-королю Ганди писал: «Я посоветовал моим друзьям-мусульманам отказаться от поддержки правительства Вашего Превосходительства и рекомендовал индусам присоединиться к ним».

Ответ вице-короля был кратким: он охарактеризовал призыв Ганди к несотрудничеству с правительством как «самый глупый из всех глупых планов».

Тилак заявил, что на предстоящей сессии ИНК он решительно поддержит призыв Ганди. Но в ночь на 31 июля 1920 г. сердце индийского демократа и патриота перестало биться.

Потрясенный его смертью, Ганди воскликнул: «Нет уже моей самой надежной опоры!». Позднее он напишет:

«...Я особенно сильно почувствовал, какой утратой для нас была смерть Локамани. Я был глубоко убежден, что, будь он жив, он благословил бы меня в моих начинаниях. Но если бы даже он выступил против, я бы усмотрел в этом милость и совет себе. У нас бывали разногласия, но они никогда не портили наших отношений. Поэтому я всегда думал, что связь между нами нерасторжима... Движение несотрудничества в то время было в полном разгаре, и я нетерпеливо ожидал от Локамани одобрения и поддержки. Какова была бы его позиция на последней стадии несотрудничества, можно только гадать, а это бесполезно. Одно несомненно: смерть его оставила зияющую пустоту».

1 августа 1920 г. Ганди вместе с письмом к вице-королю вернул свои награды, которых он был удостоен английским правительством за участие в войнах в Южной Африке. В этот же день на местной конгрессистской конференции в Гуджарате Ганди дает сигнал к началу развертывания по всей стране кампании несотрудничества с правительством.

Возражение правой оппозиции в ИНК во главе с видным конгрессистом М. М. Малавией, что провинциальная конференция не вправе принимать подобного рода решения раньше, чем его примет сессия Конгресса, не возымело действия. Призыв Ганди был услышан народом. Тогда руководство ИНК созывает внеочередную сессию Конгресса для обсуждения этого вопроса. Сессия состоялась в Калькутте с 4 по 9 сентября 1920 г.

Ганди сам подготовил проект резолюции о «прогрессивном ненасильственном несотрудничестве», согласовав его лишь с некоторыми руководителями ИНК и мусульманским лидером Шаукатом Али. Однако Ганди был совсем не уверен в том, какую позицию по проекту резолюции займут председатель сессии Лала Ладжпат Рай, Мотилал Неру, Энни Безант и другие руководители ИНК. Ему было ясно лишь одно: в Калькутте собралась внушительная группа ветеранов Конгресса, готовых дать ему бой.

Ганди не любил ставить задач, в выполнении которых не был уверен. Сама борьба для него была важна не столько достижением цели, сколько избранием правильных, с его точки зрения, методов ее осуществления. Он считал, что надо идти от малого к большому, через незначительное к главному, через конкретное и узко обы-

денное, бытовое к высокой политике, к вопросу о независимости и, наконец, к решению вопроса о власти. Порой Ганди шел на компромисс с радикально настроенным левым крылом Конгресса, иногда с консервативным, примиряя их и добиваясь сохранения единства партии. Сам же он оставался независимым и от тех, и от других. Таким был его политический метод, тактика и стратегия, которые, естественно, менялись в частностях по мере изменения исторических условий, развития в стране революционной ситуации в связи с переменами в настроениях «низов» и в положении «верхов».

В своем проекте резолюции Ганди предложил объявить кампанию несотрудничества не только в знак протеста против репрессий властей в Пенджабе, а также для того, чтобы, проявляя солидарность с мусульманским населением страны, добиться от английского правительства принятия требований халифатского движения. Против такой постановки вопроса выступил ряд делегатов сессии, в том числе и Мотилал Неру, который настаивал на включении в резолюцию требования о сварадже, то есть о предоставлении Индии самоуправления. Ганди согласился внести это изменение, и резолюция была принята. Правда, значительная часть конгрессистов отнеслась к ней с нескрываемым скептицизмом. Да и сам автор резолюции, как по всему было видно, не верил в возможность достижения свараджа в то время и рассматривал получение Индией самоуправления как довольно отдаленную перспективу, для осуществления которой предстояло пройти длинный и тернистый путь. Тем не менее включение этого требования определяло конечную цель, и Ганди согласился с Мотилалом Неру о воспитательном значении для масс предложенной им и другими конгрессистами поправки.

Резолюция, в общем-то, как и следовало ожидать, была составлена в полном соответствии с классовыми представлениями Ганди и его коллег по ИНК. В ней не было упоминаний ни о рабочих, ни о крестьянах. Она была обращена ко всему народу и даже в большей степени к его имущей части.

По мнению Ганди, первыми в кампанию несотрудничества должны были вступить те его соотечественники, от которых зависело формирование общественного мнения в стране, кто занимал дарованные им англичанами долж-

ности и имел почетные звания, кто имел слово в законодательных советах и судах, кто помогал англичанам в армии, полиции и управленческом аппарате, — одним словом, те, кто так или иначе находился на службе у колонизаторов и тем самым помогал им сохранять власть в Индии и узаконивать несправедливость, репрессии и экономическое ограбление, политическое и духовное закабаление страны.

«Данная сессия Конгресса... — говорилось в резолюции, — придерживается мнения, что у народа Индии есть только один путь — одобрить и принять политику прогрессивного ненасильственного несотрудничества на весь период, пока упомянутые несправедливости не будут устранены и пока не будет установлен сварадж».

Далее в резолюции указывалось, что на данной стадии развития движения желательно идти лишь на минимальный риск и по возможности не прибегать к крайним мерам. На этом этапе движения Конгресс настоятельно рекомендовал: отказаться от должностей и почетных званий и уйти в отставку с постов в местных органах; отказаться от посещения правительственных приемов и от присутствия на официальных церемониях, устраиваемых правительственными чиновниками или в их честь; перестать посылать детей в английские школы и колледжи, постепенно перейти к бойкоту английских судов; военнослужащим, чиновникам и трудящимся отказываться от записи в рекруты; баллотирующимся на выборах в законодательные советы снять свои кандидатуры, а избирателям отказаться от голосования за любого кандидата, который, невзирая на рекомендацию Конгресса, стал бы баллотироваться на выборах; бойкотировать иностранные товары.

Итак, Ганди в предложенной им кампании несотрудничества с английскими властями основную тяжесть возлагал на имущие классы, буржуазию и интеллигенцию. И поступал он так вовсе не из симпатии к фабрикантам и помещикам. «Капиталисты не имеют ни достоинства, ни силы по сравнению с рабочими, — скажет он позднее. — Этими качествами обладают простые люди». Он считал, что именно привилегированные группы Индии оказались повинны в порабощении своей страны англичанами. «Англичане не завладели Индией, — говорил он, — мы им отдали ее. Они находятся в Индии не благодаря своей силе, а потому, что мы держим их здесь». Свое суждение

он обосновывает фактами из истории колониального закабаления Индии.

«Кто сделал столь могущественной английскую Ост-Индскую компанию? Кто помогал английским купцам? Кто соблазнился их серебром?» — спрашивал Ганди. «Она (Ост-Индская компания. — Авт.) принимала нашу помощь, — отмечал он, — и увеличивала число товарных складов. Для их охраны она держала армию, которую мы также использовали... Индусы и мусульмане были тогда друг с другом на ножах. Это также благоприятствовало Компании, и, таким образом, мы сами создали условия, которые обеспечили Компании контроль над Индией».

Ганди резко осуждает индийскую компрадорскую верхушку за то, что она и теперь помогает колонизаторам грабить и угнетать народ, и утверждает, что именно поэтому причины, благодаря которым Англия все еще способна господствовать в Индии, остаются прежними, как и во времена Ост-Индской компании. Необходимо отказаться от сотрудничества с колонизаторами, и тогда их армия и флот будут бессильны что-либо сделать.

Принадлежа к древнему роду касты банья — купцов и ростовщиков, Ганди, хотя сам никогда и не был ни тем, ни другим, хорошо знал, что такое нажива в торговле. Купец не остановится ни перед чем, что касается прибыли. В этом его природа.

Англичан Ганди причислял к нации купцов, стремящихся любой ценой превратить весь мир в рынок для своих товаров и в сферу приложения своих капиталов. Он даже грустно шутил, вспоминая слова президента Трансвааля Крюгера, которого кто-то спросил, есть ли золото на Луне. Тот ответил, что это маловероятно, поскольку если бы оно там было, англичане давно захватили бы Луну.

Ганди никогда и ни перед кем не скрывал своего отрицательного отношения к капитализму и все-таки пользовался доверием и пониманием не только у простых людей, но и у капиталистов (крупнейшие индийские миллионеры Бирла и Тата были его друзьями). Ненасильственный моралистский метод Ганди импонировал и фабриканту, и помещику: каждый из них в душе считал себя примерным гражданином и патриотом родины, «опекуном» бедных тружеников. Интересно, что именно такими хотел видеть их и сам Ганди, искренне полагая, что

творимое ими зло не их личная вина (сами по себе они хорошие люди), а скорее следствие беды, которую принесла в Индию западная цивилизация. Но поскольку они носители зла, то им, мол, и надлежит искоренить его: освободиться от влияния Запада, добиться независимости Индии. Низведенные до положения забитых рабов рабочие, крестьяне, миллионы отверженных хариджан — божьих детей (так называл Ганди неприкасаемых) — жертвы этого зла, и их надо «взять за руку» и повести к свободе, создать им жизнь, достойную человека.

Ганди отводил роль «поводыря» народа избранным представителям нации. Вот что он писал 22 сентября 1921 г. в «Янг Индия» сразу же после принятия чрезвычайной сессией Конгресса решения о проведении кампании несотрудничества: «По-моему, рабочие и ремесленники Индии еще не достигли того уровня национального самосознания, который необходим для проведения забастовки солидарности. Это наша вина. Мы, люди, посвятившие себя служению нации, до последнего времени не изучали нужд и стремлений этих классов и не заботились о том, чтобы разъяснять им политическую обстановку. До сих пор мы считаем, что лишь те, кто прошел через высшие школы и колледжи, пригодны для служения делу нации. Поэтому вряд ли следует ожидать, чтобы рабочие и ремесленники сразу же поняли интересы, выходящие за рамки их непосредственных потребностей, и пожертвовали собой ради них. Мы не должны использовать их в политических или каких-либо иных целях. Самое лучшее, что мы можем на данном этапе дать им и в то же время получить от них, это научить их уметь быть полезными себе, помочь им понять свои обязанности и права и сделать способными добиться удовлетворения справедливых требований. Только тогда, и не ранее, они будут подготовлены для деятельности политической, деятельности на благо нации, деятельности гуманной». Иными словами, речь шла о необходимости подъема сознания трудящихся масс.

Но даже эта, весьма умеренная программа антиколониального «бунта» будоражила умы некоторых представителей либеральной элиты страны. Они не хотели быть втянутыми в прямые действия, разрушать устои мира, с которыми они свыклись, и желали бы только «совершенствовать» его добродетельной активностью совместно и в сотрудничестве с англичанами и со всеми благоразумными

сильными мира сего. Они, либеральные мыслители, избранные личности, стоящие в стороне от возмущенной и «безумствующей» толпы, не желают оказаться в ее гуще, боятся быть раздавленной ею. Их пугают беспорядки, чинимые «чернью»; они предпочитают мечтать о лучшем будущем, к которому прогресс должен привести Индию, как он привел к нему еще раньше «просвещенные» страны Европы. В глазах этих людей Ганди выглядел «безответственным подстрекателем и бунтарем». Забыв о своей прежней «ошибке величиной с Гималаи», роптали они, он снова взывает к неповиновению и творит бурю, в которой погибнет внутренний мир в стране.

Даже индийские патриоты, особенно из числа творческой интеллигенции, верящей в прогресс человечества и вдохновляемой идеалами революционной России, и те далеко не все поняли характер предложенной Ганди кампании несотрудничества с англичанами, в частности, отрицание им западной цивилизации, призывы вернуться к древним ремеслам, восстановить былую самобытность индийской культуры и национальных традиций.

Восстал против Ганди и его великий соотечественник Рабиндранат Тагор, в патриотизме которого не мог усомниться никто. Он не раз выступал с протестами против действий колонизаторов. Как и Ганди, Тагор, возмущенный амритсарским расстрелом, публично отказался от дарованного ему английской короной рыцарского звания. Но одно дело политика, другое — мировые духовные связи людей, рассуждал Тагор. Его широкая образованность, уходящая корнями не только в многовековые могучие слои индийской культуры, но и в культуру Запада, делала для него невозможным отречение от достижений мировой мысли. Тагор верил в то, что полное развитие личности человека может быть осуществлено лишь в великой гармонии всех народов. Его, как просветителя, пугает несотрудничество, распространяемое даже на бойкот английских учебных заведений, произведений искусства, современных духовных и материальных ценностей развитых стран Европы.

Тагор, по-прежнему высоко отзываясь о душевных качествах и религиозно-моральных устремлениях Ганди, о его светлой любви к человеку, сокрушался, что ему, Махатме, после смерти Локаманыи Тилака выпал жребий заменить его и войти в большую политику. Он скорбит о

судьбе Ганди, ставшего по злему року политиком: «Нам необходимо обладать всем тем моральным напряжением, — писал он 7 сентября 1920 г., — которое проявляется в жизни Ганди и которое отличает его от остального мира... То, что столь драгоценное сокровище брошено в утлое судно политики, в бесконечные волны возмущений и взаимных упреков, — великое несчастье для нашей страны, назначение которой в том, чтобы возвращать своим душевным пламенем жизнь мертвым... Расточение наших духовных ценностей в авантюрах, которые, с точки зрения истинной нравственности, дурны, — возмутительно. Преступно претворять моральную силу — в слепую...»

Поэт восхищается светом духовного созидания Махатмы, его заботой о «возвышении души Великой Родины», но он, однако, не воспринимает элемента отрицания и разрушения связей, который, по его мнению, содержит в себе принцип несотрудничества.

И Тагор, и Ганди во вспыхнувшем между ними пламени полемики исходят из философии индуизма. Тагор видит в индуизме только позитивное начало, гармонию всего сущего. Ганди считает, что неприятие зла не менее важно, чем позитивная деятельность, и что отрицание не противоречит индуизму. «Индия забыла, как произносится слово «нет!» Прежде чем сеять — надо корчевать», — говорит в сердцах Ганди.

Тагор — за соединение культур Востока и Запада и поэтому создал у себя в Шантиникетоне «всемирный университет». Он готов учиться у Запада. «Современность принадлежит Западу, — пишет Тагор. — ...Мы — Восток, мы должны у него просветиться... Конечно, дурно, что мы давно уже оторваны от своей собственной культуры и что поэтому западная культура стоит у нас не на должном месте... Но говорить, что не следует поддерживать с ней отношения, значит принимать худший вид провинциализма... Задача современности — всемирность. Ни один народ не может ступить шага, отмежевываясь от другого. Или спастись всем вместе, или вместе погибнуть».

Махатма отвергает обвинения Тагора. «Для меня любовь к родине соединена с любовью к человечеству, — утверждает он. — Я патриот оттого, что я человек и человечен. Я не исключение. Желая служить Индии, я не причиню зла ни Англии, ни Германии. Империализму нет места в моей жизни... Патриот уже не патриот, если

он равнодушен к человечеству». Ганди не причисляет себя к воинствующим националистам. «Я хочу, — отвечает он Тагору, — чтобы ветер культуры всех стран как можно свободнее веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног. Я не хочу жить в домах других людей как незванный гость, как нищий или раб».

Тагор верит в добрые намерения самого Ганди, но он не доверяет огромной массе его последователей — гандистам. Возвратившись в Индию после длительного пребывания в Европе, поэт был потрясен духом воспрянувшего народа. От привычного смирения людей не осталось и следа. Народ, славя своего учителя — Махатму, готов был слепо, по единому его жесту, идти за ним, не рассуждая и не думая о последствиях. Тагору казалось, что учение Ганди умственно поработило людей, сковало их внутреннюю свободу; ему представлялось, что фанатичная сила сметет на своем пути все мосты, связывавшие Индию с остальным миром.

Ганди, однако, и в этом не соглашался с Тагором. Свадеши, по его мнению, — путь к экономической самостоятельности страны, а «несотрудничество не направлено против Запада. Оно идет против материализованной цивилизации и эксплуатации... Индия должна научиться жить, прежде чем научиться умирать за человечество».

Цель Ганди — со временем наладить сотрудничество со всеми странами, в том числе и с Англией, но сотрудничество равноправное и взаимовыгодное. Он говорит, что «уйдет с поля битвы, если почувствует ненависть к англичанам». Махатма учит любить тех, против кого борешься, но не мириться с пороками. Противники Ганди, возражая ему, заявляют, что эта формула годится для проповеди в храмах, но она слишком утонченна для крестьянских полей и заводских цехов.

В августе 1921 года в Бомбее Ганди присутствует при сожжении огромных тюков дорогих английских тканей и в ответ на отчаянные заклинания англичан пишет в статье «Этика разрушения» о благотворном «перемещении народного гнева с людей на предметы».

Тагор боится, что постоянное напоминание о несправедливостях, причиненных Индии Европой, лишь отравит народное сознание ядом буйства и тогда уже у самого Ганди не хватит силы, чтобы, использовав свое нравственное превосходство, вести народ «под уздцы». Тагор считал,

что, как бы ни был велик Ганди, он обладал силой лишь одного человека, а руками одного человека, каким бы огромным влиянием он ни пользовался в стране, Индия не может быть удержана. Поэт согласен, что «золотой кнут» Махатмы в состоянии пробудить народ к правде и добру, но решить величайшую задачу — добиться независимости не под силу и вождю. Вождь должен объединить свои усилия со знанием и опытом всей нации, сотрудничеством миллионов с государственными мужами. Так рассуждал Тагор и некоторые другие представители индийской элиты.

Полемика между Ганди и Тагором вылилась на страницы печати. 1 октября 1921 г. в «Модерн ревью» Тагор помещает статью «Зов истины», в которой обрушивается на вождей за их умственный деспотизм. Но перед тем, как укорить Ганди, поэт адресует ему хвалебную оду.

Вспоминая подъем национально-освободительного движения в Индии 1907—1908 годов, он отмечает, насколько неспособными были тогдашние политические лидеры Индии по сравнению с людьми, говорившими по-английски, насколько книжной была их мечта о свободе. Теперь же «явился Махатма Ганди. Он побывал на пороге множества нищенских хижин в одежде нищего. Он говорил с бедняком на его родном языке. Тут, наконец, была истина, а не книжная цитата. Данное ему имя Махатмы — его истинное имя. Кто еще не почувствовал, что все люди Индии одной с ним крови и плоти?.. Как только истинная любовь встала у дверей Индии, дверь эта широко раскрылась...»

После этих восторженных слов Тагор говорит о крушении своих надежд, о горьком разочаровании тем, что он увидел, вернувшись на родину. «Какая-то внешняя сила двигала каждым, — писал он, — и заставляла всех говорить на один голос и впрягаться в одну повозку. Повсюду я услышал, что и культуру, и разум необходимо запретить, а самим закабалиться в слепом подчинении... Так легко раздавить внутреннюю свободу человека во имя свободы внешней!» Вот о чем сокрушался поэт. Он считал себя свободно мыслящей личностью. Поэт призван воспевать радости жизни, даже если ему придется петь на развалинах времени; его «внутренняя музыка важнее грома с неба».

Через несколько дней, 13 октября, Ганди поместил в «Янг Индия» ответ Тагору. Он, называя поэта «великим часовым», благодарит его за то, что тот стоит на страже, оберегая Индию от опасностей.

Махатма вовсе не перечит поэту насчет важности свободы выбора для человека. «Слепое подчинение, — соглашается он, — часто унижительней насилия, произведенного кнутом тирана». Ганди тоже обращается к разуму, а не только к чувству. Если страна прибегла к бойкоту иностранных товаров и ручному ткачеству, то не из-за одного отчаяния, но и после долгого размышления, разъясняет он свою позицию. «Тагор говорит о терпении, — пишет он, — однако довольствуется своим пением. Теперь война. Пусть Поэт отложит лиру. Он будет петь позже. Когда дом в огне, каждый хватается за ведро воды... Когда окружающие меня люди умирают с голоду из-за отсутствия пищи, единственно, что мне позволено, это — накормить голодных... Индия — дом в огне... Индия умирает с голоду, ибо она лишена работы, которая ей может дать пищу... С каждым днем Индия становится все обездоленной. Кровь уже почти не струится по ее жилам. Если мы не решимся на что-нибудь, то она погибнет... Кто питается не трудясь — равен ворами...

Голод толкает Индию к прялке... Поэт живет в завтрашнем дне и хотел бы от нас того же. Нашему восхищенному взору он преподносит прекрасную картину птиц, поющих ранним утром хвалебные гимны и порхающих в небе. Птицы эти сыты».

Ганди пишет, что считает невозможным облегчить страдания голодающих услаждением их слуха райским пением. Людям надо дать заработок, чтобы они могли насытиться.

«Но спрашивают: почему же и мне, которому не надо работать, чтобы быть сытым, тоже надо прясть? — задает риторический вопрос Махатма и отвечает: — Потому, что я ем то, что мне не принадлежит. Я живу трудами моих соотечественников. Проследите путь тех денег, что приходят в ваш карман, и вы увидите, что я говорю правду!.. Необходимо прясть! Пусть каждый прядет! Пусть Тагор прядет, как и все! Пусть сожжет свое заграничное платье!.. В этом задача нашего времени. Завтрашним днем мы займемся после».

Слова Ганди звучат, как волевой призыв вождя, кото-

рый во всенародной борьбе беспрекословно повинуетя дисциплине сам и требует того же от остальных.

Одержимость Ганди пугает не одного Тагора. Даже Ромен Роллан, внимательно следивший из далекой Франции за полемикой двух гигантов Индии и постоянно восторгавшийся Махатмой, разделяет некоторые опасения Тагора. В раздумьях о стоических усилиях Ганди он пишет: «Бесспорно, в человеческой борьбе дисциплина есть долг каждого. Но несчастье состоит в том, что те, кто обязан за ней следить, — приближенные вождя — суть нередко люди узкого ума; и для себя, и для других они средства делают целью. Правило их прельщает именно своей узостью, ибо они находятся сами на узком пути».

И в самом деле, некоторые сторонники Ганди толкуют идеи своего учителя извращенно, в духе реакционного национализма, доходя до отрицания¹ всего неиндийского и возводя в абсолют то, что у Ганди есть понятие относительное, применимое лишь во взаимосвязи с другими явлениями и в конкретных исторических условиях. Ганди не претендует на звание теоретика или философа — он практик; он осуществляет социальный эксперимент, и его лаборатория — вся страна. Ашрам Ганди с его обитателями на реке Сабармати — центр этой лаборатории. Между ашрамом Ганди и тагоровским Шантиникетоном помимо желания их хозяев возникает нечто вроде идеологического соперничества. Оно осуществляется интеллигентно, по нерушимым правилам преданной дружбы и взаимного уважения. Когда один из журналистов приписал Ганди слова, сказанные им по поводу своего ашрама и Шантиникетона и которые будто бы были неуважительны для последнего, то Махатма счел необходимым опубликовать в «Янг Индия» специальную заметку. «Если бы мне пришлось решить вопрос о превосходстве того или другого.., я бы высказался за Шантиникетон. Он — старший брат, он древнее годами и мудростью. Но пусть жители Шантиникетона остерегаются быстрого движения маленького ашрама», — с теплым юмором писал Ганди.

Разногласия между Ганди и Тагором останутся, но трагизм в отношениях этих двух великих индийцев только еще больше усиливает многогранность проявлений прекрасной национальной души индийского народа, его культуры, порыва к социальной справедливости, стремления видеть свою родину свободной и процветающей. Оба они,

каждый по-своему, бесконечно дороги и понятны каждому индийцу.

Расходясь в частностях, и Ганди, и Тагор всегда держались друг друга. Тагору принадлежат слова, под которыми легко подписался бы Ганди. Предсказывая духовное возрождение Индии и размышляя о принесенных индийским народом жертвах во имя свободы, Тагор утверждал, что «у Запада непоколебимая вера в силу материальных богатств. Поэтому, как бы он ни кричал о мире и разоружении, его кровожадность от этого не уменьшится». Ганди, как и Тагор, мечтает доказать миру, что сила народного духа, его добрая воля могущественнее силы подавления и силы оружия. Он глубоко верит, что миссия Индии и человечества в целом заключается в том, чтобы следовать истине, которая не только сделает возможным разоружение, но и преобразует это разоружение в огромную созидательную силу, с осуществления которого будет исчисляться подлинная история человеческой цивилизации. Разумеется, все эти мысли Ганди облачал в религиозную форму, говорил о божественном предназначении человека.

«О, Тагор, о, Ганди, реки Индии, подобные Инду и Гангу, — страстно призывает Ромен Роллан, — обнимите в двойном объятии Восток и Запад; первый из вас — полный величественного света, второй — трагического героизма, оба вы струитесь от Создателя к земле, изборожденной плугом насилия; бросьте в нее его семена» Ромен Роллан подчеркивает то, что объединяет великих индийцев — это социальная справедливость, это извечная идея человека о мире и счастье на земле.

Помимо Романа Роллана, на Ганди обратили внимание многие мыслители и литераторы западного мира. Их больше всего привлекает Ганди как классовый миротворец, новый пророк; они воспевают его нравственно-религиозные доктрины, его аскетизм и жертвенность; для них он выразитель абстрактной истины и высоких моральных качеств, но не классовых интересов индийской буржуазии. Моральные и духовные ценности, проповедуемые им, они сравнивают с догматами Будды, Христа, учениями Сократа и Толстого. Первую книгу о нем — «Ганди, индийский патриот в Южной Африке» пишет Джозеф Доук; о Ганди пишет английский квакер Карл

Хис, а американский священник Холмс в своей книге «Мой Ганди» прямо отождествляет его с Христом.

Сопоставления Ганди с пророками, а то и с самими богами немало раздражают его. Он не устает повторять, что он простой человек, как все. «Я считаю себя смиренным тружеником, смиренным рабом Индии и человечества, — говорит Ганди, — ...я не предлагаю новых истин... Я бросаю новый свет на многие старые истины...»

Буржуазные исследователи, основываясь исключительно на идиллических представлениях о жизни и деятельности Ганди, пытаются доказать, что Конгресс воспринял гандистские принципы только из любви и уважения к самому Ганди. Эти исследователи яростно опровергают утверждение, что гандизм — идеология национальной буржуазии. При этом они ссылаются на личное отвращение Ганди к власти. Джордж Кэтлин, например, доказывает непричастность Ганди к буржуазной политике таким рассуждением: «Опытный политик (из всего, что я о них знаю, это можно заключить с уверенностью) стремился бы стать генерал-губернатором Индии». А Ганди отказывается от государственных постов и поэтому он, дескать, не выражает интересов какого-либо одного класса, а лишь проявляет свою личную волю.

Ганди — признанный вождь национально-освободительного движения — не мог не привлечь к себе внимание сторонников марксистско-ленинской идеологии. Речь шла об освободительной борьбе зависимых стран Востока — части международной борьбы прогрессивных сил человечества против империализма.

В. И. Ленин пристально следил за послевоенным подъемом национально-освободительного движения в Индии. Исключительный научный и исторический интерес представляет признание им руководящей роли Национального конгресса в этом движении и выдающегося места в нем Ганди как вдохновителя и вождя народных масс.

В то время в Индии еще не было коммунистической партии, хотя, находясь в эмиграции, часть индийцев восприняла марксизм и поддерживала связь с Коминтерном. Среди них был М. Н. Рой, который на II конгрессе Коминтерна занял сектантскую и крайне левую позицию при анализе политической обстановки в Индии.

Рой считал себя непревзойденным знатоком индийской действительности. Но, так и не сумев усвоить творческой

сути марксизма, он механически переносил схему расстановки классовых сил в развитых капиталистических странах на колонии, на Индию. Когда в Индии еще не было коммунистической партии, когда рабочий класс был еще политически не организован, Рой уже ставил его в авангард национально-освободительного движения. Он недооценивал ленинской оценки антиимпериалистической роли национальной буржуазии в колониях и настаивал на проведении в отношении нее твердой негативной линии. И в этой связи Рой утверждал, что «как религиозный и культурнический возрожденец, Ганди неизбежно должен был быть реакционером в социальном отношении, как бы революционно он ни выглядел политически».

Позиция Роя в корне расходилась с высокой оценкой, данной Лениным Тилаку и Ганди. Еще в мае 1913 года Ленин в статье «Отсталая Европа и передовая Азия» писал: «В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там *еще* идет с народом против реакции»*. В 1920 году Ленин, отвечая на послание индийских патриотов, приветствовал «тесный союз мусульманских и немусульманских элементов»**. Это было прямой поддержкой усилий Ганди по созданию индусско-мусульманского единства в стране. Ленин прозорливо увидел огромное политическое значение этого единства в чрезвычайно сложных, специфических условиях освободительной борьбы в Индии. Для Роя же национальное единство, которого добивался Ганди, было сугубо религиозным, реакционным.

Все то, что В. И. Ленин называл «борьбой за азбучные права человека, за демократию» в Азии, как раз и составляло суть политической деятельности Ганди, его страстного стремления к пробуждению национального и демократического самосознания масс, к освобождению их от векового рабства и утверждению основных прав человека на труд и достойную жизнь.

Вернемся к программе, которую принес с собой в Конгресс Махатма Ганди. Поначалу она встретила яростную оппозицию руководства ИНК и справа, и слева. Но средние слои населения города и деревни, которые хлынули в Конгресс с приходом Ганди, скоро стали преобладать в

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 167.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 122.

конгрессиистской партии и с энтузиазмом подхватили эту программу.

В чем же был секрет популярности гандистской программы действий? Многие десятилетия, после кровавого подавления сипайского восстания в 1857—1859 годах, народ не видел никакого выхода из неуклонно ухудшавшегося положения, растущего обнищания, безработицы. Массовое разорение мелких собственников усиливало недовольство местной буржуазии. Однако робкие протесты и петиции, к которым прибегал Конгресс до прихода в него Ганди, сопровождавшиеся каждый раз неизменным восхвалением британской короны, не могли поколебать правительство.

Передовые и образованные люди в Индии, какими были Тилак, Ганди, Мотилал и Джавахарлал Неру, братья Али и многие другие, знали, что поработенные народы и классы добивались свободы вооруженной борьбой. История Европы и Азии богата такими примерами. Опыт Великой Октябрьской социалистической революции учил, что в России к тому времени сложились иные, чем в Индии, условия: царская власть была слаба, на сторону революции перешли армия и флот, рабочим классом руководила большевистская партия во главе с В. И. Лениным. В разобщенной Индии путь вооруженной борьбы, казалось, исключался. Невооруженный и политически неподготовленный к восстанию народ не мог противостоять первоклассной армии колонизаторов, усиленной хорошо оплачиваемыми наемниками из других стран. Любое вооруженное выступление индийцев было бы легко подавлено колонизаторами и дало бы повод для дальнейшего ужесточения режима. К тому же Ганди хорошо знал миротворческую психологию крестьян. Крестьянин отлично владел деревянным плугом, но он не умел обращаться с оружием. Да и где бы он взял оружие?

Еще когда Ганди руководил сатьяграхой в Южной Африке, один из английских чиновников без обиняков сказал ему: «Я иногда хочу, чтобы вы прибегли к насилию, подобно английским забастовщикам. Тогда нам сразу стало бы ясно, как поступить с вами». Ганди ответил, что «подобным образом» высказывался и глава расистского режима генерал Смэтс.

По убеждению Махатмы, в Индии сложилась обстановка, аналогичная обстановке в Южной Африке: правитель-

ству было бы гораздо легче расправиться с вооруженным выступлением восставшего народа, чем с мирным всенародным бойкотом всей системы колониального рабства. Действительно, соотношение сил между империализмом и национально-освободительным движением в стране делало крайне трудной и малоперспективной победу вооруженного народа.

Тактика индивидуального террора, которая в отдельных случаях применялась индийскими патриотами, не оправдала себя, она только деморализовала народ. Ганди решительно отвергал терроризм как метод политической борьбы. Стихийно возникавшие локальные бунты крестьян и рабочих не могли подорвать великолепно организованную государственную машину, сокрушить мощный аппарат подавления — полицию и армию.

В этих условиях Ганди выступил со своей программой несотрудничества. Она была реалистичным и достаточно действенным способом давления на правительство, деятельность которого в значительной степени основывалась на сотрудничестве с самими индийцами. Отказ населения страны от сотрудничества с правительственными учреждениями, бойкоты, неповиновение законам, неуплата государственных налогов — все это грозило развалом всей колониальной структуры управления, падением авторитета власти. Было несомненным, что Ганди удалось обнаружить своего рода «ахиллесову пяту» правительства. «Сатьяграха являлась ярко выраженной, хотя и ненасильственной, формой сопротивления тому, что считалось злом, — писал Джавахарлал Неру. — Фактически ее следует считать мирным восстанием, высокоцивилизованным методом войны, угрожающим при этом стабильности государства. Она стала эффективным способом пробуждения широких масс к действию, методом, который отвечал особенностям психического склада индийского народа».

Ганди не выступал за мир с колонизаторами, он объявлял им самую беспощадную народную войну, но войну невооруженную. Он верил, что горе и страдания миллионов есть тоже один из видов энергии народа и если эту энергию направить в одно русло, то ни штыки, ни пули, ни виселицы — ничто не в состоянии убить волю нации, ее порыв к свободе.

Политические умы империи увидели в Ганди опасного противника. Лондон торопился осуществить реформы

Монтегю — Челмсфорда — выборы в законодательные собрания в Индии и тем самым создать в индийском обществе надежную прослойку из послушных англичанам соглашателей, воспрепятствовать Ганди осуществить свою программу несотрудничества. Но на этот раз время и обстоятельства изменились. Группа индийцев, согласившихся баллотироваться в законодательные собрания, была клеймена позором. Им пришлось уйти из Конгресса. Жалкая группа соглашателей назвала себя партией либералов. Народ же по призыву Ганди вступил в подлинную борьбу с колонизаторами, которая шла за стенами этих бутафорских собраний в городах и селах страны.

В 1920 году наметился рост классового единства индийских рабочих; прошли всеобщие забастовки в Бомбее, Джемшедпуре и других промышленных центрах, возникло профсоюзное движение. На многолюдном митинге, состоявшемся в мае 1920 года в Бомбее, было принято решение об основании Всеиндийского конгресса профсоюзов. Участники митинга осудили практику произвольного назначения властями представителей индийских рабочих на Международную конференцию труда в Женеву. Ганди энергично отстаивает право рабочих иметь свои собственные организации и уполномочивать избранных ими представителей для защиты интересов рабочих на любом уровне. Он присутствует на многих митингах и собраниях рабочих, поддерживает их общедемократические и экономические требования. Но как и прежде, предостерегает их от насильственных действий против предпринимателей и властей; без устали проповедует идею «совладения» промышленными предприятиями капиталистами и рабочими. Правда, идея эта слишком отвлеченна, умозрительна и не очень-то понятна рабочим.

Отношения между владельцами фабрик и заводов с рабочими, заключает Ганди, не должны строиться по принципу хозяев и слуг. «Рабочие — не слуги, а совладельцы... Труд сам по себе является реальным капиталом, поскольку он — источник всех богатств».

Для индийских рабочих, находившихся в условиях ужасающей нищеты, работавших по 12—16 часов в сутки, никогда не пользовавшихся элементарными человеческими правами, предложения Ганди об урегулировании трудовых конфликтов на основе арбитража уже означали большое достижение.

Экономические требования рабочих, с одной стороны, удерживали их от прямых политических выступлений, а с другой — напротив, пробуждали у них сознание своей силы и убеждали в необходимости укрепления классовой солидарности и создания своих собственных организаций. Сама жизнь, опыт борьбы постепенно приводил рабочих к мысли об иллюзорности классового мира, к достижению которого искренне стремился Махатма Ганди. Как бы там ни было, влияние идей Ганди в индийском рабочем движении того времени оказалось преобладающим. Благодаря его усилиям экономическая борьба рабочих все теснее увязывалась с проводимой им кампанией гражданского неповиновения, а следовательно, с общенациональной борьбой за независимость Индии.

Поднимался на борьбу самый многочисленный класс Индии — крестьяне, в руководстве которым Ганди и Конгресс преуспели больше всего. Это возвещало начало новой исторической эпохи в стране. Хотя во многих провинциях страны крестьянские волнения все еще носили бунтарский, стихийный характер и принимали религиозную окраску, уже намечалась тенденция к организованным и координированным выступлениям сельских тружеников против феодальных порядков, поддерживаемых колонизаторами. Впервые члены Конгресса, следуя примеру Махатмы Ганди и его ближайших соратников, отправились в деревни, чтобы создать там местные организации конгрессистской партии и помочь политическому пробуждению крестьян.

На очередной сессии Конгресса в Нагпуре, состоявшейся в декабре 1920 года, политическая линия Ганди была закреплена окончательно. «Старая гвардия» отступила, и гандизм стал официальной идеологией партии. Ладжпат Рай и Дешбандху Дас, находившиеся еще на предыдущей сессии ИНК в оппозиции к Ганди, теперь решительно выступили в поддержку его программы несотрудничества. Руководители Конгресса, за малым исключением, пришли к единодушному выводу о неприемлемости для условий Индии ни политики реформ, ни политики насилия. Верх взяла третья линия — предложенная Ганди тактика активного ненасильственного сопротивления колонизаторам.

Основная дискуссия на сессии развернулась по вопросу о путях достижения Индией свараджа — самоуправления или независимости. Понятие «сварадж» толковалось по-разному. Малавия и Джинна настаивали на том, чтобы

целью ИНК стало получение Индией самоуправления в рамках Британской империи. Однако делегаты сессии приняли первоначальный проект этой резолюции, одобренный Ганди, который, кстати сказать, тоже не отличался особой ясностью. Конгресс ставил задачу добиться независимости Индии в рамках Британской империи, если это будет возможным, или вне империи, если возникнет такая необходимость. Иными словами, руководители Конгресса давали понять Лондону, что вопрос о том, останется ли Индия в составе империи или нет, будет зависеть от того, насколько благоприятную позицию по отношению к национально-освободительному движению займет Англия.

Сессия, по настоянию Ганди, утвердила также специальную резолюцию об индусско-мусульманском единстве. Принятие такой резолюции казалось Ганди особенно важным, поскольку руководитель Мусульманской лиги Джинна решил выйти из состава Конгресса. Его уход омрачил настроение делегатов сессии и серьезно расстроил Ганди. По словам Джавахарлала Неру, Джинна «вышел из Конгресса не из-за разногласий между индусами и мусульманами, а потому, что не мог приспособиться к новой и более передовой идеологии, а в еще большей мере потому, что ему неприятны были толпы оборванных людей, говоривших на языке хиндустани, которые хлынули в Конгресс. Он считал, что политика — это более высокая материя, которой надлежит заниматься в законодательной палате или узкой комиссии». Тогда, благодаря усилиям Ганди, раскола между религиозными общинами из-за позиции Джинны не произошло. Но его выход из Конгресса ничего хорошего не сулил: было очевидно, что такой человек, как Джинна, не будет пассивным наблюдателем событий и от политической деятельности не отойдет. К тому же у него было немало сторонников среди мусульманской религиозной верхушки; он пользовался большой благосклонностью и высших английских чиновников как в Дели, так и в самом Лондоне. Ганди понимал, что Джинна был политической фигурой, с влиянием которой в консервативных кругах страны нельзя было не считаться. И все же Махатма, делая ставку на массовость движения в борьбе за независимость Индии, представляет на рассмотрение нагпурской сессии Конгресса разработанный им новый устав партии, принятие которого означало превращение ИНК в широкую, разветвленную по всей стране политическую организацию.

Уставом предусматривалось создание высших, действующих между сессиями органов Конгресса: более широкого Всеиндийского комитета и узкого Рабочего комитета; в провинциях предлагалось образовать местные отделения ИНК.

В результате организационной перестройки Конгресса число его членов скоро достигло 10 миллионов человек. Из числа молодежи были созданы отряды волонтеров-добровольцев. Корпус волонтеров численностью в 150 тысяч человек стал настоящей опорой Конгресса. В рамках кампании несотрудничества волонтеры организовали демонстрации, митинги, разъясняли населению решения Конгресса.

Дух гражданского неповиновения быстро распространялся по всей стране. Напряжение росло с каждым днем. Столкновение в национальном масштабе стало неизбежным.

Глава пятая

Вперед, к цели. Отступление. Доктрина меча. Суд

В 1921 году Индию сотрясали народные протесты. Страна походила на проснувшийся вулкан. Покачнулись вековые устои английской власти. Страх, ранее сковывавший народ, поселился во дворцах колонизаторов.

Уинстон Черчилль получает пост министра по делам колоний: английским правящим кругам потребовалась твердая рука. Английский либерализм потерпел крах. Ллойд Джордж и Черчилль, которые тогда еще принадлежали к либеральной партии, блокируясь с консервативными и другими крайне правыми силами в Англии, растоптали обветшалые принципы либеральной буржуазии.

Свою деятельность в Индии Черчилль начал с того, что издал приказ об усовершенствовании аппарата подавления в колониях. Отныне основную тяжесть полицейских функций должны были нести военно-воздушные силы, а не сухопутная армия. В Лиге наций велись бесплодные дискуссии о разоружении. Представители многих стран высказывались за полное запрещение воздушных бомбардировок. Английское правительство выступило против таких ограничений и отстаивало свое «право» использовать авиацию в «полицейских целях» для восстановления «порядка» среди населения в колониях. Если в прошлом восставших индийцев расстреливали из пушек и винтовок, то теперь предписывалось использовать для подавления восставших и «поддержания порядка» бомбардировки с воздуха и пулеметный огонь с самолетов. Однако жестокие расправы над восставшими индийцами лишь усиливали брожение. За возбуждение недовольства в индийской ар-

мии братья Али приговариваются к длительным срокам тюремного заключения. Ганди встречается с вице-королем Ридингом и безуспешно пытается добиться их освобождения. На всю страну звучит призыв Ганди к солидарности с мусульманскими соотечественниками.

Вместе с другими выдающимися деятелями ИНК — индусами и мусульманами — Ганди подписывает и публикует манифест с требованием к правительству предоставить каждому индийцу право на свободу слова, собраний, митингов. В манифесте говорится, что Англия привела Индию к нравственному и экономическому упадку, к политическому рабству, и долг индийцев — отказаться служить империи.

Рабочий комитет ИНК, собравшийся на свое заседание в Бомбее 5 октября 1921 г., принимает в связи с манифестом Ганди воззвание, в котором говорится, что действия любого индийца, пытающегося поступить на правительственную службу или остаться на ней, необходимо рассматривать как противоречащие достоинству и интересам нации.

На этом же заседании Рабочий комитет разрабатывает некоторые принципы внешней политики Конгресса. Месяцем позже Всеиндийский комитет Конгресса принимает резолюцию, обращенную ко всем соседним с Индией государствам и другим странам. В резолюции по внешней политике ИНК, в частности, говорилось: «Нынешнее индийское правительство ни в коей мере не отражает позиции самой Индии, и его политика традиционно основана больше на удержании Индии в зависимости, нежели на защите ее границ».

Далее в резолюции указывалось, что будь Индия самостоятельной страной, ей бы нечего было опасаться ни соседних государств, ни любой другой страны, поскольку ее народ не имеет никаких враждебных замыслов против них. Большинство договоров, заключенных имперским правительством с соседними с Индией странами, направлено на то, чтобы увековечить эксплуатацию Индии.

Резолюция содержала призыв ко всем странам проявить добрую волю в отношении индийского народа, не предпринимать ничего, что шло бы вразрез с его интересами, и воздерживаться от заключения договоров с Британской империей. Одновременно Конгресс заверял, что после получения Индией независимости ее внешняя политика

будет основываться на уважении законных прав и интересов всех стран.

К концу 1921 года события в Индии достигают своего апогея. Национальный конгресс принимает решение бойкотировать все торжества, связанные с предстоящим визитом в Индию наследника британской короны принца Уэльского. В ответ правительство объявляет вне закона организацию конгрессистских волонтеров. Напряжение руководителя всеиндийской кампании гражданского неповиновения огромно: разыгравшаяся буря людского моря трудно поддается контролю.

17 ноября принц Уэльский с надлежащей для королевской особы помпезностью высадился в Бомбее. Группа высокопоставленных индийцев и бомбейских толстосумов, не подчинившихся призыву Конгресса о бойкоте визита и принявшая участие во встрече принца, была избита разъяренной толпой. Некоторые богатые дома оказались разгромленными.

Ганди поражен. Он спешит в Бомбей, чтобы предотвратить дальнейшее распространение насилия. Выступая перед бомбейцами, он строго предупреждает, что вынужден будет приостановить кампанию несотрудничества, если насилие не прекратится. Слова Ганди действуют на людей: беспорядки в городе стихают, протесты принимают форму мирных шествий и демонстраций. Правительство напугано не столько спонтанным взрывом возмущенной толпы в Бомбее — такое часто бывало и раньше, — сколько единодушием и дисциплинированностью народа, четко следовавшего призывам Ганди и решениям Конгресса на всей территории огромной страны.

Еще совсем недавно разобщенная колонизаторами, а теперь сплоченная в своей единой воле и действии страна грозно противостояла правительству со всеми его тюрьмами, армией и полицией. Власти скоро обнаруживают, что аресты конгрессистских волонтеров — совершенно неэффективная мера: на место арестованных в отряды конгрессистских добровольцев записывались новые тысячи. Аппарат подавления не срабатывал.

Те лидеры ИНК, которые в начале кампании расходились с позицией Ганди, в этот критический для нации момент объединились с ним, беспрекословно проводя в жизнь его политические установки. Дешбандху Дас, один из видных конгрессистов, обратился к населению Бенгалии

•

с горячим призывом: «Я чувствую наручники, сковывающие мои руки, и тяжесть железных кандалов на моем теле. Я испытываю страдания заключенного. Вся Индия — это огромная тюрьма. Работа Конгресса должна продолжаться. Какое имеет значение, жив я или мертв?»

Калькутта, Аллахабад — везде, куда бы ни привозили принца Уэльского, города словно вымирали. Вместо демонстрации своей лояльности к британской короне и благодарности за дарованные индийцам реформы — на что рассчитывал Лондон, организуя визит кронпринца, — получился, мягко говоря, конфуз. От бывшего, воспитанного десятилетиями боготворения королевской семьи не осталось и следа. Даже представители индийской элиты: раджи, магараджи, навабы, компрадоры, помещики — и те старались воздерживаться от публичного выражения верноподданнических чувств. Все в стране разом изменилось и стало антианглийским, не по отношению к самим англичанам как к нации, а к их режиму, к их имперской политике, к правящему Лондону. И за всем этим стоял маленький, физически слабый, застенчивый человек. Каким-то чудом — не переставали удивляться на Даунинг-стрит в Лондоне — он сумел овладеть душами индийцев и вместе с ними гордо бросить вызов всей империи, дотоле не знавшей поражений, флаг которой продолжал символизировать ее мощь в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Вопросом об истоках негибимой воли Ганди и его необычайной популярности в народе задавались как ближайшие сподвижники, так и политические противники Ганди. Вот что писал о Ганди в этой связи Джавахарлал Неру: «Несмотря на его маловыразительные черты, несмотря на его полуприкрытую наготу, он обладал каким-то царственным величием, внушающим окружающим невольное почтение... Кроткий и скромный, он в то же время обладал внутренней силой и властью; он знал это и временами прибегал к повелительному тону, издавал приказы, которым нельзя было не повиноваться. Его спокойные, глубокие глаза овладевали вами и осторожно заглядывали вам в душу, а голос, звонкий и чистый, проникал в самое сердце, рождая там взволнованный отклик. Состояла ли его аудитория из одного человека или из тысячи — все они испытывали на себе обаяние и магнетизм этого человека, и каждый ощущал внутреннюю связь с оратором. К этому ощущению разум имел

мало отношения, хотя Гандиджи обращался и к разуму. Однако сознание и рассудок явно играли во всем этом второстепенную роль. Он овладевал аудиторией не с помощью красноречия или гипноза вкрадчивых фраз. Он говорил всегда просто и по существу, без лишних слов. На слушателей действовала абсолютная искренность этого человека, сама его личность; казалось, в нем сокрыты неисчерпаемые источники внутренней силы. Быть может, созданию соответствующей атмосферы содействовали предания, сложившиеся вокруг его имени. Незнакомый с ними посторонний человек, чуждый всему окружающему, по всей вероятности, не поддался бы этим чарам или, во всяком случае, поддался бы им не в такой мере. И все же одним из самых замечательных свойств Ганди всегда была... его способность завоевывать на свою сторону или, по крайней мере, обезоруживать своих противников».

Иначе воспринимали Ганди его политические противники. В апреле 1921 года высший пост в Индии — пост вице-короля занял лорд Ридинг. Он обладал абсолютной властью в стране, ему были подчинены полиция и армия, суды и законодательные собрания. В это же самое время Конгресс наделил Ганди чрезвычайными полномочиями в партии, а народ признал его своим вождем.

Ридинг был одним из «счастливицков», которых породила промышленная революция в Англии. Его отец, еврей по национальности, оптовый торговец фруктами, не мог и мечтать о такой головокружительной карьере для сына. От простого маклера Ридинг дослужился до главного судьи Англии, затем был послом в Вашингтоне, и вот теперь он восседал на сверкающем драгоценными камнями троне в Индии.

Именно Ридинг замыслил театрально-умиротворяющую поездку в Индию кронпринца. Еще до этого визита он сам шесть раз встречался с Ганди, большей частью по своей инициативе: надо же было познакомиться с Великой душой народа, над которым ему предстояло властвовать. Ридинг ни на минуту не сомневался, что он без особого труда договорится с Ганди: и не такие политики, как этот фанатичный индеец, пасовали перед ним.

После знакомства с Ганди вице-король писал своему сыну: «В его внешности не было ничего такого, что хоть чем-нибудь могло поразить. Он пришел в дхоти и шапочке, связанной на ручном домашнем станке, босой, с го-

лыми ногами, и мое первое впечатление от встречи с ним, когда его ввели в помещение, было таким, что ничто не могло привлечь моего внимания к нему, и встретить я его на улице, я прошел бы мимо, не оглянувшись. Другое дело, когда он говорит. Он прямолинеен, выражает свои мысли на отличном английском, тщательно взвешивая слова.

Нет никаких сомнений: он искренен во всем, о чем говорит; осторожен при обсуждении политических вопросов... Почти на грани фанатизма верит в то, что ненасилие и любовь приведут Индию к независимости и дадут возможность ей противостоять британскому правительству. Его религиозные и моральные взгляды вызывают восхищение..., хотя, признаться, мне трудно понять, как их можно практически применить в политике».

Разумеется: разве мог понять Ридинг намерения Ганди изгнать колонизаторов из Индии, да к тому же путем ненасильственной революции, уповая лишь на бога и высокие моральные принципы людей. С таким явлением в политике Ридингу еще не приходилось встречаться.

В общем, руководимый Ганди бойкот визита в Индию кронпринца Уэльского вполне удался. Победу в этой нелегкой битве с правительством одержал Ганди. Но кампания несотрудничества продолжалась, распространяясь на самые отдаленные и глухие уголки страны. Руководить движением из одного центра становилось все труднее. В декабре 1921 года в Ахмадабаде созывается очередная сессия ИНК. Многие лидеры Конгресса уже находятся в заключении. Ганди пока на свободе, но упорно ходят слухи о его предстоящем аресте.

Конгресс наделяет Махатму всей полнотой партийной власти, включая право назначить себе преемника в случае ареста. Единственное ограничение власти Ганди, которое оговаривается делегатами сессии, — не заключать мира с правительством без согласия на то Рабочего комитета ИНК. Часть участников сессии высказывается за то, чтобы перейти к более воинственным и решительным мерам против правительства. Ганди возражает, предостерегая Конгресс о возможной вспышке актов насилия. Он — за постепенное наращивание движения и поэтому предлагает провести хорошо организованную кампанию гражданского неповиновения сначала в одной провинции, затем, постоянно воспитывая массы в духе неуклонного

соблюдения принципов сатьяграхи, распространять кампанию на другие провинции. Для этого они выбирают округ Бардоли, где, по его мнению, население лучше всего подготовлено для осуществления ненасильственных методов борьбы с властями. В статье, опубликованной в «Янг Индия» 15 декабря 1921 г., Ганди пишет: «Лорд Ридинг должен понять, что участники кампании несотрудничества находятся в состоянии войны с правительством. Они призвали народ к восстанию против него». Сразу после сессии ИНК в Ахмадабаде Ганди обращается к правительству. «Независимо от ваших действий, — говорит он, — несмотря ни на какие репрессии против нас, придет день, и мы вынудим вас раскаяться...» Здравый смысл, подчеркивает он, должен привести правительство к осознанию им того, что невозможно управлять тремястами миллионами индийцев, ставших врагами режима.

Тем не менее аресты продолжались. Тюрьмы были переполнены. В течение декабря 1921 и января 1922 года к тюремному заключению было приговорено около 30 тысяч человек. 9 февраля 1922 г. Ганди письмом предупреждает вице-короля о том, что намерен начать всеохватывающую кампанию гражданского неповиновения в округе Бардоли. По его словам, этот округ должен начать ненасильственное восстание против правительства по всей стране, которое столь грубо посягает на свободу слова, собраний и печати. Письмо Ганди — объявление войны. Он дает лорду Ридингу семь дней для принятия решения об изменении политического курса правительства. Иначе — восстание.

Еще не успел лорд Ридинг получить ультиматум Ганди, как в местечке Чаури Чаура произошел кровавый инцидент, полностью изменивший весь дальнейший ход событий. Полиция напала на демонстрантов и открыла по ним огонь. Встретив сопротивление, полицейские укрылись в казарме. Но возмущенная толпа подожгла помещение, и полицейские погибли в огне.

Трагично переживает крушение своих надежд Ганди. Случившееся — его большое личное горе. Он — совесть Индии. Его призывы к ненасилию оказались тщетными. Он не может вести народ к свободе путем ответа на насилия властей насилиями против них. Для него неприемлем самосуд толпы. По его моральным убеждениям, путь к свободе должен быть столь же героическим, сколь и

чистым. Человеконенавистничество, в какой бы форме оно ни проявилось, не приведет Индию к новой и достойной жизни. В третий раз он убеждается, что народ еще не совсем подготовлен для ведения ненасильственной войны против колонизаторов. А война по принципу «око за око» отвратительна Ганди.

Он находит в себе силы преодолеть гордость и признать провал начатой им кампании, выпить горькую чашу унижения «на виду у всех» перед властями, перед лордом Ридингом. 16 февраля 1922 г., когда Индия, казалось, была близка к свободе, Махатма в газете «Янг Индия» помещает публичное покаяние и признается в своих заблуждениях и ошибках. Приостанавливая кампанию гражданского неповиновения, он, как ее руководитель и вдохновитель, берет всю вину за «злодеяния» в Чаури Чаура на себя и в знак раскаяния объявляет многодневную голодовку.

Конгресс еще послушен ему. Но ропот негодования доносится до его слуха: «Ганди душит народные стремления... Он злоупотребляет данной ему властью... Как быть с теми, кто уже пострадал за народное дело и теперь находится в тюрьмах?.. Разве допустимо, чтобы единственный инцидент, каким бы мрачным он ни был, мог стать основанием для приостановления борьбы за национальную свободу?»

И все же за Ганди пока идет большинство членов Конгресса и повинуется его решению. Но это не доставляет ему ни радости, ни утешения. Он знает, что арифметическое большинство, которое повинуется лидеру, совсем не означает правильности проводимой им политики.

Махатма откровенно признается своим товарищам: «Меня пугает большинство. Я дошел до того, что мне стало противно слепое обожание толпы. Я бы тверже чувствовал под ногами почву, если бы толпа плевала на меня...» Он говорил, что предупреждал их о своей «неисправимости» и что каждый раз, когда люди встанут на ложный путь, он не будет скрывать этого. Ганди не трогает оглушительный хор хвалебных людских голосов, он не желает подчиняться соблазну стать повелителем послушного ему большинства. Единственный тиран в мире, которому он подчиняется, — это голос его собственной совести.

Ганди сознает, что многие его соратники по партии восприняли метод ненасильственной борьбы лишь как вре-

менную меру, а не как незыблемый принцип. Он советует этим людям, если они не способны выстоять против насилия правительства, обратиться прямодушно и без лицемерия к ответному насилию. Однако, по его мнению, правительство, провоцируя беспорядки, только и ждет того, чтобы иметь основание сказать, что стране, раздираемой насилием и задыхающейся в дыму пожаров, необходима твердая власть и что только эта власть может восстановить порядок. Тогда на долгие годы народ снова окажется в кабале, будет унижен.

Перед началом кампании гражданского неповиновения в 1920 году Ганди опубликовал статью, озаглавленную «Доктрина меча». «...Я считаю, что ненасилие несравненно выше насилия и что способность прощать благороднее стремления наказывать, — писал он. — ...Милосердие украшает солдата. Однако воздержание от насилия является прощением лишь тогда, когда есть сила для наказания. Оно бессмысленно, когда его симулирует беспомощное существо. Но я не считаю Индию беспомощной, я не считаю себя беспомощным существом».

Ганди говорит, что ненасилие не означает покорного подчинения воле злодея; оно есть противопоставление всех духовных сил народа неугодной ему власти. Он рекомендует приверженцам насильственных форм борьбы испробовать метод мирного несотрудничества. «Если он (этот метод. — Авт.) потерпит неудачу, то не из-за какой-либо присущей ему внутренней слабости. Он может потерпеть неудачу, не встретив надлежащего отклика. Тогда возникает действительная опасность, — писал в той же статье Махатма. — Благородные люди, неспособные далее мириться с национальным унижением, захотят излить свое возмущение. Они прибегнут к насилию. По моему убеждению, они погибнут, не избавив ни себя, ни свою родину от обид. Если Индия последует доктрине меча, она может одержать временную победу». И здесь Ганди высказывается как националист, горячо любящий свою родину, которой предназначено внести большой вклад в мирное развитие всего человечества: «Но тогда Индия перестанет быть гордостью моего сердца. Я предан Индии потому, что я обязан ей всем. Я абсолютно уверен, что ей предназначена особая миссия в мире».

Так думал Ганди. Такова была его позиция и аргументация по вопросу избрания метода борьбы за националь-

ную свободу Индии. Доводы Ганди оказывали сильное эмоциональное воздействие, «но для нас и для всего Национального конгресса в целом, — отмечал Джавахарлал Неру, — ненасильственный метод не был и не мог быть религией, непогрешимым вероучением или догмой. Он мог быть лишь политикой и методом, сулящим определенные результаты, и по этим результатам в конечном итоге и надлежало судить о нем. Отдельные лица могли превращать его в религию или в несокрушимое вероучение, но ни одна политическая организация, пока она оставалась политической организацией, не могла поступить таким образом».

События в Чаури Чаура и приостановление Ганди кампании гражданского неповиновения заставили задуматься прагматически настроенных политических деятелей Конгресса о дальнейших путях развития национально-освободительного движения в стране. Многие из них, в том числе Джавахарлал Неру, пришли к заключению, что если мотивы, руководствуясь которыми Ганди приостановил кампанию гражданского неповиновения, правильны, то власти всегда смогут спровоцировать акты насилия, хотя бы через своих агентов, и освободительная борьба народа каждый раз будет заходить в тупик. Эти деятели ИНК усматривали в установках Ганди абсолютизацию ненасильственного метода (что лишало движение тактической гибкости), а также не всегда оправданный примат средств борьбы над ее конечной целью.

Правда, можно догадываться, что решение Ганди о прекращении кампании гражданского неповиновения было принято не только из-за событий в деревне Чаури Чаура. К февралю 1922 года, несмотря на повсеместный энтузиазм народа, движение пошло на убыль, ослабло руководство им; большинство наиболее активных конгрессистов оказалось в тюрьмах. В то же время в рядах Конгресса появилось множество сомнительных лиц, среди которых были и политические провокаторы, и полицейские агенты. Они захватывали в нем освободившиеся ключевые посты, вносили дезорганизацию в движение. Сами же массы были еще плохо подготовлены для самостоятельного продолжения борьбы.

Близкие к Ганди люди говорили, что он часто принимал решения, полагаясь скорее на интуицию. Он, подобно другим народным вождям, в результате постоянного со-

прикосновения с массами развил в себе способность определять еще скрытые тенденции в массовом движении, в настроениях народа. Поэтому скорее всего он приостановил кампанию, когда почувствовал ее неминуемую неудачу, неготовность участников кампании воспринять его ненасильственный метод в качестве незыблемого условия борьбы с колонизаторами. Правда, позднее, в 1930 году, Ганди заявит о недопустимости свертывания освободительного движения из-за случающихся актов насилия (1).

Ганди знал, как был раздосадован его решением молодой, подающий большие надежды лидер ИНК Джавахарлал Неру. В письме к нему Махатма выражал надежду, что недоумение, возмущение и даже гнев многих его соратников, вызванные его действиями, неизбежно сменятся «полным пониманием сложившейся ситуации». Ноябрьские события в Бомбее, трагический инцидент в Чаури Чаура, как писал Ганди, показали, что участники сатьяграхи нарушают принципы ненасилия, выходят из-под контроля своих руководителей, становятся все более «агрессивными, непокорными». Дабы не скомпрометировать идеалы сатьяграхи, кампанию несотрудничества надо было прекратить. «Движение отклонилось от верного пути. Мы должны вернуться на исходные позиции и снова двинуться вперед».

Приняв нелегкое решение, подавленный и мрачный, Махатма отправился в свое любимое убежище — ашрам Сабармати. Почти все его близкие соратники по Конгрессу находились в тюрьмах. К различным срокам заключения были приговорены Джавахарлал Неру и его отец Мотилал, братья Али, Ч. Р. Дас и многие другие. В ряде провинций власти арестовали сразу весь состав местных комитетов Конгресса. Колонизаторы учинили над ними суд, ничуть не заботясь о доказательствах их вины: шла поголовная расправа. Когда судили, например, Мотилала Неру, ему было предъявлено обвинение в принадлежности к нелегальной организации конгрессистских волонтеров. В доказательство причастности М. Неру к этой организации был предъявлен бланк, на котором значилась его фамилия. Опознать его подпись был вызван какой-то неграмотный бродяга, который под присягой «опознал» подпись незнакомого ему человека. Все эти сфабрикованные процессы походили на хорошо разыгранный фарс.

Мотилал Неру в ходе суда над ним держал на руках

свою четырехлетнюю внучку Индиру, и присутствующие в зале восприняли это как символ того, что на скамью подсудимых была посажена вся Индия от мала до велика, весь народ.

После тревог и напряжения правительство впервые свободно вздохнуло. Между Дели и Лондоном шла интенсивная переписка. Обсуждалось, какие меры должны быть предприняты в отношении Ганди — самого руководителя движения. Британский министр иностранных дел Эдвин Монтегю настаивал на немедленном предании Ганди суду, поскольку угроза расширения «беспорядков» в стране из-за его ареста теперь миновала. Лорд Ридинг все еще не решался на этот шаг, говоря, что, находясь на свободе, Ганди представляет меньшую опасность, нежели в тюрьме. К тому же вице-король полагал, что политический престиж Ганди серьезно пострадал в связи с провалом начатой им кампании и с его арестом можно было бы повременить, пока он снова не выступит с новым антиправительственным заявлением.

Правительству долго ждать не пришлось.

Индийской общественности стало известно о содержании телеграммы лорда Биркенхэда и Монтегю правительству Индии, в которой, в частности, говорилось: «Если бы существование нашего королевства было поставлено на карту, если бы британскому правительству было запрещено выполнять свои обязательства по отношению к Индии, то Индии пришлось бы безуспешно тягаться с самым решительным в мире народом, который на это ответил бы со всей надлежащей суровостью».

Это был сильный удар по и без того израненному сердцу Махатмы. Он пишет в ответ статью. В ней говорится: «Никаких уступок королевству, пока британский лев потрясает перед нашим лицом окровавленной лапой... Пора британскому народу дать себе отчет, что борьба, начатая в 1920 году, — борьба до конца, хотя бы она длилась месяц, год, месяцы или годы». Ганди говорит, что немыслимо подчиняться дерзким вызовам Англии; народ намерен свергнуть ее правительство в Индии, индийцы не просят и не ждут пощады от своих угнетателей. Придет время, и кампания гражданского неповиновения завершится безусловной победой.

Одна за другой появляются три «мятежные» статьи Махатмы. В одной из них он во весь голос требует пре-

образования Британской империи в федерацию свободных и равноправных государств, каждому из которых было бы предоставлено право выйти по своей воле из «почетного и дружественного союза». В противном случае, смело бросает вызов Ганди, вся энергия «самого решительного в мире народа» будет истрачена в бесполезной попытке подавить пробудившийся в Индии дух свободы, который уже никому и никогда не удастся сломить. Гневные слова Ганди долетели до Лондона. Парламент возмущен и требует быстрого и сурового суда над «смутьяном и подстрекателем».

Вечером 10 марта 1922 г. к ашраму Сабармати подъехала полицейская машина, и Ганди был арестован. А уже 18 марта начался «великий процесс» — так называют индийцы суд над своим вождем. Отчет об этом процессе был напечатан друзьями Ганди и разошелся далеко за пределы Индии. Здание, в котором проходил суд над Ганди, охранялось крупным подразделением солдат, близлежащие улицы патрулировались нарядами пешей и конной полиции: было все предусмотрено на случай возможных эксцессов и волнений.

Правительство решает провести показательный процесс не только над Ганди, но и над всем Конгрессом. Тщательно разработан судебный сценарий, на этот раз все процессуальные нормы строго соблюдаются. В зале заседаний царит торжественно-приподнятая обстановка: спокойные бесстрастные лица судейских в черных мантиях, сдержанный шепот, какой бывает на панихидах; и над всем господствует начищенный по этому случаю королевский герб Британской империи.

Судья Брумсфилд предельно корректен. Звучит его театрально поставленный голос. Ганди предъявляется обвинение в том, что он словом и делом вызывал среди населения страны ненависть и презрение к законному правительству его величества. Судья спрашивает, желает ли подсудимый иметь защиту. Обвиняемый, верный провозглашенному им бойкоту правительственных чиновников, от защиты отказывается. К тому же он вообще не намерен защищаться и опровергать предъявленное ему обвинение. Он признает себя виновным и берет на себя ответственность как руководитель антиправительственной кампании за все трагические события, связанные с насилием, хотя он искренне стремился избежать их.

В своем письменном заявлении суду Махатма подчеркивает, что его долг перед индийским и английским обществом (поскольку этот процесс затеян для того, чтобы заручиться их поддержкой) — объяснить, почему он из верноподданного и сторонника сотрудничества с правительством превратился в нелояльного властям. В заявлении суду Ганди приводит яркие факты из своей жизни и общественной деятельности в Южной Африке и затем в Индии, которые способствовали тому, что он разуверился в возможности путем лояльного сотрудничества с правительством и осуществления реформ добиться независимости для своей родины даже в рамках единой империи.

Ганди в ответ на речь генерального прокурора берет слово. Он согласен с обвинением в том, что должен был предусмотреть последствия своих действий. Он знал, что играл с огнем, и тем не менее, если бы он был свободен, он бы снова сделал то же самое. Хотя для Ганди ненасилие является законом его веры, он говорит, что ему надо было сделать выбор: либо подчиниться ненавистному политическому строю, либо подвергнуться риску проявления насилия со стороны возмущенного народа. Он предпочел второе и поэтому готов нести за это любое, самое строгое наказание.

Ганди зачитывает свое заявление, которое звучит, как воззвание к народу. Он говорит, что полностью утратил веру в правительство, когда оно ввело драконовский закон Роулетта, направленный на то, чтобы лишить народ всякой свободы. «Я почувствовал себя призванным возглавить активную агитацию против этого закона, — продолжает звучать его твердый и спокойный голос. — Затем последовали ужасы в Пенджабе, начавшиеся бойней на площади Джаллианвала Багх и достигшие апогея в приказах о ползании, публичных порках и других неопишуемых унижениях. Я понял также, что обязательство относительно целостности Турции и святых мест ислама, взятое премьер-министром перед мусульманами Индии, не было выполнено. Но несмотря на предчувствия и серьезные предостережения друзей, на сессии Конгресса в Амритсаре в 1919 году я боролся за сотрудничество и претворение в жизнь реформ Монтегю — Челмсфорда, надеясь, что премьер-министр выполнит обещание, данное мусульманам Индии, о том, что пенджабская рана будет залечена и что реформы, сколь бы недостаточными и неудовлетворитель-

ными они ни были, обозначат новую эру надежды в Индии. Но все эти надежды рухнули. Обещания не собирались выполнять. Преступления в Пенджабе пытались оправдать, а большинство виновных не только остались безнаказанными, но и продолжали служить, некоторые продолжали получать пособия из индийского бюджета, а часть их даже была награждена. Я понял также, что реформы не только не означали перемену, но были лишь способом дальнейшего выкачивания из Индии ее богатств и сохранения ее угнетения... Разоруженная Индия не имеет сил сопротивляться агрессору, даже если бы она захотела вступить с ним в военный конфликт...

...Правительство, поставленное законом в Британской Индии, служит целям эксплуатации народа. Никакая софистика, никакие фокусы с цифрами не могут скрыть того, что во многих деревнях можно видеть обтянутые кожей скелеты...

...Эффективная система террора и организованной демонстрации силы на одной стороне и лишение всякой способности отмищения или самообороны — на другой обессилили народ и вызвали в нем привычку к притворству. Эта ужасная привычка прибавилась к невежеству и самообману администраторов. Статья 124-А, на основании которой меня обвиняют, является, вероятно, наиболее яркой статьей индийского уголовного кодекса, применяемой для подавления свободы граждан. Лояльность нельзя создавать и регулировать законом... Я познакомился с некоторыми делами, прошедшими по этой статье, и знаю, что самые достойные сыны нашей родины были осуждены по этой статье. Поэтому обвинения по этой статье я считаю для себя честью...»

Среди судей смятение: весь заготовленный сценарий процесса рушится и суд превращается в трибуну антиправительственной агитации.

Ганди далее заявляет: «...Я считаю добродетелью быть нелояльным по отношению к правительству, которое в целом причинило Индии больше вреда, чем все предшествующие ему». Обращаясь к судьям и глядя на них своими чистыми и бесстрашными глазами, он говорит: «Ненасилие подразумевает добровольное подчинение наказанию за несотрудничество со злом. Поэтому я нахожусь здесь, чтобы навлечь на себя самое тяжкое наказание и с радостью подчиниться ему. Это наказание может быть на-

ложено на меня за то, что, согласно закону, является умышленным преступлением и что представляется мне высшим долгом гражданина. Единственный путь, открытый для вас, судей и заседателей, заключается в следующем: или уйти в отставку и тем самым отмежеваться от зла, если вы понимаете, что закон, осуществлять который вы призваны, является злом и что в действительности я невиновен; или наложить на меня самое суровое наказание, если вы верите, что правительство и закон, которым вы служите, благотворны для народа этой страны и что, следовательно, моя деятельность вредит общему благу».

Судья Брумсфилд смущенно замечает Ганди, что он сам сделал для себя свое освобождение невозможным и что двенадцать лет назад за аналогичную антиправительственную деятельность Тилак был осужден на шесть лет тюрьмы строгого режима. Суд выносит Ганди точно такой же приговор. Обвиняемый гордится сравнением его с легендарным героем Индии, горячая любовь к которому в народе бессмертна и перед жизненным подвигом которого Махатма искренне преклоняется.

Кастурбай в течение всего процесса присутствовала в зале суда. На ее щеках не было облегчающих горе женских слез. Стоическая вера мужа в идею с годами закалила и ее сердце. В тяжких испытаниях, в которые Ганди часто ввергал и ее, и себя, Кастурбай всегда была ему опорой. Никогда не увядавшая любовь к жене помогала ему вынести все тяжести жизни, физические и моральные страдания. Никого и ничего не боялся в жизни Ганди — боялся он только своей Кастурбай, боялся обидеть ее, оказаться несправедливым к ней, чем-нибудь досадить ей. Но и к ней, как и ко всем своим родным, он был строг и взыскателен гораздо больше, чем к посторонним людям.

Ганди поместили в местную тюрьму, но вскоре перевели в более надежное место изоляции и заключили в одиночную камеру «прославленной» тюрьмы близ Пуны.

Кастурбай осталась в осиротевшем ашраме Сабарматти, часами просиживая за ручным ткацким станком. Вместе с другими обитателями ашрама она призывала индийцев сосредоточиться в эти мрачные для народа дни на созидательной программе учения Махатмы.

Глава шестая

В тюрьме и на свободе. Разногласия. Общинные распри. Все с начала

Итак, Ганди — в тюрьме. К своему заключению он относится как к естественному, более того — неизбежному этапу борьбы за свободу. Для Ганди страдания, стойкое перенесение невзгод, тяжких жизненных испытаний — «честные средства» для достижения цели. В противоположность формуле иезуитов «цель оправдывает средства» он утверждает, что средства управляют целью и меняют ее; достойная и благородная цель достигается достойным и исключительно ненасильственным «страдальческим» путем. Он говорит, что свобода должна быть выстрадана в тюрьмах, а иногда и на эшафоте. Средства для Ганди должны быть чистыми, возвышающими человека духовно, ибо между средством и целью «существует такая же нерушимая связь, как между зерном и деревом». Каково семя, таково и растение. Добровольное принятие на себя мученической миссии есть органическая часть движения сатьяграхов. По толкованию Махатмы, жизнь происходит из отрицания смерти: «Условием роста пшеницы служит гибель зерна. Жизнь проистекает из смерти». Поэтому мученическая смерть за свободу — благо.

Утверждая справедливые, «страдальческие» и непременно ненасильственные средства борьбы, Махатма мало беспокоится о самой цели. «У меня нет ясного представления о его целях, — сокрушается по этому поводу Джавахарлал Неру, — я сомневаюсь, ясно ли он представляет их сам. Мне достаточно одного шага, говорит он, и он не старается заглянуть в будущее... „Позаботьтесь о средствах, а цель сама позаботится о себе“, — вот что он никогда не устает повторять».

Морально он вполне доволен своей участью. Дух и вера его остались непоколебимы. Недавнее чувство уязвленной гордости из-за вынужденного покаяния перед лордом Ридингом, после событий в Чаури Чаура, сменилось сознанием смиренно принятого им наказания за «духовное падение» и безрассудное насилие соотечественников.

Поначалу тюремные власти запрещают Ганди даже работу на прялке, чтение книг; ему не разрешили спать на открытом воздухе в тюремном дворике. Узник покорен: никаких жалоб на жестокое обращение. Все тюремные правила выполняются им беспрекословно. В шутку он называет тюрьму «гостиницей его величества короля Англии». Лорд Ридинг ответил ему на это, что тюрьма для политических заключенных — не спальные апартаменты за счет государства, а место отбытия наказания.

Позднее, правда, власти позволили узнику читать религиозную литературу: вера порождает смирение с судьбой. А чтобы скрасить его одиночество, они подселили к нему какого-то африканца, не знавшего ни английского, ни какого-либо из индийских языков. Ганди научился объясняться с ним на пальцах. Когда сокамерника ужалил скорпион, Махатма, не задумываясь, высосал из его раны смертельный яд. К слову сказать, змеи, скорпионы и прочие ядовитые твари — непременные обитатели индийских тюрем. Ганди довольно легко свyksя с этим соседством и смотрел на постоянную угрозу для своей жизни весьма фаталистически.

Примитивный, лишенный каких-либо удобств тюремный быт ничуть не угнетает Махатму. Он долгие годы сознательно лишал себя тех мелких удобств, к которым человек так привыкает, что лиши его их — и жизнь для него утратит свою привлекательность. Наверное, с этой целью и были когда-то придуманы тюрьмы. Но Ганди — стоик и аскет по убеждению. Скудное питание (вареный горох, пресная лепешка, кое-какие овощи) — вполне достаточный для него рацион. Безукоризненное (для тюремных условий) санитарное состояние он поддерживает в камере сам и подает в этом пример другим заключенным. Мылом, поскольку оно сварено из жира животных, он не пользуется совсем, тем не менее всегда чист и опрятен. Из-за того же предубеждения к мылу бреется лезвием по сухой коже.

Через некоторое время «поверженному» вождю разре-

шается (разумеется, с санкции самого вице-короля) повседневно общаться с одним из земляков-гуджаратцев и надиктовывать ему книгу под условным названием «Мой опыт в поисках истины». Британских политиков очень интересовал заголовок. С огромным интересом книгу Ганди ждали и его последователи, и его политические противники.

Некоторые из друзей Махатмы уже давно советовали ему написать автобиографию, другие же, напротив, отговаривали, поскольку-де литературные произведения подобного рода характерны для Запада и совсем не приняты на Востоке. Они опасались, что суждения их вождя могут со временем измениться, и тогда люди, руководствующиеся в своих поступках его авторитетным словом, будут введены в заблуждение. Эти доводы вначале показались Ганди убедительными, но желание откровенно рассказать историю своих поисков истины оказалось сильнее. В течение 1922—1924 годов, находясь в тюрьме Йервада, он работает над этой книгой. Во вступлении к ней он пишет: «...Мои искания в сфере политики известны не только Индии, но в какой-то степени всему цивилизованному миру. Для меня они не представляют большой ценности. Еще меньшую ценность имеет для меня звание «махатмы», которое я получил благодаря этим исканиям... Чем больше я размышляю и оглядываюсь на пройденный путь, тем яснее ощущаю свою ограниченность».

«Я прошу, чтобы никто не считал советы, разбросанные по страницам последующих глав, непререкаемыми... Я надеюсь познакомить читателя со своими ошибками и заблуждениями. Моя задача — описать свои искания в области сатьяграхи, а вовсе не рассказывать о том, какой я хороший».

Поразительно, но Ганди абсолютно лишен тщеславия и не претендует на откровения великого человека. Кажется, он даже хочет унижить себя. «Будучи убежден, — пишет он, — что возможное для одного — возможно для всех, я не держу в тайне свои искания». Ганди говорит, что к своим исканиям истины он подходит подобно ученому, который, хотя и делает опыты весьма продуманно и тщательно, однако на незыблемости своих выводов не настаивает. «Я далек от мысли претендовать на окончательность или непогрешимость своих выводов, — заявляет он. — Единственное, на что я претендую, сводится к следующе-

му: мне они представляются абсолютно правильными и для данного момента окончательными. Будь это иначе, я не положил бы их в основу своей деятельности. Но на каждом шагу я либо принимал, либо отвергал их и поступал соответствующим образом».

В общем, Ганди трудно обвинить в застое мысли, в догматическом подходе к меняющейся политической обстановке и к историческим условиям борьбы за независимость. Однако живой и гибкий образ его мышления заключается в жесткую религиозную форму. «...Я поклоняюсь богу только как истине. Я еще не нашел ее, но ищу, — пишет он во вступлении к своей книге. — ...Все же до тех пор, пока я не познал эту абсолютную истину, я должен придерживаться относительной истины в своем понимании ее».

В автобиографическом труде Ганди выступает как строгий судья себе и своим поступкам. Его личная жизнь накрепко связана каким-то особым внутренним нервом с политической деятельностью. Он остро реагирует на все, что происходит в мире. Подчас он кажется трагичным в своей благородной наивности, но именно человеческая мудрость и политическая честность выделяют его среди других людей.

Общедемократическая основа мироощущения Ганди, раскрытая в «Автобиографии», представляет собой уникальный исторический материал. Он дает возможность увидеть в ретроспективе и зарождение империалистических войн, и начало антиколониальной борьбы народов за свое национальное и социальное освобождение.

«Автобиография» Ганди, по словам Раджендры Прасада, его близкого соратника, ставшего позднее первым президентом свободной Индии, охватывает в основном период его становления, когда он готовил себя для великих дел, которые были еще впереди.

Книга Ганди переведена на десятки языков мира. В 1934 году в переводе на русский язык известного индолога, ныне профессора, лауреата Международной премии им. Дж. Неру Р. А. Ульяновского она была издана в Советском Союзе. «Советские люди хорошо понимают, — говорится в предисловии Ульяновского к третьему изданию «Автобиографии» и основных работ вождя индийской национально-освободительной революции, — что М. К. Ганди всегда был в гуще народа Индии, жил его жизнью,

отражал его надежды и чаяния. Он всегда черпал вдохновение в той тяжелой борьбе, которую вел с британскими властителями, в самоотверженности и мужестве простого народа, честно и искренне стремясь облегчить его участь, отвратить от него бедствия, вдохновить его на поиски нового, более совершенного общества».

В книге Ганди пытается соединить личное с общественным, индивидуума с государством, отдельную нацию со всем остальным миром. Уже в этой работе он подходит к мысли о необходимости для человечества отказаться от применения силы в решении международных конфликтов. Так или иначе, Ганди вплотную подходит к выводу о том, что вопрос сохранения мира — прерогатива не одних правительств; мир можно сберечь путем проявления доброй воли народов, путем подлинно массовых выступлений людей против войны. Пока эта мысль звучит абстрактно, без конкретной критики империалистических кругов, порождающих агрессивные и захватнические войны. Ганди, однако, не просто пацифист, говорящий: пусть остается несправедливость — только бы не было войны. Нет, он настаивает на непременном устранении социального зла, колониального угнетения; призывает к борьбе со всеми бесчеловечными проявлениями эксплуататорского общества.

Вместе с тем он глубоко убежден, что вооруженная сила — негодное средство для того, чтобы изменить мир к лучшему. Оружием нельзя одержать победу ни над низменными страстями людей, ни над их возвышенными идеалами. Поэтому Ганди призывает вести борьбу средствами сатьяграхи. Но если люди не сумеют овладеть этим, как он считает, в высшей степени эффективным средством, не поймут его преимуществ, им придется прибегнуть к оружию, говорит Ганди.

Хотя Ганди отрицал, что он положил основу некоему новому «изму», его книга содержит политические, морально-этические и философские концепции, совокупность которых теперь принято называть гандизмом. «Автобиография» — не житие святого, как на Западе — одни иронически, другие искренне — пытались ее представить, что больно задевало и огорчало автора, а открытая для всех людей исповедь души, возмущенной существующим миропорядком, в котором «человек человеку — волк».

«Автобиография» написана простым и ясным языком,

без ханжества, приукрашивания и лести, без заигрывания автора с читателем. Повествование действительно походит на публичную исповедь; ничего не утаивая, Ганди не останавливается даже и перед честным обнажением интимных сторон своей жизни.

В этот период жизни Ганди — во время и особенно после судебного процесса, в тюрьме, — мучительно переосмысливает свое отношение к политике английского правительства, к самой Британской империи. Вся его прежняя лояльность к английской короне, мечты о справедливом политическом и экономическом сотрудничестве метрополии с ее колониями, рассуждения о хороших, добрых королях и неумелых, плохих правительствах теперь совершенно исчезают из его лексикона, и он уже больше не верит в добровольный, счастливый и процветающий союз Англии и Индии. Ганди словно пробудился от долгого сна и, оказавшись в реальном мире, понял, что английская политика в Индии — это грубый инструмент для осуществления ее колониальных целей. «Вся ситуация теперь изменилась для меня. Мои глаза открылись, — признается он. — Опыт сделал меня мудрее. Я рассматриваю существующую систему правления как очень плохую, и чтобы покончить с ней или исправить ее, понадобятся весьма серьезные усилия всей нации. Сама по себе она не может улучшиться. То, что я все еще верю в честные намерения многих английских чиновников, нисколько не помогает мне, потому что они так же слепы и так же заблуждаются, как я когда-то. Следовательно, я не могу испытывать никакой гордости, называя империю своей или себя ее гражданином. Напротив, я полностью осознал, что я пария, неприкасаемый империи. Я должен, таким образом, постоянно молиться о ее коренном преобразовании или полном уничтожении».

Интересно, как бы реагировал на подобное заявление Махатмы его первый наставник в политике Гокхале? Несомненно, он был бы поражен, как изменились политические взгляды Ганди. Ведь несколькими годами раньше Ганди, как и Гокхале, не допускал даже мысли о разрыве Индии с Англией. Оба почитали за благо быть подданными английской короны. Припоминается в этой связи разговор Гокхале с английским сановником, лордом Хардингом, который спросил его, как бы он отнесся к тому, если бы все английские чиновники и войска в месячный срок поки-

нули Индию. «Я был бы обрадован, услышав эту новость, — ответил Гокхале, — но прежде чем вы достигли бы Адена, мы телеграфировали бы, чтобы вы вернулись».

Можно было бы и не приводить здесь эту «остроту» Гокхале, но разве в ней не отражались угодническая политика помещичье-буржуазных кругов Индии, уровень их национального самосознания? Став идейным вождем Конгресса, Махатма Ганди объективно проводил такую политику, которая ставила национальную буржуазию во главе всенародного освободительного движения. Однако присущая буржуазии двойственность и нерешительность ослабляли внутривнутриполитические позиции Конгресса.

Тем временем, пока Ганди отбывал срок тюремного заключения, на воле, в Конгрессе, происходил процесс перегруппировки сил. Ранее в его рядах появилось много новых людей, случайных попутчиков неудавшейся кампании гражданского неповиновения. Теперь, разочаровавшись, они покидали партию. Но даже часть конгрессистов, которые сознательно вели борьбу, оказалась сломленной и капитулировала. В ИНК, в его центральных и местных органах засели сомнительные личности, которые действовали как провокаторы и явно были связаны с полицейскими службами.

Это обстоятельство не должно вызывать удивления. Конгресс оставался широкой организацией, которая, как отмечал Дж. Неру, по существу представляла одновременно несколько политических групп и даже более или менее самостоятельных партий, входивших в нее как бы на правах коллективных членов, с единой платформой. Поэтому в зависимости от приливов и отливов в национально-освободительном движении в ИНК преобладали и усиливали свое влияние то одни, то другие группировки.

После ареста Ганди в Конгрессе царил обстановка уныния и пессимистических настроений. Начался процесс эрозии веры в политику несотрудничества с правительством. Махатме предстояло пробыть в тюрьме еще немалый срок. Большинство же руководящих деятелей ИНК уже вышли на свободу. Они не были едины в оценке создавшейся в стране обстановки: среди некоторых из них вера в действенность гардистской сатьяграхи была серьезно поколеблена.

В стране все чаще стали давать знать о себе религиозно-общинные распри. Разобщенность, внутривнутриполитические

разногласия, кастовость индийского населения вполне устраивали колонизаторов. Лорд Ридинг был доволен обстановкой; он слал в Лондон оптимистические отчеты: с гандистским движением, кажется, удалось покончить. Да и сам Ганди со своим хилым здоровьем вряд ли выдержит срок заключения.

Воинствующая тактика далеко идущего несотрудничества с правительством и массового гражданского неповиновения законам никогда не устраивала либералов. Они стояли по другую сторону баррикад и оттуда давали народу «разумные» советы, как себя вести. А Ганди был с народом. Поэтому либералы упрекали его в том, что ему изменила умеренность, чувство ответственности за будущее страны. Они не желали следовать его «фанатичным» призывам покинуть высокие посты в системе индийской гражданской службы. Недалеко от либералов ушла и часть конгрессистов, в основном индийская элита, преуспевающие буржуа и помещики, которые были не прочь поговорить о национальной свободе своей страны при условии сохранения в Индии верховной власти за английской короной.

Именно на этой основе еще в 1919 году разошлись политические пути Ганди и бывшей повелительницы «старой гвардии» Конгресса Энни Безант. Куда девалась ее прежняя боевитость и политическая смелость? Отдавшая многие годы жизни служению Индии, теперь она и слышать не хотела о полном национальном самоопределении этой страны. Она — за ограниченную самостоятельность Индии в рамках неделимой Британской империи, как максимум на правах самоуправляющегося доминиона.

Ганди знал Безант еще по Лондону, когда был студентом. Тогда она казалась ему недосягаемой, и он восхищался ее политическим талантом, неиссякаемой энергией. Но прошли годы, и она стала консервативной, осторожной, начала бояться внезапных перемен и риска; потянулась к официальным верхам, больше стала считаться с мнением власть имущих. Она, однако, продолжала любить Индию — свою вторую родину, оставаясь ее патриоткой. В то же время — где-то в потаенных глубинах души этой неистойой ирландки — проснулась дама-патронесса, горделивая леди-европейка, которая сочувствовала индийцам и иногда «снисходила» до простых людей, но никогда не становилась вровень с ними. Умение Ганди заглянуть в тайные уголки

души друзей позволило ему сразу же понять чувства и противоречивые мотивы поступков Безант.

Но надо отдать должное гордой даме: несмотря на свое ревнивое отношение к непререкаемому авторитету Ганди, она посещала обитель на реке Сабармати. Ганди продолжал относиться к ней с благоговением и заметно смущался, когда был вынужден вежливо отклонять ее советы. Как правило, Безант приезжала в обитель в сопровождении новых соратников: руководителей либеральной партии, членов законодательных собраний, видных общественных деятелей. Среди них были Шринивас Састри, наследовавший после кончины Гокхале пост председателя общества «Слуги Индии», Канджи Дваркадас — правый профсоюзный лидер, член законодательного собрания Бомбея и генеральный секретарь созданной Безант организации «Лига за самоуправление».

В один из визитов в ашрам Сабармати гости без энтузиазма приняли приглашение Ганди разделить с ним скудный постный завтрак и самим вымыть грязную посуду: таков был порядок в обители, и хозяин ни для кого не делал исключения. Правда (так было и в этот раз), он иногда говорил, что если его друзья не привыкли к такой работе, то он с удовольствием помоеет посуду сам: слуг в обители не было.

Безант еще раньше (это было в 1919 году) уговаривала Ганди не начинать кампанию гражданского неповиновения, предрекая кровавые беспорядки, экономический и политический хаос, разгул анархии в стране. Она настоятельно советовала ему принять предложение лорда Ридинга о созыве «конференции круглого стола», в которой, как предполагалось, должны были участвовать, помимо лиц, уполномоченных правительством, представители различных политических партий, религиозных общин и сословных групп Индии.

В принципе Махатма всегда был сторонником переговоров, и эта идея поначалу даже импонировала ему. Но поразмыслив, он твердо решил, что на этот раз цена переговоров была бы слишком велика: надо было снять с повестки дня переговоров программу несотрудничества с правительством. Да и переговоры в то время не сулили ничего хорошего. Ганди отдавал себе отчет, что согласись он сесть за стол переговоров — и Ридинг навяжет разобщенным на конференции индийцам решения, которые только

введут народ в заблуждение. В создавшихся условиях Ганди ответил Ридингу отказом. Безант вспыхнула; ответ Ганди она расценила как отказ от решения вопроса мирным путем, да и от самого мира в стране, который он так оберегал.

И вот теперь, когда предостережения либералов и Безант оправдались и кампания гражданского неповиновения задохнулась в дыму Чаури Чаура, все, кто был в оппозиции к Ганди справа, торжествовали победу.

Неудавшаяся кампания гражданского неповиновения усилила разочарование в методах Ганди и на революционном фланге национально-освободительного движения Индии, в рядах радикально настроенных конгрессистов. В конгрессистской партии обозначилось левое крыло, которое возглавили молодые индийские партиоты Джавахарлал Неру и Субхас Чандра Бос. Еще более острой критике подвергся внеклассовый подход Ганди к политическим проблемам индийского общества со стороны руководителей первых марксистских кружков и групп коммунистов, появившихся в стране в начале 20-х годов. В 1922 году Ш. А. Данге, бомбейский студент, еще недавно активный участник движения несотрудничества, стал издавать еженедельную газету «Соушелист» — это был первенец марксистско-ленинской периодической печати в Индии. Познакомившись с ленинскими работами, Данге выступил с критическим анализом утопических сторон учения Ганди.

Распространение марксистской идеологии в Индии особенно волновало правительство Англии, которое, опасаясь «пагубного» большевистского влияния России на британские колонии, возглавило в эти годы международную антисоветскую кампанию. Совсем не случайно поэтому совпали, с одной стороны, антисоветские акции английского правительства, а с другой — усиление репрессивной политики в Индии. Правительство Англии предъявило молодой Советской республике пресловутый «ультиматум Керзона» (суть которого сводилась к тому, чтобы путем прямой клеветы обвинить большевиков во вмешательстве во внутренние дела стран Востока) и одновременно организовало в Индии несколько показательных процессов над индийскими коммунистами, возвратившимися из эмиграции. Весьма примечательно, что всем им были предъявлены сфабрикованные обвинения в принадлежности к «большевистским агентам».

Английская тайная полиция и суды действовали расчетливо: им важно было расколоть национально-освободительное движение, столкнуть и противопоставить друг другу разные политические течения, сделать невозможным их слияние в единый антиимпериалистический поток.

Колонизаторы используют объективную критику Конгресса и его вождя со стороны радикально настроенных патриотов и рабочих лидеров с тем, чтобы запугать умеренных конгрессистов угрозой проникновения в их ряды чуждого им «иностранного» влияния, «безответственных и антинациональных элементов», способных будто бы ввергнуть страну в пучину безоглядного насилия. В известной степени властям удастся направить освободительное движение по реформистскому пути.

Такие влиятельные конгрессисты, как М. Неру, Ч. Р. Дас, В. Дж. Патель, и раньше высказывали сомнение в правильности избранной Ганди тактики бойкота законодательных собраний, учрежденных английской правительственной реформой 1919 года. Тогда эти конгрессисты согласились присоединиться к проводимой Ганди кампании несотрудничества, но в глубине души они не одобряли установки вождя бойкотировать реформу. Им, юристам, профессиональным ораторам, привыкшим к словесным баталиям и верящим в магическую силу аргументов, казалось, что участие в законодательных органах открывало для них широкую возможность воздействовать на правительство и в конечном итоге принудить его даровать Индии демократическую конституцию. Они, разумеется, соглашались с Ганди в том, что законодательные собрания не могут выражать волю индийского народа. В самом деле, английское правительство в Индии оставалось неподотчетно центральной законодательной ассамблее. Большинство членов ее верхней палаты (государственного совета) назначалось правительством. Оно же назначало почти треть членов нижней палаты ассамблеи. Вице-король по-прежнему обладал в стране верховной властью: ему принадлежало право введения или отклонения любого закона независимо от решения ассамблеи. Английские губернаторы в провинциях единолично управляли финансами, поддерживали порядок, осуществляли право вето в местных законодательных собраниях.

И все же после поражения кампании несотрудничества Мотилал Неру и Ч. Р. Дас решили использовать законода-

тельные собрания как легальные трибуны для оказания давления на правительство.

Приходившие в тюрьму вести с воли очень печалили Ганди: он сознавал свое бессилие повлиять на Мотилала Неру, столь сильного характером человека. К тому же в июне 1922 года в Лакхнау состоялось совещание Всеиндийского комитета Конгресса. Назначенная им специальная комиссия с целью выяснения вопроса, готова ли страна к проведению широкой кампании неповиновения, пришла к отрицательному выводу. Мнение комиссии не удивило Ганди: ему и без вывода комиссии было известно об этом. Поэтому он и приостановил кампанию. Народ в лучшем случае мог оказать пассивное сопротивление правительству, но он был еще плохо организован, недостаточно воспитан политически и морально, чтобы успешно осуществить общенациональную, глубоко сознательную и по-настоящему непримиримую кампанию гражданского неповиновения, рассуждал Ганди. Надо было временно отступить, выждать и терпеливо, настойчиво готовить страну к новой кампании, продолжать разъяснять народу суть принципов сатьяграхи — ненасильственной освободительной революции. Однако вывод конгрессистской комиссии объективно играл на руку тем, кто требовал перемен в политике Конгресса, ревизии установок Ганди.

Процесс размежевания конгрессистов зашел далеко. В декабре 1922 года на очередной сессии ИНК произошел фактический раскол партии. Но значительное число конгрессистов осталось верным своему лидеру, находившемуся в тюрьме. Их стали называть «противниками перемен». Они отстаивали продолжение политики несотрудничества с правительством и бойкота законодательных собраний.

Тогда Ч. Р. Дас, который был в это время президентом ИНК, оказавшись в меньшинстве, покинул свой пост и вместе с Мотилалом Неру создал новую, так называемую свараджистскую партию (партия независимости). Свараджисты призывали баллотироваться в законодательные собрания, завоевывать места в центральной законодательной ассамблее, с тем чтобы, как они убеждали, изнутри этой цитадели власти подрывать устои колониальной политики правительства и добиваться предоставления Индии конституции и прав доминиона.

Линия размежевания в политике прошла не только через Конгресс, она пролегла через семьи известных индий-

ских борцов за свободу. Джавахарлал Неру, например, не одобрил действий отца и продолжал активно работать в Конгрессе. Сторонник свараджистов В. Дж. Патель, оправдываясь, говорил, что «их вхождение в законодательные органы будет подобно проникновению во вражескую крепость с целью одержать над неприятелем победу». Его брат, Валлабхаи Патель, оставаясь лояльным к Ганди, отвечал на это, что бастионы колонизаторов расположены не в законодательных собраниях, а в армейских казармах и в полицейских участках — повсюду, где функционируют колониальные учреждения, и поэтому правительство может спокойно оставаться у власти еще 100 лет и без законодательных собраний, если даже свараджистам удастся осуществить свой план подорвать собрания изнутри.

В конце концов между сторонниками Ганди и свараджистами было достигнуто нечто вроде джентльменского соглашения — не мешать каждой группировке идти избранным ею путем, оставаясь при этом в Конгрессе. «Противники перемен» решили исподволь, без лишнего шума готовить всеиндийскую кампанию гражданского неповиновения на апрель 1923 года. Обстановка в стране складывалась, однако, не в пользу «противников перемен». Число конгрессистских волонтеров катастрофически падало и вскоре составило всего лишь 8 тысяч человек на всю страну. Чувствовалось отсутствие Ганди. О проведении общенациональной кампании гражданского неповиновения даже и думать было нечего. В то же время политический вес свараджистов возрастал. На первых порах создавалось впечатление, что в период спада движения они даже предложили, по крайней мере внешне, эффективную программу критики правительства.

Только что вышедший из тюрьмы Мухаммед Али неожиданно высказался в поддержку свараджистов, сказав, что, по его мнению, Махатма, будь он на свободе, предоставил бы Конгрессу возможность внести в программу несотрудничества необходимые коррективы в соответствии с требованиями изменившейся в стране обстановки. Али даже дал понять, что будто бы он имеет на этот счет прямые указания от Ганди. В действительности же Ганди оставался при своей точке зрения — никакой поддержки правительству, никакого сотрудничества с ним. По-видимому, Али, чтобы сделать свое выступление более убедительным, решил использовать авторитет вождя, с которым, как все

знали, он был очень дружен. Поэтому многие конгрессисты ему с легкостью поверили.

Джавахарлал Неру писал об этом трудном периоде, что, сохранив веру в Ганди как в руководителя, он начал более критически относиться к некоторым его установкам и взглядам. Правда, в 1919 году призыв Махатмы Ганди провести кампанию ненасильственной борьбы против англичан привел молодого Неру в неописуемый восторг, и он готов был слепо, не раздумывая, идти за Ганди. «Я тотчас откликнулся на призыв. Последствия не имели для меня никакого значения», — писал он об этом времени. Под воздействием Ганди, желая следовать его примеру, Джавахарлал Неру раз и навсегда отказался от адвокатской карьеры и решил посвятить себя целиком делу освобождения Индии. Он даже резко изменил уклад свой жизни: бросил курить, отказался от европейского костюма, перешел на вегетарианскую пищу, стал изучать древние литературные памятники индуизма. Теперь же безоглядный восторг всем, что предлагал и делал Ганди, стал проходить.

Ни одна из существующих в ИНК основных групп — ни сторонники участия в законодательных собраниях, ни противники ревизии политической линии Ганди — не привлекала Неру. Первая, как он считал, откровенно сворачивала в сторону реформизма; представители второй, объявляя себя горячими последователями Махатмы, на самом деле «подобно большинству учеников великих людей придавали больше значения букве учения, нежели его духу. В них не было активного начала, и на практике большинство из них были безобидными и благочестивыми социал-реформистами». Единственным преимуществом гандистов было их стремление поддерживать связь с крестьянскими массами; свараджисты же всецело были поглощены парламентской тактикой, живого общения с народом у них не было. Среди свараджистов оказалось немало карьеристов, заискивающих перед колониальными властями, чтобы получить через законодательные собрания теплые местечки на государственной службе, обрести синекуру под покровительством англичан. Мотилал Неру, узнав о низменных поступках свараджистов, возмущенный их политическими интригами, гневно грозил «отсечь больную ветвь».

В самом Конгрессе сложилось центристское руководство, которое могло существовать, лишь маневрируя между двумя основными группировками.

В декабре 1923 года в Коконаде, на юге Индии, состоялась очередная сессия ИНК. На этот раз председательствовал на сессии Мухаммед Али. Он уговорил Джавахарлала Неру занять пост секретаря Исполнительного комитета Конгресса. Али был человеком острого ума, энергичным, честным, но неуживчивым: если ему кто-то был не по душе, сработаться с ним он уже не мог. К Джавахарлалу он питал большую симпатию, во всем доверял ему, хотя людьми они были совсем разными и по складу ума, и по темпераменту. Кроме того, Али был религиозен до фанатизма, а Неру слыл атеистом. Обладая обостренным чувством юмора, Али не в состоянии был сдержаться, чтобы не высмеивать друзей, что их очень обижало. Уравновешенность Джавахарлала, его сдержанность (черты характера, которые так ценил в нем Ганди) оказались очень полезными для сотрудничества. Али и молодой Неру неплохо сработались. Сварливый характер Али отталкивал людей, превращал лояльных в противников. Неру, наоборот, противников умел обращать в своих сторонников. В обстановке разлада в руководстве Конгресса они все же удерживали его формальное единство. Оба безоговорочно соглашались с Ганди в том, что главная опасность для освободительного движения заключалась в общинно-кастовой замкнутости и религиозной нетерпимости, привнесенных в сферу политики. Конгресс же должен остаться целостной партией. И здесь важно не допустить разделения его членов по религиозной принадлежности. С этой задачей новые лидеры ИНК, в отсутствие Ганди, в целом справлялись.

Однако чувствовалось, что Али, как воинствующий мусульманин, прилагал огромные усилия, чтобы совладать с собой и не навязывать коллегам идею об исключительности и превосходстве ислама над другими религиями. Его все больше тянуло в «чистый сонм» братьев по вере. Пробыв год на посту председателя ИНК, он стал постепенно отходить от Конгресса, или, как он, оправдываясь, говорил, Конгресс начал отходить от него. Отчуждение Али от конгрессистов будет с прискорбием переживать Ганди: он возлагал на него большие надежды и ожидал от него помощи в создании индуско-мусульманского политического единства. На другого мусульманского лидера — Джинну — не приходилось рассчитывать: он уже открыто противопоставлял Конгрессу возглавляемую им Мусульманскую лигу — партию мусульманских помещиков и буржуазии.

Вопреки усилиям Конгресса, английским властям удалось в некоторых районах страны разжечь индусско-мусульманские распри. Повсюду в провинциях одна за другой стали возникать религиозно-феодалные партии. Правительство вело дело к тому, чтобы противопоставить Конгрессу фронт реакционных партий и консервативных организаций.

В начале 1924 года Индия узнала: у Ганди острый приступ гнойного аппендицита — его жизнь в опасности. Власти перевозят его из тюрьмы в госпиталь; необходима срочная операция. Врачи опасаются, что в случае неудачной операции и смерти Ганди им придется иметь дело с возмущенным народом Индии.

Ганди окружен группой друзей и высокопоставленных индийцев, среди них — и глава общества «Слуги Индии» Шринивас Састри. Больной понимает деликатность положения, создавшегося для врачей-англичан. За несколько минут до операции он, преодолевая боль, надиктовывает и подписывает заявление, которое должно снять ответственность за исход операции с хирурга полковника Маддока и его ассистентов. В самый критический момент, когда Махатма лежал на операционном столе, погас свет, и Маддок, обливаясь потом, продолжал операцию при свечах. Утренние газеты 13 января 1924 г. оповестили страну, что операция закончилась благополучно, самочувствие больного удовлетворительное.

Центральное и бомбейское законодательные собрания под сильным нажимом заседавших в них свараджистов и либералов одобряют официальное обращение к представителям верховной власти в Индии с просьбой о досрочном освобождении Ганди из тюрьмы. Губернатор Бомбея сэр Лесли Вилсон отклоняет просьбу. Однако вице-король решил подойти к этому вопросу иначе: почему бы в данном случае не продемонстрировать великодушие Британской империи? Такой шаг мог произвести впечатление и подействовать на многих. Верховный правитель Индии рассудил, что коль крылья у Ганди уже подрезаны, то навряд ли он сможет высоко подняться над политической ареной страны и направлять ход событий. Его помилование лишь ослабит антианглийские настроения среди индийцев и по-

льстит либералам, к чьим услугам правительство нередко вынуждено было прибегать, как к своей социально-политической опоре в Индии.

Ганди протестует. Он заявляет, что болезнь не может служить законным основанием для его досрочного освобождения. Ему неприятно проявление непрошенной заботы о нем со стороны властей. Махатма возмущен и сконфужен. Но как бы там ни было, стража у дверей его больничной палаты снимается. 5 февраля 1924 г. Ганди объявляют, что он уже на свободе. Делать нечего — с тюремного довольствия он уже снят.

Крайне истощенный, очень слабый после перенесенной тяжелой операции, Ганди отправляется в Джуху, местечко на побережье близ Бомбея. Туда к нему потянулись деятели Конгресса и других политических партий: всем не терпелось поговорить с ним, узнать его мнение о политической обстановке, сложившейся в стране, выяснить его дальнейшие планы. Приехали в Джуху отец и сын Неру. Старший Неру, приложивший вместе с либералами немало усилий, чтобы добиться освобождения Ганди, теперь хотел излить ему душу и попытаться заручиться его поддержкой. Но разъяснение намерений свараджистов ни в коей мере не повлияло на негативное отношение Ганди к ним. Дружеские беседы Мотилала Неру не возымели действия — Ганди не шел на компромисс. Между тем лидеру свараджистов так не доставало политического благословения Махатмы! Каждый остался при своем мнении, и печать шумно комментировала их разногласия.

Джавахарлал Неру также вернулся из Джухи несколько разочарованным. Ганди не рассеял его сомнений. Молодому, радикально настроенному лидеру конгрессистов хотелось бы получить от вождя ясные указания о путях и формах дальнейшей борьбы. Он жаждал скорее вступить в схватку с властями и прямой дорогой повести страну к независимости. Но Ганди не знал прямой и близкой дороги к свободе. В изменившихся условиях он даже решил отложить на время применение тактики массовой сатьяграхи и выдвинул некую «конструктивную программу» действий, как он называл ее сам.

На первый взгляд конструктивного в этой программе было немного. Вождь ограничивался малым: поощрение ручных ремесел, и в первую очередь ручного прядения; борьба против «неприкасаемости», то есть социально-быто-

вой дискриминации индийцев, находившихся вне кастовых сословий индийского общества, можно сказать — вне закона; широкая пропаганда индуско-мусульманского единства; и, наконец, проведение ограниченных по числу участников пробных кампаний гражданского неповиновения. Вот слагаемые «конструктивной программы» Ганди. Для начала, считал он, этого достаточно. Прежде всего надо было сорвать усилия англичан, направленные на раскол национального движения, сохранить массовую базу Конгресса, и в первую очередь удержать городские средние слои, ремесленников и буржуазию; воспитать и психологически подготовить население страны для решительного выступления против колонизаторов в будущем. На вопрос, когда наступит это будущее для ненасильственного, мирного свержения власти колонизаторов, Махатма ответа не давал. Он говорил: «Я — не пророк и не гадалка. Поживем — увидим. Сейчас же давайте трудиться, не хныкая и не забегая вперед».

Сановные либералы, побывавшие в Джухе, успокоились: «конструктивная программа» Махатмы, как им показалось, не предвещала революционных бурь. Ничто не мешало им по-прежнему умиляться индийско-английским сотрудничеством, которое можно было бы охарактеризовать разве только как сотрудничество наездника с лошадью. Они же восхваляли великолепие и мощь Британской империи, умилялись предоставленной им возможностью время от времени вращаться в среде английских аристократов и иногда быть приглашенными за стол к губернатору и даже к самому вице-королю. На имперской конференции в Лондоне один из лидеров либеральной партии Тедж Бахадур Сапру, упоенный высоким доверием, оказанным ему, сказал: «Я горжусь тем, что именно моя страна делает империю великой». А Шринивас Састри был назначен имперским послом. И это в то время, возмущался Джавахарлал Неру, когда «империя могла обращаться с нашими соотечественниками, как с циновкой для вытирания ног...»

Свараджисты, руководимые старшим Неру и Ч. Р. Дасом, продолжали активную деятельность в законодательных собраниях. В некоторых провинциях им удалось провалить правительственные бюджеты; они принимали резолюции, требовавшие созыва «конференции круглого стола» для обсуждения условий предоставления свободы Индии.

Шумели свараджисты, шумела пресса — создавалось

впечатление расцвета демократии в стране, но это был дразнящий мираж: власти смеялись над «парламентским экстазом» индийских депутатов. Губернаторы в провинциях и вице-король в Дели не колеблясь утверждали отвергнутые законодательными собраниями бюджеты и презрительно бросали в корзины с мусором неугодные им резолюции и решения. И тогда, понимая свою беспомощность перед верховной властью, свараджисты утихали, умолкала послушная властям пресса. Что свараджисты еще могли сделать? Им оставалось покориться реальной власти колонизаторов или покинуть стены законодательных органов. Жизнь, политический опыт учили их: никаких законов, противоречащих интересам колонизаторов, принять они не могли; выйти же на улицу, обратиться к народу у них не хватало смелости, более того, они не верили в способность народа взять судьбу страны в свои руки.

В середине 1924 года в Ахмадабаде проходило заседание Рабочего комитета Конгресса. Ганди, следуя своей «конструктивной программе», выдвинул требование об обязательном собственноручном прядении в качестве условия для приема в Конгресс. Некоторые конгрессисты расценивали это требование как деспотизм вождя. Предложение Ганди вызвало решительное сопротивление со стороны свараджистов. Больше всего возмущались Мотилал Неру и Дешбандху Дас, которые в знак протеста покинули заседание. Ганди нервничал, казалось, он терял почву под ногами. На этот раз ему, максималисту, когда дело касалось его личных моральных убеждений, пришлось отступить и пойти на примирение с оппозицией. Согласившись с тем, чтобы собственноручное прядение было признано лишь одним из возможных условий приема в члены Конгресса наряду с уплатой вступительного взноса, Ганди посчитал разумным сделать уступку свараджистам и по вопросу их участия в законодательных собраниях.

Всеми силами Ганди стремился избежать раскола Конгресса и поэтому заявил, что свараджистская партия должна стать неотъемлемой частью ИНК. В декабре 1924 года он пошел даже на заключение соглашения со свараджистами, которое стало известно как «пакт Ганди — Неру — Даса». В ущерб позиции Ганди из Рабочего комитета ИНК были выведены его сторонники — «противники перемен» Раджагопалачария, В. Патель и др.

В правительственных кругах в открытую заговорили,

что М. Неру и Ч. Р. Дас оттеснили Ганди и стали играть главную роль в национальном движении. Ганди, мол, отошел от политики, популярность его пошатнулась, и он выдохся. Утверждали, что существовавшие ранее столь сердечные отношения между Махатмой и старшим Неру нарушились. В связи с переменами в руководящем органе Конгресса вице-король Ридинг доносил в Лондон: «Ганди теперь следует за Дасом и Неру, хотя они прилагают максимум усилий, чтобы создать у него самого и его сторонников впечатление, что он — один из лидеров, если не глава Конгресса».

Но все это было простой спекуляцией колониальных чиновников, не знавших души Индии и не разбиравшихся в ее людях. Некоторое отчуждение в отношениях между Ганди и Мотилалом Неру, если и было, длилось недолго. Аскет и эпикуреец, словно положительный и отрицательный заряды, тянулись друг к другу. Чем все же объяснить прочность добрых отношений, существовавших между этими людьми? Ответ на вопрос дает сам Мотилал Неру. В предисловии к своей книге «Течение мысли», содержащей избранные места из произведений Ганди, он пишет: «Мне приходилось слышать о святых и сверхчеловеках, но я никогда не имел удовольствия с ними встречаться и должен признаться, что отношусь скептически к факту их существования. Я верю в людей и в дела рук человеческих. Высказывания, собранные в этом томе, принадлежат человеку и являются его творением. Они говорят о двух великих свойствах человеческой природы — Вере и Силе...»

Мотилал Неру не считал Ганди святым, но восхищался им как человеком, умеющим держать слово, политическим лидером, обладающим непреклонным духом и верой в конечную победу. В свою очередь, Ганди ценил в Мотилале ту же убежденность, его приверженность идеалам свободы, деловитость и неиссякаемую энергию, его способность жертвовать личным для благополучия своего народа.

В июне 1925 года умер Дешбандху Дас. Его смерть была большой утратой для бенгальских патриотов и свараджистской партии. Мотилал Неру лишился своего ближайшего друга и соратника. Скорбел об утрате и Ганди. Он всегда говорил о Дасе как о человеке, беззаветно и искренне преданном делу освобождения Индии.

Начиная с 1924 года и в течение последующих трех-четырех лет Ганди переживал тяжелый период раздумий,

поисков, сомнений. Основной принцип борьбы за свободу оставался для него непререкаемым: это сатьяграха. Однако ему не доставало политических и идеологических средств, одинаково приемлемых для всего народа; он испытывал огромную трудность в определении революционной ситуации, в выборе момента для всеиндийского мирного восстания; он ощущал потребность в подборе ключей к решению многих социальных проблем; еще больше его волновала углублявшаяся индусско-мусульманская разобщенность, при которой свободная Индия как единое, светское и миролюбивое государство была немыслима. Махатма был неспокоен. Он ездил по стране, всматриваясь в лица людей, наблюдая их поступки, изучая настроения. Он словно припадал своим чутким ухом к самой груди Индии, вслушиваясь в ее дыхание, в неровное биение ее измученного сердца.

Ганди все больше склонялся к мысли, что его «конструктивная программа» сама по себе не принесет желаемого результата, что она должна быть дополнена активными действиями людских масс. Один Конгресс, каким бы многочисленным он ни был, добиться победы был не в состоянии. Он начал понимать необходимость перемен в политической тактике борьбы с правительством. «В конечном итоге, — писал он в минуты критических размышлений, — те, кто вел активную политическую жизнь в старой манере, видимо, не могут теперь сидеть сложа руки, пока мечтатель, подобный мне, не наметит действенную программу, основываясь на безобидной игрушке, подобной той, какой является прятка».

Ганди пошел на широкие уступки свараджистам. Они, поглощенные парламентской борьбой, так или иначе будоражили общественное мнение; в пылу полемики рождались политические идеи. Хотя дело не двигалось вперед, возмущенные голоса доносились до Лондона, и там время от времени заднескамеечники в парламенте делали запросы правительству о положении дел в Индии.

Для Ганди было аксиомой, что любые, самые горячие и красивые, речи лидеров должны быть услышаны самим народом, приняты им и поддержаны массовым энтузиазмом, единением людей в их «святом движении» к справедливой цели. Но «святая» позитивная энергия масс в начале 20-х годов, проявленная в ходе кампании гражданского неповиновения, вдруг обернулась разрушительной силой,

горько размышлял Махатма. В стране то там, то здесь вспыхивали религиозно-общинные погромы. В сентябре 1924 года в Кохоте были вырезаны 155 индусов. Все индусское население покинуло город.

«Неужели мои усилия пробудить энергию народа, мои призывы к ненасилию и правде обратились во зло и кровавые погромы?» — неустанно укоризненно звучал голос Ганди, обращенный к соотечественникам. Узнав о событиях в Кохоте, он объявляет 21-дневную голодовку, которую проводит в доме Мухаммеда Али. Мрачная весть всколыхнула всю страну: вождь готов отдать свою жизнь в знак примирения общин.

Политические деятели, руководители различных религиозных общин собираются в Дели на специальную «конференцию единства». В ее работе участвуют 300 делегатов, в их числе Энни Безант, братья Али, видный конгрессист М. М. Малавия, митрополит Индии Весткотт. Конференция обращается к индийцам с призывом соблюдать принцип свободы совести и вероисповедания, осуждает насилие, религиозную рознь и нетерпимость, призывает общины к проявлению доброй воли, к согласию и братству.

По истечении двадцать первого дня, 8 октября 1924 г., в присутствии собравшихся в доме Али руководителей индусских, мусульманских и христианских общин, Махатма закончил голодовку со словами: «Разбитые головы не могут объединить сердца людей».

Мир восстановлен. Но долго ли он продлится? Лорд Беркенхед в связи с религиозными погромами писал вице-королю Ридингу: «...Мы, и только мы, можем играть в этом (в общинных распрях. — Авт.) роль дирижеров». Это действительно было так. Но Ганди не хотел мириться со злой действительностью. Он снова пошел в народ, чтобы начать все сначала и доказать колонизаторам, что индусы и мусульмане — братья, сыны одной родины, которая может быть свободной лишь при условии их совместных усилий. Махатма не мог и не хотел соглашаться с колонизаторами, утверждавшими, что индийцы не в состоянии решить религиозно-общинный вопрос в духе взаимного уважения. Его поражало, как религиозной верхушке, индусским и мусульманским феодалам и буржуазии удавалось, используя священный для мусульман Коран или индуистские священные писания, добиваться поддержки чуждых нищему, голодному народу требований и программ. Простые люди, на

разжигании религиозных страстей которых играли реакционные лидеры, проливали кровь своих братьев, калечили свои души только для того, чтобы их единоверцы, высокопоставленные персоны, заняли в колониальной иерархии влиятельные посты. Что было до этих постов крестьянам, рабочим, ремесленникам?

Религиозная реакция захлестнула политику, стала душить освободительное движение. Свежий ветер национализма угнетенной нации сменился затхлой атмосферой религиозных амбиций. Как индусские, так и мусульманские религиозно-общинные деятели с одинаковым рвением обрушивались на прогрессивные идеи и их выразителей. Между ними установилось полное единодушие в отношении отстаивания социальных и политических интересов привилегированных групп: князей, крупных землевладельцев, промышленников и торговцев. Толкаясь в приемных английских чиновников, подобострастно складывая ладони и сгибаясь перед ними в низких поклонах, они стремились получить от колонизаторов очередную подачку и защиту от своего же народа.

Страна задыхалась от религиозного дурмана. Он проникал и в самую влиятельную всеиндийскую политическую организацию — в Конгресс. Мусульмане-конгрессисты объединились в группу «националистическая мусульманская партия». Индусские конгрессистские деятели Мадан Мохан Малавия и Лала Ладжпат Рай создали внутри ИНК свою группу, которая сотрудничала с реакционной индусской партией «Хинду махасабха». Центр в политике ИНК сместился вправо.

В условиях Индии лидеры национально-освободительного движения, в том числе Локаманья Тилак, чтобы обрести широкую поддержку народа, использовали наиболее доступную для него мораль и этику индуизма. Они противопоставляли самобытное, общенациональное, духовное наследие индийцев всей системе колониального угнетения. Так поступал и Ганди. Национализм, основанный на религии, характерен для многих стран Востока. Проявился он и в Индии. В этой огромной стране, в обстановке, серьезно осложненной наличием разных религиозных общин, самыми влиятельными были индусская и мусульманская. Перед Ганди, общенациональным лидером, стояла труднейшая задача объединить усилия миллионов индусов и мусульман в едином освободительном движении,

сделать понятным, что независимо от религиозной принадлежности индусы, мусульмане, индийцы, исповедующие другие религии, составляют одну индийскую нацию, у них одна родина.

Ганди на какое-то время отходит от непосредственного руководства Конгрессом. Он должен снова преодолеть путь «со дна до поверхности», подготовить страну духовно. Прежде чем добиваться независимости, решает он, необходимо гарантировать индусско-мусульманское единство: нет его — не будет и свободы. Однако пройдет всего один год, и Ганди откажется от этого тезиса. Он заявит, что «индусско-мусульманская дружба в условиях присутствия англичан, третьей стороны, — почти невозможна». Религиозный мир восторжествует в стране лишь после завоевания ею независимости.

Джинна, поддерживаемый колониальным правительством, выдвинет разрушительную идею «двух наций Индии» — индусской и мусульманской.

Глава седьмая

Передышка. Конгресс устанавливает международные связи. Миссия Саймона. Курс на независимость

После частых и длительных странствований Махатма Ганди, усталый, возвращался в свою обитель, каждый раз заново переживая радость встречи с Кастурбай, со всеми обитателями ашрама.

Вместе с правочерными индусами-гандистами из обеспеченных семей здесь, под одной крышей, жили «неприкасаемые», отверженные обществом бедняки; подолгу гостили видные английские ученые-индологи и общественные деятели. В обители находили приют молодые люди, разочаровавшиеся в европейской цивилизации и искавшие романтических приключений или душевного покоя в загадочной Индии. В течение многих лет жила и работала в ашраме мисс Слейд, дочь английского адмирала сэра Эдмунда Слейда. Сюда за советом к Махатме тянулись обиженные и оскорбленные «ходоки за правдой». Вертелись вокруг Бапу — «отца нации» и люди, желавшие использовать его имя, чтобы, прослав его соратниками, нажить свой собственный политический капитал. Посещали ашрам просто любознательные соотечественники и туристы из-за океана. Часто приезжали сюда журналисты и писатели, которые не прочь были заработать на репортажах и очерках о «Великой душе» Индии. Разумеется, среди этого разнокалиберного люда скрывались фискалы тайной полиции и осведомители английского правительства.

Кто-то назвал ашрам Ганди «пупом зарождающейся молодой Индии». Действительно, жилище Махатмы не было домашним очагом для него в узком смысле этого слова. Ашрам на реке Сабармати принадлежал всей Индии.

Дети Ганди рано покинули родной дом, и только одна Кастурбай, верная своему неугомонному мужу, оставалась рядом с ним. Она давно привыкла к его «прихотям»: он добровольно отказался от всех материальных благ, владения собственным имуществом и деньгами. Дети же не поняли отца. Они хотели жить на широкую ногу, пользуясь огромным авторитетом отца; не думали воздерживаться от земных радостей и «греховных» наслаждений. В большой обиде на отца был старший сын Харилал.

Махатма любил своих детей, оказывал им помощь и покровительство, вернее, осуществлял их трудовое воспитание, но только до достижения ими шестнадцати лет. Далее, как считал он, дети должны жить самостоятельно и сами зарабатывать себе на жизнь. Покровительствовать родственникам, отличать их чем-то от других людей — значит быть эгоистом, любить в них себя, свою родную плоть. Для Ганди — вся Индия родня.

Харилал завел свое торговое дело. Отказавшись от индуизма, он принял исламскую веру, но законов Корана не соблюдал: злоупотреблял алкоголем и имел связи с женщинами легкого поведения. Из-за неумелого ведения дел его фирма вскоре обанкротилась. Много горя принес он своим родителям. Ганди признавал это публично в своей газете «Янг Индия», а Кастурбай писала сыну горькие, полные отчаяния письма. «Я не знаю, что и сказать тебе, — писала она ему. — Я уже в течение долгих лет упрашиваю тебя контролировать свое поведение. Однако оно становится все более вызывающим. Подумай о страдании, которое ты приносишь своим пожилым родителям на закате их жизни. Твой отец никому не жалуется, но я-то знаю, как разбито его сердце... Являясь нашим сыном, ты ведешь себя в отношении нас как враг. Мне рассказывали, что во время своих недавних походов ты осуждал и насмехался над своим великим отцом... Ты не осознаешь, что, причиняя ему зло, ты только компрометируешь себя...»

Ганди не стал бы «отцом нации», растратив он свою огромную жизненную энергию на удовлетворение мелких интересов своей многочисленной родни и корыстных запросов близких ему людей. Он не терпел частной благотворительности, полагая, что любой человек должен сам трудиться и самостоятельно добывать свой хлеб. Поэтому он никогда не подавал милостыни ни нищим, ни «святым», ни служителям храмов. И все же он был в высшей степени

альтруистом, всегда бескорыстно помогая другим. Он умел отвлекаться от жизненных забот, объявлял особые «дни молчания» и в эти дни глубоких раздумий размышлял над текущими проблемами своей страны, своего народа. Ему было чуждо блаженное состояние нирваны, безразличное отношение к окружающему миру, достижением которого так гордятся буддистские монахи; трепетное, глубоко внутреннее восприятие им национальной и международной жизни — вот главное, что делало Ганди политическим вождем.

Для политической деятельности Ганди, как и для его предшественников — выдающихся индийских мыслителей, националистов Свами Вивекананды, Локамани Тилака, Ауробиндо Гхоша, — присуще стремление к одной и той же утопической цели: сначала «духовно перевоспитать всех индийцев», проникнуть в их сердца (рабочего, крестьянина, помещика и капиталиста), а уже потом «переустроить саму их жизнь». Если в конкретных исторических ситуациях у Ганди и прослеживается связь национально-освободительной идеи с политической практикой и широкой демократической организацией масс, то эта связь зачастую носит спонтанный и всегда внеклассовый характер, заключена в непрочную, конъюнктурную общественную форму.

Годы частичной, временной стабилизации капитализма ознаменовались сговором империалистических стран-победительниц о совместном закабалении Китая и закреплении за Великобританией монопольного права на колониальную эксплуатацию Индии. В эти годы, характеризовавшиеся некоторым спадом национально-освободительного движения, Ганди, как уже знает читатель, решил не мешать реформистам из свараджистской партии испытать свои силы. С согласия Ганди свараджисты в ходе избирательной кампании в законодательные органы страны выступили от имени ИНК. Образовался, таким образом, политический блок из конгрессистов и свараджистов. На сессии Конгресса в Канпуре, состоявшейся в 1925 году, деятельность свараджистов была даже признана основной формой конгрессистской работы. Однако, как и предполагал Ганди, свараджистским путем, законодательной деятельностью, не удалось вырвать хотя бы одну существенную уступку у английской колониальной администрации. Неудачи свараджистов подорвали их влияние в буржуазно-помещичьих

кругах, на которые они опирались, и на выборах 1926 года свараджисты потерпели поражение.

Это событие тяжело переживал Мотилал Неру, но оно нисколько не удивило Ганди. Он помнил, что еще в августе 1922 года, когда на политическую арену в Индии выступили «сторонники перемен» путем осуществления реформ, английский премьер-министр Ллойд Джордж в своей программной речи четко заявил, что его правительство не собирается вводить в Индии самоуправление. Кстати, и первое в истории Великобритании лейбористское правительство, сформированное Макдональдом в декабре 1923 года, полностью оправдало доверие английской буржуазии. Опасения Черчилля, что лейбористы намерены разрушить основы империи, были преждевременными. Пришедший к власти в 1924 году консервативный кабинет Стэнли Болдуина, в составе которого играл ключевую роль Черчилль, постепенно свел на нет все незначительные уступки, предоставленные индийской буржуазии по реформе Монтегю — Челмсфорда.

В течение пяти лет Ганди, как считается, самоустраанился от непосредственной политической деятельности, он кропотливо налаживал связи с различными слоями населения. Махатма основывает Всеиндийскую ассоциацию ручного прядения. Она объединяет десятки тысяч жителей городов и деревень по всей стране. Ассоциация не только пропагандирует ручную прялку, но и снабжает прядильщиков-кустарей сырьем. Она разворачивает по всем провинциям Индии сотни торговых центров по продаже готовой продукции. Вся работа ассоциации, которую возглавляет сам Ганди, ведется под антиколониальными лозунгами. В результате из-за усиливавшейся конкуренции с национальным индийским капиталом англичане несут ощутимые торгово-экономические убытки. Одновременно продолжается процесс падения авторитета колониальной власти.

Внутриполитическое положение в Индии развивалось не изолированно от общей международной обстановки. Это хорошо понимали лидеры индийского освободительного движения, и прежде всего, разумеется, Махатма Ганди. Правда, он внушал индийцам, чтобы они не рассчитывали, что свобода вдруг придет к ним откуда-то извне: ее необходимо добиваться им самим. Тем не менее внешним факторам он придавал должное значение. В 1925 году не без его участия на сессии ИНК в Канпуре была принята

специальная резолюция о создании под началом Всеиндийского комитета Конгресса «иностранный департамент», призванного защищать интересы индийцев за рубежом, разъяснять позицию ИНК в отношении британского колониального господства в Индии.

Ганди, однако, воздерживается от критики классовых отношений внутри самого индийского общества, хотя, как и раньше, считает, что у индийского народа есть два врага — внешний и внутренний. В связи с этим он указывает: «Сегодня мы не можем бороться с двумя врагами. Давайте поборем одного, а тогда будет легко, если нужно, побороть другого врага, возвращенного в нашей собственной стране».

Пытаясь объяснить лидерам левого радикального крыла ИНК, всем индийским патриотам, почему он в столь тяжкое для родины время не уделяет должного внимания аграрному вопросу и решению его в пользу тех, кто обрабатывает землю, Ганди открыто говорит: «Я намеренно не писал много о земледельцах, потому что я знаю, что сейчас мы ничего не можем для них сделать. До тех пор, пока бразды правления не находятся в руках представителей земледельцев., улучшение их условий очень трудно, если не невозможно».

Ганди отдает первенство общенародной борьбе с первым врагом — британским империализмом. Несколько позднее, 1 апреля 1928 г., по этому вопросу он напишет Джавахарлалу Неру: «Я придерживаюсь одного мнения с вами, что когда-нибудь нам придется начать движение без богатых людей, без образованных классов, которые формируют общественное мнение. Но это время еще не настало».

Как-то Ганди спросили, не следует ли вместо пропаганды ручного прядения проводить кампанию против феодальной эксплуатации в деревне. Он ответил отрицательно. Такая кампания, по его мнению, привела бы к тому, что «в нужный час народ по всей Индии не смог бы выступить во имя общего дела в борьбе за сварадж». То есть вождь опасался оттолкнуть от движения помещиков и миллионы мелких земельных собственников. Таким образом, Махатма выдвинул положение об очередности решения задач национально-освободительного движения и борьбы народа за улучшение своих социальных и экономических условий жизни. Это положение основывалось на необходимости

всенародного антиимпериалистического движения и говорило об интуитивном понимании вождем прогрессивной роли буржуазного национализма. Тактика Ганди вполне устраивала имущие классы Индии, которые готовы были принять участие в освободительном движении и даже возглавить его, но революционное усилие низов их пугало больше, чем притеснения со стороны колонизаторов.

1926 год. Повсюду в стране вновь начало ощущаться пробуждение народных масс, оживилась политическая деятельность партий, участились стачки бомбейских текстильщиков, железнодорожников, наблюдался рост профсоюзов. К этому времени в Индии насчитывалось примерно 200 профсоюзов, объединивших более 300 тысяч рабочих. Многие из них вошли во Всеиндийский конгресс профсоюзов (ВИКП). В самый канун 1926 года в Канпуре была проведена первая конференция индийских коммунистов, на которой было принято решение об образовании Коммунистической партии Индии. Под влиянием коммунистов и радикально настроенных конгрессистов на съездах ВИКП были приняты решения политического характера — против использования полиции для подавления выступлений трудящихся, за предоставление рабочим избирательных прав, против системы «неприкасаемости» и расовой дискриминации. Эти решения были умеренными и в целом не противоречили требованиям, выдвигаемым Махатмой Ганди.

Советский Союз все больше привлекал взоры индийских патриотов. Великий северный сосед Индии закончил восстановление народного хозяйства. XIV съезд ВКП(б) одобрил курс на индустриализацию страны, на превращение Советского многонационального государства в экономически и политически мощную социалистическую державу. СССР заключил равноправные договоры о нейтралитете и взаимном ненападении с Турцией, Афганистаном, Ираном; решительно выступил в поддержку национального суверенитета Китая.

Отражая настроения индийских национально-демократических кругов, Джавахарлал Неру отмечал: «По отношению к странам Востока — Китаю, Турции, Персии и Афганистану — Советская Россия проводила чрезвычайно вели-

кодушную политику. Она отказалась от старых привилегий царской России и старалась установить с ними дружественные отношения. Это отвечало провозглашенным ею принципам освобождения всех угнетенных и эксплуатируемых народов... Такие империалистические державы, как Англия, часто попадали в трудное положение благодаря этому великодушию Советской России, и страны Востока делали сравнение не в пользу Англии и других держав».

Джавахарлал Неру, руководя «иностранным департаментом» ИНК, неоднократно встречался с Махатмой Ганди и советовался с ним по поводу своей поездки в Европу и, если представится возможным, в Советскую Россию: важно основательнее ознакомиться с международными делами и установить контакты с друзьями Индии за рубежом. Ганди одобрил этот план и даже снабдил Неру рекомендательным письмом к Ромену Роллану, с которым он поддерживал переписку. Представляя Неру, Ганди писал Ромену Роллану: «Один из моих самых дорогих соратников и друзей».

В Европе Неру знакомится с руководителями Антиимпериалистической лиги — Анри Барбюсом, Роменом Ролланом, Сун Цинлин (вдовой выдающегося китайского революционера-демократа Сунь Ятсена), индийским эмигрантом коммунистом Вирендранатхом Чаттопадхайтей; принимает непосредственное участие в подготовке антиколониального конгресса в Брюсселе. В письмах к отцу, Махатме Ганди и другим руководителям ИНК Неру сообщает: «Совершенно очевидно, что конгресс в Брюсселе будет весьма авторитетным форумом, и было бы крайне желательным направить на него представителей Индийского национального конгресса: в конечном счете самым устрашающим империализмом в наши дни является английский, тот, который господствует в Индии».

Ганди отнесся к письмам молодого Неру с большой осторожностью. Он не разделял его энтузиазма. «Я со всем вниманием прочитал вашу официальную информацию, равно как и личное конфиденциальное письмо о конгрессе угнетенных народов, — ответил Ганди. — Что касается меня, то я столь больших надежд на Лигу не возлагаю». По мнению Махатмы, конгресс в Брюсселе мог внушить индийцам опасную мысль «искать свое спасение, ориентируясь на внешние силы и на помощь из-за рубежа, вместо того чтобы добиваться этого посредством наращи-

вания собственных сил внутри страны». Скептическое отношение Ганди к информации Неру объяснялось также тем, что в работе Брюссельского конгресса принимала участие большая делегация английских лейбористов, которые обещали с приходом к власти предоставить Индии независимость. Ганди, в отличие от других руководителей ИНК, не питал никаких иллюзий относительно обещаний лейбористов. Он считал, что они преследуют свои узкопартийные интересы и, сформировав свое правительство, будут проводить все ту же имперскую политику.

Но как бы то ни было, вскоре из Индии пришел ответ, уполномочивающий Неру официально представлять ИНК на конгрессе угнетенных народов в Брюсселе. Обращаясь к делегатам Брюссельского конгресса, Неру говорит: «Я хочу, чтобы вы осознали, что задача освобождения Индии не только национальная проблема. Она непосредственно затрагивает большое число других стран и косвенно отражается на обстановке во всем мире. Мы не можем дольше терпеть сложившееся положение не только из-за того, что свобода — это хорошо, а рабство — плохо; для нас и для нашей страны это вопрос жизни и смерти. В равной мере такое же положение нетерпимо и для вас».

Неру, хорошо осведомленный о тактике Ганди, всеми силами стремившегося к классовому миру, так опасавшегося отпугнуть национальную буржуазию и землевладельцев от участия в национально-освободительном движении, тем не менее, вопреки этому, в своей речи заявляет: «Мы должны рассматривать индийских князей и крупных землевладельцев как пособников английского правительства в проводимой им политике в Индии. Они не хотят свободы для Индии из-за того, что это означало бы свободу крестьян от эксплуатации... Мы часто наблюдаем отвратительный союз английских капиталистов с капиталистами индийскими». В этих словах Неру не было ничего такого, с чем бы внутренне не мог согласиться Ганди. И все же выступление Неру встревожило Ганди: что же, тогда ожесточенная классовая борьба и насилие? А такой подход к делу разрушил бы всю морально-политическую основу сатьяграхи — гандистского метода достижения свободы и переустройства индийского общества. Поэтому индийский национальный вождь отверг «неровский радикализм» в качестве официальной политической линии ИНК.

Ганди нервничает: до него доходят слухи, что Неру

попал под влияние коминтерновцев, что сам конгресс в Брюсселе является «коммунистической затеей». Однако, давая интервью для прессы, Неру резко опровергает это измышление. «Для Англии, — говорит он, — все, кто выступает против эксплуатации других народов, — большевики».

Вместе с тем он охотно общается с коммунистами, беседует с ними, выслушивает их оценки политической обстановки в мире. Встречается с английским коммунистом Гарри Поллитом, с лидером национально-освободительного движения Индокитая Нгуеном Ай Куоком (псевдоним Хо Ши Мина. — *Авт.*). Неру не считает нужным скрывать, что их политические взгляды во многом импонируют ему. Он все более убеждается в правильности вывода о том, что подавляемые народы и эксплуатируемые классы имеют одного и того же противника — империализм, а поэтому и выступать против него нужно единым фронтом. «Идеи о необходимости каких-то совместных действий угнетенных народов, а также совместных действий этих народов и левого крыла рабочего движения, — пишет он, — пользовались большой популярностью».

Отчет Неру об итогах работы Брюссельского конгресса проникнут мыслью о важности расширения сотрудничества между всеми угнетенными народами. Уже тогда Неру высказывает идею о создании международной организации солидарности афро-азиатских стран. Он предлагает усилить роль Индии в борьбе против империалистических войн. Понимая, однако, ограниченные возможности своей страны из-за ее зависимого положения от Англии, он говорит: «Я надеюсь, что после обретения свободы мы используем нашу энергию для установления мира на Земле». Неру заключает, что Советский Союз — «друг всех угнетенных народов и у Индии есть все основания к тому, чтобы развивать с ним дружественные отношения».

Внешнеполитический раздел отчета Джавахарлала Неру никаких возражений у Махатмы не вызывает. Он готов одобрить его. Но вождя настораживают суждения молодого соратника об одновременном решении двух задач — завоевания независимости и переустройства общества на социалистических принципах. Такой подход шел вразрез с установками Ганди. Мотилал Неру разделял опасения Бапу. Надо было, по их обоюдному мнению, удержать Джавахарлала от дальнейшего политического сдвига влево. Отец

принимает решение выехать к сыну в Европу. Беседы с Джавахарлалом несколько успокоили его. Хотя он не согласен с некоторыми взглядами сына, оснований для беспокойства не было: в целом Джавахарлал оставался верен политической платформе ИНК.

В ноябре 1927 года по приглашению Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами Неру — отец и сын — выехали в СССР, чтобы принять участие в праздновании десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. «Правда» 5 ноября 1927 г. сообщала: «Несмотря на чинимые английскими властями препятствия, на торжествах в Москве будут и индийские делегаты. Здесь уже находятся три индийских делегата, представители индийской секции Лиги борьбы с империализмом. Сегодня-завтра должен приехать один из виднейших вождей индийского национального движения — Пандит Мотилал Неру... Он приедет в Москву в сопровождении своего сына Явахарлала Неру, вождя левого крыла национального конгресса. Как известно, Явахарлал Неру был официальным представителем Индийского национального конгресса на первой конференции Антиимпериалистической лиги, состоявшейся в феврале 1927 года в Брюсселе».

Гостей из Индии принимают Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин и нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. Они встречаются с Н. К. Крупской, Е. Д. Стасовой, С. А. Лозовским, А. В. Луначарским и другими видными советскими государственными и общественными деятелями; присутствуют на открытии в Колонном зале Дома Союзов Всемирного конгресса друзей СССР. Мотилал и Джавахарлал Неру еще раз убеждаются в миролюбии Советского государства, в его готовности развивать дружественные отношения со всеми народами, в стремлении оказывать поддержку силам национально-освободительного движения.

О поездке руководителей ИНК в Москву тепло отзывалась патриотическая пресса Индии. В статье «Товарищеская рука», опубликованной в калькуттской «Форвард», говорилось: «Приглашение, присланное индусам, имеет особое значение. Вековая идея о «низших расах», резко отделявшая Европу от Азии и Африки и белых от желтых и коричневых, рухнула. Россия протянула свою братскую руку презираемым и угнетенным».

Возвратившись в Индию, Джавахарлал Неру издал

книгу очерков «Советская Россия» и поместил в ней фотографию В. И. Ленина, на которой он снят читающим газету «Правда» в своем кремлевском кабинете.

Симпатии Неру к Советской России и к ее вождю послужили основанием для конгрессистов с правого фланга партии упрекать его в том, что он будто бы перешел в лагерь марксистов. Об этом же сообщили в секретных донесениях английские полицейские службы. Однако сам Неру не считал себя марксистом. По-прежнему оставаясь гандистом, он лишь позволял себе критически относиться к некоторым взглядам и установкам Ганди, с которыми не вполне был согласен. Правдой, однако, было и то, что Неру, критикуя утопический крестьянский социализм Махатмы Ганди, по существу приближался к научному социализму. Полемизируя с вождем, Неру, в частности, заявлял, что «насилие в России, каким бы плохим оно ни являлось, было направлено на создание нового строя, основанного на мире и подлинной свободе для масс». Кстати сказать, насилие было навязано господствующими классами страны и международной реакцией (в том числе и Англией). По убеждению Неру, «при отсутствии социальной свободы и социалистического строя общества и государства ни страна, ни человеческая личность не могли развиваться свободно».

Махатма Ганди по сути своей также стремился к идеалам, уже осуществленным в Советской России. «Я буду бороться за такую Индию, — говорил он, — в которой беднейшие люди будут чувствовать, что это действительно их страна, в строительстве которой они будут иметь решающий голос, за Индию, где все общины будут жить в полном согласии...» Однако Ганди напрочь отвергал революционное насилие народа и намерен был добиться осуществления этих идеалов одними ненасильственными методами. «Я занят, — заявлял он, — разрешением тех же проблем, что стоят перед приверженцами научного социализма... Социализм — прекрасное слово, и, насколько я понимаю, при социализме все члены общества равны — нет ни низших, ни высших». Единственную отличительную особенность «своего» социализма Ганди усматривал в его абсолютной и непререкаемой вере в «закон ненасилия». «Этот социализм, — по его убеждению, — чист, как кристалл. Поэтому он требует и кристально чистых средств для его достижения... Поэтому только истинные, ненасильст-

венные и чистосердечные социалисты будут способны установить социалистическое общество в Индии и во всем мире».

В течение всего 1927 года Ганди продолжал свои поездки по стране. Он снова странствовал по проселочным дорогам Бенгалии, исходил пешком знойный Бихар, неоднократно появлялся на людных площадях Бомбея и Калькутты, был в Карнатаке. Не менее шести раз в день он выступал на митингах перед крестьянами, рабочими, ремесленниками и торговцами. Из-за постоянных перегрузок в работе и недосыпания здоровье его резко ухудшилось: его мучили частые головокружения, резко ослабло зрение. Иногда он доводил себя почти до обморочного состояния. Махадев Десаи, друг Ганди, 27 марта 1927 г. телеграфировал товарищам по партии: «Бапу едва избежал паралича. Кровяное давление продолжает расти. Врачи объясняют это перегрузкой в работе и нервным истощением. Они предписывают полный покой и настаивают на отмене всех запланированных мероприятий, по крайней мере в жаркие месяцы...»

Ганди переезжает в Майсор, известный своим умеренным климатом. За месяц ему удастся восстановить силы и продолжить свою работу.

К концу 1927 года внутриполитическая обстановка в Индии обострилась. Внешним толчком к этому послужило назначение английским парламентом комиссии во главе с сэром Джоном Саймоном, которой поручалось выработать проект нового закона об управлении Индией и решить вопрос в целом: стоит ли расширять полномочия представительных учреждений в стране, созданных в соответствии с реформой 1919 года. Всеобщее негодование вызвало то, что в комиссию не был включен ни один индеец. В нее вошли семь англичан, представлявших консервативную, либеральную и лейбористскую партии. Колонизаторы, направляя комиссию Саймона, рассчитывали создать видимость того, что им небезразлична участь индийского народа, и постараться ослабить возобновившиеся массовые антианглийские выступления. Еще до официального объявления английского парламента о создании комиссии Саймона новый вице-король Индии, один из лидеров английских тори лорд Ирвин (лорд Галифакс) пригласил к себе на аудиенцию группу индийских политических деятелей во главе с Ганди. Обратившись к Ганди, он сообщил о реше-

нии английского парламента. С подчеркнутым безразличием Махатма спросил у вице-короля: «И это все?..» Услышав от взбешенного Ирвина холодное «да», Ганди не проявил интереса к продолжению разговора и покинул дворец.

В декабре 1927 года в Мадрасе собралась очередная сессия ИНК. Прямо из Европы для участия в работе сессии прибыл Джавахарлал Неру. Он был сама энергия. Его решимость действовать передавалась другим делегатам. Махатма Ганди тоже приехал в Мадрас, однако заседаний Рабочего комитета Конгресса, членом которого он неизменно состоял, не посещал; впрочем, на открытых заседаниях сессии присутствовал. Казалось, он занял позицию стороннего наблюдателя. На самом деле это было не так. Ему было известно все, что происходило на сессии и в ее рабочих органах. Президент сессии доктор Ансари, другие руководящие и рядовые деятели Конгресса посещали Ганди и подробно информировали его о ходе дел. Представители различных политических направлений в Конгрессе искали его советов и, постоянно консультируясь с ним, пытались заручиться его поддержкой. Но Ганди все еще не проявлял заметной активности в руководящей группировке в ИНК, как бы предоставляя ей возможность самой разобраться в сложной политической обстановке в стране и прийти к единому мнению. Создавалось впечатление, что вождь выжидал. При огромной занятости Ганди все же выкраивал время, чтобы все спокойно взвесить и обдумать. Он считал, что без внутреннего покоя не может быть трезвого анализа, который так нужен, когда речь идет о политике и приобщении к ней миллионов людей.

На мадрасской сессии заметно активизировалось левое крыло ИНК. Инициативу взял в свои руки Неру. Полный сил и новых идей, он выдвинул на рассмотрение делегатов сразу ряд важнейших предложений как в области внутриполитических задач, так и по международным вопросам.

Ганди пристально наблюдал за деятельностью Неру, и ему не все нравилось из того, что тот предлагал. Вождь расходился с ним в постановке очередности задач, в терминологии, которая, как казалось ему, у Неру слишком европеизирована и академична. К тому же ему представлялось, что лидер левых по социальным и классовым вопросам забегает вперед, опережает события, не заботясь о тылах. Однако открыто, на заседаниях ИНК, Ганди не выступил с критикой Неру ни по одному из предложен-

По содержанию большинство из них не вызывало принципиальных возражений у Махатмы, если не считать предложения Неру о присоединении ИНК к Антиимпериалистической лиге. Это предложение не нашло поддержки ни со стороны Ганди, ни со стороны умеренных конгрессистов и не было принято. Разный по своему классовому составу Конгресс политически и психологически не готов был к организационному объединению с Антиимпериалистической лигой.

Вместе с тем Махатма Ганди горячо одобрял резолюции, отражавшие внешнеполитическую линию ИНК. Одна из них содержала протест против использования Англией индийских войск в Китае, Месопотамии и Персии. «Конгресс шлет самые теплые приветствия народу Китая и заверения в полной симпатии к его борьбе за свое освобождение, — говорилось в этой резолюции. — Конгресс требует, чтобы все индийские войска и полицейские силы, находящиеся в Китае, были незамедлительно отозваны, и заявляет, что в будущем ни один индиец не должен выезжать в Китай в качестве представителя английского правительства, воевать или действовать против китайцев, которые, как считает Конгресс, являются товарищами индийцев в их общей борьбе против империализма. Одновременно Конгресс требует вывода индийских войск, полиции и консульских отрядов охраны из Месопотамии и Персии, а также с территории всех британских колоний и иностранных государств, где бы они ни находились».

Мадрасская сессия ИНК приняла специальную резолюцию, разоблачавшую захватнические планы Англии. В ней указывалось, что английское правительство осуществляет интенсивную подготовку для развязывания новых колониальных войн против соседних с Индией стран. «...Эти приготовления к войне, — подчеркивалось в резолюции, — не только рассчитаны на укрепление твердыни британского империализма в Индии с тем, чтобы душить все ее стремления к свободе, но и призваны ускорить глобальную войну, в ходе которой будет предпринята попытка снова сделать Индию орудием в руках иностранных империалистов». Далее в резолюции говорилось, что у индийского народа нет спорных вопросов со своими соседями и он желает жить с ними в мире. Конгресс потребовал от Англии положить конец своим военным приготовлениям и заявил, что «в случае развязывания английским прави-

тельством каких-либо военных авантур и попыток вовлечь в них Индию индийский народ будет считать своим долгом не принимать участия ни в одной из империалистических войн»

Получив от представителей патриотических сил Китая приглашение посетить страну, Ганди заявил: «Мои симпатии на стороне Китая. Я хотел бы помочь ему». Однако развитие событий в Индии не позволило осуществить эту поездку.

Неру был готов торжествовать победу: мадрасская сессия приняла предложенную им резолюцию о предоставлении Индии полной независимости. Делегаты сессии, поддавшись энергичному напору Неру, проголосовали за нее почти единогласно. Наконец-то у ИНК была ясная программа деятельности. Однако вскоре автор резолюции и его искренние сторонники из левого крыла ИНК с огорчением обнаружили, что победа была мнимой: большинство умеренных понимали эту резолюцию и толковали термин «полная независимость» как требование предоставления Индии самоуправления в рамках Британской империи. Таким образом, резолюция о независимости хотя и не отменялась, но фактически сводилась на нет. По поводу резолюций о независимости, принимаемых Конгрессом ежегодно, Махатма Ганди с горькой иронией писал в «Янг Индия»: «Конгресс только ставит себя в смешное положение, принимая из года в год резолюции такого характера, когда он знает, что не способен их осуществить».

Ганди был явно разочарован итогами работы сессии. Прежде всего его беспокоили выявившиеся на сессии отсутствие единства среди делегатов и преждевременные, по его оценке, попытки сдвинуть Конгресс влево, в чем он усматривал опасность раскола партии в самый канун нового подъема национально-освободительного движения в стране. Во многом за создавшуюся обстановку в Конгрессе Ганди винил Неру, который, словно некий генератор радикальных идей, переполошил лениво мыслящих и осторожных финансовых «доноров» ИНК из числа имущих классов. Им не нравился революционный запал молодых руководителей Конгресса, и они апеллировали к идейному вождю движения, жалуясь и требуя укротить «разгоряченного коня».

Широкий кругозор, острый ум, решительность, политическая честность, жажда действий, талант организа

ра — вот качества, которые поставили Неру в центр внутриполитической борьбы. Ганди был далек от того, чтобы видеть в молодом лидере своего политического соперника, — он был вне конкуренции. Больше того, Махатма нуждался в таких деятельных партийных лидерах, каким был Неру, и он всячески укреплял его авторитет в Конгрессе. Не случайно поэтому Ганди одобрил предложение председателя мадрасской сессии ИНК доктора Ансари избрать Неру генеральным секретарем Конгресса. И все же теперь в интересах сохранения «классового единства» в Конгрессе вождь решает «осадить» Неру. Причем и тот, и другой не афишируют своих разногласий. Но дело дошло до обмена необычными для их добрых отношений резкостями. «Вы слишком торопитесь, — писал Махатма Неру. — Вам необходимо время на то, чтобы подумать, привыкнуть к обстановке в Индии...» В другом письме Ганди охарактеризовал некоторые предложения Неру как «поспешно выдвинутые», а Конгресс, который принял их, — «школьным дискуссионным клубом». Неру возразил Ганди, твердо заявив: «Наши идеалы сильно расходятся». Он упрекнул вождя в нерешительности и слабом руководстве движением.

Ганди обиделся. «Разногласия между вами и мной, как мне кажется, — ответил он молодому лидеру, — стали столь глубокими и существенными, что, по-видимому, лишают нас общей платформы. Я не могу скрыть от вас печали, что теряю товарища, такого жизнестойкого, преданного, способного и честного, каким вы были всегда. Однако товарищество должно быть принесено в жертву ради цели».

Чувствуя себя задетым, Ганди предложил Неру обнародовать их разногласия на страницах «Янг Индия». «Я предлагаю вам достойным образом развернуть свое знамя. Напишите мне письмо для печати и изложите в нем свою позицию. Я опубликую его в «Янг Индия» и сопровожу коротким ответом». И тут Неру предпочел отступить. Он не допускал даже мысли о разрыве с учителем: слишком велика была его привязанность и любовь к этому человеку. К тому же политические последствия такого разрыва для всего движения могли оказаться самыми роковыми. Неру не менее самого Ганди опасался раскола Конгресса. «Незначительные разногласия по некоторым вопросам не следует распространять на другие

области, — отвечает он примирительно Ганди в очередном письме. — Разве я не являюсь вашим учеником в политике, хотя, пожалуй, заблудшим и не очень примерным?»

Махатма Ганди вполне мог понять настроение Неру. Он знал о его справедливом возмущении теми конгрессистами, которые раболепно склонялись перед именитыми князьями и ханжески рассуждали о «крестьянском невежестве и эгоизме», о склонности простых людей «к преступному насилию». Ему было известно и о том, что Неру одно время всерьез намеревался отказаться от всех постов в Конгрессе и попытаться самостоятельно найти путь к народным массам. Перспектива потерять для Конгресса Неру удручала Ганди. Всегда собранный, тонкий и обаятельный, Неру искусно владел тактикой борьбы с колонизаторами, находил подход к сердцам простых людей, молодежи, умел вести ее за собой. Поэтому-то Ганди предоставил Неру определенную свободу действий и даже закрыл глаза на то, что тот вместе с Субхасом Чандра Босом основал фактически новую политическую партию — Лигу независимости Индии. Руководство ИНК отклонило просьбу Неру об отставке. Ему было заявлено, что он может продолжать свою деятельность в Лиге, не вступая в противоречия с политикой Конгресса и не нарушая ее основного принципа — ненасилия.

Для многих биографов Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру труднее всего было ответить на вопрос: как эти два человека с разницей в возрасте в двадцать лет, получившие совершенно несхожее воспитание, разные по социальному происхождению — один из феодально-княжеской патриархальной семьи, другой из новой индийской элиты — могли испытывать друг к другу такую глубокую привязанность и на протяжении трех десятилетий оставаться самыми близкими и искренними политическими соратниками, а часто и оппонентами? Просто непостижимо! Казалось, что могло быть общего у молодого аристократа с человеком, выросшим в отсталой индийской глубинке и все молодые годы потратившим на преодоление «греховных наваждений» и познание «чистоты» бытия? Первый восхищался Оскаром Уайльдом и преклонялся перед подвигами Гарибальди, второй открывал для себя Нагорную проповедь Христа; один — привержене науки, другой увлечен молитвами и постами.

М. Н. Рой объяснял феномен такой дружбы тем, что Джавахарлал Неру по своему характеру всегда нуждался в дружеской опоре на старшего. Первым его наставником был отец, потом эту роль взял на себя Ганди.

Близкие к семье Неру люди говорили, что Махатма Ганди почти сразу ощутил, даже лучше родного отца, глубокое одиночество, идеализм молодого Неру, которые чудесным образом сочетались у него с необоримым желанием действовать. Говорили еще, что у Джавахарлала тонкий ум был рабом большого сердца поэта. А это импонировало Ганди: ему вообще нравились люди мягкие, сомневающиеся, умеющие видеть действительность и человека в ней в их неразрывном единстве утверждения и отрицания. Существовало и такое мнение: Неру — гибок, современен, за ним идет молодежь. Этих качеств недоставало Ганди, и он, сознавая это, делил свое влияние в Конгрессе и в стране с Джавахарлалом. Именно к такому выводу пришел самый авторитетный и безусловно самый компетентный исследователь жизни Ганди, главный хранитель его мемориальных фондов профессор Б. Р. Нанда, с которым автору этой книги посчастливилось встречаться и беседовать.

Говоря о разных мнениях, объясняющих причину беспримерной дружбы двух политических деятелей Индии, Нанда отмечает: «Все эти суждения отличаются простодушием, но не противоречат фактам почти тридцатилетнего содружества. История этого содружества, выпавшие на его долю испытания и факторы, позволившие ему выстоять, свидетельствуют о том, что это было незаурядное главенство одного человека над другим, что Джавахарлал нуждался в Ганди, но и Ганди в той же мере нуждался в Джавахарлале, что не только политический расчет, но и взаимное душевное тяготение связывали их все эти годы... От Ганди воспринял Неру этические устои, тревогу за судьбу нищих, голодных масс Индии, веру в мирные и постепенные преобразования, в необходимость добиваться добрых целей добрыми средствами, действовать не силой, а убеждением».

Сотрудничество Ганди с Неру продолжалось до конца его дней, однако надо признать, что жизненные философии молодого Неру и Махатмы никогда не совпадали.

Никто не может достоверно утверждать, какие мысли и чувства руководили Ганди в его непростых отношениях с

Джавахарлалом Неру. Бесспорно одно: эти два великих подвижника индийской свободы нуждались друг в друге, их породила эпоха, историческая необходимость. Разные по характеру и по своим взглядам на предназначение человека и его счастье, оба они всецело посвятили себя служению своему народу и готовы были отдать жизнь за свободу Индии. Они бесконечно верили в политическое бескорыстие друг друга, и эта вера освещала их дружбу и сотрудничество. Будь Неру послушным учеником Ганди, слепо повторявшим слова учителя и не имевшим своего мнения, Индия не обрела бы еще одного выдающегося лидера, привнесшего в национально-освободительное движение страны неповторимый колорит своего оригинального ума и большого сердца. Два великих человека не обогатили бы движения, а лишь арифметическиполнили бы сумму людей, стоявших во главе его. В то время как Ганди оставался идейным вождем Конгресса, признавался «отцом нации», Неру был наиболее выдающимся политическим «полководцем» ИНК и всенародного освободительного движения, основателем индийской государственной демократии.

После мадрасской сессии в стране одновременно началось проведение двух политических кампаний. Эти кампании соответствовали расстановке внутривнутриполитических сил в ИНК. Левое крыло Конгресса во главе с Дж. Неру и С. Ч. Босом, опираясь на поддержку демократических организаций рабочих, крестьян и студентов, повело среди населения широкую пропагандистскую кампанию за предоставление Индии полной независимости, за выход ее из состава империи.

В то же время старший Неру активно занялся работой по созыву межпартийной конференции, которая должна была выработать основные принципы будущей конституции Индии.

Джавахарлалу Неру, являвшемуся генеральным секретарем ИНК, пришлось участвовать в обеих кампаниях, хотя он открыто заявлял о бесполезности разработки «бумажной конституции», когда подлинная задача заключалась в завоевании власти. И в этом его подход к проблеме совпадал с позицией Махатмы Ганди. В конституционном комитете, который возглавлял Мотилал Неру, Джавахарлал Неру внес предложение о том, чтобы будущая конституция провозгласила страну демократической республи

Однако его предложение вызвало лишь раздражение умеренных и привело к ссоре с отцом.

Ганди пристально наблюдал за деятельностью Джавахарлала Неру и видел, как после поездки в Европу и в Советский Союз он перерос политические ориентиры Конгресса. Но вождь и не думал сокрушать горячего лидера. Напротив, Махатма стремится примирить отца и сына Неру, и по всему было видно, что политические симпатии Ганди все больше склонялись на сторону младшего.

На межпартийной конференции в Лакхнау Джавахарлал Неру пытался добиться компромисса, высказавшись за то, чтобы конференция оставила вопрос о независимости открытым: каждому делегату было бы предоставлено право свободы действий, то есть Конгресс по-прежнему мог бы признавать своей целью достижение независимости Индии, а входившие в него более умеренные группы — получение статуса доминиона.

Ганди не принимает никакого участия в работе межпартийной конференции, считая ее бесполезным делом. Обсуждение многословных докладов о будущей независимости, принятие резолюций ничуть не привлекали Ганди — он предпочитал прямые действия. Поэтому в организации бойкота комиссии Саймона он усматривал куда более эффективное средство борьбы за свободу, нежели споры о ней на межпартийной конференции. Главное — удержать массы от применения насилия.

Комиссия Саймона прибыла в Бомбей 3 февраля 1928 г. Ганди объявил в этот день всеиндийский хартал — день траура и мирных демонстраций протестов. Народ откликнулся на призыв вождя. На всем пути следования комиссии миллионы индийцев с черными флагами заполняли железнодорожные станции, улицы и площади городов. Народ скандировал требование: «Саймон, убирайся домой!» От этих слов у членов комиссии не было спасения даже по ночам.

Полиция пыталась спровоцировать толпы людей, окружавших дворцы губернаторов и резиденции членов комиссии Саймона: власти ожидали проявления вспышки народного гнева и насилия, что дало бы повод для решительной расправы с мирными демонстрантами. Однако индийцы держались стойко и даже на массовые избиения не отвечали насилием. В Лахоре, например, английский офицер жестоко избил возглавлявшего мирную демонстрацию видного

лидера Конгресса Лала Ладжпат Рая. В результате полученных травм Рай через несколько дней скончался.

В другом крупном городе Лакхнау мирной демонстрацией протеста руководил Неру. На широкую привокзальную площадь ко времени прибытия поезда с комиссией Саймона собрались тысячи горожан. Подходы к вокзалу были заранее перекрыты отрядами солдат и кавалерии. Власти приняли решение силой разогнать демонстрантов. Кони натолкнулись на плотную стену людей и стали давить их. За всадниками шли цепи полицейских, орудовавших длинными палками-латхи. Удары сыпались на Неру и других добровольцев-конгрессистов. Теряя сознание, окровавленные, они падали на землю, но на насилие не отвечали. «Я думал о том, — вспоминал об этом Неру, — как легко было бы стащить с лошади полицейского офицера, находившегося передо мной, и сесть самому в седло, но долгая тренировка и дисциплина сделали свое дело: я ограничивался тем, что защищал руками лицо от ударов. К тому же я прекрасно понимал, что всякое агрессивное действие с нашей стороны повлекло бы за собой ужасную трагедию и множество людей было бы расстреляно на месте». Мужество и организованность, проявленные конгрессистскими волонтерами и населением Лакхнау, всколыхнули всю страну. «Примите мою любовь к вам, — писал Джавахарлалу Неру в эти дни Махатма Ганди. — Да сохранит вас бог на многие грядущие годы и изберет своим орудием в избавлении Индии от ига».

Вице-король Ирвин негодовал и на решимость Конгресса сорвать миссию Саймона отвечал не меньшей решимостью властей осуществить ее. 22 февраля 1928 г. Ирвин выступил с публичным заявлением. «Независимо от того, хотят индийцы сотрудничать или не хотят, работа комиссии Саймона будет продолжена», — твердо сказал он.

Вскоре, 8 апреля, в зале заседаний центральной законодательной ассамблеи в Дели во время обсуждения закона о безопасности раздался взрыв бомб. Никто не пострадал, но перепугался насмерть Саймон, который почтил собравшихся своим присутствием. Самодельные бомбы взорвали юные патриоты Бхагат Сингх и Батукешвара Датт. Они наивно надеялись, что их поступок послужит сигналом к народному восстанию против колонизаторов. Однако Сингх и Датт, самоотверженные одиночки, пожертвовавшие своими жизнями ради счастья народа и в то

время далекие от него, ошиблись в оценке политической ситуации. Они прослыли героями только среди своих сверстников, о них сочиняли песни. В знак солидарности с мучениками молодые люди объявляли голодовки протеста. Однако восстания в результате взрыва бомб не последовало, а власти получили лишний повод для введения в действие закона о безопасности (о массовых репрессиях).

Для Ганди терроризм — зло, питающее насильственные действия правительства. Он безусловно осуждает бессмысленную террористическую акцию Сингха и Датта. Вместе с тем теперь, в отличие от прошлых лет, он бросает обвинение за отчаянные поступки террористов и в адрес властей. Ганди заявляет, что правительство могло бы предотвратить случаи терроризма путем «великодушного и своевременного признания требований нации. Однако это не что иное, как надежда на чудо. Для правительства такой поступок означал бы изменение не только проводимой им политики, но и своей сущности. Обозримое будущее не сулит никаких надежд на такие перемены».

Идеал Махатмы Ганди — получение Индией независимости «на основе установления джентльменского взаимопонимания с Англией». Неустанно повторяя эти слова, он осознавал, как далек его идеал от безрадостной политической действительности. Для получения Индией свободы нужно, чтобы «Англия осуществляла не империалистическое высокомерное маневрирование, направленное на завоевание мирового господства, — с горечью констатирует он, — а искренне стремилась бы служить общим интересам человечества».

Тщательно подготовленный Мотилалом Неру доклад о конституции Индии, пылкие дебаты по нему в межпартийном комитете не вызвали ни малейшего внимания со стороны комиссии Саймона. Лондон не желал ни в чем поступаться своей прерогативой единолично определять принципы государственного и политического устройства Индии. Конституционные реформисты в Индии были жестоко оскорблены. Но придет день, и английское правительство пожалеет о том, что тем самым ослабило их позиции и рассеяло иллюзии о возможности получения Индией свободы путем реформ.

Революционные настроения в народе нарастали. Экономическая борьба рабочих все больше переплеталась с их

политическими требованиями, с национально-освободительным движением против колонизаторов. К руководству рабочими организациями все чаще стали приходить левые конгрессисты, прогрессивная молодежь, коммунисты. Коммунисты возглавили профсоюз текстильщиков в Бомбее — «Гирни камгар», послуживший началом образования прогрессивного крыла Всеиндийского конгресса профсоюзов.

После массового локаута на фабриках Бомбея началась всеобщая забастовка текстильщиков, которая длилась с апреля по октябрь 1928 года. Своей беспримерной стойкостью индийские рабочие снискали сочувствие и поддержку рабочих всего мира. В Советском Союзе, в Англии и других странах был произведен сбор средств в помощь забастовщикам. Предприниматели и колониальные власти вынуждены были отступить. Многие требования рабочих (прекращение увольнений и снижения заработной платы, а также дискриминации «неприкасаемых») не расходились с установками Ганди. Для рассмотрения этих требований был образован специальный комитет. «Гирни камгар» официально признавался представительным профсоюзом текстильщиков; властям пришлось заявить о прекращении преследования в уголовном порядке руководителей забастовки.

Однако пройдет немного времени, и в марте 1929 года правительство, в нарушение своих обязательств, нанесет внезапный удар по рабочим организациям. Начнется знаменитый Мирутский процесс против руководителей профсоюза «Гирни камгар» и профсоюзных лидеров Бенгалии, Пенджаба и Соединенных провинций. ИНК создаст комитет защиты обвиняемых. «И все это казалось совершенно тщетным, — вспоминал позднее Джавахарлал Неру, — ибо защищали мы тех, кто привлекался по какому-либо политическому или профсоюзному делу, или нет — результат обычно был одним и тем же». Ганди говорил о карательных мерах правительства против рабочих лидеров, что оно, как и всегда, демонстрировало «свои кровавые когти, которые в обыденных условиях скрывало под кожей».

Поднималось на борьбу за свои жизненные права и индийское крестьянство, составлявшее 80 процентов населения страны. Давал о себе знать аграрный кризис — кризис сбыта сельскохозяйственной продукции. Цены на пшеницу упали в два раза, на джут — в два-три раза. Колонизаторы решают преодолеть кризис за счет индий

ских крестьян-арендаторов, резко повысив земельный налог.

Ганди выступает с протестом. Он призывает земледельцев округа Бардоли начать сатьяграху, отказаться от уплаты непомерно высоких налогов. В движении против правительственного решения увеличить налог на 22 процента участвуют 87 тысяч крестьянских хозяйств округа. Наступал момент для возобновления массовых выступлений против правительства при широкой опоре на крестьянство. Мирное восстание земледельцев поражает своей организованностью, волей к победе. Общее руководство сатьяграхой берет на себя Ганди. Он ежедневно публикует установочные статьи в «Янг Индия», дает интервью, выступает на митингах. Для оказания практической помощи крестьянам и для контроля за неукоснительным соблюдением ими принципов сатьяграхи в Бардоли выезжает близкий соратник вождя Валлабхаи Патель, профессиональный адвокат, занимавший в то время пост мэра Ахмадабада.

Сборщики налогов отбирают скот, сгоняют крестьян с земель, конфискуют на корню урожай, забирают за долги домашнее имущество и жалкие постройки. Негодованию крестьян нет предела, но, следуя призывам Ганди, они встречают действия властей с молчаливым достоинством. Они не берутся за батоги и вилы — традиционное оружие крестьян. Внешне бездействуя, внутренне они готовы принять смерть, но не уступать колонизаторам. «Практически весь округ Бардоли, — пишет в «Янг Индия» Ганди, — скоро станет собственностью правительства, и тогда оно может облагать налогом свое дорогое приобретение хоть в тысячу раз выше прежнего. Люди Бардоли, если они смелы духом, не будут хуже оттого, что их лишают собственности. Они потеряют принадлежащее им имущество, но сохранят то, что должно быть самым ценным... — свое достоинство. Того, кто имеет отважное сердце и трудовые руки, не испугать отчуждением имущества».

В поддержку бардолийских земледельцев по инициативе Ганди Конгресс 12 июня 1928 г. проводит «день Бардоли». Митинги и демонстрации солидарности с крестьянами Бардоли грозят перерасти в общенациональную сатьяграху. В этих условиях правительство предпочитает пойти на уступки: решение о повышении земельного налога отменяется. С успехом сатьяграхи в Бардоли гандизм окончательно становится официальной идеологией Конгресса.

Разговоры о том, что Ганди навсегда покинул политику, оказались беспочвенными. Он не переставал искать гармонии большой политики с чувствами простого человека, рационального разума с отсталыми крестьянскими взглядами. В глазах рядовой массы конгрессистов он оставался олицетворением живой и трепетной правды, совестью партии. Не то чтобы его никто не осмеливался критиковать — нет. Отдельные лидеры Конгресса подвергали его довольно резкой критике. На заседаниях руководящих органов ИНК часто можно было слышать упреки в его адрес. Ганди всегда выслушивал своих оппонентов внимательно и терпеливо. Он умел слушать возражения и относился к оппозиционным ему лидерам с более заметным уважением, нежели к тем, кто расточал ему похвалы. Ему претили банальные комплименты, в которых он усматривал опасность ухода от правды. Брезгливо отворачиваясь от поклонений и осмысливая критику, он тем не менее не выпускал управления Конгрессом из своих рук. Поэтому-то до слуха Ганди нередко доходили обвинения в том, что он пытается установить в ИНК личную диктатуру.

Заканчивался 1928 год. Он был насыщен конфликтами в промышленности, забастовками рабочих, волнениями крестьян, студенческими выступлениями. Недавно еще скованная нация стремилась активно действовать, бороться, любым путем добиваться свободы. Конгресс должен был реагировать на возбуждение народа, однако внутрипартийная обстановка в ИНК оставалась сложной: партии грозил раскол. В декабре делегаты Конгресса съехались в Калькутту на свою очередную сессию. Председательствовал Мотилал Неру. Он упорно продолжал вести за собой умеренных, добивавшихся одобрения Конгрессом требования о предоставлении Индии статуса доминиона. За его сыном — Джавахарлалом Неру шла та часть делегатов, которая выступала за немедленное предоставление Индии полной независимости.

Как всегда, Ганди не примыкал ни к одной из группировок. Это, разумеется, не означало, что у него не было своей собственной позиции по данному вопросу. С начала 20-х годов целью его политической деятельности неизменно оставалась борьба за полную независимость страны от английского господства. В этом отношении он ближе стоял к левому крылу ИНК. Однако если принять во внима-

его крайне осторожный, осмотрительный выбор средств и методов достижения главной цели, то он чаще оказывался вместе с умеренными и даже консервативными элементами в Конгрессе. Напомним, что для Ганди решающим в борьбе являлась не сама цель, а путь к ней. Для него поднять моральный дух индийцев и сделать подвиг самопожертвования обычной нормой поведения простого человека — значит победить. Достижение человеком внутренней свободы он рассматривает как гарантию завоевания свободы всей нации. Разрушь рабскую психологию подчинения злу — ты будешь свободен. Пусть сделает это большинство индийцев — Индия станет свободной страной. Так мыслил Ганди.

Сохранить единство рядов ИНК при неперменной преданности всех конгрессистов принципу ненасилия — постоянная забота вождя движения. На калькуттской сессии ИНК после жарких схваток между делегатами двух группировок Ганди предложил компромиссное решение, которое удовлетворило всех и примирило отца и сына Неру: доклад Мотилала Неру о конституции одобрялся, однако при этом выдвигалось условие, что, если к концу 1929 года английское правительство не предоставит Индии статуса доминиона, Конгресс поставит себе целью достижение полной независимости и начнет всеиндийскую кампанию гражданского несотрудничества. Это был вежливый ультиматум Лондону. Все понимали, что английское правительство не согласится на конституцию и что борьба становится неотвратимой. Достигнутый компромисс позволил избежать раскола ИНК. Генеральным секретарем Конгресса вновь был избран Джавахарлал Неру.

Калькуттская сессия Конгресса по инициативе Неру и при поддержке Махатмы Ганди приняла ряд важных решений и по международным вопросам. Во внешнеполитической области Конгресс проявил большее единодушие. «Настоящий Конгресс, — говорилось в одной из резолюций, — исходя из того, что борьба индийского народа за свободу является частью общей мировой борьбы против империализма и его деятельности, считает желательным развитие связей Индии с другими странами и народами, которые также находятся под гнетом империализма и намерены противостоять этому...» Сессия Конгресса уполномочила Рабочий комитет ИНК установить контакты с представителями других азиатских народов и предпринять

шаги к созыву первой паназиатской конференции в Индии. Участники калькуттской сессии направили самые теплые поздравления народам Египта, Сирии, Палестины и Ирака, выразили свою солидарность с освободительным движением в этих странах против западных империалистических держав. В специальной резолюции, принятой ИНК в Калькутте, вновь осуждались военные приготовления Англии для ведения колониальных войн в Азии. В резолюции подтверждалась позиция Конгресса по этому вопросу, разработанная на предыдущей сессии в Мадрасе, и провозглашалось, что «правительство Индии ни в какой степени не представляет народ Индии» и что индийцы «не позволят Англии использовать себя в осуществлении ею дальнейших империалистических планов».

Лондонская «Таймс», подводя итоги калькуттской сессии ИНК, с нескрываемой озабоченностью заметила: «Наш опыт в Англии обнаруживает, что сегодняшние “умеренные” могут завтра стать “экстремистами”».

Обстановка в Индии для англичан омрачалась день ото дня. Ганди полностью игнорировал миссию Саймона. Он просто не замечал Саймона, не захотел не только встретиться с ним, но даже и говорить о нем. Вице-король Ирвин метался, не зная, что еще можно было бы предпринять для «оздоровления» обстановки в Индии. Дальнейшее расширение репрессий мало что давало. Ганди был прав: в такой огромной стране изолировать и наказать десятки миллионов людей, не желавших жить по-старому, закрыть рот всем недовольным было невозможно. Со стороны правительства требовались какие-то примирительные жесты. Надо было заронить в среду местных политических кругов надежду на перемены.

Ганди получает приглашение совершить визит в Англию. Но он отказывается покидать страну в такой критический момент. Оставалось не так уж много времени до истечения годовичного срока «калькуттского ультиматума», в течение которого Индии должен быть предоставлен конституционный статус доминиона. Никто другой, кроме Ганди, не мог возглавить предстоящую всеиндийскую кампанию гражданского неповиновения. Все об этом знали и с нетерпением ожидали от него призыва к действию.

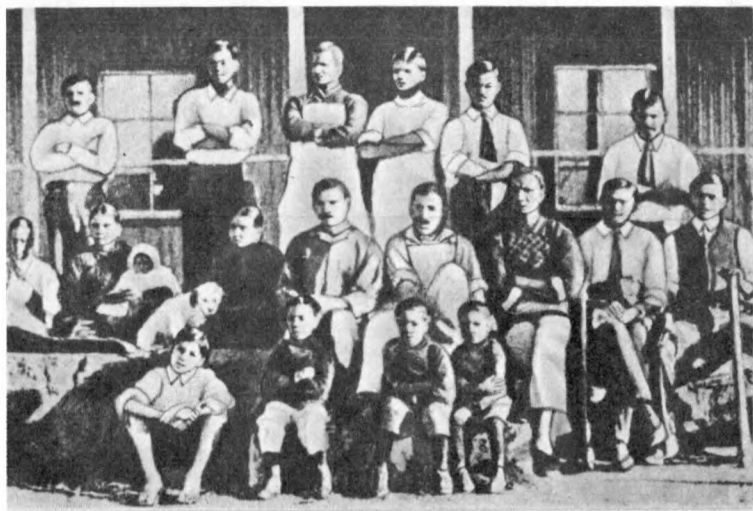
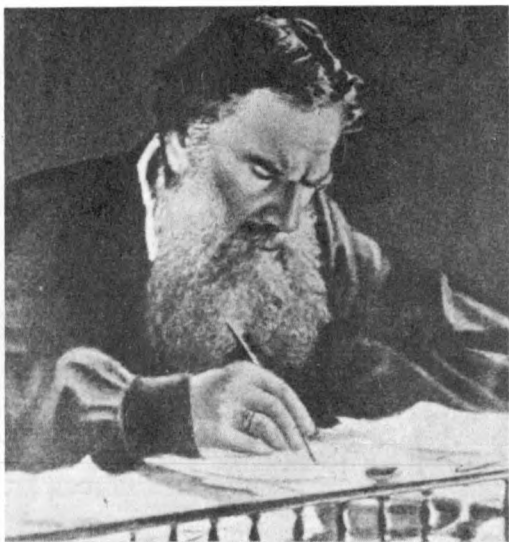
Лорд Ирвин пытается улучшить свои личные отношения с лидерами Конгресса и особенно с Махатмой Ганди. Через доверенных лиц вице-король в Нью-Дели устраивает

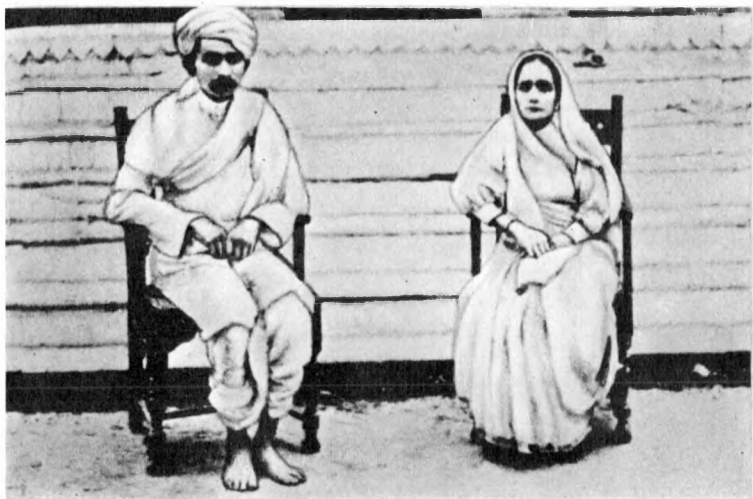
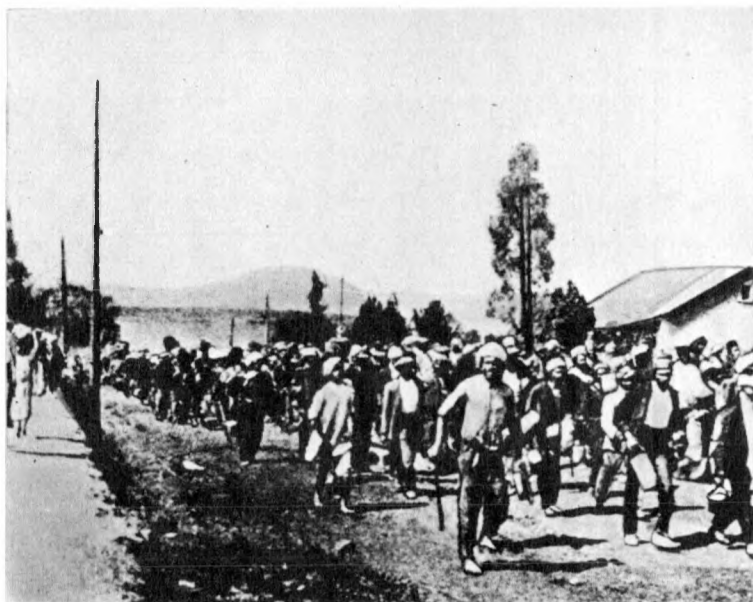
Путлибай — мать Мохандаса Ганди. Карамчанд Уттамчанд Ганди — отец Мохандаса

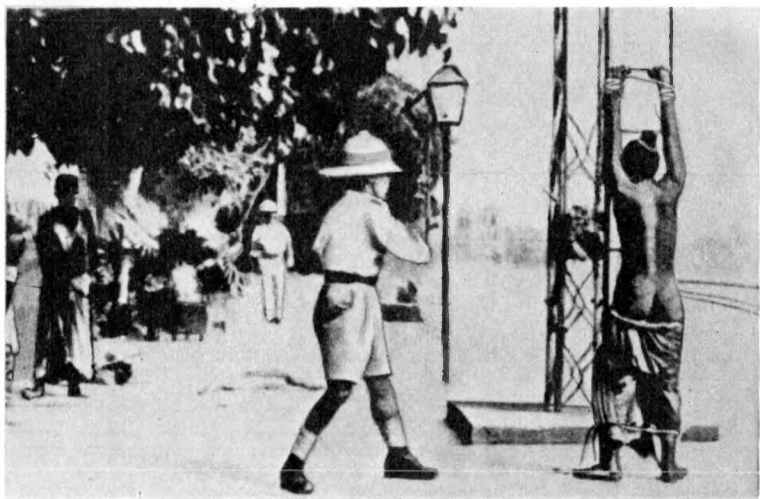
(слева) Мохандас Ганди в возрасте 14 лет (Раджкот)
(справа) М. К. Ганди в Йоханнесбурге. 1906 г.

(вверху) Лев Николаевич Толстой
(внизу) Обитатели фермы Толстого. 1910 г. Из архива.

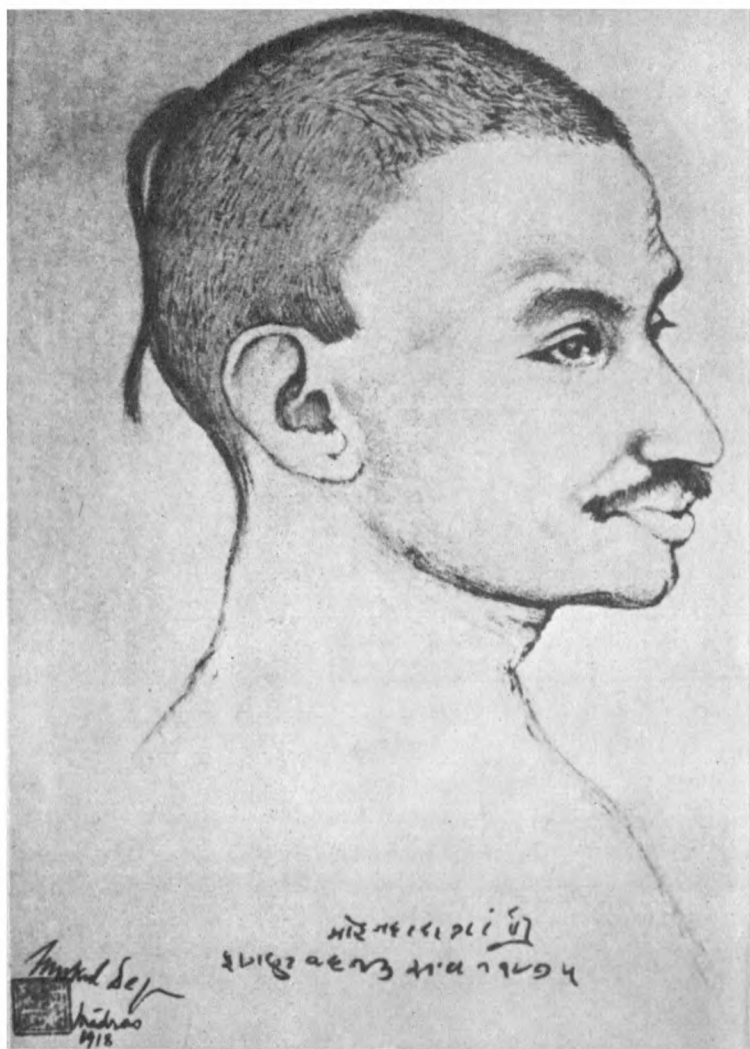

(вверху) Южная Африка, Трансвааль. Марш протеста
(внизу) М. К. Ганди и его жена Кастурбай. 1916 г. Из архива.

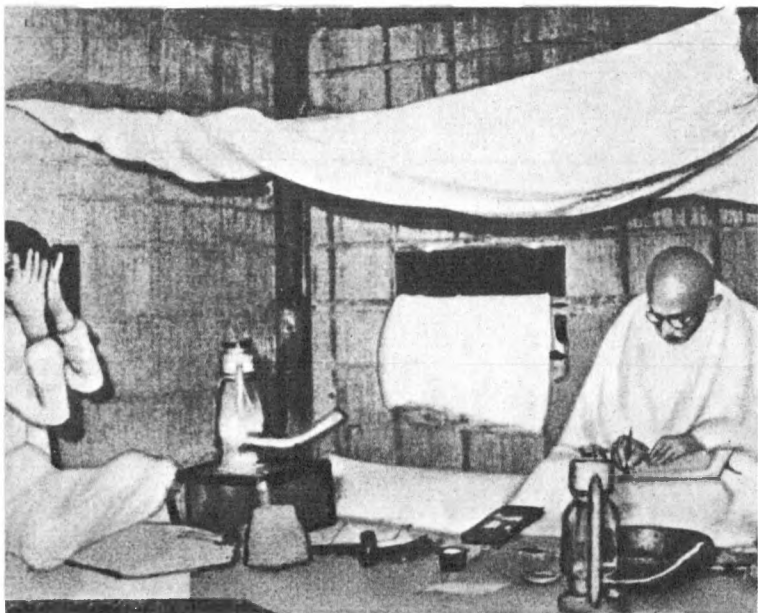

(вверху) Руководители Индийского национального конгресса
(слева направо) Лала Ладжпат Рай, Бал Гангадхар Тилак,
Бепин Чандра Пал. 1918 г.

(внизу) Публичные порки, учиняемые колонизаторами в Пенджабе.
1919 г. Из архива.

Набросок портрета М. К. Ганди с натуры. Мадрас, 1918 г.

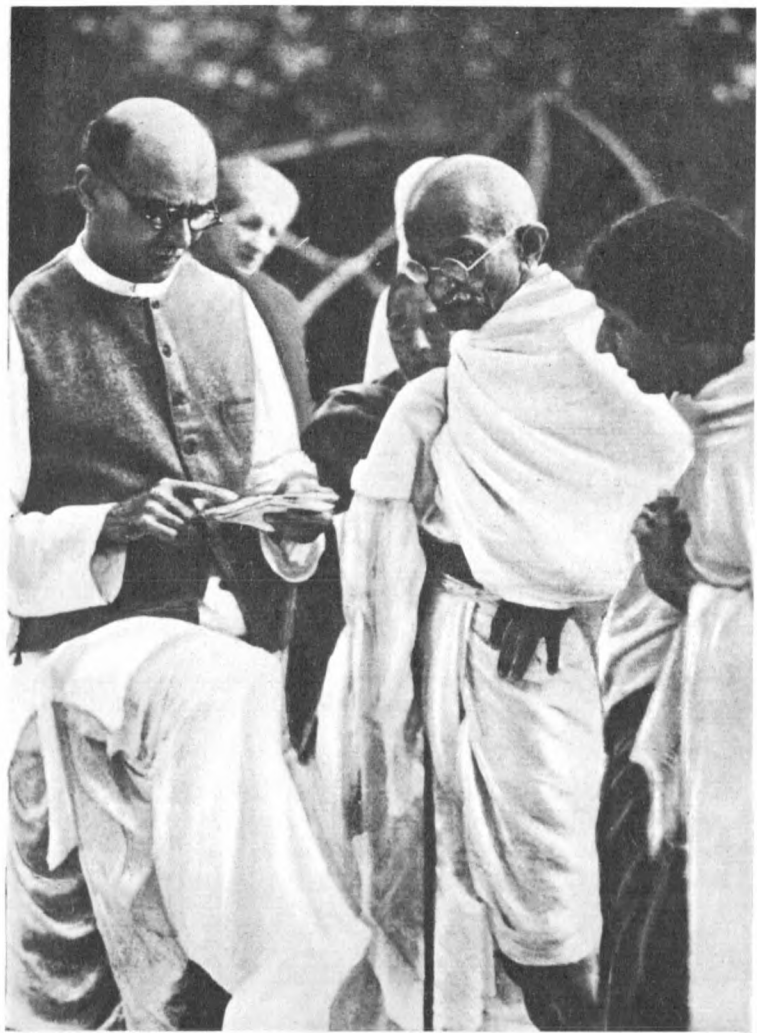
(вверху) М. К. Ганди со своей «семьей». Из архива.
(внизу) За работой, далеко за полночь

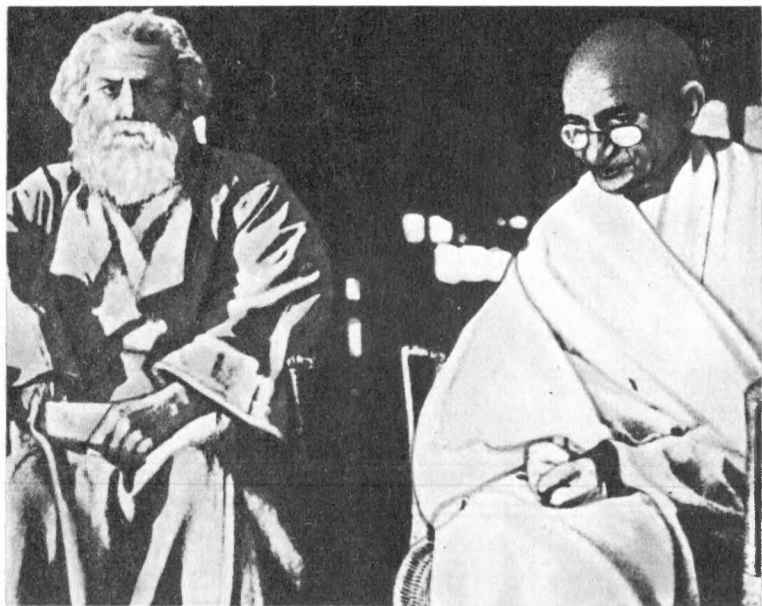
Обитель Махатмы Ганди

Джавахарлал Неру. Из архива.

С преданным другом и личным секретарем Махадевом Десаи

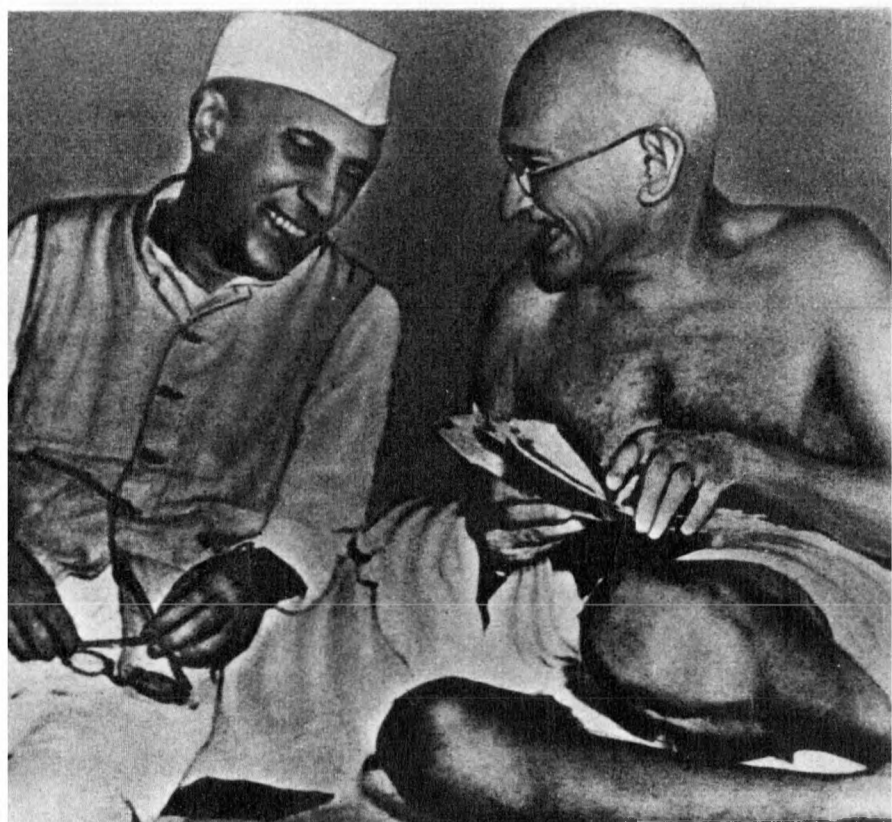
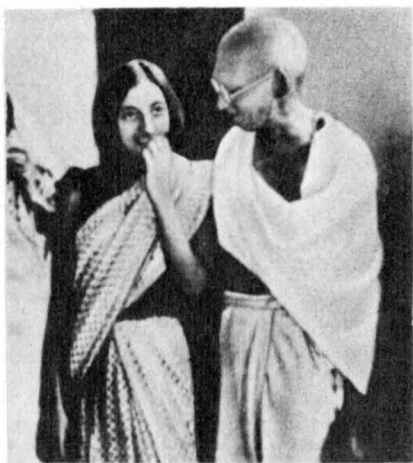
(вверху) С Рабиндранатом Тагором. 1915 г.
(внизу) Среди рабочих-француженок. 1931 г.

(вверху) В гостях у Ромена Роллана

(внизу) М. К. Ганди оказывает помощь больному проказой

(вверху) Индира с
Махатмой Ганди. 1935 г.
(внизу) Махатма Ганди
и Джавахарлал Неру.
Из архива.

Махатма Ганди за работой: когда уставала правая рука, он писал левой

(вверху) Возложение венка к месту кремации Махатмы Ганди.
Ноябрь 1986 г.

(внизу) Подписание Делийской декларации 26 ноября 1986 г.

Памятник Махатме Ганди в Москве

прием-чаепитие, на который приглашается Ганди. Во время чаепития Ирвин разыгрывает роль демократа, радетеля за судьбы Индии. Встреча и беседа вице-короля с Ганди широко рекламируется английской прессой в Индии. Обозреватели строят домыслы об их «дружественном соглашении», о каких-то достигнутых ими договоренностях. Комментируя газетные репортажи о состоявшемся чаепитии, Ганди расставляет все точки над *i*. Ни у кого не остается сомнения, что он не ждет «манны с небес». «Лед не может быть растоплен, — говорит он, — во время неофициального чаепития. По моему мнению, до тех пор, пока не готовы обе стороны, невозможно достичь никакого прогресса или результата. Мы знаем, что мы не готовы. Англия не пойдет навстречу Индии, чтобы удовлетворить ее желания, до тех пор, пока Англия не будет вынуждена сделать это». Ирвин разочарован: задуманное им политическое представление не удалось. Индийский чай на этот раз оказался для него горьким и совсем не бодрящим. Он едет в Лондон для консультаций.

Ирвин давно вынашивал кое-какие планы относительно умиротворения индийских привилегированных кругов и разобщения сил освободительного движения. Стержнем этого плана была идея о созыве «конференции круглого стола» с участием трех сторон: английского правительства, представителей политических партий и религиозных общин Британской Индии, а также правителей так называемых самостоятельных княжеств Индии, которых насчитывалось в стране более шестисот.

До согласования своего плана с правительством вице-король не особенно посвящал в него свое окружение и даже не считал нужным поставить о нем в известность Саймона, от которого в Лондоне как раз и ждали выводов и предложений по ликвидации «индийского кризиса». Хотя, надо отметить, искушенный политик, каким был лорд Ирвин, провел глубокий зондаж в среде местной знати, выясняя ее возможную реакцию. Он пришел к заключению, что для индийцев, успешно осуществивших бойкот комиссии Саймона, любые ее инициативы просто психологически будут неприемлемы. Тем более, что Саймон и не мог предложить ничего толкового. Его задача ограничивалась составлением для английского парламента «исследовательского» доклада о положении в Индии, то есть он должен был дать материал для последующих нескончае-

мых парламентских дебатов. Тщеславный лорд Ирвин, для которого закулисные махинации составляли смысл и радость жизни, решил не дожидаться бездарного, как ему казалось, доклада Саймона и действовать самостоятельно. В конечном счете, он же представляет британскую корону в Индии и обладает абсолютной властью в этой стране.

Обстановка для Ирвина-консерватора осложнялась тем, что в это время в Англии пришло к власти лейбористское правительство. Правда, оно не располагало большинством в парламенте и в случае потери поддержки со стороны либеральной партии в любой момент могло быть смещено. Впрочем, это обстоятельство делало лейбористов только еще более стоворчивыми. Если бы лейбористскому правительству удалось успокоить Индию, оно доказало бы свою жизнеспособность и надолго укрепило бы свои политические позиции.

Министр иностранных дел Бенн проявил полное понимание озабоченности лорда Ирвина в связи с провалом миссии Саймона. В конечном счете умиротворение Индии было первоочередной задачей всех английских партий — консерваторов, либералов и лейбористов. Поэтому Бенн и другие члены лейбористского кабинета поспешно одобрили план консерватора Ирвина. Однако два столпа либеральной партии — бывший премьер-министр Ллойд Джордж и бывший вице-король Индии Ридинг отнеслись к предложению Ирвина весьма настороженно. Ведь так или иначе, а речь шла о том, чтобы англичанам сесть за один стол переговоров с индийцами, может быть, с самим Ганди. Такого еще не было.

Возвратившись в Индию, Ирвин 31 октября 1929 г. опубликовал чрезвычайное сообщение о решении английского правительства созвать в Лондоне «конференцию круглого стола». Вице-король патетично провозгласил, что «естественным исходом индийского конституционного развития... является достижение ею статуса доминиона». Он, конечно, не предопределял сроки такого развития. Это заявление ни к чему его не обязывало и имело своей единственной целью сорвать кампанию гражданского неповиновения, которая должна была начаться по истечении годичного срока «калькуттского ультиматума».

Казалось, что политическая уловка Ирвина удалась. В тот же день лидер Мусульманской лиги Джинна и руководители индийских либералов подписали совместный доку-

мент, в котором приветствовали «новый подход» Англии к решению индийской проблемы. На другой день, 1 ноября, состоялось совещание конгрессистских лидеров. Декларация Ирвина расценивалась ими как вынужденная уступка правительства и желание предотвратить неминуемое столкновение с народом Индии. Участники совещания — Махатма Ганди, Мотилал Неру, Патель, Безант, Джавахарлал Неру и другие подписали манифест. Вместе с высокой оценкой усилий английского правительства в нем содержался и ряд требований, удовлетворение которых ставилось как предварительное условие созыва «конференции круглого стола». Подписавшие манифест потребовали прекращения репрессий, освобождения из тюрем политических заключенных, преобладающего представительства на конференции посланников от Конгресса и, что особенно важно, — неопременного и официального указания, что целью конференции должна стать разработка для Индии конституции доминиона.

Декларация Ирвина и реакция на нее в Индии вызвали бурю негодования в Лондоне. В английском парламенте разразился настоящий скандал. Волна имперского шовинизма захлестнула прессу. Высший эшелон власти империалистических кругов Англии не хотел и слышать о возможности ослабления колониального угнетения Индии, даже в отдаленной перспективе. Лорд Ирвин, консерватор из консерваторов, обвинялся в излишней мягкотелости и в опасном демократизме.

Лейбористское правительство перешло по индийским делам к глухой обороне, дезавуировав заявление Ирвина насчет доминиона. Да и сам Ирвин поспешил разъяснить свою декларацию в том духе, что ее нельзя понимать так, будто на повестке дня стоит вопрос о предоставлении Индии статуса доминиона.

В Лондоне не желали делать никаких конкретных выводов как из провала миссии Саймона, так и насчет предполагаемой «конференции круглого стола». Переговоры ради переговоров — вот что устраивало английские правящие круги. Лондонская «Таймс» писала в эти дни: «Для каждого из нас без сомнения ясно одно — по сравнению с условиями, существующими в Канаде, Новой Зеландии и в других странах, известных как британские доминионы, обстановка в Индии отличается в самой своей основе, а не в частностях. Поэтому будущее самоуправление Индии

должно найти некую более подходящую форму, и на данной стадии по этой причине слово «доминион» следует вовсе исключить из употребления».

Так оно и было. В палате лордов английского парламента на слово «доминион» применительно к политическому будущему Индии было наложено табу. В то же время там не упускали случая порассуждать на тему «о прекрасных перспективах развития Индии в составе Британской империи». Монтегю убеждал индийцев в существующей у них возможности «контролировать свою собственную судьбу». Лорд Ридинг предрекал, что «высшим предназначением Индии должно стать ее партнерство в Британской империи». Лорд Оливер заверял, что «народы Индии, весьма возможно, займут свое место среди других свободных наций в Британском содружестве». Лорд Биркенхед обещал со временем «создать ответственное правительство в Британской Индии как неделимой части империи».

Английские лорды и пэры изощрялись в изобретении хитроумных формул по поводу будущего государственного статуса Индии, а тем временем негодование и возмущение в стране нарастали, терпение народа иссякло. В индийских городах и селах с благословения Ганди полыхали костры с английскими товарами. Взрыв колониальных страстей в Лондоне в связи с декларацией Ирвина рассеял последние иллюзии о намерениях английского правительства даже среди весьма умеренных националистов в Индии.

Подходил к концу еще один год, истекал срок конгрессистского ультиматума английскому правительству. Все дороги вели теперь к очередной сессии ИНК в Лахоре, которая должна была взять курс на завоевание независимости через ненасильственное восстание против колонизаторов. Провинциальные комитеты Конгресса готовились к перевыборам председателя партии. Почти все они высказались за избрание Махатмы Ганди. В преддверии решительных схваток с правительством конгрессисты хотели видеть Ганди не только фактическим вождем освободительного движения, но и юридическим главой ИНК. Однако на заседании Всеиндийского комитета Конгресса в Лакхнау Махатма Ганди неожиданно для всех отказался занять пост председателя ИНК, предложив избрать вместо него сорокалетнего Джавахарлала Неру.

Представители «старой гвардии», лидеры правого крыла ИНК хотели было возразить Ганди по поводу предложенной им кандидатуры: Неру был слишком революционен для них. Назывались имена Валлабхаи Пателя, Абулла Калам Азада и других. Но Ганди проявил настойчивость. Отстаивая кандидатуру Неру, вождь говорил о нем, что «он не только обладает решительностью и смелостью воина, но ему также присуще благоразумие государственного деятеля, он чист как кристалл; его честность выше всяких подозрений. Нация под его руководством будет вне опасности». В столь критический период борьбы за независимость вождь пожелал, чтобы именно руководитель левого крыла возглавил Конгресс. Кому, как не Ганди, было хорошо известно, что Неру выступал за решительные действия против уступок властям. Этот шаг Махатмы Ганди проясняет, насколько противоречивыми, сложными, но чистыми и сердечными были у него отношения с Неру. В самом деле, Ганди постоянно искал компромиссы в политике, Неру — осуждал их; Ганди никогда не уклонялся от встреч и бесед с вице-королем, Неру считал бесполезным вести переговоры с правительством.

Уже в самый канун лахорской сессии ИНК Ганди вместе с лидерами правых консервативных партий, встретившись с лордом Ирвином, предпринял последнюю попытку найти какую-то основу для соглашения с правительством. Встреча, однако, ни к чему не привела. Вице-король и индийские лидеры говорили на разных языках. Для Махатмы Ганди это означало, что все средства для честного соглашения исчерпаны. Совесть у него была чиста. Теперь оставалось одно — открытая всенародная борьба. Конгресс, возглавляемый таким решительным лидером, как Джавахарлал Неру, был готов к борьбе. Ганди предстояло вдохнуть душу в народное движение.

Глава восьмая

«Соляной поход» и вторая кампания несотрудничества. Снова в тюрьме. Перемирие и «конференция круглого стола»

Прошло 10 лет после амритсарского расстрела, когда Ганди призвал соотечественников вновь начать движение несотрудничества с властями. В конце декабря 1929 года в Лахоре созывается сессия Конгресса, чтобы, как и десятилетие назад в Пенджабе, принять решение о новом наступлении на колониальную администрацию в Индии.

Несмотря на поражение первой кампании гражданского неповиновения, обстановка в Индии за эти годы во многом изменилась. Главное — изменилась психология людей: исчез рабский страх перед колонизаторами, перед силой их власти и всем репрессивным аппаратом. Взамен раболепного преклонения перед белым господином у народа пробудилось чувство национальной гордости. В стране быстро нарастал революционный потенциал национально-освободительных сил.

Первые порывы приближавшейся бури привели в движение все слои индийского общества. Наступал мировой кризис в промышленности и сельском хозяйстве. Индия не стала исключением, являясь составной частью мирового капиталистического хозяйства. Кризис затронул все слои индийского населения, которое разорялось и лишалось источников существования. Обострившиеся социальные конфликты в стране, особенно в индийской деревне, стали причиной наплыва в Конгресс возбужденной массы земледельцев, что при всей организационной аморфности придавало Конгрессу подлинную силу. Крестьянство, влившееся в Конгресс, сместило его политическую ось влево, в сторону борьбы за интересы народа. На грозном фоне

социальных потрясений и революционного брожения в народе еще ярче высвечивался образ Махатмы Ганди.

«В течение последних пятнадцати лет Индия имела великого вождя, — писал Джавахарлал Неру, — который снискал любовь и обожание миллионов индийцев и, казалось, во многих случаях диктовал ей свою волю. Он играл виднейшую роль в истории ее последних лет, и все же важнее, чем он, был сам народ, который, представлялось, слепо подчинялся его велениям. Народ был главным действующим лицом, а за его спиной стояли, подталкивая его, великие исторические силы, которые подготавливали его к восприятию призывов своего вождя. Если бы не эта историческая обстановка и политические и социальные силы, никакие вожди или агитаторы не могли бы заставить народ действовать. Главным достоинством Ганди как вождя было то, что он ощущал пульс народа и знал, когда созревали условия для развития движения и действия».

Колонизаторы совершали нелепую ошибку, считая, что в «смуте» были повинны конгрессистские лидеры и лично Ганди. Сама история неотвратимо вела Индию к заветному дню ее национальной свободы. И Ганди знал, что этот день наступит, наступит непременно и неотвратимо.

Благодаря широкой и методичной пропаганде, призывающей индийцев к несотрудничеству с властями, которую с удивительным постоянством и последовательностью осуществлял Ганди, законодательные собрания уже никого не могли ввести в заблуждение. Бесплодный «парламентский» опыт свараджистов только усиливал недоверие народа к этой ширме авторитарного и деспотического режима Англии. Теперь уже никто не обманывался мыслью, что у Индии будто бы есть свой парламент. Это была бутафория законодательного органа. Даже основатель свараджистской партии Мотилал Неру был вынужден, наконец, согласиться с Ганди в бесполезности своей конституционной деятельности. Разговоры о выработке конституции и представление напоказ куцых мероприятий законодательных собраний теперь только раздражали Мотилала. Он говорил: «В Индии нет конституции, так же как нет подлинной власти закона, ибо законы в форме всевозможных указов и тому подобных предписаний появляются у нас внезапно, как кролики из шляпы фокусника, по воле какого-нибудь лица или диктаторской группы».

Ганди был доволен этими переменами во взглядах ста-

рого друга и оппонента в политике. Прошло не так уж много времени, и Мотилал Неру со своей непреклонной волей и упрямым характером вернулся в теплые объятия незлопамятного Бапу: прозрачные и мягкие струи воды полируют камень.

Итак — Лахор. На его улицы и площади высыпало все население города, восторженно приветствуя Ганди, председателя Конгресса Джавахарлала Неру, делегатов и гостей сессии ИНК. Казалось, здесь, на сессии ИНК, сплелась в единый нервный узел вся Индия и напряженно внимала тем, на решения и совесть которых беспредельно полагалась.

Поднимается трехцветный флаг Конгресса. Звучат слова председателя ИНК Джавахарлала Неру: «Я социалист и республиканец и не верю в королей и князей или в порядок, который устанавливают нынешние промышленные магнаты, обладающие большей властью над судьбами людей, чем короли старого времени, и чьи методы являются такими же хищническими». Неру говорит, что после решения первоочередной задачи — завоевания индийским народом власти — стране необходимо выработать свой национальный путь к социалистическим преобразованиям, цель которых заключалась бы прежде всего в ликвидации нищеты и классового неравенства.

Не в пример некоторым своим сторонникам Ганди воспринимает речь Неру спокойно, без восторга или возмущения, почти как должное, будто ее тезисы были согласованы с ним заранее. А надо заметить, что оратор затрагивает в своей речи самые болезненные, чувствительные стороны гандистской политической морали. Он объясняет делегатам сессии, что Конгресс избрал ненасильственные методы борьбы с колонизаторами по чисто техническим соображениям (это заявление Неру явно шло вразрез с основным подходом Ганди). «Конгресс не располагает материальной базой и подготовленными кадрами для осуществления организованного насилия, — говорит Неру, — а случаи индивидуального насилия были проявлением безнадёжного отчаяния. Если Конгресс или нация когда-нибудь в будущем придут к выводу, что методы насилия избавят нас от рабства, то я не сомневаюсь в том, что Конгресс одобрит их. Насилие — плохо, но рабство и того хуже», — заключает Неру, и Ганди не возражает ему.

Но вот, когда стрелки часов приближались к полуночи, за пять минут до наступления нового, 1930 года, слово было предоставлено Махатме Ганди. После прогремевших оваций делегаты замерли в томительном волнении: как воспримет вождь «социалистическую» речь председателя Конгресса? К удивлению всех, оратор был предельно краток. И в этой краткости остро ощущалась его необыкновенная решимость и сила убеждения.

— Предлагаю принять резолюцию, — без всякого вступления провозгласил Ганди и зачитал: «Конгресс во исполнение решения, принятого на сессии в Калькутте в прошлом году, заявляет, что слово «сварадж» будет отныне означать «полную независимость», и надеется, что все конгрессисты приложат энергичные усилия для достижения Индией полной независимости».

Раздаются возгласы «Да здравствует свобода!», «Да здравствует Гандиджи!» Делегаты единодушно голосуют за резолюцию. Против — всего несколько человек — представители крайне правого крыла ИНК.

После лахорской сессии ИНК Мотилал Неру, подчиняясь призывам Ганди, обратился ко всем свараджистам — членам законодательных собраний с рекомендацией покинуть свои посты и отныне строго осуществлять политику несотрудничества с правительством. Свараджистская партия как группировка в составе ИНК перестала существовать.

Обстановка требовала внести в кампанию несотрудничества организационное начало, сообщить ей первый толчок. Таким толчком стало решение Конгресса объявить 26 января Днем независимости Индии. Конгресс призвал народ провести в этот день по всей стране митинги, на которых дать клятву до конца бороться за освобождение Индии от колониального ига. Однако одного этого было явно недостаточно. Вставал вопрос о выборе прямых действий против существующего правительства. Вся страна ожидала, что скажет Бапу, какие у него планы. А он молчал. Рабиндранат Тагор, и тот не выдержал и 18 января спросил Ганди о его намерениях. Ганди ничего не утаил от великого соотечественника. С обескураживающей искренностью он ответил ему, что «денно и ночью думает и не видит никакого просветления в окружающей его мгле». Он озабоченно добавил, что «в воздухе витает дух насилия».

Вождь хотел острее почувствовать настроения народа,

определить его готовность избежать насилия. Вернее всего это можно было увидеть во время празднования первого Дня независимости — 26 января. Ни один город, ни одна деревня не остались равнодушными к призыву Конгресса. Митинги и демонстрации охватили всю страну. Народ давал клятву. «Мы должны готовиться к борьбе путем прекращения, насколько это возможно, всех видов добровольного сотрудничества с английским правительством, а также должны готовиться к движению гражданского неповиновения, включая неуплату налогов, — звучали слова клятвы, текст которой был подготовлен Конгрессом. — Мы убеждены, что стоит только прекратить добровольную помощь и выплату налогов, не прибегая к насилию даже в случае провокации, как с этим бесчеловечным режимом будет покончено». Клятва была составлена в полном соответствии с духом и буквой учения Ганди.

Ни на один день Ганди не терял связи с народом. Надо было избрать такую форму гражданского неповиновения, которая была бы понятна любому неграмотному, забитому крестьянину, и такой метод мирного сопротивления властям, который был бы доступен и приемлем для всех индийцев.

Английская монополия на производство и продажу некоторых жизненно необходимых продуктов, в том числе соли, больно затрагивала интересы всего населения страны, особенно ее беднейших слоев. И вот Ганди осеняет мысль начать сатьяграху с демонстративного и повсеместного нарушения закона о соляной монополии. Он объявляет о своем намерении лично возглавить отряд сатьяграхов и повести его из обители на реке Сабармати в Данди, к побережью, где выпарить из морской воды символическую щепотку соли.

Первую реакцию среди радикально настроенных конгрессистов на это решение Ганди можно было бы охарактеризовать словами «смущение», «недоумение», «досада». Призывы к борьбе за высокие идеалы свободы никак не гармонизировали с узким решением атаковать соляную монополию колонизаторов. Такая «проза» не вдохновляла Джавахарлала Неру, но он, не сомневаясь в мудрости учителя, старался понять его замысел. С иронией поначалу отнеслась к намерению Ганди и противная сторона — вице-король. В правительстве язвили по поводу того, что гандистское движение переживает этап детских забав. От-

крыто высмеивались намерения Ганди свергнуть английско-го короля путем магического выпаривания в котелке морской соли.

Ганди, однако, был весьма серьезен, поскольку он знал, на что шел. Сама демонстрация всенародного неповиновения, прямые и конкретные действия призваны были дисциплинировать движение за независимость. Для Ганди очень важно было на собственном опыте убедить народ в том, что его организованное неподчинение даже в самом малом уже парализует власти, обнаруживает неспособность правительства выполнять несправедливые законы силой принуждения людей. Соляная сатьяграха со всей очевидностью замышлялась Ганди еще и как школа ненасильственного движения и пропагандистская акция, как проверка сил противостоящих друг другу сторон и как пробное, разведывательное сражение гандистского авангарда. Ведь дальше планировалось расширить кампанию. Ее целью ставилось парализовать всю государственную машину и торгово-экономическую деятельность колонизаторов. Программа предусматривала неуплату налогов, бойкот судов и государственных учреждений, пароходных и страховых компаний, торговых фирм и т. д.

Ашрам Ганди становится штабом по подготовке кампании гражданского неповиновения. Вождь движения много трудится, спит не более четырех часов в сутки. Он сам отвечает на многочисленные письма конгрессистов, без усталости и терпеливо разъясняет им, как нужно организовывать на местах работу, дает интервью журналистам, пишет статьи в «Янг Индия».

И вдруг 30 января 1930 г., неожиданно для всех, в том числе и для руководителей Конгресса, он публикует в «Янг Индия» обращение к вице-королю, в котором заявляет, что готов отложить сатьяграху, если правительство удовлетворит требования из 11 пунктов, в частности сократит земельный налог, ликвидирует монополию на соль, уменьшит расходы на военную и гражданскую администрацию, освободит из тюрем всех политических заключенных и осуществит ряд других требований.

Друзья Ганди, в том числе и Неру, возражали ему, говоря, что половинчатыми реформами нельзя завоевать независимость. Ганди соглашался с этими доводами, но действовал по своему усмотрению. Он вообще часто действовал независимо от Конгресса, считая, что выпол-

няет свой нравственный долг. Что касается 11 требований, то Ганди был уверен в том, что правительство ни за что не пойдет на уступки. Оно покажет свое пренебрежение к народу и тем самым даст индийским массам еще большее моральное право выступить против него всем миром и с чистой совестью.

Расчет оказался правильным: правительство отклонило требования Ганди. В ашраме началась разработка «соляного похода», который был назначен на 11 марта 1930 г. Предстояло пройти путь в 400 километров. В день подготовки к маршу друзья сообщили Ганди, что в ашраме постоянно находится агент тайной полиции. Улыбнувшись, Ганди распорядился отнестись к агенту со всей учтивостью и гостеприимством — поить, кормить, предоставить ночлег. При этом снабжать его полной информацией о планах сатьяграхов. Пусть обо всем доносит правительству: у Ганди ни от кого нет секретов.

В самый канун всемирно известного «соляного похода» Ганди направляет еще одно письмо вице-королю Ирвину. «Дорогой друг, — обращается он к нему, — прежде чем начать гражданское неповиновение и пойти на риск, которого я избегал все эти годы, я был бы рад, если бы мне удалось повлиять на вас и найти выход из создавшегося положения».

Ганди пишет, что он не враг англичан и вовсе не считает их порочнее других людей, хотя несомненно и то, что британское господство стало проклятием для Индии. Он сожалеет о том, что занятая правительством позиция разрушила появившиеся в Индии надежды на положительные политические сдвиги в связи с предполагаемой «конференцией круглого стола». Отказ вице-короля и английского правительства, замечает Ганди, дать индийцам заверения благожелательно обсудить на конференции вопрос о предоставлении Индии статуса доминиона возмутил и взбудоражил всю страну. Но при этом Ганди понимает, что обещанная конференция не может радикально решить проблему.

«...Если Индии надлежит выжить как нации, если медленное вымирание ее населения от голода должно быть остановлено, необходимо принять меры с целью безотлагательного изменения существующего положения». Он говорит, что в случае, когда противостоит одна сила другой, словесные увещевания бесполезны. «Поэтому Индия долж-

на развернуть достаточно мощную (ненасильственную) силу, чтобы освободить себя от объятий смерти».

При всем том в словах Ганди заключено глубокое чувство оптимизма. Он пишет, что дело возрождения его родины, которая оказалась жертвой деспотизма Англии (по сравнению с Индией небольшой, менее древней и не с такой богатой историей страны), оправдывает любой риск и стоит любой цены. Ганди убежден в конечной победе индийцев, которые, сознательно идя на жертвы, в конечном итоге «растопят каменное сердце» англичан.

Душевный порыв Ганди и на этот раз не возымел действия. Лорд Ирвин, только что вернувшийся из Мирута, где он развлекался игрой в поло (игрой в мяч верхом на лошадях), даже не удостоил ответом Ганди, поручив это сделать своему секретарю. Тот лапидарно отписал: «Его превосходительство с сожалением узнал о замышляемой вами кампании, которая неизбежно приведет к нарушению законности и социального мира». Получив такой ответ, Ганди сокрушенно сказал: «На коленях я вымаливал кусок хлеба и вместо него получил камень».

Многие конгрессисты продолжали сомневаться в эффективности предприятия Ганди и его обращение к вице-королю рассматривали как проявление неуверенности и слабости. Однако события развивались стремительно. Для споров и дискуссий времени не было. По мере того как вся страна следила за «соляным походом» сатьяграхов, народ все больше проникался духом неповиновения властям. Нервы нации были напряжены до крайности. Небывалой популярности похода Ганди способствовали сами колонизаторы, их пресса, всегда падкая до сенсаций. Изо дня в день страницы газет как в Индии, так и в Англии заполнялись репортажами и фотографиями участников столь необычного марша. Никто, впрочем, уже не шутил по части «детских забав» Бапу. С неизменным посохом в руке он твердо и быстро шагал во главе все возрастающей колонны людей. Поход представлял собой волнующее зрелище, грозно символизирующее неповиновение правительству. «Несерьезная затея» Ганди обратилась в гордое шествие, на которое с замиранием сердца смотрела вся страна. Весь мир ждал, чем все это закончится. Индийцы, может быть, впервые за минувшие столетия ступали босыми ногами по горячей земле со счастливым чувством подлинных хозяев своей страны. Их лица светились такой решимостью, какую

уже никому не дано было сокрушить. Нескончаемая торжественная колонна — великое паломничество людей к святыням свободы. Слово «соль» звучало как укор колонизаторам, оно было возведено в политический символ сопротивления, и эта соль действительно беспощадно разъедала авторитет власти.

А тем временем, пока Ганди приближался к морю, в Аллахабаде состоялось заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Готовясь к жестоким мирным боям, в ответ на правительственные репрессии конгрессиистские руководители приняли решение наделить председателя Конгресса широкими полномочиями и правом, в случае невозможности созвать членов комитета в условиях чрезвычайного положения, действовать от имени комитета единолично. Такие же права были предоставлены и председателям провинциальных организаций Конгресса.

Таким образом, в обстановке крайне обострившейся борьбы руководители Конгресса в центре и на местах становились как бы диктаторами. Так их официально и называли конгрессиисты, вкладывая, однако, в это слово исключительно положительный смысл, и прежде всего свое сознательное добровольное желание беспрекословно подчиняться распоряжениям партийных лидеров. «Диктатор» в случае ареста мог по своему выбору назначить на свое место другого конгрессииста. В самом деле, разве мыслимы были бы длительные процедуры партийных выборов в условиях чрезвычайного положения? Эта крайняя мера была принята с тем, чтобы лишить власти возможности обезглавить Конгресс в проводимой им кампании за независимость страны. Как в военной обстановке, в силу вступал военный порядок — на место выбывшего из строя командира командование принимал другой боец.

Решение Конгресса о «диктаторах» вызвало небывалую шумиху в Лондоне и в либеральной индийской прессе. Английские министры, члены парламента, политические деятели один за другим выступали с разоблачительными речами в адрес Конгресса. В один голос они стыдили Ганди и его сподвижников за то, как они «низко пали, отвергнув демократию и встав на путь установления диктатуры». В ответ на подобные обвинения Джавахарлал Неру писал: «Вряд ли можно было представить себе более бесстыдное лицемерие. Перед нами была Индия, управлявшаяся насильственными методами абсолютной диктатуры, действо-

вавшей с помощью чрезвычайных указов, подавлявшей всякие гражданские свободы, и тем не менее наши правители вели елейные разговоры о демократии».

6 апреля, в первый день национальной недели, которая ежегодно отмечалась индийскими патриотами в память событий 1919 года — первой сатьяграхи, Ганди при огромном скоплении народа совершил церемониал выпаривания соли на берегу моря. Это был сигнал к началу новой сатьяграхи. Словно по команде миллионы людей по всей Индии стали добывать соль кустарным способом. Гражданское неповиновение быстро распространялось на другие области. Оно сковывало всю деятельность колониальной администрации. Торговля английскими товарами была полностью парализована, иностранные фирмы и банки не работали.

Вице-король никак не ожидал, что безобидный «чудной» марш сатьяграхов к морю сможет обернуться всенародным выступлением против правительства. Нарушение закона о соляной монополии сыграло лишь роль катализатора, вызвавшего бурную политическую реакцию, революционное брожение в массах. Правительство было застигнуто врасплох таким поворотом событий. Лорд Ирвин издавал один указ за другим. Но все его распоряжения, директивы оказывались пустыми канцелярскими бумажками, на которые никто в народе не обращал внимания: казалось, вся нация вышла из подчинения властям.

Довольный Бапу напутствовал соотечественников, не уставая призывать их к дисциплине, организованности, к священным и мирным жертвам во имя матери-родины. Способность Ганди вдохновлять и зажигать народ поражала. О нем говорили, что он «способен создавать героев из глины».

Ирвин недоучел силы своего политического противника и, видимо, уже сожалел, что так бездумно и резко отверг советы Ганди найти взаимоприемлемый выход из создавшегося положения. Впрочем, если вице-король и внял бы советам Ганди, он все равно не мог бы поступить иначе из-за непримиримой позиции Лондона. С Даунинг-стрит, 10, резиденции премьер-министра Англии, шли строгие депеши, предписывавшие незамедлительно покончить со «смутой» в стране.

Но совладать с восставшим народом было не так просто. Глава английской тайной полиции, побывавший в

эти дни в Бомбее, доносил правительству: «Конгресс пользуется повсеместной поддержкой в этом городе. Его волонтеры и пикетчики получают от населения бесплатную пищу. Конгресс подорвал всю деловую жизнь. Многие бизнесмены выражают решимость продолжать свое участие в движении, не останавливаясь при этом даже перед угрозой разорения. Короче говоря — Конгресс управляет положением дел, инициатива целиком находится в его руках».

Вице-король подписал ряд декретов, наделявших исполнительные органы чрезвычайными полномочиями. Начались повальные аресты конгрессистов, разгоны и избиения мирных демонстрантов, улицы городов патрулировались войсками и нарядами полиции. Грубая сила правительства вступила в схватку с мирной волей восставшего народа. Кто победит: гандистская «любовь и правда» или насилие власть имущих?

Волна национализма захватила все слои населения страны. Недовольная дискриминационной торгово-экономической политикой колонизаторов местная буржуазия не только влилась в общенациональный поток освободительного движения, но и возглавила его. Сотни тысяч индийских лавочников, владельцев мастерских, мелких и даже крупных фабрик щедро субсидировали кампанию гражданского неповиновения. Служащие демонстративно отказывались от занимаемых ими должностей в государственном аппарате. Мотилал Неру, посовествовавший с Ганди, расстался со своей блистательной карьерой процветающего юриста и передал свой большой богатый дом в Аллахабаде — «Ананд бхаван» («Обитель радости») в собственность Конгресса. На время проведения кампании этот дом был превращен в больницу для раненых участников национально-освободительного движения.

В течение апреля — мая 1930 года власти арестовали свыше 60 тысяч конгрессистов, среди них оказались почти все руководители партии, в том числе отец и сын Неру. С арестом Ганди власти медлили. «Правительство озадачено и находится в тупике, — говорил он сам. — Оно считает опасным оставлять мятежника на свободе и опасным арестовывать его». Кампания продолжалась и нарастала. Взамен арестованных лидеров движение рождало десятки и сотни новых конгрессистских «диктаторов», отважных и мужественных вожakov масс.

В эти грозные дни, когда по всей стране свирепство-

вали карательные отряды полиции, подвергавшие избиениям тысячи мирных людей, когда на улицах и площадях городов и поселков лилась кровь беззащитных женщин, которые с невиданным дотоле энтузиазмом включились в кампанию гражданского неповиновения, Ганди, казалось, был спокоен. Он гордился мужеством своих соотечественников и тем, что идея ненасилия в жестокой борьбе за свободу все больше овладевала умами людей и, казалось, уже торжествовала. Только в таких экстремальных условиях можно было выявить готовность индийцев идти на жертвы ради идеи. Ганди мог быть доволен тем, что ему, руководителю кампании, так действенно удалось использовать в интересах освободительного движения национальные чувства своего народа — его миролюбие, великое терпение, религиозность и обратить эти черты в духовное оружие против колонизаторов, противопоставить национализм угнетенной нации, весь уклад жизни народа, его вековые традиции ненавистному иностранному режиму. Люди шли в тюрьмы, безответно принимали на себя тяжелые удары полицейских латки — длинных палок с металлическими набалдашниками, жертвовали своим имуществом и общественным положением. Обливаясь кровью, страдая от невыносимой физической боли, они стояли насмерть. «Свобода или смерть, но не жизнь рабами», — так думали и так поступали индийцы.

После сомнений и колебаний, вызванных опасением усугубить и без того сложную обстановку в стране, вице-король все же решился на арест Ганди. Тем более, что на этом настаивал Лондон. В ночь на 5 мая 1930 г. наряд вооруженной полиции в составе 30 человек окружил хижину, где находился Ганди. Комиссар полиции, осветив фонарем лицо безмятежно спавшего Бапу, поднял его с постели. Улыбнувшись, Ганди попросил время на сборы. С завидной невозмутимостью он привел себя в порядок, не торопясь собрал в мешок свои скудные пожитки и под мелодию популярного индийского гимна, который он попросил исполнить перепуганных обитателей деревушки, проследовал под конвоем к ожидавшей его арестантской машине — «черной Марии», как ее называли в Индии.

На основании уже всеми забытого закона о превентивном заключении, относящегося к первой четверти XVIII века, он был заключен в тюрьму в Йерваде. На этот раз с учетом поучительного опыта прошлого власти не

рискнули затевать открытый процесс над ним и предпочли внесудебную расправу.

Опасения лорда Ирвина оказались не напрасными. Арест Ганди повлек за собой бурю народного негодования. Начался всеиндийский хартал — всеобщая забастовка. Забастовали рабочие текстильных и джутовых фабрик, железнодорожники, металлисты, закрыли свои лавки мелкие торговцы, не функционировали почта и телеграф, не работали учреждения, прекратились занятия в учебных заведениях. В Шолапуре спровоцированная полицейскими репрессиями толпа сожгла шесть полицейских участков. В результате двадцать пять индийцев были убиты на месте и сто человек ранено. Полиция прибегла к расстрелу демонстраций в Калькутте, Пешаваре, в других городах и сельских районах страны.

В Пешаваре два взвода солдат, побросав оружие, стали брататься с демонстрантами. Было отмечено несколько случаев отказа солдат стрелять в демонстрантов. Казалось, что гандистский принцип ненасилия начал распространяться на армию, и вот в этот критический момент Ганди вдруг публично осуждает солдат, присоединившихся к народу, за нарушение ими присяги (!?). Даже близкие соратники Махатмы не могли понять мотивов, которыми руководствовался их вождь: получалось, что он не допускал насилия большинства населения страны над меньшинством эксплуататоров, но в то же время терпимо относился к насилию колонизаторов над народом. Власти жестоко и быстро расправились с непокорными военнослужащими: все они были осуждены по законам военного времени к длительным срокам каторжных работ.

На севере Индии, особенно со стороны мусульманской части населения, имели место стычки с полицией, в результате которых было убито несколько карателей. Правда, реакция Ганди, в отличие от той, какая у него была на подобные события во время первой сатьяграхи в Чаури Чаура, несколько изменилась. Он, разумеется, по-прежнему осуждал факты насильственного сопротивления карателям, но проведение сатьяграхи по всей стране из-за этого не отменял.

В целом кампания по стране проходила так, как задумал ее Ганди. Пожалуй, самым поразительным примером жертвенности в ходе «соляной сатьяграхи» была страшная бойня, учиненная полицией над жителями округа

Дхаршана, недалеко от того места, где был арестован Ганди. Здесь сотни участников кампании гражданского неповиновения попытались мирно занять соляные варницы и склады. По свидетельству очевидцев, многочисленную демонстрацию сатьяграхов возглавлял младший сын Ганди — Мониалал. Он, не в пример старшему брату, был верным последователем отца. Плечом к плечу с Мониалалом шла известная индийская поэтесса, видная деятельница Конгресса Сароджини Найду. Мирному шествию сатьяграхов преградил путь усиленный наряд полиции. От колонны сначала отделилась одна шеренга демонстрантов и двинулась на полицию. Тогда полицейские, ловко орудуя латхи, скосили шеренгу до последнего человека. Но на ее месте словно из-под земли выросла вторая шеренга сатьяграхов, затем третья и так, казалось, продолжалось бесконечно. Люди, среди них было много женщин, шли на стену полицейских с гордо поднятой головой, не пытаясь сопротивляться. Скошенные ударами латхи, они падали по сторонам словно кегли. Это была леденящая сердце картина. Люди осознанно шли на смерть. В массовом самопожертвовании лицом к лицу встретились извечные враги — жизнь и смерть, добро и зло, и в их схватке жертвы только питали жизнь. Мучаясь и погибая, люди утверждали свое природное право на свободу.

Крайние меры колонизаторов против участников кампании гражданского неповиновения и арест Ганди вызвали протесты демократической общественности во всем мире. Лорд Ирвин, оправдывая действия колонизаторов, выступил с большой речью в законодательной ассамблее Индии. Давая оценку движению гражданского неповиновения, он заявил: «По моему мнению и по мнению моего правительства, оно есть преднамеренная попытка оказать давление на законную власть посредством массового действия, и оно должно рассматриваться как опасное, неконституционное, подрывное движение. Массовое движение, даже когда вдохновители планируют его как ненасильственное, представляет собой не что иное, как применение силы в особой форме, а когда его открыто признаваемая цель — сделать невозможной деятельность правительства, последнее обязано или сопротивляться, или отказаться от своих полномочий. До тех пор, пока участники гражданского неповиновения упорствуют, мы должны бороться с ними всеми силами».

В правящих кругах Англии Ганди клеймили как отъявленного экстремиста и революционера. Имперские идеологи в Лондоне издавали работы, в которых Ганди характеризовался как сторонник насильственного освобождения Индии. Гандистская проповедь ненасилия представлялась в английской прессе всего лишь идеологической завесой, обманным маневром.

Разгневанные владельцы текстильных предприятий Англии, продукция которых сжигалась на кострах в Индии, в результате чего экспорт английских тканей сократился до одной трети, требовали незамедлительной расправы над Ганди и его сторонниками. Лорд Brentford с ужасающей откровенностью заявил: «Мы завоевали Индию не ради индийцев. Мы завоевали Индию как рынок сбыта для английских товаров. Мы завоевали Индию мечом и мечом же должны удерживать».

Уинстон Черчилль шел к парламентским выборам под знаменем «крестового похода» против индийских националистов. С присущей ему жесткостью он призвал применить силу против «олигархии юристов», которые захватили в свои руки руководство индийским народом. «Нам следует без всяких обиняков дать понять, — заявил он, — что мы намерены сохранить правление Индией надолго, на неопределенный период, и, хотя мы приветствуем сотрудничество со стороны лояльно настроенных индийцев, мы не будем поощрять беззаконие и измену».

Лейбористское правительство Рамсея Макдональда, заняв оборонительную позицию, спешно приняло меры к тому, чтобы умиротворить Индию путем проведения переговоров с представителями привилегированных кругов национальной буржуазии и феодалов, с легко сговорчивыми либералами, князьями и религиозно-общинными деятелями, особенно с мусульманскими лидерами. Наконец-то английское правительство обнародовало доклад комиссии Саймона — более чем двухлетний итог ее «исследовательской» работы в Индии. Этот крайне раздутый по объему труд безнадежно запутывал и без того сложные проблемы Индии. Выводы и предложения комиссии основывались на стремлении увековечить колониальное рабство в стране и не шли дальше куцега закона об управлении Индией 1919 года.

Когда индийский народ самоотверженно боролся за свою независимость, в Лондоне проходил первый раунд

«конференции круглого стола». Сверкая фамильными бриллиантами и рубинами, индийские раджи, магараджи и принцы произносили пышные речи, прославляя империю. «Индийские делегаты на „конференции круглого стола“ нашли много общего с английским правительством, — возмущенно писал Джавахарлал Неру. — Это относится не только к явным реакционерам и религиозно-общинным деятелям, но даже к тем, кто называл себя прогрессивными и националистически настроенными людьми. Национализм казался нам поистине весьма растяжимым понятием, если он включал в себя как тех, кто шел в тюрьму во имя борьбы за свободу, так и тех, кто жал руки нашим тюремщикам и вместе с ними обсуждал общую политику».

Закрывая 19 декабря 1930 г. первый раунд конференции, премьер-министр Макдональд, как и подобает лейбористскому лидеру, призвал к всеобщему братству и выразил надежду, что представители индийского Конгресса пересмотрят гандистскую позицию несотрудничества и примут участие во втором раунде «конференции круглого стола». Даже консервативная пресса считала, что проведение переговоров без участия в них Конгресса — пустое дело.

В тон Лондону лорд Ирвин тоже ищет путь к примирению с Конгрессом. Выступая в центральной законодательной ассамблее Индии, он говорит о твердом намерении правительства продолжать процесс выработки конституционных реформ, о характере которых можно было бы в общей форме договориться на англо-индийской встрече в Лондоне. Однако по существу вопрос о реформах будет решаться английским парламентом, а не «конференцией круглого стола», не преминул уточнить вице-король.

Верховный правитель Индии повелевает двум известным соглашателям из индийской либеральной партии Т. Б. Сапру и М. Р. Джаякару посетить содержащихся в тюрьмах Ганди, Джавахарлала и Мотилала Неру с тем, чтобы договориться с ними об условиях прекращения кампании гражданского неповиновения. Миротворческая миссия Сапру и Джаякара к узникам не дала ожидаемого Ирвином результата: лидеры движения отвергали любые предварительные условия.

Вице-король не прочь даже сыграть на популярности Ганди в народе. Демонстрируя свое уважение к национальному герою, Ирвин льстиво отзывался о высоких мораль-

но-политических качествах Махатмы. «Духовная сила, — публично провозглашает он, — заставляет господина Ганди не считаться с жертвой, как бы велика она ни была, ради того дела, в которое он верит, и ради той Индии, которую он любит». Перед лицом мятежной Индии вице-король, преодолевая свои амбиции, вынужден делать новые шаги навстречу конгрессиистскому руководству. Другого выхода у него не оставалось. Бесспорно, он сохранял всю полноту власти в стране, но духовной властью над народом обладал Конгресс и в огромной степени — лично Махатма Ганди.

25 января 1931 г. Ирвин издал указ об освобождении из тюрьмы Ганди и еще тридцати членов Рабочего комитета ИНК. Одновременно отменялся ранее наложенный запрет на конгрессиистские организации. Идя на этот шаг, лейбористское правительство Макдональда и вице-король рассчитывали использовать в интересах английской политики в Индии авторитет Ганди, его готовность к поиску взаимоприемлемых компромиссов, к переговорам, безграничную веру индийского вождя в честность своих политических оппонентов.

Не признавая никаких моральных преград в достижении политических целей, Ирвин в то же время намерен был в полную меру эксплуатировать моральные установки Ганди: его душевную чистоту и искреннее доброжелательство. Главное, чего добивался Ирвин, вступая в переговоры с Махатмой, была попытка увести его от настоящей борьбы в мир социально-политических иллюзий. Лукавый лорд-консерватор перевоплотился в радетеля индийцев, который, казалось, был только тем и озабочен, чтобы вместе с Ганди уберечь Индию от ужасов насилия, а народ — от новых, еще более страшных бедствий. Впервые после того, как Индия была украдена у индийцев Ост-Индской компанией в XVII веке, грабители «снизошли» до того, чтобы сесть за стол переговоров со своими жертвами. Такой курс имел в Англии и сторонников, и противников. Сторонников, правда, было значительно больше. Затеянная в Лондоне «конференция круглого стола» являлась логическим итогом этого курса, его материализацией. Все эти меры были призваны убедить привилегированные круги в Индии в том, что без сохранения сильной английской власти им не обойтись и что «машина реформ, как и всякий безопасный двигатель, должна быть снабжена хорошими тормозами».

Среди противников англо-индийских переговоров глав-

ную роль играл Черчилль. В это время его политическая деятельность как члена парламента сводилась к тому, чтобы сохранить твердый курс в отношении Индии. Он сколотил в парламенте группу консерваторов под лицемерным названием «лига защиты Индии» (от кого?! — Авт.). Позднее, правда, выяснилось, что группу финансировала индийская феодальная, преимущественно мусульманская, реакция. Черчилль даже поставил в парламенте вопрос о недоверии правительству Макдональда в связи с его «разрушительной политикой реформ» в Индии. Но запугать палату общин Черчиллю не удалось. Большинство представителей трех партий английского парламента высказалось за «разумное» решение индийской проблемы, за умиротворение Индии путем некоторой либерализации существующей там системы правления. Трезвые политики в Лондоне, безусловно защищая имперские интересы, сходились на том, что управлять Индией старыми методами становилось все труднее и что необходима «модернизация» колониальной политики.

Так или иначе, конгрессиистские лидеры оказались на свободе. Однако их первая встреча после тюремного заключения в Аллахабаде, куда они съехались на заседание Рабочего комитета ИНК, была омрачена: умирал ветеран партии Мотилал Неру. Ганди стоял у ног умиравшего соратника. Когда-то он знал его убежденным англоманом, представителем индийской элиты. Тогда он был так далек оттого, чтобы принести на алтарь свободы родины благополучие семьи, богатство и саму жизнь! Но прошло совсем немного времени, и Мотилал Неру благословил своего единственного и безмерно любимого сына на тернистый путь борьбы и твердо последовал за ним. Осознанно, без какой-либо аффектации, он отдал Индии весь свой недюжинный ум, опыт, страстность, личное и семейное благополучие. И все знали, что совершить этот подвиг ему, как и многим другим индийцам, помогла его дружба с Ганди. В глазах Мотилала Неру не было страха перед смертью, в них все еще жарко догорало пламя жизни. Прощаясь, друзья некоторое время молчали. Глядя друг другу в глаза, они успели понять многое, чего не скажешь словами, и подвести итог всей жизни.

Бапу, нарушив молчание, тихо произнес:

— Если вы переживете этот кризис, мы обязательно завоюем независимость для нашей Индии.

— Нет, — ответил Мотилал, — мой конец близок. Мне уже не придется увидеть родину независимой. Но я знаю, что вы на пороге победы и скоро Индия станет свободной.

Вице-король, который незадолго до кончины Мотилала Неру, уже тогда опасно больного, заключил его в тюремные казематы, теперь кривил душой. Газеты опубликовали сообщение, что лорд и леди Ирвин выразили вдове покойного «искреннее соболезнование».

О минутах безутешного горя, которое переживала семья, Джавахарлал Неру писал: «...Больше всего помогло моей матери и всем нам пережить этот кризис в нашей жизни присутствие Гандиджи, которое действовало на нас так успокаивающе и целительно». Махатма Ганди, как никто другой умевший поддержать человека в беде, провел эти печальные дни с семьей Неру. Многие люди, близко знавшие Ганди, отмечали его дар целить душу.

После национальной церемонии похорон Мотилала Неру (его тело было кремировано на берегу священного Ганга) Ганди приехал в Дели.

В день, когда Мотилал Неру был уже на смертном одре, в Аллахабад прибыла группа участников первого раунда «конференции круглого стола». Ее представитель от Индии Састри каялся перед Ганди и конгрессистами в своем «чрезмерном многословии» и в уступчивости в беседах с таким-то лордом или сэром; он ругал газеты за неправильную интерпретацию его высказываний — в общем, оправдывался. Но в целом, как он уверял, индийские либералы всегда выступали за сотрудничество с Конгрессом, ибо главная задача у них в конечном итоге, мол, одна и та же — свобода Индии. Либералам тогда удалось убедить Ганди начать с лордом Ирвином, как они подчеркивали, «прямые и честные переговоры». Они прекрасно знали, что на другие переговоры Ганди просто не был способен. Такая встреча, говорили либералы, поможет измученной Индии и будто бы в чем-то оскорбленной Англии достойно выйти из создавшегося тупика.

Ганди остается верен своей правде во всем — в мыслях, словах, поступках. Он наивно ожидает встретить такую же искренность на переговорах и со стороны англичан. Ганди,

разумеется, понимает, что истина многолика. Но на данном этапе для него истина заключена в одном: Индия, как нация, должна быть свободной. Она имеет историческое право на свою государственность. И то, что Индия политически и юридически оставалась колонией Англии, не помешало Ганди выступить перед имперским наместником в качестве представителя своего народа.

Переговоры между Ганди и Ирвином начались 17 февраля 1931 г. Первый представлял на них независимую духом Индию, второй — империалистическую Англию. Две стороны, два представителя. Ганди непринужденно, как у себя дома, сидел рядом с вице-королем и вел с ним неторопливую беседу, не отказывая себе в удовольствии нет-нет, да и пошутить с сановным вельможей.

Биографы Ганди пишут, как лорд Ирвин предложил гостю чашку чая. «Спасибо», — сказал Ганди и достал из свертка бумажный пакетик с солью. Заразительно смеясь, гость добавил: «Я брошу щепотку соли в свой чай, чтобы напомнить об известном „Бостонском чаепитии“». Соль в Индии, как в свое время чай в Америке, стала символом протеста против колониальной политики Англии, экономического удушения ею зависимых стран. Шутка была острой, но Ирвину пришлось принять ее и в ответ изобразить на лице нечто вроде улыбки.

«Как это возможно?! — возмущался Черчилль по поводу «фривольного» поведения Ганди. — Полуголый факир смело шагал по ступеням вице-королевского дворца, чтобы вести переговоры о перемирии на равных условиях с представителем короля-императора!»

Ганди оставался невозмутимым. Брань и оскорбления отлетали от него, рикошетом поражая тех, кто посылал их в его адрес. В нем же самом не было ни злобы, ни подобострастия перед «сильными мира сего». Ганди считает крайне опасным в «образе Англии» видеть исключительно врага. Такой подход, по его убеждению, не способствовал бы ослаблению напряженности в поведении политических оппонентов, сделал бы невозможным принятие компромиссных, переходных или ступенчатых решений, которых не избежать в международных делах. Для Ганди было очень важно не допустить, чтобы стремление Индии к независимости превратилось в слепую ненависть к английскому народу. В общении между народами не должно быть места гневу и национальной нетерпимости.

Ирвин поставил целью во что бы то ни стало добиться от Ганди согласия на участие Конгресса во втором раунде «конференции круглого стола» в Лондоне. Индийский вождь оказался в трудном положении: не кто иной, как он сам вместе с Дж. Неру в обстановке подъема национально-освободительного движения в Индии настоял на бойкоте первого раунда этой конференции. Тем самым они вызвали на себя поток упреков и резкой критики со стороны лидеров правых партий страны и особенно со стороны Джинны. Они обвиняли Ганди в том, что он, дескать, не пожелал воспользоваться объединенными усилиями всех политических партий страны и тем, чтобы достичь договоренности с лейбористским правительством Англии об осуществлении новых и далеко идущих реформ в системе управления Индии. Глава соглашательского крыла индийских профсоюзов Канджи Дваркадас обвинял Ганди и Дж. Неру в том, что они, отказавшись от участия в конференции, отодвинули срок получения Индией независимости на долгие годы. «Была допущена серьезная ошибка, редкая возможность не использована», — сокрушался он по этому поводу. Положение Ганди осложнялось еще и тем, что месяцем раньше, до начала переговоров с Ирвином, Рабочий комитет Конгресса вновь подтвердил свое негативное отношение к лондонской конференции.

Ежедневные многочасовые переговоры проходили тяжело. Ни та, ни другая сторона не хотели уступать, но стремились к взаимоприемлемому решению. Ирвин — по той причине, что освободительное движение нанесло весьма ощутимые удары по колониальным устоям в Индии, Ганди — из-за того, что чувствовал начало спада кампании гражданского неповиновения и наблюдал усталость масс.

Ганди медлил. Нельзя решать судьбу страны поспешно, когда еще так много неясного, когда нет уверенности в оценке средств и целей противной стороны, когда не найдены свои, непременно добропорядочные формы политических выступлений. Он прерывал переговоры и, объявляя «дни молчания», неторопливо размышлял о судьбах движения и о том влиянии, которое может оказать на него компромиссное соглашение с Ирвином. Почему бы ему не поехать в Лондон?.. Ведь в конечном итоге от него самого зависит, какую позицию занять на «конференции круглого стола». А позиция эта останется неизменной — безусловное предоставление Индии независимости. Поездка в Лондон,

кроме того, будет способствовать консолидации национальных сил в стране. Наконец, в случае провала работы конференции, в чем мало сомнений, индийцы убедятся, что все «правовые» и «дипломатические» средства были исчерпаны и что снова осталось одно уже испытанное на практике и самое радикальное, с точки зрения Ганди, средство к завоеванию свободы — проведение сатьяграхи в национальном масштабе.

Скрепя сердце, рискуя вызвать раздражение Лондона, Ирвин пошел на кое-какие уступки Ганди. Бапу повеселел. Каждый раз он возвращался пешком из дворца вице-короля в старый Дели, в дом доктора Ансари, где его уже ожидали члены Рабочего комитета Конгресса. Здесь подолгу, далеко за полночь, он обсуждал с ними ход переговоров с Ирвином. Мнения в оценках расходились. Дж. Неру, к большой досаде Ганди, занял резко негативную позицию и высказывался против заключения соглашения с Ирвином. Другие целиком полагались на интуицию вождя и готовы были принять любое его решение. Однако все они ожидали от Бапу какой-то «решающей победы» над Ирвином.

И вот 4 марта 1931 г. было наконец официально подписано соглашение сторон, которое стало известно в истории как «пакт Ганди — Ирвина». Разочарованию не было пределов. Кое-кто заговорил о капитуляции Ганди. Зато в Лондон срочно, строго секретно, лично премьер-министру Рамсею Макдональду шифром передана победная реляция Ирвина. Ганди пошел на подписание пакта! Осуществление целей «конференции круглого стола» представляется возможным. На Даунинг-стрит отличное настроение: политическим фокусникам колониального ведомства может вполне удастся «отвести глаза» народу, и все примут иллюзию за реальную реформу системы управления в Индии. Однако расчеты Ганди были иными и не такими уж опрометчивыми, как могло показаться на первый взгляд.

В чем же суть пакта? Главное, чего добился Ирвин, это отмена бойкота колониальной администрации. Конгрессистам разрешалось, однако, вести среди населения пропаганду за независимость страны, позволялись также мирное пикетирование и демонстрации. Объявлялась всеобщая амнистия политических заключенных. Отменялась монополия на соль. Конгресс признавался официальной

политической партией. Что касается вопроса об участии представителей ИНК в работе «конференции круглого стола», то он подлежал дополнительному обсуждению. Но по всему было видно, что Ганди был склонен принять приглашение Конгрессу.

Как личное горе переживал финал переговоров Дж. Неру. «Разве для этого наш народ в течение года проявлял такое мужество? — с горечью задавал он вопрос. — Неужели этим должны были кончиться наши славные слова и дела? А как же быть с резолюцией Конгресса о независимости, с клятвой, данной 26 января и столь часто повторяемой?» Так размышлял в ту мартовскую ночь Неру, и на душе, как он вспоминал, у него было пусто, словно самое дорогое было утрачено почти безвозвратно.

Еще до начала переговоров Ганди не возлагал больших надежд на свидание с лордом Ирвином. Он не был столь наивен, чтобы не понимать, что возможности вице-короля существенно ограничены политической волей могущественных правящих кругов империи. Поэтому он и не ожидал никакой «решительной победы». Тем не менее, в отличие от некоторых своих сторонников, Ганди был все же преисполнен политического оптимизма. В течение трех недель переговоров он, несмотря на усилия Ирвина, оставил за собой и Конгрессом право в любой момент возобновить кампанию несотрудничества. В соответствии с пактом кампания прерывалась лишь на время. Свое соглашение с Ирвином Ганди рассматривал только как вынужденное и временное урегулирование. Переговоры с английским правительством давали тот политический выигрыш Индии, что, подписывая соглашение с Ганди, колониальные власти тем самым признавали освободительное движение де-факто. Находившийся в это время в Индии и неоднократно встречавшийся с Ганди корреспондент американской газеты «Чикаго трибюн» Уильям Ширер подметил: «Отныне вопрос стоял не о том, пожелают ли англичане предоставить Индии независимость, а о том, как и когда они это сделают».

Выступая после подписания Делийского пакта о временном урегулировании на многочисленных пресс-конференциях и давая интервью постоянно атаковавшим его корреспондентам, Ганди неизменно подчеркивал мысль о том, что Конгресс, как и прежде, будет энергично отстаивать право Индии на полную независимость, добиваться «пур-

на свараджа». Когда Ширер спросил Ганди, считает ли он достигнутое своей победой, тот ответил: «Невозможно и неумно говорить, какая из сторон одержала победу в результате мирных переговоров. Если и имеется какая-то победа, то я должен сказать, что она принадлежит обеим сторонам. Индийский национальный конгресс не вымаливал победы. У Конгресса есть ясная цель — независимость, и ни о какой победе не может быть и речи, пока эта цель не будет достигнута». Дабы ни у кого не оставалось в этом сомнений, он вновь посетил лорда Ирвина и заявил ему, что если Конгресс и пошлет своего представителя на «конференцию круглого стола» в Лондон, то с единственной целью — выдвинуть такое требование. Вице-король, выслушав Ганди, резко ответил, что это дело Конгресса.

В общем, как бы ни была недовольна часть конгрессистов, какой бы острой ни была критика «пакта Ганди — Ирвина», колоссальная, разветвленная по всей стране организация Конгресса с поразительной дисциплинированностью выполнила новую установку своего вождя: буря так же внезапно утихла, как и началась. Никто из конгрессистов по-настоящему твердо не решился противостоять Бапу.

Очередная сессия Конгресса состоялась 31 марта 1931 г. в Карачи. Она стала в еще большей мере, чем предыдущие сессии, личным триумфом Ганди, хотя, впрочем, кое-где на улицах города экстремисты правого и левого толка встречали его с черными флагами. Их вылазки, однако, не имели значения и разве что вызывали еще большую преданность и любовь людей к Махатме, к их Бапу. Председательствовал на сессии Валлабхаи Патель, но как всегда основным вдохновителем всей работы был сам Махатма. Без его участия и решающего слова не рассматривался ни один вопрос.

Вопреки всем ожиданиям, Делийский пакт был одобрен подавляющим большинством голосов. В поддержку этой резолюции выступил даже Джавахарлал Неру. Он решил, что его уклончивая позиция по этому вопросу могла бы только вызвать среди конгрессистов ненужные сомнения и колебания в то время, когда партии было необходимо единство и сплоченность ее рядов. К тому же Неру, еще раз взвесив все «за» и «против» соглашения, пришел к выводу, что к февралю 1931 года правительство,

усовершенствовав свой аппарат подавления, было готово сравнительно быстро потопить в крови движение гражданского сопротивления. Однако власти все же предпочитали урегулирование путем соглашения, нежели путем организации массовых побоищ.

В Карачи по инициативе Неру и при непосредственном участии Махатмы была впервые принята резолюция об экономической политике Конгресса. Делегаты сессии высказывались в ней за национализацию основных отраслей промышленности и за ряд других мер, направленных на облегчение участи эксплуатируемых и ограничение доходов имущих классов. Неру говорил, что Конгресс, приняв резолюцию, «сделал очень небольшой шаг в социалистическом направлении».

В связи с этой резолюцией правительственные газеты начали распространять слухи о том, что она будто бы явилась результатом козней коммунистов и что здесь не обошлось без «красного золота Москвы». Строились также домыслы по поводу какой-то «сделки» между Неру и Ганди: первый вроде бы выступил в поддержку «пакта Ганди — Ирвина», а второй в оплату этого «векселя» якобы открыл зеленый свет «большевистской резолюции».

Высмеивая эти спекуляции и объективно оценивая значение резолюции об экономической политике Конгресса, Неру говорил, что «это отнюдь не был социализм и капиталистическое государство легко могло бы принять почти все, содержащееся в этой резолюции». При этом он заметил, что если бы коммунисты ознакомились с ней, то, несомненно, заявили бы, что «она представляет собой типичный продукт буржуазно-реформистского мышления».

Не могло быть и никакой сделки между Неру и Ганди. Отклоняя это обвинение, Неру говорил: «...Мысль о том, что я мог бы предъявить ему (Ганди. — *Авт.*) ультиматум или торговаться с ним, кажется мне чудовищной. Мы можем принаравливать друг к другу или можем расходиться по какому-либо конкретному вопросу, но в наших взаимоотношениях никогда не может быть никаких базарных методов».

После долгих дебатов и мучительных сомнений Рабочий комитет ИНК принял решение делегировать на второй раунд «конференции круглого стола» в качестве единственного представителя Конгресса Ганди. Дело было в том, что несмотря на перемирие напряженность в стране все еще

оставалась, и Конгресс должен был постоянно находиться в состоянии мобилизационной готовности. Ганди ехал в Лондон не для того, чтобы вести там нескончаемые переговоры о частностях какой-то гипотетичной конституции для Индии, а для того, чтобы во всеуслышание заявить о позиции Конгресса. Если же совершится чудо и англичане вдруг согласятся рассмотреть требование о предоставлении Индии независимости, то, как было условлено, Ганди незамедлительно вызовет в Лондон других руководителей Конгресса. Но индийский вождь не ожидал каких-либо радикальных изменений в имперской политике Великобритании в то время.

Вскоре после заключения «пакта Ганди — Ирвина», в апреле 1931 года, новым вице-королем стал лорд Уиллингдон. Одно время он являлся губернатором провинции Бомбей, а затем с повышением был переведен в Канаду на пост генерал-губернатора. Теперь этот «заслуженный» колонизатор возвращался в Индию. С назначением Уиллингдона никто в Индии либерализации не ожидал: его знали как крутого администратора и жесткого человека.

Ирвин пригласил Ганди в Бомбей, где должна была состояться церемония передачи власти. Он хотел представить его своему преемнику. Сюда Ирвин прибыл специальным поездом, окрашенным в белый цвет с позолоченной отделкой. Следом за ним, как обычно в душном грязном вагоне третьего класса, приехал Ганди. На пышную церемонию смены вице-короля собрались лорды и леди, рыцари английского королевского двора, магараджи, раджи, князья, губернаторы провинций, высшие армейские и гражданские чины, индийская элита. Все они были одеты в парадные одежды, при орденах и регалиях.

Уиллингдон встретил Ганди довольно холодно, но все же пригласил его перед отъездом на конференцию в Лондон посетить летнюю резиденцию вице-короля в Симле. Ганди не обрадовал Уиллингдона, сказав ему, что будет настаивать в Лондоне на предоставлении Индии полной независимости и что ничем другим Конгресс не удовлетворится.

Махатма был очень обеспокоен сохранением перемирия в стране, которое было шатким и в любой момент могло смениться конфронтацией и взрывом. Поэтому он долго колебался — ехать или не ехать в Лондон. До самого последнего дня он обговаривал с вице-королем условия

своей поездки на конференцию. И только тогда, когда поезд с делегатами от всех других политических партий, индийских общин и княжеств уже был отправлен из Дели в Бомбей, Ганди дал свое окончательное согласие.

Дабы Ганди успел на пароход, отплывающий в Лондон, вице-королю пришлось выделить для него отдельный поезд и приостановить железнодорожное движение на пути Дели — Бомбей. После отплытия парохода от берегов Индии Уиллингдон с облегчением вздохнул: в отсутствие Ганди руководители Конгресса не посмеют самостоятельно предпринимать какие-либо существенные акции против правительства, и это обстоятельство представлялось вице-королю более надежной гарантией, чем подписанное соглашение о перемирии. Кроме того, Уиллингдону совсем не хотелось выглядеть виновным за срыв «конференции круглого стола» в случае отказа Ганди поехать в Лондон.

Итак, Ганди оказался на борту парохода «Мултана», отплывшего в конце августа 1931 года в Лондон. Он любил морские путешествия, считая, что они благотворно действуют на его здоровье. Целыми днями Бапу сидел прямо на дощатом полу палубы парохода и, окруженный любопытными пассажирами, вел с ними неторопливые беседы, шутил. Людям, знавшим его как некоего религиозного фанатика, интересно было услышать его понимание бога. «Мой бог находится не наверху. Он должен быть познан на земле., — пояснял Махатма. — Вам не следует думать о потустороннем мире. Если мы сможем выполнить свой долг здесь, потустороннее само позаботится о себе». «Истина — вот мой единственный бог». Эта истина, по убеждению Ганди, включает необходимость политической независимости для Индии.

В поездке в Европу Ганди сопровождала кипучая и неподражаемая Сароджини Найду, прославленная поэтесса и руководительница индийских женщин — борцов за свободу Индии. Жизнерадостная, с широкими взглядами на жизнь, умеющая получать от нее все земные удовольствия, Найду еще контрастнее оттеняла аскетизм вождя. Ей и загадочной Маделин Слейд, англичанке из богатой и знатной семьи, надлежало опекать Бапу и помогать ему преодолеть трудности европейского быта. Маделин Слейд, как уже известно читателю, давно оставила своих родителей в Лондоне и, приняв учение Ганди, проживала в его

обитатели. Теперь она приняла новое имя — Мирабаи. Смертельно бледная, с бритой наголо головой, в домо-
тканом грубом сари, чаще босая или в сандалиях, бесконечно преданная своему духовному отцу и наставнику, она готова была исполнить любое его поручение. И сейчас, плывя на родину, Мирабаи без колебаний заявляла изумленным корреспондентам, что, проведя в Индии шесть счастливых лет, не собирается возвращаться домой. «Моя прошлая жизнь в Англии — мертва и уже похоронена. Пусть так и будет. Я не имела желаний ехать в Лондон и совершаю это путешествие исключительно по просьбе Гандиджи». Мирабаи сказала, что в последний раз навестит свою мать леди Слейд и навсегда вернется в Индию.

Для многих поступок Мирабаи казался непостижимым: дочь потомственных аристократов, отказавшись от всех благ обеспеченной беззаботной жизни, целиком посвятила себя служению Индии, ее вождю. Такое у многих не укладывалось в сознании — молодая женщина вместо того, чтобы наслаждаться светскими радостями, блистать в изысканных салонах Лондона, вела тихую аскетичную жизнь в индийской глинобитной хижине, почитая за счастье ухаживать за чужеземным старцем. Другое дело Энни Безант, профессиональный политик, славе и яркой жизни которой могла бы позавидовать любая европейская женщина. Авторитетом она могла соперничать со многими индийскими лидерами.

В этой поездке Ганди сопровождал также его личный секретарь Махадев Десаи, человек удивительной трудоспособности. Он был просто незаменимым помощником Ганди. Уже на пути в Лондон, начиная с Марселя, наступили бешеные по своему ритму дни. Во Франции Ганди ожидали сотни телеграмм и писем, его непрерывно требовали к телефону, корреспонденты газет не давали ему покоя, в городской ратуше в его честь устраивался большой прием, на котором он должен был выступить с речью.

Европа встретила Ганди восторженно, с жадным интересом к бесстрашному «непротивленцу», смело бросившему дерзкий вызов английской короне. Однако были и такие, чей интерес к индийскому вождю частую оставался неудовлетворенным. Внешний облик Ганди разочаровывал и не внушал доверия чопорным европейцам. Для многих из них этот костлявый невзрачный индеец был политиче-

ской загадкой: как он, ничем не приметный, кроме своего оригинального одеяния, мог увлечь за собой огромную страну и заставить считаться с собой гордых и высокомерных правителей Великобритании? Это было выше понимания обывателей, и, несмотря на то что такие мыслители, как Ромен Роллан и Альберт Эйнштейн, уже тогда писали о величии Ганди, ханжескому невежеству еще оставалось место.

И вот Ганди в Лондоне. Англия переживала трудные времена. Спад производства, безработица, банкротство компаний, падение фунта стерлингов — все это ослабляло позиции лейбористского правительства перед консервативной оппозицией, выступавшей за проведение жесткого курса в отношении колоний, за счет которых консерваторы хотели облегчить экономический кризис, охвативший метрополию. Тем более было удивительно, что степенные, не падкие на сенсации англичане, избалованные визитами иностранных монархов, государственных и политических деятелей со всех континентов мира, устроили Ганди необыкновенно теплый прием. Все газеты на первых полосах пестрили аншлагами о прибытии Махатмы. Снимки индийского вождя, на которых он то заразительно, с детским восторгом, смеется, обнажая голые десны, то сосредоточенно думает, то, по-стариковски ссутулившись, шагает с посохом по лондонским улицам, заполнили прессу и напрочь вытеснили дворцовую фотохронику. Журналисты и фотокорреспонденты сутками подкарауливали его около дешевенькой гостиницы, расположенной в самом бедном рабочем районе города Ист-Энде. Предложение поселиться в одном из дворцов или в фешенебельной гостинице было им сразу же отвергнуто.

Прошло почти 45 лет с того времени, когда в 1887 году Ганди впервые приехал в Лондон. Тогда это был застенчивый, боязливый, никому не известный юноша, тщетно пытавшийся подладиться к чуждому ему образу жизни английской молодежи: он изучал юриспруденцию, безуспешно учился музыке и танцам, носил накрахмаленные манишки и галстук с булавкой, а на званые вечера надевал иногда смокинг с белой гвоздикой или даже фрак и цилиндр. И все равно попадал в забавные истории, часто становился объектом злых насмешек. Теперь — старый и беззубый, совсем не заботящийся о своей внешности, он был человеком с мировым именем. И когда он шел по знакомым с юнос-

ти лондонским улицам, зябко укрывая от осеннего холода свои костлявые плечи грубо связанной широченной шалью, люди узнавали и приветствовали его, почтительно уступали ему дорогу.

Внутриполитическая обстановка в Англии складывалась неблагоприятно для обсуждения «индийского вопроса», размышлял Ганди. Из-за сокращения заработной платы и ухудшения довольствия взбунтовались военные моряки Атлантического флота Великобритании, бастовали докеры, шахтеры, волновались безработные текстильщики Ланкашира. Центральный банк объявил, что страна уже израсходовала все предоставленные ей иностранные кредиты и займы. Правительство ликвидировало золотой стандарт фунта стерлингов и резко девальвировало его, нанеся тем самым непоправимый ущерб привязанной к фунту индийской денежной единице — рупии.

Началась правительственная чехарда. Филипп Сноуден, считавшийся левым лейбористом, ответственный за состояние финансов в правительстве, переметнулся в стан правых консерваторов. Чтобы как-то выйти из создавшегося политического кризиса, премьер-министр Макдональд заявил о создании «национального правительства», в которое вошли, помимо четырех лейбористов, четыре министра-консерватора и два министра от либеральной партии. Тогда лейбористское большинство в палате общин английского парламента объявило Макдональда предателем. Дело явно шло к роспуску парламента и досрочным выборам. В этих условиях «конференция круглого стола» становилась не более чем политическим фарсом, и Ганди хорошо осознавал это. Все же ему представлялось важным использовать трибуну конференции и свое пребывание в Англии для разъяснения позиции Индийского национального конгресса. Прежде чем начать новую кампанию гражданского неповиновения, надо было пройти эту стадию развития движения за независимость Индии. Индийцам надлежало на собственном политическом опыте убедиться, что свободы у метрополии Индия не выпросит, за нее надо бороться. К тому же для Ганди открывалась возможность в обстановке жестокого кризиса, охватившего Англию, раскрыть правду о том, что эксплуатация индийского народа не принесла английскому народу благополучия. Не лучше ли будет добровольное и эффективное сотрудничество двух свободных наций?

«Конференция круглого стола» торжественно открылась в большом зале Сент-Джеймского дворца. Приветствовали конференцию премьер-министр Макдональд и председательствовавший на ней лорд-канцлер Санкэй. Затем последовали верноподданнические и сладкоречивые выступления представителей индийских религиозных общин — отдельно от мусульман, индусов, сикхов, христиан Индии, «неприкасаемых», бомбейских парсов (выходцев из Персии), сотен «самостоятельных» индийских княжеств, от индийских промышленников и землевладельцев. Каждый из делегатов, лично отобранный вице-королем, гнул свою линию, отстаивал свои узкообщинные и классовые интересы, и, казалось, никого не волновала судьба Индии в целом. Точно хищные звери раздирали они на куски тело единой матери — Индии.

Английские лорды радовались. Грустно свернувшись в огромном кресле, молча сидел вождь Индии. Никаких интервью, никаких светских приемов — отказ на все приглашения. Махадев Десаи отвечает: у Ганди — день молчания, Махатме надо сосредоточиться, обдумать все не спеша.

Нервничает Черчилль: как же иначе — консерватор Болдуин становится заместителем лейбористского премьер-министра Макдональда, а его, заслуженного перед империей колониалиста, не включают в состав правительства. Империи грозит смертельная опасность, и Черчилль с присущей ему патетикой убеждает избирателей: господство Англии над Индией должно быть сохранено в существующей форме, какие-либо изменения в этой области грозят катастрофой как самой Англии, так и Индии. Вторя Черчиллю, индийские делегаты на конференции — богатейшие люди мира, религиозные экстремисты, всем довольные правители «самостоятельных» индийских княжеств и возвращенные Англией и обученные в США лидеры «неприкасаемых» — все в один голос славят мудрость и могущество Великобритании, возлагая единственную надежду на ее «материнскую опеку».

Долго молчавший Махатма наконец берет слово. «Индия до сего времени удерживается мечом, — говорит он. — Я не сомневаюсь в способности Великобритании и далее удерживать Индию в подчинении при помощи меча. Однако задумайтесь, что лучше — поработенная, но восставшая Индия или Индия как уважаемый партнер Великобри-

тании, готовая разделить с ней невзгоды и, сплотившись, встретить общую беду? Такая Индия, если потребуется, по своему свободному волеизъявлению сможет вести с Англией совместную борьбу не за эксплуатацию какой-либо из наций или каких-либо людей, а, как это и должно быть, — за благополучие всего человечества».

Слушавший речь Ганди журналист Ширер записывает в своем блокноте, что Ганди вовсе не святой, а искуснейший политик, хорошо знающий, чего и как следует добиваться в острой политической борьбе. Многие великие люди, отмечает он, не всегда могут так умело использовать открывающиеся перед ними возможности из-за неумения, например, совладать с разыгравшимися нервами или, скажем, из-за неспособности превозмочь усталость. Ганди же умеет владеть собой в совершенстве.

Ничуть не смущаясь столь высокой аудитории, Ганди говорит спокойно и убедительно. Он не похож на профессионального оратора, упивающегося красивыми высказываниями и афоризмами. И все же его речь покоряет людей духовностью и спокойной силой.

«Представьте наши две нации вместе... И я спрашиваю вас, — продолжает Махатма, обращаясь к премьер-министру и обводя взглядом переполненный зал, в котором собрались послушать его, помимо делегатов конференции, — министры и большинство членов парламента, — будь Индия свободной, полностью независимой, такой же независимой, какой является сейчас Великобритания, разве честное партнерство не было бы благотворным даже с точки зрения ваших внутренних дел?» Ганди затронул болезненные для англичан вопросы, и по рядам, точно в потревоженном пчелином улье, прокатился гул.

Индийский вождь подчеркивает, что он выступает от имени и по уполномочию Индийского национального конгресса, партии, представляющей всю Индию, независимо от религиозной и классовой принадлежности людей, и что он имеет полномочия не соглашаться на меньшее, чем на предоставление Индии полной независимости, то есть права контроля над вооруженными силами, самостоятельного ведения иностранных дел, распоряжения финансами страны.

Глядя на Макдональда и его заместителя от консерваторов Болдуина, Ганди говорит: «Было время, когда я гордился своей принадлежностью к Британии. Но вот уже

много лет я не признаю британского подданства. Я хочу быть не подданным империи, а гражданином содружества наций, которое основывалось бы на справедливом сотрудничестве, но не на превосходстве одной нации над другой».

Ганди заявляет, что его страна не пойдет ни на какое соглашение и отвергнет любую навязываемую ей конституцию, если независимой Индии не будет предоставлено право выйти из Британского содружества, когда только она этого пожелает. Это право принципиально важно для подлинно суверенной страны. Однако обладание этим правом, разумеется, не означает, что Индия непременно воспользуется им, поясняет Махатма.

Некоторые индийские делегаты, выступавшие до Ганди, обещали правительству Великобритании, что английский долг никогда не будет предъявлен Индией к оплате. Ганди возражает. «Нет, почему же? — говорит он. — Этот вопрос должен быть поднят уже сейчас. Народ Индии голодает, экономика страны разрушена». Он на память приводит десятки цифр и выкладок. Говорит, что, произвольно распоряжаясь индийскими финансами, Англия истратила миллиардные суммы на содержание своих войск и на ведение колониальных войн. Индия вправе потребовать возмещения нанесенного ей ущерба.

В отличие от других индийских делегатов, Ганди отказался давать клятву на верность английской короне. Повернувшись к председательствовавшему на конференции лорду Санкэю, он предложил британскому правительству честно «раскрыть свои карты за столом переговоров», и уже тогда он посмотрит, какую клятву ему давать и давать ли ее вообще. Ганди закончил свое выступление. На этот раз оратор не был награжден аплодисментами. После минуты напряженной тишины по залу прокатился возмущенный гул.

С неподдельно добродушной улыбкой прошел Ганди сквозь высокомерно-презрительные ряды разряженной знати. Он решает приложить все силы к тому, чтобы попытаться достичь хотя бы видимого единства индийских делегатов на конференции. Только сможет ли он преодолеть подрывную антинациональную позицию Ага Хана, индийского мультимиллионера, вокруг которого сплотились все князья и религиозные лидеры и которому открыто поют дифирамбы англичане? Разобщенность соотечествен-

ников больше всего угнетала Ганди; он испытывал горькое чувство стыда. Своекорыстием, узостью кастовых взглядов индийцы, казалось, оправдывали расистские высказывания Черчилля, что они еще не доросли до того уровня сознания, чтобы самостоятельно, без помощи Англии, управлять своей страной и защищать свои государственные интересы на международной арене.

Исходу деятельности «конференции круглого стола» правительство Макдональда придавало исключительно важное значение. Его дальнейшее пребывание у власти во многом зависело от того, удастся ли ему удовлетворить амбиции индийской элиты, собравшейся на совещание в Лондоне. Причем сделать это правительству предстояло, не поступаясь колониальными интересами Британской империи. Об интересах народа речи не шло. Торгово-финансовые монополии Англии и мысли не допускали о каком-либо снижении доходов от «индийского бизнеса». Напротив, обострение англо-германских противоречий и мирового соперничества требовало увеличения притока средств из колоний для финансирования новых программ по вооружению и военным приготовлениям.

В общем задача у Макдональда оказалась не из легких: надо было быть хорошим иллюзионистом, чтобы и «волки остались сыты, и овцы целы». Поначалу вроде бы все шло, как задумывалось: парад под девизом «счастливого пребывания Индии под покровительством британской короны» и демонстрация верноподданнических чувств индийской элиты королю. Но вдруг появился «фактор Ганди». С беззаботностью ребенка он сорвал одежды со лжи, рядившейся под правду. Все увидели, что старая колониальная империя еще крепче пыталась опутать Индию вязкой паутиной управленческих законов под видом новой конституции, «великодушно» написанной для индийцев в Лондоне.

В помещении второго рабочего кабинета премьер-министра Великобритании при палате общин проходило очередное обсуждение хода «конференции круглого стола». Протокол совещания ведется под грифом «совершенно секретно».

Макдональд, недовольный результатами конференции, в который раз призывал министров найти выход из создавшегося тупика.

— Должна же конференция принять согласованный

документ... Ну, хотя бы какую-то совместную резолюцию, — капризно начал он, не скрывая обиды на безынициативность своих коллег.

В ответ лорд-канцлер Санкэй стал распространяться на уже набившую всем оскомину тему о религиозно-общинных разногласиях в Индии, которые-де являются благом для укрепления британской власти в этой стране. Он заявил, что было бы неразумно объективно содействовать Ганди найти основу для единства между разрозненными силами Конгресса, Мусульманской лиги и другими индийскими партиями.

— Без согласия Ганди, иначе говоря Конгресса, который он представляет на конференции, любые прожекты по части нового федерального устройства и новых институтов самоуправления Индии были бы заведомо обречены на неудачу, — заметил министр по делам Индии Самуэль Хор и, подумав, добавил:

— Ганди своего согласия на изменение существующего статус-кво при наличии разногласий между общинами никогда не даст: не такой он простачок, как некоторые представляют его себе.

— Таких, видимо, уже не осталось, — вставил Макдональд.

— Даже Черчилль, и тот не думает о «полуголом факире», как прежде, — выкрикнул кто-то в поддержку премьер-министра.

— Однако если мы хотим продемонстрировать миру свою добрую волю в отношении Индии и успокоить лояльные к Британии силы в этой стране, — продолжал Хор, — надо на конференции принять заявление, в котором бы говорилось, что целью британского правительства является создание всеиндийской федерации. И то, как воспримет это заявление Ганди, большого значения иметь не будет... Любые политические издержки конференции должны быть списаны за счет неуступчивости и негибкой позиции Ганди, — настаивал министр.

И все-таки Макдональду очень хотелось, чтобы конференция ознаменовалась успехом, и поэтому он вновь возвращался к идее принятия конференцией согласованной резолюции.

— Такая резолюция представляется небезопасной, по крайней мере до того, как ее одобрит кабинет министров, хотя бы в черновом варианте. В противном случае имеет-

ся риск, что правительство публично свяжет себя обязательством, которое, возможно, оно не в состоянии будет выполнить, — размышлял Макдональд. — Таковую резолюцию следует подготовить и предложить в самых общих выражениях. Ее формулировки должны легко поддаваться возможным поправкам, которые будут внесены, если не в палате общин, то в палате лордов — непременно.

Ни Хор, ни лорд Санкэй, ни другие члены кабинета, видя, как осторожен премьер-министр и насколько он озабочен исходом конференции, не стали возражать ему. В этот момент, указывается в протоколе совещания, в кабинет премьер-министра вошел секретарь и передал ему срочную записку. Прочитав ее, Макдональд попросил извинения, что вынужден на несколько минут прервать совещание, и вышел. Вскоре он вернулся, размахивая листом бумаги.

— Что бы вы думали это такое? — спросил премьер-министр и сам же ответил: — Письмо Ганди. Послушайте, что он пишет: «Мне понятны те трудности, которые стоят на пути окончательного решения общинной проблемы на данном этапе. Поэтому я предлагаю руководствоваться временным и предварительным урегулированием общинного вопроса. Думаю, что до тех пор, пока не будет достигнуто приемлемое соглашение, самым практичным подходом к этой проблеме было бы оставить ее в том состоянии, как она есть, на основе уже существующих правовых положений. Если премьер-министр заявит, что временно, вплоть до выработки будущего соглашения, политика правительства по общинному вопросу будет основываться на действующем законодательстве, то я буду приветствовать такое заявление и окажу ему свою поддержку.

М. К. Ганди».

Ганди ясно давал понять, что Индия, получив независимость, сама решит общинный вопрос.

Обращение Махатмы Ганди к премьер-министру лишило правительство аргументов для мотивированного обвинения Конгресса и самого Ганди в умышленном срыве конференции.

После жаркой дискуссии по письму Ганди кабинет решил в заключительном заявлении премьер-министра по итогам конференции отразить две главные мысли: правительство Великобритании продолжит свои усилия по со-

зданию всеиндийской федерации, эта федерация будет «особого рода, и если индийцы сделают невозможным ее претворение в жизнь, ответственность за это целиком ляжет на индийскую сторону, а правительство Объединенного королевства будет считать свои обязательства выполненными».

Вот так-то: одной стороне, колонизаторам, нужны были для отвода глаз лишь разговоры о единстве индийских общин, а другой — Ганди — необходимо было их подлинное единство.

Ганди развивает кипучую деятельность среди членов индийской делегации. Он встречается с представителями религиозных общин, идет на значительные уступки делегатам от индийских меньшинств, в частности от мусульманских партий; пытается внушить лидеру «неприкасаемых» доктору Амбедкару мысль о том, что миллионы отверженных индийцев могут завоевать социальные и имущественные права вместе со всем индийским народом в единой борьбе за свободу Индии, а не на путях еще большей изоляции общины «неприкасаемых» от общенационального движения. Махатма страстно уверяет его, что не представляет себе независимую Индию без ликвидации такого позорного явления, каким является «неприкасаемость».

Ганди работает, как машина. Каждая минута на счету. На сон и отдых отводит не более четырех часов в сутки. В то же время — никакой суеты. Он достигает наивысшего рационализма в четкой организации труда и отдыха. На все деловые свидания он ходит пешком, это помогает ему поддерживать хорошую физическую форму и сохранять бодрость духа. Во время пеших переходов отлично думается.

На заседаниях конференции и в прессе стали раздаваться голоса: «По какому праву Ганди говорит от имени всей Индии?.. Он обладает всего лишь одним голосом!.. Ганди намерен сорвать конференцию!» Его обвиняли в максимализме и экстремизме, в националистическом эгоизме и вождизме. Ничего подобного, конечно, не было.

Как же действовали колонизаторы? А по старинке: «разделяй и властвуй». Английские консерваторы пригласили индийских мусульман, принимавших участие в конференции, на беседу в Вестминстерский дворец и там внушали им, что их будущее зависит от того, насколько

активно они будут поддерживать власть Англии в Индии. В противном случае, угрожали консерваторы, индуское большинство в стране возобладает над мусульманами. Организовавшие эту «дружескую» встречу члены парламента от консервативной партии лорд Ллойд Джордж и лорд Брентфорд не скупились на комплименты, говоря, что мусульмане, мол, являются «солью земли» и уж во всяком случае — «солью» Британской империи и, если мусульмане Индии останутся верными английской короне, они будут щедро вознаграждены.

Кстати, в один из дней Ганди тоже был приглашен выступить перед членами парламента и ответить на их вопросы. Ганди был потрясен тем, насколько члены парламента плохо знакомы с историей завоевания англичанами Индии и положением дел в стране, тем, с какой легкостью лейбористы, выдающие себя за защитников интересов рабочего класса, спокойно выслушивают наветы Черчилля на индийский народ, который будто бы не способен управлять своей страной. Заявление Ганди о том, что Индия завоеует независимость еще при его жизни, независимо от того, захочет этого Англия или нет, вызвало настоящий переполох среди членов парламента. Его обвинили в «легкомысленном», «невзвешенном» подходе к сложной проблеме, которая «вряд ли будет решена до конца века».

Крайности политических суждений Ганди, как считали некоторые государственные деятели в Лондоне, были якобы следствием его религиозного фанатизма. Они подкрепляли подобные измышления примерами абсолютно непонятных для англичан поступков Махатмы. Вспоминали случаи, когда Ганди, выступая в парламенте, вдруг попросил у присутствующих перерыва на несколько минут. Он покинул зал и в сопровождении Сароджини Найдуги и Маделин Слейд проследовал по коридору парламента. Найдя подходящее место, он снял сандалии, сел на корточки и, не обращая ни на кого внимания, начал совершать молебны. В помещении палаты общин английского парламента, словно в индуистском храме, отчетливо раздалось эхо исполняемых им гимнов из священных книг индузов. Такого в Вестминстерском дворце еще не было. Сотворив молитву, Махатма вернулся в зал и продолжал отвечать на вопросы.

Аудиенцию Ганди дал и сам король Великобритании Георг V. Англичане, которые, как известно, ревностно

сохраняют традиционный церемониал двора, упрекали Ганди в недостаточно уважительном отношении к милости суверена, пригласившего его на чашку чая. Индийский вождь даже не посчитал нужным сменить свое обычное одеяние и прямо в дхоти и сандалиях появился перед оскорбленным взором монарха. Перед визитом в Букингемский дворец кто-то предложил Ганди свой шелковый плащ со словами: «Прикройте вашу наготу». Махатма, широко улыбаясь, шутливо ответил: «На короле столько одежд, что нам хватит на двоих».

Ганди не желает часами просиживать на «конференции круглого стола» и выслушивать вздорные, трескучие речи, приводящие его в уныние. Он приходит к очень важному для себя выводу — одними переговорами независимость для Индии не завоевать. Ему наскучили чопорность дворцов лондонской знати, визиты вежливости, протокольные формальности и бесконечные приемы. Разве могли притворные улыбки и выпитые чашки чая в компании английских министров и даже самого короля устранить конфликт двух непримиримых сил? Оставив конференцию, он едет на три дня в Ланкашир для того, чтобы встретиться с безработными текстильщиками. Власти пытаются отговорить его от этой рискованной поездки, заявляя, что в противном случае они не могут ручаться за его безопасность. Официальные лица предупреждают Ганди, что рабочие крайне возбуждены и озлоблены на него за организацию бойкота английских тканей в Индии. Но он шутя отмахивается от увещаний властей, отвечая, что найдет общий язык с английскими рабочими, потому что им, как никому другому, понятна незавидная участь их индийских собратьев.

Дарвин, один из центров текстильной промышленности в Англии, встречает Махатму гостеприимно, хотя и без праздничного подъема: лица безработных угрюмы и безрадостны. На краснокирпичной закопченной стене текстильной фабрики висит плакат, на котором рукой рабочих написаны слова: «Мы приветствуем Ганди со всем дружелюбием, так как мы понимаем, что будущее Ланкашира и Индии зависит от мира и сотрудничества».

Махатма доволен: его слова услышаны и правильно восприняты английскими рабочими. Желая иметь работу для себя, они не хотят лишать ее индийских рабочих. «Безработица всегда и для всех тяжела, — говорит Ганди на митинге текстильщиков, — и моя жизнь посвящена тому,

чтобы ликвидировать ее. Однако я беспомощен сделать это без наличия свободного партнерства Англии и Индии». Он развивает мысль о том, что англо-индийское сотрудничество должно быть основано на уважении интересов обеих стран и на равноправной основе, что торговля и деловые отношения не могут процветать в условиях эксплуатации одной страны другой. Ганди объясняет рабочим, что не мог не призвать своих соотечественников бойкотировать английские товары в Индии, ибо дискриминационная политика английского правительства является причиной разорения его страны, причиной голода и смерти миллионов индийцев. Он сочувствует английским рабочим, понимает их страдания, но пока не может отменить бойкота их продукции в Индии. Индийские рабочие, говорит Ганди, испытывающие на себе колониальный гнет, живут еще хуже, еще больше страдают из-за безработицы, а если они и получают работу, то эксплуатируются несравненно сильнее. Он призывает и рабочих, и промышленников Ланкашира оказать влияние на свое правительство, чтобы оно отказалось от колониальной политики в отношении Индии и предоставило ей независимость. Свободная Индия будет гораздо лучшим торговым партнером Англии, чем она является сейчас.

Махатма с удовольствием посещает рабочие семьи, беседует и с предпринимателями. Знакомясь с текстильными фабриками Ланкашира, он поражен их допотопным оборудованием, даже более устаревшим, чем в Индии. В этом он видит причину неконкурентоспособности английских текстильных товаров на мировом рынке и желание предпринимателей, не обновляя основной капитал, иметь большую прибыль.

«Конференция круглого стола» закончила свою работу. Она длилась с 7 сентября по 1 декабря 1931 г., так и не выработав приемлемого согласованного решения. Английский парламент был распущен, началась предвыборная кампания. К власти уверенно шли консерваторы.

Вину за провал работы конференции английское правительство попыталось целиком свалить на Ганди. Лорд Бивербрук в статье «Банкротство Ганди», помещенной в консервативной газете «Санди экспресс», писал: «Ганди в Англии не поняли. Получив рекламу, которой могла бы позавидовать любая кинозвезда, он, однако, потерпел полное поражение в деле решения проблем Индии. Тем не

менее он достиг очень многого: ему уже на второй-третий день удалось расколоть конференцию и растерять остаток своего престижа». Редактор «Обсервер» Дж. Л. Гарвин называл требование Ганди о предоставлении Индии независимости «несбыточным сном». «Если позиции Великобритании в Индии когда-либо будут ослаблены, — предостерегал Гарвин, — то там наступит еще большая анархия, чем в Китае».

Перед тем как покинуть Лондон, Ганди заявил журналистам: «Я говорю с глубокой горечью и оскорбленным чувством. Однако моя неудача вовсе не означает моего полного поражения. Такого слова в моем словаре не существует». Больше всего, по признанию Махатмы, его расстроили общинно-религиозные разногласия самих индийских делегатов на «конференции круглого стола». Но все равно он оставался настроенным оптимистически. «У меня нет ни тени сомнения, — заявил он журналистам, — что айсберг общинных распрей растопится в лучах солнца свободы».

Итак, конференция завершилась полным провалом. «Это было пестрое собрание. Большинство делегатов представляло лишь самих себя., — писал о «конференции круглого стола» Джавахарлал Неру. — Вполне естественно, что на этом сборище представителей привилегированных кругов — империалистических, феодальных, финансовых, промышленных, религиозных, общинных — руководство делегацией Британской Индии обычно выпадало на долю Ага Хана, который в известной степени воплощал в своем лице все их интересы. Тесно связанный на протяжении жизни целого поколения с английским империализмом и английским правящим классом, живя главным образом в Англии, он вполне мог оценить и представлять интересы и точку зрения наших правителей... Вся ирония заключалась в том, что считалось, будто он представляет Индию».

Затейная колонизаторами «конференция круглого стола» была политическим фарсом, рассчитанным на соглашательство индийской элиты. Ее провал был предreshен задолго до начала. Индийский народ к этой конференции не имел никакого касательства. Разве только в том смысле, что она была задумана для его обмана. Главной целью конференции правящие круги Великобритании ставили разобщение национально-освободительного движения в Ин-

дии и стремились показать невозможность достижения согласия индийских общин, а потому и нереальность создания независимой, единой и целостной Индии. Однако народ Индии видел иную историческую перспективу для своей страны и продвигался к национальной свободе не по лондонским сценариям.

Тем временем министр по делам Индии представил кабинету тревожную записку: обстановка в Бенгалии становится с каждым днем все опаснее. «Террористическая кампания, — докладывал он, — направлена против всех официальных лиц. Опасности подвергаются, например, служащие по сбору налога во время исполнения ими своего долга». Министр сообщал также, что губернатор Бенгалии прислал ему телеграмму с просьбой задержать возвращение из отпуска начальника бенгальской полиции сэра Чарльза Тегарта, поскольку он-де непременно будет убит.

Обсудив записку, английский кабинет единодушно одобрил предложение губернатора Бенгалии, согласованное с центральным правительством Индии, о немедленном введении в силу специального приказа о чрезвычайных мерах: по всей Бенгалии, в частности, учреждались особые трибуналы, которые могли действовать без оглядки на уголовное законодательство и судебные процедуры, а также расширялась практика вынесения смертных приговоров лицам, подозреваемым в подготовке террористических актов.

Слухи о насилиях в Бенгалии дошли и до Махатмы Ганди. Он решил как можно скорее вернуться на родину, хотя и не отказался от прежнего намерения задержаться на несколько дней в Европе.

Во Франции, Швейцарии и Италии он мог видеть, как в континентальной Европе начала распространяться эпидемия «коричневой чумы» — фашизма, как росло недоверие держав друг к другу, как начиналась военная истерия и гонка вооружений. Ганди убеждается в правоте слов Джавахарлала Неру, который говорил, что «английская политика была почти неизменно профашистской и пронацистской, и трудно было поверить, что она может в один прекрасный день измениться и провозгласить защиту свободы и демократии. Англия упорно продолжала держаться своих основных империалистических воззрений, стремилась сохранить свою империю, она также остава-

лась глубоко враждебной к России и ко всему тому, что Россия собой олицетворяла. Однако становилось все более очевидным, что, несмотря на все желания умиротворить Гитлера, он превращался в господствующую силу в Европе, которая полностью нарушала прежнее равновесие сил и угрожала жизненным интересам Британской империи».

Махатму угнетала мысль о неизбежности новой мировой войны. «Мир смертельно болен от жажды крови, — повторяет он всюду перед толпами встречавших его европейцев. — Мир ищет выхода из этой беды. Я смею думать, что уникальный метод Индии — ненасилие — может указать странам выход из ужасов войны». Так рождалась у него идея о необходимости отказа стран от применения силы для решения международных проблем, которую позднее независимая Индия воплотит в государственном принципе своей внешней политики.

Долгий и сердечный разговор состоялся у Ганди с Роменом Ролланом. Они говорили о пацифистском движении, об угрозе войны, о ненасилии; конечно, о боге. «Бог — не какая-то личность, — разъяснял Махатма свой взгляд писателю, который был атеистом. — Бог является нашим внутренним принципом. Вот почему я говорю, что Истина и есть Бог».

В Риме произошла встреча Ганди с Муссолини. Беседы не получилось. Уже через несколько минут индийский вождь с необычной для него холодностью распрощался с итальянским диктатором. Но и этой короткой встречи для итальянских фашистов было достаточно, чтобы обогатить Ганди, будто бы он вел в Риме зондаж о возможных совместных действиях против Англии. Ганди пожалел, что согласился на встречу с Муссолини. Зато теперь он на личном опыте узнал, что провокация — это инструмент фашистской политики.

Ганди попросил аудиенции у папы римского, но тот отказал ему в просьбе как иноверцу. Он все же посетил Ватикан как паломник и восторгался великолепием собора св. Петра, с благоговением любовался Сикстинской капеллой, скульптурами и фресками Микеланджело, картинами Рафаэля. Однако он признавался, что в искусстве разбирается слабо. Красота архитектурных ансамблей у него ассоциировалась с кровью и потом обездоленных, лишенных земной радости людей, трудом которых создава-

лись все эти соборы и произведения искусства. Так он относился и к жемчужине индийского зодчества беломраморному Тадж-Махалу, который по праву называют «застывшим в камне сном». Больше ценил Ганди естественную красоту природы. С замиранием сердца и слезами восторга он вглядывался в звездное небо, наблюдал, как спокойно катит свои воды в океан Ганг, радовался свежевспаханному крестьянскому полю.

Махатму неодолимо тянуло поскорее вернуться на родину. Его сердце жаждало биться в едином порыве с сердцем индийского народа.

Глава девятая

Возвращение. Тюрьмы. Голодовки. Ганди и Неру.

Бапу и его парадоксальность

И вот Ганди вновь на родной земле. Поездка в Англию породила грусть и разочарование, но не ослабила веры и воли к победе.

В Бомбей он прибыл 28 декабря 1931 г. Долгожданного Бапу встречали тысячи собравшихся людей. Всюду возникали стихийные митинги. Встревоженные власти спешно принимали меры: воинские части приводились в боевую готовность, усиленные полицейские наряды устрашали возбужденные толпы народа. Никто не был безучастен к миссии Ганди в имперскую столицу. Какие новости привез вождь из-за океана? Одно знали индийцы: мишурный блеск английского трона не был способен ослепить их горячо любимого Бапу, как все могущество империи не было способно сломить его волю.

«Я вернулся с пустыми руками. Но я не поступил с честью своей страны», — сказал Ганди соотечественникам, внимавшим каждому его слову. Но не разочарование, а энтузиазм вызвало это признание вождя. Сотни тысяч индийцев, собравшихся на митинге в Бомбее, понимали, что у колонизаторов свободы не выпросить, что за свободу надо бороться, самим отстаивать честь своей родины, как отстаивает ее их Бапу.

Обстановка в Индии накалялась день ото дня. Чувствовалось, что перемирию и дискуссиям пришел конец. Игра в перетягивание каната, навязанная англичанами, завершилась в пользу правительства, которое с самого начала повело себя нечестно и бессовестно нарушало правила политического состязания. Колонизаторы рассуждали

как обычно: «Сила есть — мораль излишня». К тому же Ганди — этот чудаковатый, непостижимый их пониманию «добренький простак» — не оправдал надежд Лондона и оставил о себе в высших сферах самое неблагоприятное впечатление: упрям, несговорчив. «Бестолковый» Ганди отверг попытки Лондона навязать Индии обновленное колониальное рабство. Черчилль наотрез отказался встретиться с вожаком «туземных бунтарей», считая беседу с Ганди для себя унижением.

Став помехой в осуществлении английского плана разобщения Индии, Ганди был избран объектом клеветы и травли. Индийские либералы повели против Ганди открытую атаку. Поползли слухи о якобы имевшем место в Конгрессе заговоре против него. Английский журналист Г. Болтон в книге «Трагедия Ганди» утверждал, что конгрессистские лидеры будто бы замыслили изгнать своего вождя из Конгресса. Правда, при этом Болтон не без основания предсказал, что, «изгнав Ганди, Конгресс, по всей вероятности, изгнал бы половину своих членов, а именно эту половину проанглийские партии хотели привести в свой лагерь». В самом деле «имело смысл привлечь на свою сторону «бестолкового» вождя, если он мог привести с собой миллион «бестолковых» последователей».

Но это были лишь домыслы и разговоры. Никто не собирался изгонять Ганди из Конгресса. Его позиция в отношении Конгресса была такая: временами он стоял к нему ближе и даже возглавлял его, временами по своим соображениям он отдалялся от него, но все равно влиял на его деятельность. Авторитет Ганди в партии всегда оставался незыблемым. Именно он и никто другой по своему усмотрению выдвигал председателей Конгресса, его секретарей. Его мнение и слово как идейного вождя партии значило больше, чем решения руководящих органов ИНК. Хотя в ИНК, как во всякой буржуазной партии, были левые, правые и центр, а некоторые руководители не соглашались и возражали Ганди, ни у кого из них не появлялось и мысли, тем более смелости, интриговать против него, сместить его.

«Бестолков Ганди или нет — об этом мы можем предоставить судить нашим друзьям-либералам, — писал по этому поводу Джавахарлал Неру. — Несомненно, что проводимая им политика является иногда метафизической и трудна для понимания. Но он показал себя человеком

действия, человеком замечательного мужества, умеющим выполнять свои обязательства; если «бестолковость» дает такие практические результаты, то, быть может, ее не без успеха можно сравнить с «практической политикой», которая начинается и кончается в кабинете и в избранных кругах. Конечно, миллионы его последователей были «бестолковыми». Они ничего не знали о политике и конституциях; они могли думать лишь о своих материальных нуждах, о пище, крове, одежде и земле.

Джавахарлал Неру и другие сподвижники Ганди, спешившие повидать его после поездки в Европу и обсудить с ним складывающуюся в Индии политическую обстановку, были арестованы уже по дороге в Бомбей.

Хотя ненасилие, облеченное Ганди в форму сатьяграхи, перестало быть для колонизаторов эфемерной угрозой, лорд Уиллингдон продолжал по-солдатски высмеивать тех осмотрительных министров, которые, предостерегая его, убеждали в том, что гандистская сатьяграха способна довольно успешно противостоять усилиям армии и полиции, парализовать работу всего государственного механизма с его судами и тюрьмами, фискальными и торгово-экономическими органами. «Разве юродивое ненасилие — орудие блаженных пророков может соперничать с решительным действием солдата, для которого венец всякой морали — выполнение приказа?» — вопрошал вице-король подобно древнегреческому ритору. Некоторые сановники из его свиты пытались возражать ему, говоря, что гандистское ненасилие — это тоже специфическая форма принуждения, используемая миллионами подданных против неугодного им государства и его законов. Возражения, однако, не возымели никакого действия на Уиллингдона. Бездарный, заурядный человек, как верховный колонизатор в Индии он был на своем месте: душить и карать он умел. Колебаний и сомнений по этому поводу у него не возникало. Его крутой нрав вполне соответствовал требованиям Лондона, взявшего жесткий курс на подавление национально-освободительного движения в Индии. В Бенгалии, в Северо-Западном пограничном районе и в Соединенных провинциях страны было введено чрезвычайное положение. Вице-король без обиняков заявил о своем намерении раздавить Конгресс.

Ганди пытается получить аудиенцию у лорда Уиллингдона, но тщетно: вице-король не желает обсуждать с ним свои действия. Театрализованное представление англий-

ского правительства, разыгранное для достижения «соглашения» с силами индийского национально-освободительного движения, сменилось драматической развязкой — карательными акциями в невиданных масштабах, расстрелами демонстрантов, публичными порками непокорных. «Правительство бесстыдно нарушило Делийский пакт..., — заявляет Ганди. — Нация должна ответить на этот вызов». Он одобряет решение Рабочего комитета Конгресса возобновить кампанию гражданского неповиновения и призывает свободные народы мира и их правительства проявить солидарность с борющейся Индией.

На следующий день, 4 января 1932 г., в три часа утра (чтобы не вызвать массовых беспорядков) власти арестовывают Ганди и заключают в тюрьму. Губернатор Бомбея сэр Фредерик настаивал перед правительством Индии на депортации Ганди из Индии на Андаманские острова или в Аден, но вице-король все же не решился на эту меру, опасаясь еще большего взрыва народного возмущения в стране. Ганди шутит по поводу «милостивого» внимания к нему со стороны британской короны: совсем еще недавно он был гостем короля Англии в Букингемском дворце, пивал с ним ароматные цветочные чаи, собранные на плантациях Индии, — и вот теперь он стал гостем его величества вице-короля в центральной тюрьме близ Пуны. В тюрьме Ганди посещает министр внутренних дел бомбейского правительства Томас. Он уговаривает его хотя бы частично одобрить новую конституцию для Индии. «Почему бы вам не принять на сегодняшний день половину булки?» — спрашивает он Ганди. А тот в ответ говорит: «Может быть, я и сделал бы это, будь это хлебом, а не камнем».

Лорд Уиллингдон не мешкает. В течение суток за решеткой оказываются все члены Рабочего комитета Конгресса. Аресты осуществлялись в рождественские праздники, и Ганди иронизировал по адресу набожного индийского владыки: «Я воспринимаю их (аресты. — Авт.) как подарки от лорда Уиллингдона, нашего вице-короля, христианина. Ведь существуют традиции обмениваться в рождество приветствиями и подарками».

По твердому убеждению Уиллингдона, Восток говорит о ненасилии, но понимает только силу. Поэтому издаются указы, которые предоставляют карательным органам не-

ограниченные полномочия. По всей Индии объявляется своего рода осадное положение.

13 января 1932 г. состоялось заседание кабинета министров. В секретном протоколе заседания значится один вопрос: «Обстановка в Индии». Обсуждается меморандум министра по делам Индии сэра Самуэля Хора. Министр не скрывает своей озабоченности возможными последствиями в связи с массовыми арестами в Индии. В тюрьмах оказалось слишком много, как он говорит, «незначительных» людей, не представляющих собой реальной угрозы властям. Крайние меры, по его мнению, могут вызвать обратный эффект, и тогда усилия правительства восстановить закон и порядок в стране окажутся тщетными. Хор сообщил кабинету, что он ведет по этому вопросу интенсивную переписку с вице-королем. Важно сейчас, полагает министр, обуздать местную прессу, которая все чаще стала критиковать правительственные репрессии в Индии.

На заседании кабинета не был обойден и вопрос об аресте Ганди. Хор пояснил, что к Ганди был применен вердикт вековой давности — 1818 года, известный в юриспруденции как указ «о достаточных основаниях». Чем больше непонятного и загадочного в мотивах ареста, тем лучше. Узнику, по словам министра, созданы улучшенные условия содержания. Ему разрешены свидания. Однако Ганди было четко разъяснено, что в случае, если он при встрече со своими друзьями будет по-прежнему склонять их к неподчинению властям, все данные ему привилегии будут отменены.

— Что же, — заключил премьер-министр Макдональд, — лучше сэра Самуэля Хора обстановку в Индии никто не знает, ему виднее, как надо действовать в столь критическое время в этой стране.

Выступая в парламенте Англии, Самуэль Хор от имени правительства заявляет: «Я признаю, что одобренные нами указы весьма крутые и суровые. Они охватывают почти все стороны индийской жизни». Главный распорядитель по делам Индии в английском правительстве успокоил своих коллег в парламенте, сказав, что хотя «собаки и лают, караван продолжает идти своим путем». Но «собакам», как позднее писал Джавахарлал Неру, было трудно лаять — они были в тюрьмах и на них были надеты намордники.

Тюремные фургоны — «черные Мари» — беспрерывно

сновали по улицам индийских городов. В результате крупномасштабной полицейской акции вскоре за решеткой оказались 90 тысяч одних только конгрессистов. Индийский национальный конгресс и примыкавшие к нему сочувствующие или просто прогрессивные организации — рабочие, крестьянские, женские, молодежные — объявлялись «неконституционными». В стране вводилась строжайшая цензура. Только одно упоминание в газете фамилии арестованного или осужденного, тем более выражение ему симпатии, расценивалось как уголовно наказуемое деяние. В который раз над индийским народом учинялась беспощадная расправа, вопреки общечеловеческой морали и вопреки буржуазно-демократическим законам, которыми так кичилась Англия. Индийских патриотов ожидали борьба, страдания, новые бесчисленные жертвы. Но народ Индии и его вождь Ганди, осознавая их неотвратимость, верили в неизбежность своей победы.

Снова, как и прежде, наряду с прямой физической расправой над лучшими сынами Индии, в стране была развязана отвратительная по своему лицемерию кампания по поводу «антинародности» Конгресса и его «ужасных пороков». Власти ставили задачу развенчать Конгресс еще и идеологически, лишить его социальной основы, отпугнув от него колеблющуюся буржуазию и либеральных землевладельцев. Восхваляя «добрые» традиции, прославляя «мудрое» демократическое правительство (то, которое отдает приказы о массовых расстрелах), английская пресса обвиняла Конгресс в насилии и в навязывании народу своей диктатуры. В одном хоре с колонизаторами звучали и голоса представителей индийской верхушки. «Должностные лица всех рангов громко провозглашали свою добродетель и миролюбие и кричали о том, сколь греховен и непримирим Конгресс. Они заявляли, что стоят за демократию, в то время как Конгресс отдает предпочтение диктатуре... В своем энтузиазме эти поборники правого дела забывали о таких пустяках, как указы, подавление всех свобод, о намордниках, надетых на газеты и типографии, о людях, брошенных без суда в тюрьмы... Забывали они и о характере английского владычества в Индии. Министры (наши соотечественники), — писал об этом периоде Джавахарлал Неру, — красноречиво расписывали, как конгрессисты «оттачивают свои топоры» (в тюрьме), в то время как сами они трудятся на благо общества...»

Несмотря на репрессии, антиконгрессиистскую и антинациональную шумиху, развитие политической обстановки в Индии в 1930—1931 годах характеризовалось назреванием революционной ситуации: в различных провинциях продолжались активные выступления индийских किसानов — крестьян, отказывавшихся платить налоги правительству и помещикам. Начались восстания в Кашмире, Алворе и других княжествах страны.

Английское правительство стремилось расколоть общенациональное движение за независимость Индии. В усилении сепаратистских настроений среди многочисленных больших и мелких княжеств, в углублении общинно-религиозных распрей колонизаторы видели единственное средство удержать свое господство в Индии. В Дели прибыли английские эмиссары — участники «конференции круглого стола». После консультаций с лидерами индийских общинных партий, представляющих религиозные и другие меньшинства, они подготовили, а английское правительство Макдональда одобрило закон об общинном представительстве в так называемых индийских законодательных органах. Религиозная разобщенность индийцев теперь переносилась в сами «органы власти», и, таким образом, соперничество, недоверие и прямая вражда между индусами и мусульманами, другими общинами получали освящение законом.

Поскольку Ганди ни до, ни после конференции в Лондоне не удалось достичь соглашения о единстве действий с Мусульманской лигой, что сразу позволило бы создать широкий фронт против колонизаторов, он решает дать им бой на другом фланге. В ответ на раскольнические действия властей он публично заявляет, что обрекает себя на мученичество, чтобы воспрепятствовать осуществлению английского замысла противопоставить «кастовых индусов» «неприкасаемым» — беднейшим и самым бесправным слоям индийского общества. О своем решении Ганди предварительно уведомил премьер-министра Англии Макдональда, послав ему из тюрьмы несколько телеграмм. Тот просто отмахнулся от тревожного крика души из далекой индийской тюрьмы. В сентябре 1932 года Индию облетело известие: Ганди объявил голодовку и решил обречь себя на голодную смерть в случае, если закон о предоставлении «неприкасаемым» отдельной избирательной курии не будет отменен. Общинный закон, введенный англичанами,

увековечил изоляцию миллионов «неприкасаемых», противопоставив их остальным индусам.

Многие конгрессисты не понимали этого поступка Ганди: как он, вождь всего движения, ставивший перед собой великую историческую цель, пошел на крайнюю меру во имя решения незначительной проблемы — вопроса о порядке участия «неприкасаемых» в выборах своих депутатов в бутфорские законодательные собрания? Разве это причина, чтобы на карту поставить все и таким образом сказать свое последнее слово? Неужели высокие идеалы свободы могут быть сведены к такой частности и не было ли в решении Бапу молчаливого признания правительственного плана углубить различия в индийской общине? Такие вопросы рождались в умах опытных политиков-профессионалов. Джавахарлала Неру огорчал религиозный и сентиментальный подход Ганди к большой политике, к судьбам освободительного движения, перенос личного на общественное. Но Ганди не был рационалистом, как большинство политических деятелей. Он не считал разум единственным источником познания, чувственный опыт, интуиция часто брали у него верх над рассудочным отношением к жизни. Ганди обладал способностью объединять чувства и мысли всех угнетенных индийцев, в особенности крестьян. Он оставлял за каждым крестьянином свободу думать закоснелыми категориями, оторванными от действительности его вековой отсталостью, с присущим ему частнособственническим индивидуализмом. И все же крестьяне объединялись, скажем, через те же приверженность к гандистской прялке и бойкот английских товаров, становясь тем самым активными участниками антиколониального и антиимпериалистического движения.

На все мольбы соратников и друзей не начинать голодовку Ганди твердо отвечает, что для него ликвидация позорной системы «неприкасаемости» является неразрывной частью независимости и что его жертвенная смерть только укрепит индийский национализм и приблизит Индию к свободе.

20 сентября Ганди, очнувшись в половине третьего утра от забытья, почувствовал острую потребность посоветоваться с Тагором, великим независимым духом и разумом Индии. Пожалуй, он один мог сказать Ганди всю правду в глаза. Как бы ни были иногда суровы и горьки для Ганди слова Тагора, он воспринимал их с искренней

благодарностью, ибо знал, что они всегда были в устах поэта криком обнаженного сердца и дружеским откровением.

И вот сейчас в трагическую для себя минуту жизни Ганди написал поэту письмо, испрашивая у него благословения или осуждения своего поступка. Тагор тут же телеграфировал ему: «Ради единства Индии и ее общественной целостности драгоценная жизнь стоит того, чтобы принести ее в жертву... Я горячо надеюсь, что мы не останемся бессердечными, чтобы допустить свершиться такой национальной трагедии. Наши скорбящие сердца разделяют вашу возвышенную епитимью с благоговением и любовью».

В день получения ответа от Рабиндраната Тагора Махатма Ганди начал голодовку. Вместе с Бапу в знак солидарности с ним 24-часовую голодовку объявили несколько миллионов индийцев. По всей стране индийцы, собравшись группами, исполняли траурные национальные песни, в тысячах индуистских храмов служили молитвы — вся Индия страдала вместе с отцом нации.

Тагор, обращаясь к студентам созданного им народного университета в Шантиникетоне, сказал: «Епитимья, которую Махатмаджи наложил на себя, не какой-то ритуал, его страдание является призывом ко всей Индии и ко всему миру... Махатмаджи постоянно указывал на пагубность разобщения нашей страны... Против глубоко укоренившейся в нашем обществе моральной слабости и выступил Махатмаджи со своим последним словом». Поэт, как его просто называла вся Индия, публично бросил стране укор, что если ничего не будет сделано для спасения жизни Ганди, то «каждый индус окажется его убийцей».

Голодовка Ганди, проводимая в центральной тюрьме Йервада, длилась уже пять дней. И хотя он привык к частым постам и очень умеренному питанию, состояние его здоровья на этот раз быстро ухудшалось, и врачи опасались за его жизнь. Гипертонические кризы резко сменялись полным упадком сил. «Смерть может наступить в любой момент», — заключили тюремные врачи, тщательно осмотрев Ганди. По их совету Ганди перенесли из камеры в тюремный двор. Сароджини Найдю, находившейся в это время в женском отделении тюрьмы, разрешили ухаживать за больным. Глядя на тяжелое состояние своего друга, она уже не осмеливалась, как обычно, с теплой шуткой называть его за большие уши «Микки Маусом». Бапу

очень любил, когда его так называла Найдю, и лицо его расплывалось всегда в добродушной улыбке.

В эти дни Джавахарлал Неру, находясь в тюрьме, писал дочери Индире, которая училась в школе близ Пуны: «Я совершенно потрясен и не знаю, как быть. До меня дошли вести, ужасные вести, что Бапу решил уморить себя голодом. Мой маленький мир, в котором он занимает такое большое место, колеблется, дрожит и рушится; кажется, повсюду воцарились мрак и пустота... Неужели я его больше не увижу? И к кому же я пойду, когда меня будут одолевать сомнения и я буду нуждаться в мудром совете или, если я буду огорчен, опечален и мне понадобится утешение чуткого, любящего друга? Что мы все будем делать, когда не станет нашего любимого вождя, который вдохновлял и вел нас?...

Печаль и слезы — плохие спутники в этом мире, — продолжал письмо Неру. — «Слез пролито больше, чем в Великом океане воды», — сказал Будда, и слез будет пролито еще больше, прежде чем в этом несчастном мире установится справедливость. Наша задача все еще стоит перед нами, великое дело призывает нас, и для нас, и для тех, кто последует за нами, не может быть передышки, пока мы не завершим этого дела...»

Юную Индиру глубоко тронуло печальное письмо отца. Она не раз встречала Бапу в доме родителей и, забираясь к нему на колени, внимательно слушала интересные истории из жизни индийских богов. Ей нравилось, как сердечно говорил Бапу с ее отцом, как они вместе от всей души над чем-то смеялись, как заботливо относился Бапу к ее больной матери. Она решила добиться свидания с Махатмой — написала заявление тюремным властям и добилась своего. Как дочери Неру — друга и соратника Ганди — ей разрешили вместе с ее двумя младшими племянниками посетить голодающего узника.

Бапу лежал на плетеном топчане в маленьком тюремном дворике. Его лицо было спокойно, казалось, он полностью отчужден от окружающего мира. Спит, подумала Индира. Но через полуопущенные отяжелевшие веки Ганди сразу же заметил дорогую гостью и широко заулыбался.

— Какой подарок старику! — тихо произнес он. — Я так рад видеть вас, дети. Ты хорошо выглядишь, Инда. Поправились. Подойдите ко мне поближе, дети, чтобы я

мог лучше разглядеть вас. О, как, должно быть, скучает по тебе отец, девочка!

Бапу, ловко уклонившись от разговора о себе, засыпал гостью вопросами: как отец, часто ли и о чем пишет, как здоровье матери, что говорят врачи, как учеба, какие планы на будущее? Университет Тагора. Прекрасно!

Короткие минуты свидания пролетели незаметно. Прощаясь, Бапу обещал Индире обязательно уведомить ее отца об их счастливой встрече.

В тот же день Ганди продиктовал телеграмму: «В течение всех этих дней страданий вы стоите перед моим мысленным взором. Очень хочу знать ваше мнение. Вы знаете, как я ценю вас. Видел Инду и детей Сварупы. У Инды счастливый и вполне здоровый вид. Чувствую себя очень хорошо. Телеграфируйте ответ. Шлю свою любовь».

Письма вождь мог и не дожидаться, поэтому, желая, чтобы весточка от любимого ученика застала его в живых, просил Неру ответить телеграммой.

Махатма страдал не от самой угрозы смерти — от сомнения, добьется ли он какого-либо результата своей голодовкой, и хотел знать мнение Неру, который всегда напрямую говорил ему, что всякое отвлечение национальных сил (особенно по религиозным мотивам) от основной цели борьбы крайне прискорбно.

Неру было приятно узнать о свидании Индиры с Бапу. Он высоко ценил то, что вождь никогда не забывал о так называемых мелочах жизни, которые в действительности значат так много, — качество, присущее подлинно великим людям.

Правительство, заинтересованное в том, чтобы притушить накал страстей, вызванный повсюду в стране голодовкой Ганди, сделало гуманный жест — «любезно» позволило двум лидерам обмениваться телеграммами. Неру ответил:

«Ваша телеграмма и краткие известия о том, что достигнутое какое-то урегулирование, доставили мне облегчение и радость. Первые известия о принятом вами решении объявить голодовку вызвали душевное страдание и смутение, но в конечном счете оптимизм восторжествовал, и я вновь обрел душевный мир. Никакая жертва не является слишком большой, если она принесена ради угнетенных, обездоленных каст. О свободе нужно судить по степени

свободы самых низших, но я опасаюсь, как бы другие проблемы не отодвинули на задний план единственную цель. Не могу судить об этом с религиозной точки зрения. Опасаюсь, что ваши методы могут быть использованы другими; но как я могу брать на себя смелость давать советы волшебнику. Шлю свою любовь».

К месту заключения Ганди потянулись со всех концов страны виднейшие национальные деятели, которые еще находились на свободе: Патель, Махадев Десаи, Раджендра Прасад, Сапру, лидеры «неприкасаемых» — доктор Амбедкар и доктор Соланки, крупнейший промышленник Индии Бирла; приехал и Рабиндранат Тагор. Кастурбай была переведена из тюрьмы в Сабармати, где она отбывала заключение, в тюрьму к мужу.

Все лицемерные «поблажки» для голодающего узника делались по прямому указанию кабинета министров в Лондоне: колонизаторам непременно хотелось прослыть гуманистами. Смерть Ганди, разумеется, их не волновала, они просто хотели бы быть к ней непричастными. Втайне они даже желали того, чтобы непокорный индийский вождь поскорее избавил их от необходимости постоянно считаться с его гипнотической популярностью в народе. Пусть он пожертвует своей жизнью из-за несогласия со своими соотечественниками ради упразднения вековой системы неприкасаемости в Индии. В конечном счете всегда можно сослаться на то, что это дело самих индусов, англичане-де здесь ни при чем.

В Пуне спешно начались лихорадочные переговоры между лидерами кастовых индийских общин и руководителем всеиндийской организации «неприкасаемых» индусов Амбедкаром. Амбедкар получил образование в Соединенных Штатах Америки. В Индию он вернулся, усвоив без всякого разбора путаные «демократические» идеи Нового Света. Шумный и резкий в общении, он походил на провинциального американца. Как бы там ни было, в Индии он вскоре прослыл выдающимся адвокатом и лидером «неприкасаемых», к которым по рождению принадлежал сам. Еще от деда и своих родителей Амбедкар впитал накопленную в течение трех тысяч лет горечь и ненависть отверженных обществом людей. «Неприкасаемым», индусам по вере, не дозволялось посещать индуистские храмы, они не могли пить воду из одного источника с кастовыми индусами, даже находиться рядом с ними; чтобы не оск-

вернуть своим прикосновением других людей, они надевали на шею предупреждающий колокольчик.

Тяжелый груз извечных унижений ослепил сознание Амбедкара, огрубил его сердце. Мечь и вражда к высшим индуистским кастам были его знаменем, под которое он собирал миллионные армии «неприкасаемых». Он даже вынашивал планы обратить своих единоверцев в буддизм. Ревниво относясь к популярности Ганди среди своих собратьев, Амбедкар назвал его последнюю голодовку «политическим трюком» и тем самым вызвал в стране против себя бурю негодования. Сам же Ганди не скрывал политического характера своих голодовок. Неслучайно поэтому он широко оглашал их и пояснял, что его голодовки проводятся в знак протеста против определенных событий в социально-политической и религиозной жизни страны. «Все посты и все епитимьи, — говорил он, — должны быть, насколько это возможно, скрытыми. Но мой пост — одновременно епитимья и обвинение, а обвинение должно быть публичным».

И все же совсем непонятной была та неоправданная жесткость, с которой относился Амбедкар к Ганди. Ведь не кто иной, как Ганди, больше других политических деятелей словом и делом добивался уравнивания «неприкасаемых» в правах с другими индийцами. Он издавал специальный еженедельный журнал под названием «Хариджан», что означает «божьи дети». Так называл Ганди «неприкасаемых». В журнале «Хариджан» помещались статьи, смело критиковавшие постулаты ортодоксального индуизма, которые оправдывали существование такого социально-религиозного явления в жизни общества, как «неприкасаемость».

Неустанная деятельность Ганди по сплочению всех религиозных общин Индии, в том числе «кастовых индусов» и «неприкасаемых», в национально-освободительном движении, безусловно, носила демократический, антиимпериалистический характер, она была направлена также и против политической и религиозной реакции. Джавахарлал Неру отмечал, что «та деятельность, которую он (Ганди. — Авт.) вел в последнее время в связи с движением в защиту хариджан, медленно, но верно подрывала ортодоксальный индуизм и потрясла его до самого основания. Целое племя ортодоксальных деятелей ополчилось на него и считает его своим самым опасным врагом».

Начавшиеся в стране широкие волнения в связи с голодовкой Ганди, прямая угроза его быстрой кончины подстегивали ход переговоров между лидерами организации «неприкасаемых», индуистской общинной партией «Хинду махасабха» и Конгрессом. Вконец обессиленный Ганди, которого то и дело навещали участники переговоров, твердо стоял на своем: он соглашался на большее гарантированное представительство «неприкасаемых» в законодательных органах при условии ликвидации для них отдельной избирательной курии. На этом и сошлись участники переговоров. Амбедкар был обезоружен в высшей степени благожелательной позицией Ганди в отношении обеспечения прав хариджан. В результате в Пуне был подписан соответствующий пакт. Амбедкар на пресс-конференции в Бомбее публично признал правоту Ганди, заявив: «Я очень благодарен Махатме за то, что он вызволил меня, должно быть, из чрезвычайно сложной ситуации».

Однако Махатма все еще не прекращал голодовки: он требовал официального одобрения «пунского пакта» английским правительством. Надо было торопиться. Каждый день и даже час промедления мог оказаться роковым. В Лондон на Даунинг-стрит отправлялись спешные депеши. Ответная телеграмма от премьер-министра Макдональда пришла 26 сентября 1932 г. Правительство одобрило условия «пунского пакта».

Ганди в окружении друзей и врачей прервал голодовку, медленно выпив стакан апельсинового сока. Друзья и соратники Ганди торжествовали. Присутствующий при этом Рабиндранат Тагор пел свои жизнеутверждающие песни. Махатма из-за слабости еще не мог произнести слов благодарности, но едва заметная улыбка на пересохших посиневших губах говорила о его любви к этим людям.

Такой широкий отклик индийцев на голодовку протеста Ганди еще раз убеждает в том, что феномен его отношения с народом заключался не в политической логике, не в гении ума и не в его организаторском таланте. Эти отношения имели эмоциональное начало, в них били чистые ключи индийского бытия и образа мыслей, то, что называют национальным характером народа. Бапу умел заглянуть в глубину души любого бедняка и увидеть его страдания.

По индуистским понятиям Ганди совершил чудо: то, что на протяжении тридцати веков было просто немисли-

мо и считалось смертным грехом, вдруг стало символом чести и очищенной совести. Ганди попытался начать проведение демократической реформации индуизма, самой его реакционной сущности. Десятки тысяч больших и малых индуистских храмов и святых мест, куда ранее не ступала нога «неприкасаемых», теперь широко открылись для них. Принадлежащая к высшей индуистской касте кашмирских брахманов и отличавшаяся исключительной набожностью Сваруп Рани Неру, мать Джавахарлала Неру, публично приняла пищу из рук «неприкасаемого». Непостижимо! Миллионы женщин страны тут же последовали ее примеру. Ректор привилегированного и традиционно консервативного индуистского университета в священном городе индусов Бенаресе вместе с представителями благородных каст устроил в эти дни большую совместную трапезу с уборщиками отхожих мест, подметальщиками улиц, грузчиками, землекопами, иначе говоря — с «неприкасаемыми», чей удел — выполнение самых грязных работ.

В тюремном дворе, где под старым манговым деревом, поправляясь, лежал Ганди, все возрастала гора из присылаемых сюда со всех концов страны решений и резолюций городских митингов, обращений, принятых на крестьянских сходках, на собраниях рабочих, посланий от студенческих и женских организаций, от местных конгрессиистских комитетов. Здесь же, пополняя эту гору корреспонденции, были тысячи и тысячи личных писем и телеграмм, посланий и поздравлений Ганди с победой, прославлявших индийское единство и братство.

Разумеется, Ганди и не помышлял разрушать основы индуизма или любой другой религии. Он сам был глубоко верующим индусом, правда, страстно выступавшим за веротерпимость, за уважение и сотрудничество всех религий. Ганди творил молитвы, успокаивая угнетенных, заклиная их не наносить обиды обидчику, и одновременно бил в набат, призывая народ не мириться с социальным злом и колониальной эксплуатацией. Великая душа грезит о том времени, не только когда мусульманин по-братски обнимется с индусом, но и когда фабрикант, наконец прозрев, возлюбит своего рабочего, а крестьянин сполна получит свой хлеб, заработанный им на земле, принадлежащей феодалу.

В своих поступках и суждениях Ганди порой кажется

непостижимым и загадочным. В принципе он против владения личной собственностью. В области имущественных и экономических отношений людей для него главная заповедь — «не стяжай!». «Единственно, чем не возбраняется обладать никому, — говорит он, — это нестяжательством». Ганди писал: «Я утверждаю, что мы в известном смысле воры. Когда я беру и владею тем, что превосходит мои непосредственные нужды, я обворовываю другого... И если бы каждый человек брал не более того, что ему положено, в мире не было бы бедности, никто не умирал бы с голоду».

Однако нравственные нормы Ганди оказывались доступными лишь очень немногим, и он болезненно переживал неудачи в проведении своих социальных экспериментов. Только неуывающий оптимизм одержимого человеколюбия заставлял его идти все дальше вперед и искать новые пути к осуществлению своих социальных и политических идей.

В политике Ганди был реалистом, хотя видел мир как бы в перевернутом изображении. Однако, оставаясь всю жизнь убежденным идеалистом в философии, он исходил из того, что не условия экономической жизни людей и их производственные отношения определяют характер самого государства, общественную мораль и нравственные принципы, а, наоборот, нравственное совершенствование людей, независимо от их социального положения, способно изменить характер имущественных и хозяйственных связей, существующих в обществе, и даже изменить самих колонизаторов.

Именно такой взгляд на мир и объясняет все поступки Ганди, включая его голодовки протеста. Идеалистические воззрения и оторванные от социально-классовой обстановки этические взгляды приводят его к некритическому доверию к противнику. Отсюда стремление Ганди к нравственному перевоспитанию своих политических оппонентов, его постоянные поиски компромиссов с колониальными властями.

Своей морально-этической позицией Ганди нередко забавлял прожженных политиков и вызывал на их лицах ироническую улыбку. Так, например, было и на «конференции круглого стола». Обращаясь к английским министрам и лордам, Ганди «умилил» их своей «политической наивностью». «Вы тоже будете страдать, потому что я хо-

чу затронуть ваши сердца, — заявил тогда Ганди, — но когда они будут тронуты, настанет психологический момент для переговоров».

По мнению ряда исследователей жизни и деятельности Махатмы Ганди, превращение им политических проблем в этические неимоверно усложняло понимание рядовыми индийцами целей движения за независимость, ослабляло их революционную энергию и зачастую служило оправданием политических отступлений, вело к свертыванию инициативы масс. Такой взгляд разделяли порой и радикально настроенные сторонники Ганди. По всей вероятности, подобная оценка его деятельности в ряде случаев имеет под собой определенные основания. Сколько мучительных сомнений и переживаний выпало на долю Джавахарлала Неру из-за совершенно, казалось бы, политически непредсказуемых поступков Махатмы Ганди. Приверженность Неру к ясности и логике вступала в противоречие с таинственным «внутренним голосом», личной жертвенностью и прагматизмом вождя. Однако с течением времени Неру все чаще обнаруживал для себя ту истину, что Ганди лучше, чем кто-либо другой в Индии, знает и понимает свой народ, что его решения более здравы, чем те объяснения, в которые он их облекает. Ганди становился как бы неким открывателем нового, непривычного для традиционного политического мышления, взаимодействия формы и содержания явлений в конкретной исторической действительности Индии. И в этот раз голодовка Ганди, казавшаяся Неру совершенно неоправданным решением, в конечном итоге привела к важному политическому результату: миллионам отверженных индийцев и привилегированным кастам был преподан политический и нравственный урок. Буквально за несколько дней в сознании огромной массы людей произошел заметный положительный сдвиг, на который при других обстоятельствах потребовались бы долгие годы национального развития.

После принятия «пунского пакта» правительство отдало распоряжение ужесточить тюремный режим для Ганди. Посетители к нему не допускались, и его связь с внешним миром была чрезвычайно затруднена. Два-три раза Ганди возобновлял голодовки протеста по поводу отдельных случаев нарушения прав хариджан. При этом, обращаясь к «неприкасаемым», он говорил им, что в борьбе за свои человеческие права они могут полностью распола-

гать его жизнью и рассматривать его (Ганди) в качестве их добровольного заложника.

Руководители индийской либеральной партии Т. Б. Сапру и М. Р. Джаякар, находясь в Лондоне в связи с обсуждением новой конституции для Индии, добились у английского министра по делам Индии разрешения на посещение Ганди в тюрьме и проведение беседы с ним по существу будущей конституции. Однако вице-король воспротивился выполнить указание Лондона. С присущей ему бравадой он заявил, что согласится лишь на полную капитуляцию Ганди и Конгресса.

В телеграмме вице-короля в Лондон, начинавшейся словами «Мы, губернаторы и Исполнительный совет», говорилось о нецелесообразности бесед с Ганди, поскольку-де это может послужить поводом для населения страны думать, что правительство нуждается в налаживании сотрудничества с Конгрессом и лично с Ганди. Далее в телеграмме Уиллингдона разъяснялось: «Позиция Конгресса сейчас значительно слабее по сравнению с 1930 годом, и он утратил свое влияние на массы. Если Конгресс восстановит свои позиции или будут осуществлены предлагаемые встречи и беседы (с Ганди. — Авт.), то они произведут впечатление, что правительство пытается заручиться поддержкой Конгресса. Это крайне разочаровало бы умеренные элементы, которые в настоящих условиях, думается, способны самостоятельно провести первую избирательную кампанию и обеспечить новой конституции хорошее начало».

Аргументы вице-короля показали министру по делам Индии сэру Самуэлю весьма убедительными. Со своей стороны, он даже предостерег Уиллингдона от каких-либо амнистий и особенно от освобождения из тюрьмы Ганди до проведения избирательной кампании.

В обстановке жестокого подавления массового движения, разгрома восстаний в княжествах и постепенного ослабления сатьяграхи Ганди 8 мая 1933 г. объявил, что начинает новую голодовку, которую будет соблюдать в течение двадцати одного дня. По его словам, эта голодовка была подсказана ему «внутренним голосом» и «призвана повысить бдительность и внимание к проблеме, связанной с хариджанами». При этом Ганди сделал заявление, что его голодовка не будет использована в целях активизации гражданского неповиновения. Больше того, по реко-

мендации Ганди Рабочий комитет Конгресса принял решение начиная с 9 мая 1933 г. приостановить гражданское неповиновение на шесть недель.

Как ни странно, лорд Уиллингдон весьма безразлично отнесся к столь, казалось бы, драматическому изменению в политике Конгресса: ведь индийская национальная революция вынуждена была вторично отступить. Для Уиллингдона и подобных ему колонизаторов это был всего-навсего очередной бунт колониальной «черни», одного из «цветных» народов, который, как всегда в прошлом и теперь, был беспощадно подавлен мощью Британской империи.

9 мая 1933 г., демонстрируя пренебрежение к самой массовой политической партии в стране, боевое ядро которой находилось в тюрьмах, лорд Уиллингдон заявил, что «у правительства нет намерения вести какие-либо переговоры с Конгрессом о прекращении гражданского неповиновения или об освобождении заключенных».

Было ясно, что колонизаторы перешли в наступление по всему фронту борьбы с национально-освободительным движением в Индии. В этих условиях их больше уже не интересовали переговоры. Кстати, в той степени, в какой переговоры были нужны колонизаторам, они к тому времени уже завершились. В Лондоне без участия Конгресса при содействии индийских соглашательских партий, представителей княжеств и реакционных религиозных общин состоялась третья «конференция круглого стола», на которой были окончательно сформулированы предложения по новому конституционному устройству Индии как колонии Англии.

Теперь, когда правительству удалось разгромить революционный авангард Конгресса и других патриотических сил Индии, Уиллингдон, опираясь на индийскую реакцию, торопился провести в стране первую избирательную кампанию.

Приостановление гражданского неповиновения вызвало чувство глубокого разочарования среди представителей левого крыла Конгресса. Находившиеся в это время в Вене В. Патель и С. Ч. Бос огласили заявление, что «последнее указание Ганди о приостановлении гражданского неповиновения является признанием поражения». «Внутри Конгресса, — требовали они, — должна быть сформирована новая партия из радикальных элементов».

Тем временем вице-король в политическом отчете английскому правительству 1 июля 1933 г. писал: «Ганди, как руководитель, открыто подвергается нападкам как слева, так и справа. Ведомый им Конгресс после 14 лет непрерывной борьбы достиг опасной черты, близкой к краху. В рядах Конгресса существуют глубокие разногласия по поводу выбора политического курса и царит общее падение духа. Единственным человеком, который, должно быть, еще способен объединить Конгресс, является Ганди. Он прекрасно понимает, что его влияние зависит, в сущности, от того, какие отношения у него установятся с правительством. Если ему удастся создать впечатление, что правительство выражает готовность иметь с ним дело, его влияние возрастет на 100 процентов».

Вспомним, что лорд Уиллингдон, еще будучи губернатором Бомбея, в 1915 году неоднократно встречался с Ганди и тогда придерживался мнения, что поддерживать с ним личные контакты политически целесообразно. Теперь времена изменились, и вице-король стремится создать вокруг Ганди вакуум, полностью игнорировать его как вождя Конгресса, оставлять без внимания все его обращения и предпринимаемые им акции.

В том же отчете своему правительству Уиллингдон характеризует Ганди как «самого проникательного политика в Индии и признанного лидера партии, чья цель — независимость... Конгресс может изменить тактику, — подчеркивает вице-король, — но никогда не отойдет от своих намерений».

Становилось ясно — вторая волна национально-освободительного движения быстро шла на убыль. Массовая кампания гражданского неповиновения в эти годы пробудила к действию все слои индийского общества, в чем была и огромная заслуга Махатмы Ганди. Забастовки рабочих, волнения крестьян, выступления мелких собственников, недовольство национальной буржуазии — все объединилось в порыве нации к свободе. В мощный водоворот антиколониального движения в Индии оказались втянутыми люди различных судеб и классовых интересов.

Но империализм, находясь в тисках мирового кризиса, в страхе перед крепнувшей международной солидарностью рабочего класса со Страной Советов и перед ростом национально-освободительного движения в колониях

ужесточал методы подавления, переходил в ряде стран к установлению фашистских режимов. В Германии к власти пришел Гитлер, в Италии правил Муссолини, в Австрии расстреливали рабочие демонстрации, японские милитаристы захватили Маньчжурию, английские консерваторы, в частности лорд Галифакс, вели сговор с гитлеровским правительством против Советского Союза. Реформистские социал-демократические партии и буржуазные либералы, не принимая боя, сдавали завоеванные ими ранее позиции крайней реакции, военщине и фашизму, которым до конца противостояли одни коммунисты.

Наступление мировой реакции сказалось и на судьбах национально-освободительного движения в Индии. Национальная буржуазия и феодальная знать, напуганные всенародным размахом освободительной борьбы, сочли, что для них безопасней положиться на «добрую волю» Англии и связать свои национальные чаяния с конституционными маневрами колонизаторов, а не с рискованными социально-политическими экспериментами Ганди, которые вовлекали в революционное действие огромные массы эксплуатируемого народа. Правительство же Англии, обещая индийским князьям, богатым торговцам и промышленникам ввести в стране новую систему управления, которая в меньшей степени ограничивала бы их самостоятельность, тем временем укрепляло в Индии режим террористической диктатуры.

В революционном процессе бывают подъемы и спады. Всегда держа руку на пульсе своего народа, Ганди ощущал падение ритма борьбы, почувствовал усталость людей. Он решает сменить тактику, как бы отойти от прямой политики, целиком посвятить себя общению с беднейшими слоями народа и борьбе за осуществление частичных социальных реформ. Ближайшие соратники Ганди, открыто осудив его, говорили, что это было движение вспять. Руководители Конгресса были в растерянности, и никто не скрывал своего подавленного настроения. Царила обстановка уныния и бесперспективности. «Каким же путем пойдет теперь Индия? Неужели ее рабству так и не будет конца?» — с досадой спрашивали друг друга индийские патриоты.

12 июля 1933 г. в Пуне состоялась неофициальная конференция Конгресса, которая уполномочила Ганди вступить в переговоры с вице-королем. Ганди послал теле-

грамму лорду Уиллингдону с просьбой дать ему аудиенцию, но, как и следовало ожидать, получил отказ.

1 августа власти освободили Ганди из тюрьмы, ограничив его местожительство городом Пуна. Тогда Махатма объявляет индивидуальную форму гражданского неповиновения. Он первый подает пример такого неповиновения. Предварительно поставив в известность власти, Ганди нарушает предписание о невыезде из Пуны и направляется в Гуджарат для работы с крестьянами. В результате его сразу же арестовывают и приговаривают к году тюрьмы, но он не успокаивается и требует, чтобы ему предоставили возможность руководить из тюрьмы движением в защиту хариджан; правительство отклонило это требование. Снова недельная голодовка протеста. Его переводят в тюремную больницу. Современники вспоминают, что в это время Ганди, казалось, потерял волю к жизни и совсем пал духом. Он открыто готовился принять смерть: попрощался с близкими и друзьями, распорядился немногочисленными личными вещами. Правительству, однако, не было никакого резона брать на себя вину за смерть народного вождя. Ганди выпускают на свободу.

К тому времени закончился срок пребывания в тюрьме и молодого лидера Конгресса Джавахарлала Неру. Упадочное настроение, возобладавшее в Конгрессе, в определенной степени захватило и его. Он жаждал повидаться с Ганди, которого не видел уже более двух лет. Неру направился в Пуну.

В те годы Неру добивался закрепления в программе Конгресса четких положений, указывающих на социалистическую ориентацию национально-освободительного движения в Индии, соединения его с борьбой за социальные свободы. Ганди прилагал отчаянные усилия к тому, чтобы на основе морально-нравственного совершенствования склонить соотечественников и колонизаторов к «лучшему социальному поведению». Но и тот, и другой страстно желали свободы своей родины.

Ганди встретил молодого лидера с отцовской теплотой. Мягко спросил, чем он расстроен. Неру откровенно высказал Ганди свое недовольство отходом Конгресса от ранее принятых им решений и намеченных целей политической борьбы.

— Почему вы настаиваете на необходимости точного указания цели? — задал вопрос Ганди.

— Потому, — ответил Неру, — что народу нужен вдохновляющий политический идеал, если мы хотим, чтобы народ продолжал борьбу.

Ганди согласился с собеседником, но заметил, что однажды определив эту цель, зачем же говорить о ней постоянно? Главная цель — независимость Индии. Определение пути движения к цели на сегодняшний день, безусловно, является делом важным. Однако зачем забегать вперед? Мне достаточно, заявил Ганди, чтобы в каждый данный момент был сделан один правильный шаг.

Махатма говорил примирительным тоном. По всему было видно, что он стремился смягчить разногласия со своим любимым учеником. Беседа затянулась на несколько часов. Неру горячо и аргументированно отстаивал одобренные на предыдущих сессиях Конгресса программные положения по социально-экономическим вопросам.

— Необходимо, чтобы Конгресс уже теперь открыто заявил о своем намерении добиваться после получения Индией независимости перераспределения общественных богатств, ограничения прав привилегированного класса и передачи под контроль государства крупного производства, — убеждал Неру внимательно слушавшего его Ганди, который с готовностью соглашался, говоря, что действительно «без пересмотра имущественных интересов положение народа нельзя улучшить». Однако этот пересмотр должен осуществляться на добровольных началах. Неру скептически улыбнулся: когда и где имущие классы добровольно отказывались от своих привилегий?

Из этой беседы Неру так и не вынес ясного представления о том, каким путем думает идти Ганди. Фактически, отказавшись от всенародной кампании гражданского неповиновения, он теперь заменил ее индивидуальной сатяграхой. «В чем разница между той и другой сатяграхами?» — недоумевал Неру. Ведь если каждый индеец будет оказывать сопротивление колонизаторам, то это и приведет в конечном итоге к массовому неподчинению населения властям.

Ганди, зная, что Неру остался неудовлетворенным беседой, вскоре в письме разъяснял ему: «Главное различие между массовым гражданским сопротивлением и индивидуальным заключается в том, что в последнем участвует человек как совершенно независимый субъект и его неудача не затрагивает других людей. При массовой

же кампании неудача одного обычно неблагоприятно отражается на остальных...» Махатма писал также, что если при массовой сатьяграхе необходимо руководство проведением кампании, то при индивидуальной в нем нет нужды; при коллективных выступлениях государству легче справиться с неповиновением, тогда как иметь дело с индивидуумом ему куда сложнее. При этом он уже в который раз повторял Неру, что средства, применяемые в борьбе, важнее самой цели. Письмо не убедило Неру. Средства, по его мнению, безусловно, имеют значение, но стоит ли их противопоставлять цели и абсолютизировать одно или другое?

Неру вспоминал, насколько сильно расхотелся он тогда во взглядах с Ганди и глубоко задумывался, в какой степени они смогут сотрудничать в будущем. Молодой радикально настроенный лидер, увлекавшийся социалистическими идеалами, Неру не мог согласиться с рядом действий Ганди. Ему, например, представлялся отступничеством от борьбы призыв Ганди ко всем руководящим органам конгрессистской партии прекратить работу. Осуждая тактику самоустранения с постов партии, Неру настаивал на том, чтобы его по-прежнему считали генеральным секретарем Конгресса. Уход с постов в партии он расценивал как прямое дезертирство. «Было ясно, — делал вывод Неру, — что мы в тупике, причем выхода из него, приемлемого для всех, не находилось».

В отличие от Ганди, который в это время воздерживался от острых политических заявлений и целиком ушел в общественную работу по оказанию помощи хариджанам, Неру с присущей ему последовательностью и энтузиазмом разъясняет цели национально-освободительной борьбы. Он после неудовлетворивших его бесед с Ганди пишет памфлет «Куда идет Индия?» Это был и своего рода партийный ответ учителю. Из памфлета явствует, что Неру видит выход в борьбе индийского народа вместе с угнетенными трудящимися всего мира против иностранного господства и своих собственных эксплуататоров. «Главная цель, к которой должна стремиться Индия, может быть сформулирована как уничтожение эксплуатации ее народа. Политически это должно означать достижение независимости и разрыв с англичанами.., с точки зрения экономической и социальной — это должно означать конец всем особым классовым привилегиям и имущественному неравенству».

Ганди, прочитав памфлет Неру, не вступает в полемику со своим учеником и, кажется, даже доволен его страстным радикализмом. А что до слов и режущей Ганди ухо терминологии, употребляемой Неру, то это дело второстепенное, считает он. Антиколониальные выступления Неру находят горячую поддержку у левых конгрессистов и членов Коммунистической партии Индии.

Положение в стране было сложное, и сделать правильный политический выбор было нелегко. Процесс деморализации в Конгрессе углублялся. Вместе с тем в нем происходила поляризация сил. С одной стороны, обозначалась соглашательская группа, готовая идти на компромисс с властями и заняться дозволенной конституцией деятельностью в законодательных органах. С другой, консолидировалось левое крыло Конгресса во главе с Неру и Босом.

Ганди не примыкал ни к одной из группировок и, казалось, оставался сторонним наблюдателем за проходившей в Конгрессе внутривнутриполитической борьбой. Но мимо его зоркого глаза ничего не ускользало. Быть может, он знал заранее, что должно было произойти, и теперь, отстранившись от пересудов и взаимных обвинений, от оскорблявшей его слух перепалки, выжидал, когда всплывет накипь, чтобы снять ее, очистить и объединить Конгресс на новой основе.

В этой сложной политической ситуации появились и так называемые «независимо мыслящие», громко называвшие себя социалистами, хотя о научном социализме они и представления не имели. Они избрали себе уделом — критиковать. Критиковать и поучать всех подряд. К практической революционной деятельности эти люди никакого отношения никогда не имели и, по словам Неру, оказывали плохую услугу социализму. О них он говорил: «Было несколько досадно видеть людей, которые сами ничего не сделали, но называют реакционерами тех, кто вынес на себе всю тяжесть борьбы. Эти салонные революционеры особенно яростно нападают на Гандиджи, называя его архиреакционером и выдвигая при этом доводы, довольно последовательные с точки зрения логики. Однако нет сомнений в том, что этот «реакционер» знает Индию, понимает Индию, олицетворяет крестьянскую Индию, и он встряхнул Индию с такой силой, какой не найти у этих так называемых революционеров... «Реакционер» он или революционер, но он изменил лицо Индии,

вселил гордость и упорство в дотоле покорный и деморализованный народ, вдохнул в массы силу и сознание и сделал индийскую проблему проблемой мирового значения...»

Как бы ни велики были порой разногласия между Ганди и Неру, эти два лидера стремились понять друг друга. Каждая их встреча была взаимной исповедью: никакой наигранности, фальши, затаенной мысли — все на чистоту и от сердца.

Даже правительство Индии в своих донесениях в Лондон всегда объединяло двух лидеров индийского национально-освободительного движения. Вот что сообщал, например, в Лондон в 1934 году лорд Уиллингдон: «В настоящий момент для нашего политического будущего существует одна реальная угроза, заключающаяся в том, как бы Джавахарлал Неру не начал пропаганду в селах в чисто „социалистическом и коммунистическом духе“». Далее вице-король информировал, что «результатом всего этого, по мнению директора разведывательного бюро, может стать то, что в ходе следующей кампании гражданского неповиновения Ганди поднимет огромную армию хариджан, а Джавахарлал поведет за собой войско стойких аграриев».

И все-таки разногласия между Ганди и Неру, особенно в 30-х годах, когда Махатма отменил кампанию гражданского неповиновения, были весьма серьезными. Неру, как об этом он сам говорил, не сомневался, что Ганди правильно истолковал настроение страны и огромного большинства конгрессистов и старался примириться с новым оборотом дел, каким бы неприятным он ни был. Неру гораздо больше беспокоило другое. Он знал, что Ганди обычно действует по зову «внутреннего голоса» и тем не менее почти всегда правильно избирает нужный психологический момент. Этим даром, пожалуй, никто другой из руководителей Конгресса не обладал. Но Джавахарлалу Неру представлялись обидными и даже оскорбительными те мотивы, которыми Ганди оправдывал свои интуитивно принятые решения. Свои правильные по существу действия он объяснял метафизическими и какими-то мистическими соображениями. Его заявления в связи с прекращением сатьяграхи походили на заклинания провинциального священника.

Ганди советовал конгрессистам, среди которых были высокообразованные люди и деятели, имевшие за своими плечами огромный опыт политической борьбы, тюрьмы,

«познать искусство и красоту самоотречения и добровольной бедности. Они должны посвятить себя делу созидания нации; распространению кхаддара (одежды из домотканой ткани. — *Авт.*), лично занимаясь для этого ручным прядением и ткачеством; распространению идеи духовного единства членов всех общин посредством безупречного поведения по отношению друг к другу во всех случаях жизни; изгнанию в самом себе неприкасаемости во всех ее проявлениях и формах; распространению идей полного воздержания от алкогольных напитков и наркотиков посредством личного общения с отдельными наркоманами и посредством поддержания личной чистоты. Это позволит жить так, как живут бедняки. Те же, для кого такая жизнь невозможна, должны найти себе место на небольших неорганизованных предприятиях национального значения, которые предоставляют более высокую заработную плату». И все это должно было восприниматься конгрессистами как нечто вроде политической панацеи.

Неру просто негодовал по поводу этого заявления Ганди. Он даже допускал мысль о разрыве с учителем. Однако анализируя и сопоставляя факты из жизни Махатмы Ганди, он отвергал эту мысль. И снова думал о том, «какой удивительный человек Гандиджи с его поразительным и почти неотразимым обаянием и духовной властью над людьми! То, что он писал и говорил, не дает представления о нем как о человеке; как личность он гораздо более велик, чем это можно думать на основании его высказываний. А сколь огромны его заслуги перед Индией! Он вдохнул мужество и храбрость в ее народ, сделал его дисциплинированным, стойким и способным радостно жертвовать собой во имя общего дела и, при всей его скромности, придал ему гордость. Мужество, говорил он, единственная надежная основа характера... Быть может, это лишь слова и благочестивые, несколько банальные фразы, но за этими словами скрывается сила, и Индия знает, что этот маленький человек относился к своему делу серьезно. Он — ярчайший представитель всей Индии и выразитель самого духа этой древней многострадальной страны. Он почти олицетворяет Индию, и даже его недостатки — это недостатки Индии», — к такому, в конце концов, выводу приходит Неру. Но понимая заслуги Ганди перед национально-освободительным движением, его величие как человека, Неру никогда не мирился с метафи-

зически-религиозным подходом Бапу к политическим проблемам и всегда говорил о его «исключительной парадоксальности».

Гандизм как идеология национально-освободительной борьбы индийского народа в век великих исторических побед пролетариата и создания первого в мире социалистического государства не мог обойтись без лозунгов социальной справедливости. Отношение Ганди к социализму с годами менялось. В 20 — начале 30-х годов он отрицал приверженность к социализму, равно как и к капитализму.

В те годы до Махатмы Ганди не могли не доходить сведения о массовой принудительной коллективизации крестьянских хозяйств в Советской России, о насилии города над деревней, о голоде на Украине и в Поволжье, о сталинских репрессиях. До мозга костей крестьянский лидер борющейся Индии искал вдохновляющего опыта и, не находя его, горько разочарованный и смятенный, все больше уходил на зыбкое лоно социальной утопии.

Однако, осуждая репрессии 1937—1939 годов в СССР, Ганди заявит, что верит в «ненасильственный коммунизм». Он нередко говорит о социализме как об идеальном общественном устройстве. «Я занят, — разъясняет он, — разрешением тех же проблем, что стоят перед приверженцами научного социализма... Социализм — прекрасное слово, и, насколько я понимаю, при социализме все члены общества равны — нет ни низших, ни высших». Единственную отличительную особенность «своего» социализма Ганди видит все в том же абсолютизированном принципе ненасилия. «Этот социализм, — утверждал он, — чист, как кристалл. Поэтому он требует и кристально чистых средств для его достижения... Поэтому только истинные, ненасильственные и чистосердечные социалисты будут способны установить социалистическое общество в Индии и во всем мире». Многие исследователи и политические деятели заговорят о «ненасильственном социализме» Ганди. А сам Ганди в пику антисоветским и антикоммунистическим заявлениям американского журналиста Л. Фишера, писавшего его биографию, назовет себя социалистом и даже коммунистом.

Разумеется, когда Ганди называет себя социалистом, надо помнить ленинское указание о том, что «есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии,

и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия»*.

У Ганди, как вождя колониальной страны, на 80 процентов крестьянской, свое понимание социализма, замешанное на мелкобуржуазной националистической опаре и перебродившее в душных условиях чужеземного гнета. Облекая социализм в нравственно-религиозные одежды, в ряде случаев Ганди рассуждал вполне конкретно. Его теория об опеке по сути своей является отрицанием капиталистической и феодальной собственности. Ганди говорил, что он не предлагает экспроприацию частной собственности, как это было сделано в Советской России, поскольку это противоречило бы принципам ненасилия и добровольности, но он допускает возможность конфискации частной собственности государством с «минимальным использованием принуждения». Он рисует свое общество благоденствия (сарвадайю) без эксплуатации, без классов, без государства, одним из принципов которого будет формула «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (1). После подобных рассуждений Ганди в политических и научных кругах заговорили о формуле: «Ганди — это коммунизм минус насилие». Это было не по душе многим последователям Ганди, и они делали все возможное, чтобы не допустить ассоциирования учения Ганди с коммунистическими идеалами. Однако антикоммунисты так и не смогли добиться от Ганди голого негативизма к опыту социалистического строительства в Советском Союзе. «Должен признаться, — говорил Ганди, — что я не смог полностью понять большевизм. Я знаю о нем только то, что он стремится к уничтожению института частной собственности. Это приложение этического идеала невладения к экономической сфере, и если бы народ одобрил этот идеал по своей собственной воле или под влиянием мирного убеждения, то опыт большевизма был бы бесценным».

На заданный ему вопрос, в чем различие понимания социализма между ним и Джавахарлалом Неру, Махатма ответит: «Разница есть, но это разница в акцентировке. Он (Неру. — Авт.), возможно, акцентирует внимание на результате, тогда как я — на средствах его достижения. Возможно, по его мнению, я придаю слишком большое значение ненасилию, тогда как он, хотя и верит в ненаси-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 20. — С. 103.

лие, хочет достичь социализма другими средствами, если это окажется невозможным посредством ненасилия».

В течение многих лет в Индии и в других странах изучается вопрос о соотношении гандизма и научного социализма. Компартия Индии, давая высокую оценку роли Ганди в национально-освободительном движении, отмечала, что гандизм отличается от марксизма принципиально иным подходом ко всем основным явлениям классового общества. Профессор Р. А. Ульяновский в этой связи писал: «Научный социализм противостоит гандизму, как наука — утопии, как материализм — идеализму, как диалектика — метафизике». По оценке профессора О. В. Мартышина, «если подходить к теории Ганди с точки зрения ее существа, а не хронологии, то можно отнести ее к до-марксистскому социализму».

С такими оценками, видимо, нельзя не согласиться. Но при всей важности теоретического осмысления и оценок всякого общенародного движения вообще и национально-освободительного в частности решающая роль все же остается за самим движением, а не за его оценками людьми, стоящими в стороне от него.

После Ленина, в период 30-х годов, когда на всякую самостоятельную творческую мысль была накинута железная узда сталинских «теоретических» установок, интерпретаторы «гениальных» идей «вождя всех времен и народов» называли Ганди «зеркалом индийской контрреволюции». Они пытались объяснить феномен гандизма, исходя из собственных представлений о социально-политической борьбе масс, как бы примерить гандизм на себя, и, разочаровавшись, что он им не подходит, с бранью отбрасывали его как реакционную и устаревшую модель. А тем временем историческое многообразие условий общественного развития стран и народов ставило перед политическими руководителями борьбы индийского народа за свою свободу все новые непредсказуемые задачи.

Вернемся, однако, к непосредственным событиям. Итак, английские власти проводили тактику игнорирования вождя национально-освободительного движения. Они то заключали его в тюрьму, то на время выпускали на свободу, но при всем том игнорировали все его политические шаги, включая голодовки протеста. Б. Р. Нанда, виднейший индийский биограф Ганди, об этом периоде его жизни писал так: «Стена предвзятого отношения к Ганди,

которую возвели вокруг него английские правители, зачастую ставила его в отчаянное положение. Когда он критиковал их действия, его объявляли демагогом; когда он заявлял о дружеских намерениях в отношении их, его обвиняли в ханжестве. Когда он попросил о встрече с ними, его заподозрили в хитром маневре против правительства; когда он начинал одну из кампаний, о нем говорили как о непримиримом человеке; когда он ограничивал кампанию или прекращал ее, это выдавалось за потерю доверия к нему со стороны его последователей».

Конец 1933 и почти половину 1934 года Махатма Ганди провел в скитаниях по стране. Он дал себе зарок не возвращаться домой, пока не обойдет всю страну, деревню за деревней. В течение девяти месяцев он преодолевал расстояние более чем в 12 тысяч километров, посетив самые отдаленные уголки Индии.

Свое странствование по деревням и городам Индии Ганди продолжает и весь 1935 год, когда правительство ввело в действие новую конституцию в стране. Конституция мало интересовала Ганди — она была насильственно навязана Индии. Предоставляя привилегированным группам населения видимость самоуправления в провинциях, она сохраняла всю полноту реальной власти за центральным правительством Дели.

Вместе с тем Ганди, к немалому удивлению своих соратников, одобрил возрождение внутри Конгресса свараджистской партии, против которой он так энергично выступал в 1924—1925 годах. Изменилась политическая обстановка в стране, изменилась и тактика Ганди. По-прежнему не разделяя политической платформы свараджистов, которые фактически выступали за сотрудничество с властями, Ганди все же считал возможным использовать законодательные ассамблеи для проведения оппозиционной правительству деятельности. Он убеждал своих коллег по партии, что впоследствии Конгресс сможет оказать на свараджистов необходимое давление и в известной степени направлять и контролировать их деятельность в ассамблеях. Здесь Ганди проявил гибкость и прозорливость, достойные крупного политического стратега.

Сам же он, как и после поражения первой сатьяграхи, вернулся к своей «конструктивной программе» — пропаганде среди беднейших слоев населения своего рода «деревенского социализма». Каждодневно общаясь с крестьянами,

он проводит будничную черную работу: учит крестьян в глухих захолустьях правилам санитарии и гигиены, вместе с ними чистит отхожие места, обучает домашнему прядению, племенному делу; в своих печатных органах помещает материалы по диететике, например, о пользе добавления в голодный рацион крестьян зеленых листьев различных растений, публикует статью «Все о рисе», рекомендуя употреблять в пищу неочищенный рис; агитирует женщин отказываться от ношения чадры; рассказывает о преимуществах кооперативного труда и сбыта готовой продукции; помогает организовать обучение грамоте крестьянских детей; всюду выступает в защиту прав и интересов «неприкасаемых», проповедует религиозную терпимость, ратует за дружбу общин. В «Янг Индия» и «Хариджане» Ганди пишет о необходимости объединения народа и внесения в широкие массы чувства национального самосознания, гордости за свою родину.

Ганди не везде встречают гирляндами цветов, реакция организует против него провокации и демонстрации с черными флагами. В Пуне в него даже бросают бомбу, от взрыва которой пострадало семь человек, но сам Ганди остался невредим. Власти в Дели и правительство в Лондоне торжествовали: Ганди отошел от политики и ушел с головой в общественную деятельность, которая, по их мнению, ничем не грозила устоям английского колониального господства в Индии.

Подлинные патриоты из числа конгрессистов остро переживали самоустранение Ганди от руководства Конгрессом. Неру писал ему полные горечи и боли письма, упрекая за самоизоляцию, говорил об измене Конгресса идеалам свободы, осуждал принятие Конгрессом резолюций о прекращении кампании гражданского неповиновения и о возрождении свараджистской партии. Неру не скрывал перед Ганди, что находится в состоянии глубокой депрессии и переживает внутрипартийный политический кризис и решение Бапу выйти из конгресса как личное горе и большую душевную травму.

Ганди убеждал Неру, что идеалы борьбы не изменились, изменилась лишь тактика. «Я остаюсь все тем же, каким вы меня узнали еще в 1917 году и позднее, — отвечал ему Ганди. — Я желаю полной независимости для нашей страны...» Придет время, доверительно писал он Неру, и те резолюции, которые так тревожат его теперь, сыграют свою

положительную роль в борьбе за независимость Индии.

Успокаивая Неру и других соратников по национально-освободительной борьбе, сам Ганди в это время тоже был душевно надломлен. Он не мог не видеть, сколь ничтожный результат приносят его поистине неистовые усилия в пропаганде «деревенского социализма». Возврата к самообеспеченной деревне, которая бы кормила, одевала себя и удовлетворяла другие свои потребности, не получалось. Новые мирохозяйственные связи уже изменили доиндустриальную эпоху, разрушили прежний уклад индийской деревни. Бедность, нищета упорно воспроизводили себя, становясь еще более уродливыми и беспощадными к незащитным детям, старикам и высохшим до костей земледельцам.

Но Ганди работал не покладая рук, забывая об отдыхе. Точно одержимый, он, казалось, готов был перебраться по песчинке Сахару, чтобы возродить в этой пустыне прежнюю цветущую жизнь. Тщетно. Все оставалось по-прежнему. Разве что домашнее прядение и ткачество превратилось в самое почитаемое занятие индийцев. Одежда из домотканой ткани стала, как говорил Неру, «мундиром национальной свободы». Даже богатые люди — князья и феодалы уже не хотели щеголять в шелках и атласах. Суть же имущественных и классовых отношений от этого не менялась.

Ганди все чаще объявлял «недели молчания», в ходе которых погружался в невеселые мысли. В начале 1936 года, в возрасте шестидесяти семи лет, в течение более десяти недель он находился в состоянии сильного нервного расстройства. Когда люди восхваляли его учение, Ганди резко отвечал, что такого понятия, как гандизм, не существует и что он не желает оставлять после себя никакой секты. Но как бы там ни было, а в реорганизованном им еще в 1918—1920 годах Конгрессе гандистское направление оставалось с тех пор преобладающим. Существовавшие в конгрессиистской партии два других течения — правореформистское и левое, уравновешивая друг друга, тоже испытывали на себе влияние идейных установок Ганди.

Формальный выход Ганди из Конгресса в период внутрипартийного разброда ничуть не поколебал его престижа в массах, а его популярность как общенационального надпартийного лидера еще больше возросла. Теперь он не отвечал за маневрирование Конгресса и частичное соглашение с колонизаторами по поводу проведения выборной

кампании в законодательные органы страны. Правда, Конгресс, сохраняя свое преимущественное влияние среди имущих классов Индии, получил на выборах в ноябре 1934 года более половины голосов и мест в центральной законодательной ассамблее. Как и предполагал Ганди, немалую роль в этой победе сыграли свараджисты. Однако в значительной степени победу Конгрессу на выборах обеспечило левое крыло партии во главе с Джавахарлалом Неру. К левым конгрессистам примыкали и группы, объявлявшие себя сторонниками построения в Индии социалистического общества.

В ноябре 1933 года образовалась единая Коммунистическая партия Индии. Был избран Центральный комитет партии и подтверждены сформулированные еще раньше задачи антиимпериалистической и антифеодальной борьбы индийских трудящихся.

Во время избирательной кампании индийские коммунисты и патриоты развернули борьбу за создание единого антиимпериалистического фронта. Огромное значение для избрания правильного политического курса индийскими коммунистами имели решения IV конгресса Коминтерна и открытое письмо индийским коммунистам от Р. П. Датта и Бена Брэдли — членов компартии Великобритании. Преодолевая сопротивление со стороны правых конгрессистов, индийские коммунисты влились в Конгресс и существенно повлияли на его позицию в борьбе с колонизаторами. Коммунисты поддержали Конгресс и на выборах, выступая самостоятельно только по рабочей курии.

Тенденция к полевению Конгресса проявилась и в образовании внутри ИНК конгресс-социалистической партии. Разумеется, далеко не все, кто причислял себя к ней, были истинными социалистами, многие являлись сознательными выразителями левого национал-реформизма. Однако правдой было и то, что немало конгресс-социалистов, восприняв теорию научного социализма, вступило затем в Коммунистическую партию Индии. «Между конгресс-социалистической и Коммунистической партиями Индии, — писал один из видных представителей коммунистического движения в стране Ш. С. Сардесаи, — существовали такие тесные отношения, что была даже предпринята попытка объединить их в единую марксистскую партию. Этого не произошло только из-за того, что реакцией снова было пущено в ход пугало «коммунистической опасности».

Победа Конгресса на выборах, возобновившиеся волнения в стране среди крестьян и рабочих расширяли общедемократическое движение. В только что избранной центральной законодательной ассамблее проект закона об управлении Индией, созданный на основе рекомендаций «конференции круглого стола», оказался проваленным. Новую конституцию пришлось утверждать английскому парламенту в Лондоне. В Индии же ее окрестили «рабской конституцией».

С нарастанием социальной активности политическая жизнь в стране стала вновь быстро пробуждаться; возникали десятки новых партий разных направлений и оттенков; под лозунгом единства рабочего движения прошли стачки докеров и железнодорожников; Красный конгресс профсоюзов воссоединился со Всеиндийским конгрессом профсоюзов; возник Всеиндийский крестьянский союз, создавались Всеиндийская федерация студентов, Всеиндийская ассоциация прогрессивных писателей и Всеиндийская конференция народов княжеств. Во всем обнаруживался рост национального самосознания индийцев, восприятие ими Индии единой родиной. Это радовало Ганди, и в этих условиях он уже не мог оставаться вдали от политических схваток, в стороне от массовых общественных организаций.

Выступая на всеиндийских конференциях литераторов, он с несвойственной ему категоричностью говорил, что, будь его воля, он наложил бы запрет на все публикации, которые поощряют религиозную обособленность, фанатизм и ненависть. «Я хочу, чтобы искусство и литература могли говорить с миллионами... Наша литература убога.. — заявил тогда Ганди. — Мне не нравится литература для литературы».

12—15 апреля 1936 г. в Лакхнау состоялась очередная сессия Конгресса. Махатма Ганди присутствовал на сессии, но, казалось, был равнодушен ко всем политическим страстям, бушевавшим вокруг него. Но когда председательствующий на сессии Неру затронул вопрос о «неприкасаемых», решению которого Ганди отдавал столько сил, он оживился и стал внимательно вслушиваться в слова оратора.

Сознательно не касаясь религиозного аспекта проблемы, Неру делал вывод, что только общество, организованное на социалистических началах, способно до конца и последовательно уравнивать хариджан, лишенных земли и других средств производства, во всех правах с остальным населением.

«Пусть молодые руководят Конгрессом», — сказал Ганди и всячески способствовал партийной карьере Неру, выдвигая его на высшие посты в Конгрессе.

Теперь, сидя в традиционной индийской позе на помосте, облокотившись на мягкие белые валики, Ганди тщательно взвешивал сказанное его учеником. Слова Неру, горячие и правдивые, волновали и возбуждали Ганди. О сатяграхе и ненасилии в его речи — ни слова. А его слушают, ему аплодируют. Народ возбужден и готов идти за ним. Но среди части делегатов уже появляется ропот недовольства. Правое крыло ИНК явно не одобряет речь председателя.

Неру же твердо заявляет: «Я уверен, что единственным ключом к решению проблем, стоящих перед миром и перед Индией, является социализм. Когда я произношу это слово, я вкладываю в него не смутный гуманный смысл, а точное, научное, экономическое содержание. Однако социализм является чем-то большим, нежели просто экономической доктриной; он является философией жизни, и именно этим он мне импонирует. Я не вижу другого пути уничтожения нищеты, безработицы, деградации и зависимости индийского народа. Для этого необходимы широкие и революционные перемены в нашем политическом и общественном строе, уничтожение господства богатых в сельском хозяйстве и промышленности, а также феодальной деспотической системы индийских княжеств».

Многое из того, что говорит Неру, тревожит Ганди. Однако он и не думает публично возражать.

— Это в конечном счете означает изменение наших инстинктов, привычек и желаний, — продолжает Неру. — Короче говоря, имеется в виду новая цивилизация, радикально отличающаяся от нынешнего капиталистического строя... Я смотрю на это великое и вдохновляющее созидание нового строя и новой цивилизации как на одно из обнадеживающих явлений нашего мрачного мира. И если будущее полно надежды, заслуга в этом главным образом принадлежит Советской России и тому, что она сделала. Я

уверен, — с пророческой выразительностью звучит голос оратора, — что, если не помешает какая-нибудь мировая катастрофа, эта новая цивилизация распространится и в других странах, положив конец войнам и конфликтам, которые порождает капитализм.

Обратив взор к Ганди, Неру говорит:

— Я сознаю, что большинство Конгресса в том составе, в котором он представлен сегодня, может быть, не готово идти столь далеко... Каким бы сильным ни было мое желание продвинуть дело социализма в нашей стране, у меня нет намерений навязывать это Конгрессу силой и тем самым создавать трудности на пути борьбы за независимость. Я буду с радостью, отдавая всего себя, сотрудничать со всеми теми, кто добивается независимости, если даже они не согласны с социалистическим подходом к решению проблемы.

Далее Неру разъясняет делегатам сессии идею объединенного антиимпериалистического фронта, который должен черпать свои силы в активном участии в нем крестьян и рабочих. В эти годы Неру в большей степени, чем когда-либо, приближался к основам научного социализма. Ганди, отдавая должное политической логике своего ученика, взялся за чтение трудов Маркса.

Неру, хотя он и был избран председателем ИНК, не имел достаточной поддержки в партии, однако уже тогда он являлся, наряду с Ганди, признанным общенациональным лидером. И что было важно, вождь не только не препятствовал росту популярности Неру в народе, но всячески способствовал выдвижению его в национальном движении на первые роли, несмотря на частые разногласия, которые возникали между ними.

Сессия Конгресса в Лакхнау по инициативе Неру и с одобрения Ганди приняла важные резолюции по международным вопросам. Она направила приветствие Международной мирной конференции, проведение которой намечалось в Женеве в сентябре 1936 года. В приветственной телеграмме ИНК содержалась благодарность председателю Международного комитета борьбы против войны и фашизма Ромену Роллану за приглашение принять участие в работе мирной конференции и выражалось желание ИНК сотрудничать «в великом деле обеспечения мира, основанного на национальной и социальной свободе». Индийский конгресс заявлял о своей уверенности, что «такой мир

может быть установлен только на прочной основе, когда причины войны будут устранены, а с господством и эксплуатацией одних наций другими будет покончено». Сессия ИНК приняла также резолюцию с выражением солидарности с борьбой абиссинского народа против империалистической агрессии: «Конгресс осуждает великие державы и Лигу Наций за их политику в отношении итало-абиссинской войны».

Тем временем в Индии развернулась кампания по выборам в провинциальные законодательные ассамблеи. К лету 1936 года она достигла своей вершины. Еще на сессии Конгресса в Лакхнау было решено, что Конгресс примет участие в кампании по выборам и изберет в провинциях своих министров-конгрессистов.

Новый закон об управлении Индией Ганди, как и большинство руководителей Конгресса, считал абсолютно неудовлетворительным. Вместе с тем Ганди не исключал возможности использовать его в целях расширения мирных форм борьбы народа за независимость. Ему представлялось также реальным со временем демократизировать отдельные положения конституции. Однако вице-король Линлитгоу сразу же разочаровал его, заявив, что в законе об управлении Индией «не может быть изменена даже запятая». Тем не менее Ганди призывал использовать «новую конституцию для усилий, какими бы жалкими и ограниченными они ни были, заменить власть меча властью большинства».

Неру и другие патриоты-конгрессисты включились в проведение предвыборной кампании с поражавшей всех энергией. Проводимая ими агитационная работа не на шутку встревожила не только колонизаторов, но и представителей крупного индийского бизнеса. Двадцать предпринимателей, объединившись, издали в мае 1936 года манифест, в котором обвиняли Неру в «разрушительной и подрывной» пропаганде, могущей привести к беспорядкам в стране, что, по их мнению, только затруднит получение Индией прав на самоуправление.

Через своих ставленников в Конгрессе индийские банкиры, промышленники и князья все настоятельнее требовали отстранения Неру от политического руководства партией. В то время, когда он, по совету Ганди, разъезжая по стране, вел кампанию за избрание конгрессистских кандидатов в законодательные собрания, консервативные лиде-

ры ИНК делали все, чтобы настроить вождя против Неру.

Однако изменить отношение Ганди к Джавахарлалу Неру никому не удавалось. Вера Ганди в политическую честность и глубокую личную порядочность своего ученика и соратника была непоколебима. В этом проявилась его проницательность и удивительное умение пусть временно, но уравнивать различные конфликтующие, порой, казалось бы, непримиримые общественные силы, участвовавшие в национально-освободительном движении.

Ганди, советуя Неру поубавить воинственный тон в публичных выступлениях, в то же время защищает его от нападков представителей консервативной «старой гвардии» Конгресса. Больше того, на пост председателя ИНК на следующий, 1937 год Ганди вновь рекомендует Неру, считая, что было бы неразумным заменять руководителя партии в период продолжающейся в стране избирательной кампании.

Очередная, пятидесятая по счету, сессия ИНК собралась в конце декабря 1936 года в деревне Файзпур, находящейся в западной части Индии, в Махараштре. Одновременно с сессией Конгресса здесь проходила всеиндийская крестьянская конференция. Ганди и Неру заявили, что Файзпур выбран ими не случайно, а для установления более широких и прочных связей Конгресса с крестьянством. Ганди оказался в своей крестьянской стихии и чувствовал огромный прилив сил.

Всеиндийская крестьянская конференция приняла «хартию крестьянских прав». В хартии указывалось, что борьба за хлеб и землю неразрывно связана с борьбой за национальное освобождение. Стремительное выдвижение социально-экономических лозунгов, классовых требований крестьянами не могло не озадачить Ганди. Он боялся стихийного взрыва крестьянских масс, насильственных бунтов, забвения пахарями морально-нравственных установок на бескровную революцию, на мирное сотрудничество с имущим классом. Поэтому он всячески сдерживал порыв Неру. Энтузиазм масс, однако, превзошел все ожидания и оказался способным увлечь и самого Ганди.

«Сессия имела исключительный успех, — оценивали ее итоги руководители Конгресса. — Она продемонстрировала единство индийского народа в великой борьбе за независимость... Огонь, который мы зажгли в Файзпуре, осветит не только сельские и городские районы Махараштры, но

озарит также всю Индию, и десятки тысяч мужчин и женщин, собравшиеся здесь, понесут факелы, зажженные от этого огня для того, чтобы запылало пламя борьбы за независимость в бесчисленных деревнях и городах Индии».

Как и на предыдущей сессии в Лакхнау, в Файзпуре был обсужден ряд острых международных проблем. В резолюции по отчету представителя Индии на Международной мирной конференции Кришны Менона говорилось: «Конгресс от всего сердца поддерживает цели мирной конференции по обеспечению международного мира путем устранения причин, порождающих войну, и предлагает ей свое полное сотрудничество в решении этой неотложной и жизненно важной задачи. Национальный конгресс изъявляет свою волю вступить в организацию, учрежденную мирной конференцией...»

Прошла сессия ИНК в Файзпуре. Патриотические силы Индии хорошо поработали на выборах в провинциальные законодательные собрания. В 1937 году конгрессистские кандидаты получили в шести провинциях абсолютное большинство голосов. Успех Конгресса, который впервые выступил с демократической аграрной программой, был обеспечен голосами крестьян и рабочих, всех левых сил страны.

Во многих провинциях министерские должности заняли конгрессисты. Но эти должности ничего не дали самому народу. Разочарованный парламентской деятельностью конгрессистских министров, Неру писал Ганди: «Они слишком горячо пытаются приспособиться к старому порядку и оправдать его. Все это, хотя и плохо, было бы еще терпимо; гораздо хуже то, что мы теряем высокое доверие, которое с таким трудом завоевали у народа. Мы превращаемся в заурядных политиканов...»

Отлично представлял себе обстановку и Ганди. Он советовал конгрессистским министрам показывать личный пример скромного быта, жить, как крестьяне и рабочие, которые им оказали доверие и выбрали их в министры, чтобы служить народу. Но призванные управлять не могут служить. Среди конгрессистских парламентариев начались интриги и борьба за министерские портфели, за теплые административные местечки. Процветала коррупция. Некоторые из парламентариев не стеснялись даже обращаться к Ганди за протекцией, чем больно ранили его.

С душевной болью Ганди видел, как положения его «конструктивной программы», которые, по решению Конг-

ресса, министры-конгрессисты должны были проводить в жизнь, предавались забвению. Он призвал министров создавать «мирные бригады» из добровольцев для осуществления своих административных функций в духе ненасилия, но те предпочитали в таких случаях прибегать к услугам полиции и колонизаторов. Теперь патриоты шли в тюрьмы по приказам своих бывших соратников по партии.

Однако благодаря личным усилиям и упорству Ганди конгрессистские правительства в провинциях в целом осуществили заметную социал-реформистскую работу, в частности приняли аграрное законодательство, которое несколько ограничивало помещичий и ростовщический гнет крестьян; в стране было введено обязательное и бесплатное обучение детей. Причем Ганди рекомендовал новую программу, предусматривающую преподавание детям в процессе обучения какого-либо ремесла. Для такой страны, как Индия, новая школьная система обучения имела большое прогрессивное значение. Ганди все же удавалось оказывать на конгрессистские правительства влияние, за что англичане снова обвинили его в диктаторстве и склонности к партийной автократии.

Естественно и то, что эти правительства не могли разрешить основных проблем Индии и часто вступали в конфликты с центральными властями и английскими губернаторами.

Тем временем борьба внутри Конгресса обострилась с еще большей силой. Правые требовали отстранения Джавахарлала Неру с поста председателя партии, а крайне реакционные деятели добивались лишения Махатмы ореола вождя национально-освободительного движения.

Глава десятая

Пацифизм Ганди. Конгресс ищет компромисса с правительством. Миссия Криппса

Фашистский мятеж в Испании, агрессия в Абиссинии, японская интервенция в Китае уже поставили мир на порог второй мировой войны. В Европе 1938 года — страх, взаимное недоверие, предательство, тайные сговоры. Радио-приемники сотрясались от надрывных воплей Гитлера, Муссолини метал громы и молнии из Рима, Чемберлен произносил медоточивые речи в Лондоне, и мир содрогался от их общего, хотя и нестройного, ора.

Начатая по инициативе премьер-министра Англии Невилла Чемберлена политика умиротворения фашистских держав завершилась сделкой западных стран с фашистскими агрессорами. Собравшиеся в Мюнхене Чемберлен, премьер-министр Франции Даладье, Гитлер и Муссолини подписали соглашение, по которому Чехословакия была отдана на растерзание фашистской Германии.

«Мир в Европе, достигнутый в Мюнхене, где Чемберлен и Даладье предали Чехословакию Гитлеру в сентябре 1938 года, является триумфом насилия, — писал Махатма Ганди. — Это также является и поражением... Англия и Франция трусили перед объединенным насилием Германии и Италии. Но что выиграли от этого Германия и Италия? Внесли ли они вклад в моральные ценности человечества?»

Оставаясь верным своей теории ненасилия, Ганди применяет ее и к международным делам. В статье «Если бы я был чехом», опубликованной в газете «Хариджан», он писал: «Я хочу говорить с чехами, поскольку их положение ввергло меня в состояние физической и душевной

боли». И Ганди советует им умереть безоружными, но не подчиниться воле Гитлера. Индуистская ахимса и христианский догмат «не убий!» становятся для Ганди нравственным абсолютом и в вопросе участия Индии в войне. Как пацифист, Ганди отказывается участвовать в войне, и когда люди, возражая ему, говорят, что лучше убить убийцу, чем быть им убитым, он отвечает: «Нет, лучше я буду убитым, чем убью».

Для Ганди не только индийцы, но и все мировое сообщество народов едино. Он не питает ненависти к внешним и внутренним врагам, а лишь не приемлет то политическое и социальное зло, носителями которого они являются. У него нет ненависти к конкретным выразителям империалистической политики, он осуждает только саму эту политику. Он по-прежнему призывает к любви и жертвам и, естественно, встречает возражение: те, кто способен лишь любить и жертвовать собой, очень удобны для империалистов, которые с цинизмом используют их в своих классовых интересах.

Мало кто, даже из конгрессистов, соглашался с распространением гандистского ненасилия на сферу международных отношений, особенно когда речь шла о защите отечества. Индийские патриоты не оставались безучастными к вопросу о войне и мире. Фашизм и английский империализм сродни друг другу, заявляли они и с возмущением осуждали британскую внешнюю политику поощрения агрессоров.

— Да, соглашение в Мюнхене объединило в цинизме Гитлера и Чемберлена, — сокрушался Ганди. Он горевал, что в мире торжествуют политическое предательство, насилие и жестокость, а его «закон ненасилия», казалось, был всеми отброшен как простая химера.

— Можно ли умиротворить дьявола? — вопрошал Неру. — Становится все более очевидным, что, несмотря на все желания умиротворить Гитлера, он превратился в господствующую силу в Европе, которая полностью нарушала прежнее равновесие сил и угрожала жизненным интересам Британской империи.

Соглашаясь с Неру, Ганди справедливо связывал политику международной реакции с угрозой свободным демократическим государствам, с подавлением национально-освободительного движения в зависимых странах, с опас-

ностью превращения английского кабинета Чемберлена в профашистское правительство. Разве «клайвденская клика», возглавляемая бывшим вице-королем Индии лордом Ирвином (Галифаксом), не вела тайных переговоров с Гитлером об организации агрессии против Советского Союза? Индийским патриотам хорошо было известно, с помощью каких варварских методов империя управляла Индией и другими колониями. Еще на сессии в Файзпуре Конгресс и его идейный вождь Ганди одобрили резолюцию солидарности со сражавшимся против фашизма народом Испании.

Конгресс осудил «политику невмешательства» Англии в испанские дела, заявив, что «британское правительство проводит этот курс, чтобы всячески осложнить обстановку для испанского правительства и народа в их борьбе против фашистских мятежников и таким образом оказать эффективную помощь путчистам, открыто поддерживаемым фашистскими державами». В течение 1937—1939 годов индийский Конгресс, к немалому раздражению Лондона, принял острые политические резолюции в поддержку борьбы китайского народа против иностранной интервенции и направил в Китай медицинский отряд для оказания помощи китайским бойцам и населению. Конгресс выступил с протестом против террористической политики английского правительства в отношении палестинского народа и открыто осудил его провокационные действия по разжиганию вражды между еврейским и арабским населением Палестины. Резолюция Конгресса призвала палестинских евреев не дать Англии использовать себя в ее империалистических интересах.

Твердо стоявший на позиции отстаивания международного мира и исключения войн из жизни человечества, Ганди употребил все свое влияние на формирование активного миролюбивого внешнеполитического курса Конгресса.

Присущий Ганди пацифизм, иногда приводивший его к пораженчеству, открыто критиковался руководителями левого крыла конгрессистов во главе с Джавахарлалом Неру, на которого Конгресс и лично Ганди возложили ответственность за практическое осуществление внешней политики и международных связей партии.

Еще в 1936 году Конгресс принял резолюцию: «Дать отпор всем военным приготовлениям». В ней говорилось:

«Конгресс и ранее неоднократно указывал на опасность развязывания империалистической войны и заявлял, что Индия не может участвовать в ней ни на одной стороне. Фашистские державы сколачивают блоки и группировки, готовясь к войне. Они намереваются подчинить себе Европу и весь мир, уничтожить политические и социальные свободы. Конгресс полностью отдает себе отчет в том, что нависшей над миром угрозе необходимо противостоять, сотрудничая с прогрессивными странами и народами, в особенности с теми, которые находятся под игом империализма и фашизма и эксплуатируются ими».

Ганди призвал индийский народ оказать решительное сопротивление британским властям в вербовке индийцев в армию, всячески препятствовать предоставлению Англии военных займов, бойкотировать и срывать все военные приготовления, осуществлявшиеся колонизаторами.

В 1939 году на заседании в Трипуре конгрессистская партия приняла внешнеполитический документ, в котором провозглашалось: «Конгресс отмежевывается от внешней политики, проводимой Англией, которая постоянно оказывает поддержку фашистским державам и содействует уничтожению демократических государств... По убеждению Конгресса, для Индии настоятельно необходимо выработать свою собственную внешнюю политику как независимой нации и тем самым, держась в стороне как от империализма, так и фашизма, проложить свой путь к миру и свободе».

В июле 1939 года Ганди обращается к Гитлеру с открытым письмом, призывая его к благоразумию и отказу от развязывания мировой войны. Ответа, естественно, не последовало.

Ганди выступает за морально-политическую солидарность угнетенных народов в их антиимпериалистической борьбе ненасильственными средствами, но он вместе с тем осуждает тех, кто пытается по расовому признаку противопоставить одни народы другим. Беседуя с посетившим его членом японского парламента Такаокой, Ганди говорит ему, что «не одобряет доктрину «Азия для азиатов» как противопоставляющую народы Азии народам Европы».

В канун второй мировой войны лидеры национально-освободительного движения Индии все чаще стали обращаться к глобальным проблемам мировой политики. Они

стали задумываться об отношениях свободной Индии с другими странами, о месте, которое надлежит занять ей в международном сообществе народов. Огромное население страны, ее потенциальные экономические ресурсы, традиционные связи с другими народами Азии, стратегическое положение на континенте заставляли Ганди и всех патриотов Индии подходить к проблемам масштабно, с учетом международного положения в целом.

Махатме Ганди, Джавахарлалу Неру и другим руководителям ИНК не импонировала любая форма зависимости от метрополии, их уже не мог удовлетворить статус доминиона. Идея полузависимого придатка Англии была абсолютно неприемлема для Индии, которая по территории и числу населения была гигантом по сравнению с Британскими островами. Все хотели верить, что Индии была уготовлена другая судьба, что ее миссия — стать важным фактором международных отношений. «...Мы думали, — писал об этом времени Неру, — об установлении более тесных связей с соседними странами на Востоке и на Западе — с Китаем, Афганистаном, Ираном и Советским Союзом. Мы желали более тесных связей даже с далекой Америкой, ибо мы могли многому научиться у Соединенных Штатов, так же как и у Советского Союза. Нам казалось, что мы исчерпали свои возможности научиться чему-нибудь еще у Англии и что во всяком случае мы можем лишь выгадать от связи друг с другом, встречаясь на началах равенства, после того как будут разорваны противоестественные узы, связывающие нас».

Отстаивая независимость своей страны, Ганди не представлял себе Индию отгороженной стеной от других государств и народов, как это случалось в прошлом с рядом стран — Китаем, Японией, в известной степени и с США. Напротив, он каждый раз подчеркивал, что этому времени пришел конец и теперь должна наступить эра всемирного сотрудничества и взаимозависимости, эра, когда одна страна должна будет поступиться некоторыми своими национальными интересами на благо всего человечества. Отмечая эти настроения среди индийских патриотов и у самого Ганди, Дж. Неру писал: «Поразительно, насколько мы при всем нашем пламенном национализме прониклись духом интернационализма. Ничего подобного не наблюдалось ни в одном националистическом движении других порабощенных стран...»

Индийский интернационализм конца 30-х годов отражал в основном интересы национальной буржуазии угнетенной нации, стремившейся на условиях полного равноправия вступить в международные экономические и политические отношения. Вместе с тем индийский интернационализм того периода обогащался всенародным освободительным движением, на которое все возрастающее влияние стали оказывать Коммунистическая партия Индии, индийский пролетариат, подлинные патриоты страны.

Отсюда проистекает солидарность Индийского национального конгресса с республиканской Испанией и Чехословакией, с борющимся Китаем, с Абиссинией, со странами Арабского Востока; отсюда его антиимпериалистические выступления и политическое осуждение германо-итальянского фашизма и японского милитаризма. Индия превращалась из резерва, глубокого тыла империализма в активную антиимпериалистическую силу.

Индийские патриоты — и этого не мог не учитывать Ганди — с надеждой обращали взоры в сторону Советского Союза, который всегда относился к национально-освободительному движению угнетенных народов с позиций пролетарского интернационализма. Еще до победы Октября В. И. Ленин отмечал: «Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и *своим интересом* сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет не прочен»*. Этот ленинский курс внешней политики Советского Союза заложил основы международного антиимпериалистического фронта, соединил в едином потоке борьбу пролетариата за социализм с движением народов против колониального гнета. Поэтому освободительное движение в Индии объективно становилось интернациональным фактором, что хорошо понимал и о чем неоднократно заявлял Ганди.

Однако буржуазный национализм угнетенной нации, являясь в целом прогрессивным явлением, все же часто отличается эгоистической узостью и поверхностным практицизмом. Такое явление имело место и в Индии, когда сиюминутные националистические устремления брали верх над интересами мирового сообщества. Так, среди части влиятельных конгрессистов стали раздаваться голоса, что-де

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 120.

неразумно для индийцев вступать в бесплодное противоборство с Италией, Германией и Японией — могучими государствами, противостоящими Англии. Эти люди говорили, что любой враг Англии — друг индийцев. Они пытались убеждать других, что любая политика только тогда хороша, когда она строится на извлечении выгоды из сложившихся реальностей; важен результат, а не мотивы политики.

Ничто так не возмущало Ганди, как забвение морального фактора в политике, эксплуатация националистических чувств народа в неправом деле, пренебрежительное отношение к выбору средств борьбы за идеалы свободы.

К числу крайних националистов-прагматиков принадлежал тогдашний председатель ИНК Субхас Чандра Бос. Он решительно выступил против общей линии Конгресса, требуя в борьбе против Англии опереться на Японию, Германию и Италию. Заняв непримиримую позицию в вопросе об отношении к войне, С. Ч. Бос вступил в открытый конфликт с Ганди и со своим близким другом Неру. Разногласия оказались очень глубокими и принципиальными. Разрыв поэтому был неминуем. Ганди и Неру пытались разубедить гордого и властолюбивого Боса, уговаривая его пересмотреть свою позицию, но тот упорствовал, не скрывая, что намерен расколоть Конгресс и повести за собой единомышленников.

Разногласия Ганди и Неру с Босом не были однозначными. Ганди критиковал Боса за его отказ от принципа ненасилия, в том числе в международных делах, и за выдвижение им «крутых и преждевременных» предложений для достижения Индией независимости. Это была критика справа. Неру же, принадлежа, как и сам Бос, к левому крылу Конгресса, расходился с ним в другом — для него была неприемлема ставка Боса на сотрудничество ИНК с агрессивными международными силами, какими являлись германский фашизм и японский милитаризм. В этой части Ганди вполне соглашался с Неру, но оставался верным своим пацифистским принципам. Он возражал Неру, когда тот предлагал использовать сложившуюся международную обстановку для оказания давления на Англию, выдвигая при этом как предварительное условие для вступления в войну против держав «оси Берлин — Рим — Токио» предоставление Индии независимости.

Бос слыл талантливым волевым руководителем, неисто-

вым националистом и испытанным борцом против английских колонизаторов. За ним стоял большой отряд бенгальских конгрессистов. Немало людей поддерживало его и в центральном руководстве — Рабочем комитете Конгресса. В 1938 году на сессии ИНК в Харипуре Бос впервые вопреки воле Ганди был избран на пост председателя конгрессистской партии.

Беспрецедентно, но факт — Ганди повел открытую атаку на Боса. Перед очередной сессией ИНК 4 февраля 1939 г. индийский вождь публикует статью в «Хариджане», в которой откровенно предлагает Босу уйти в отставку. «Те, кто чувствует себя неуютно в составе Конгресса, — пишет он, — могут покинуть его».

В марте 1939 года на сессии ИНК большинство делегатов проголосовало за резолюцию, в соответствии с которой Ганди как признанный идейный вождь партии наделялся полномочиями лично назначать состав Рабочего комитета Конгресса. В этих обстоятельствах Босу не оставалось ничего другого, как подать в отставку. Он вышел из состава Конгресса и образовал партию «Форвард блок». Его место в Конгрессе занял один из старейших соратников Ганди — лидер бихарских конгрессистов Раджендра Прасад, будущий первый президент независимой Индии.

3 сентября 1939 г., на третий день второй мировой войны, вице-король Индии лорд Линлитгоу «с удовлетворением», как говорилось в его заявлении, сообщил индийскому народу, что «между его величеством и Германией началась война» и что Индия объявлена воюющей страной. Одним волевым актом английская правящая верхушка ввергла страну с почти 400-миллионным населением в горнило войны. Судьба и сама жизнь сотен тысяч индийцев были поставлены на карту. При этом колониальное правительство даже не сочло нужным хотя бы формально предварительно известить о своем решении национальных лидеров, не говоря уже о том, чтобы посоветоваться с представителями индийского народа.

Вторую мировую войну уже давно ждали, ее боялись, о ней говорили, и все же она казалась чем-то невероятным. Но война пришла и разом перевернула весь образ жизни людей, их сознание, изменила понятие о чести и достоинстве целых государств.

Ганди, который в вопросах морали и мировой политики был больше интернационалистом, чем националистом, от-

крыто признавал, что его «закон ненасилия» потерпел фиаско. Национализм в Индии, как и повсюду, брал верх. С началом войны государства плотно закрывали двери во внешний мир и прежде всего заботились о прочности замков в своем собственном доме. Они руководствовались сугубо национальными интересами, и все проигрывали от этого. Никто не хотел бросаться в пучину начавшейся войны, в том числе США и СССР. Молотов и Риббентроп подписали «Пакт о ненападении», заключили и другие неожиданные договоры, удивившие весь мир. «Советская Россия, этот символ интернационализма, — с грустью говорил тогда Неру, — проводила строго национальную политику, повергая тем самым в смущение многих своих друзей и сторонников». Он с пониманием объяснял, что «идеализму не место в политике, которая имеет дело лишь с силой и ее надлежащим применением».

Влиятельная лондонская газета «Экономист», касаясь английской внешней политики, писала в те мрачные дни: «Только такая внешняя политика, которая обеспечивает полную и очевидную защиту национальных интересов, имеет шансы на то, что она будет проводиться последовательно. Ни одно государство не ставит интересы международного сообщества выше своих собственных интересов. Лишь при совпадении тех и других возможен скольконибудь действенный интернационализм». Однако индийский апостол ненасилия Махатма Ганди при всем своем пламенном патриотизме и любви к родине продолжал убеждать людей в примате интересов человеческой цивилизации над национальными. Он готов был отложить или даже вовсе пожертвовать национальными целями ради установления мира и дружбы между народами, ради сохранения и торжества высокой духовной жизни на нашей Земле. «Его национализм, таким образом, отличался определенной мировой ориентацией, — писал Неру, — и был совершенно свободен от каких бы то ни было агрессивных устремлений. Желая независимости для Индии, он вместе с тем пришел к убеждению, что единственно правильной целью, хотя бы и осуществимой лишь в отдаленном будущем, является создание всемирной федерации взаимозависимых государств».

В центре всех земных забот для Ганди стоит человек. Его духовность выше «таинственных» интересов государства. Ганди мог противопоставить моральный принцип

индивидуума всей политике могучей державы. Человек, и только он, с его моралью, нравственностью, разумом — высшая ценность на Земле. Государство же, являясь производным от человека, способно искажать его сущность, быть неадекватным его духовной природе. Государство — еще не народ, но и народ — не масса, а миллионы неповторимых жизней. Именно война, которая была бы бессмысленна и невозможна среди людей, если бы не существовало «высших государственных интересов», превращает человека в убойную бездуховную массу.

Образ политического мышления Ганди был притягателен своей прекрасной перспективой и подлинным гуманизмом, но в обстановке мировой войны, когда земная цивилизация билась в конвульсиях тотального насилия и боли, в условиях небывалой жестокости, массового уничтожения людей, а также созданных ими духовных и материальных ценностей, непрактические призывы Ганди порой звучали раздражающим диссонансом. И все же Ганди, будучи непонятым и даже высмеянным, как в свое время перед первой мировой войной был непонят его учитель Лев Толстой, восстал против безумия и эпидемии военной чумы, охватившей мир, восстал «не конно и оружно», а всей силой человеческого разума и сердца. Когда думаешь в наши дни о мироощущении двух великих апостолов ненасилия — Толстого и Ганди, тебя поражает странная мысль, что они были посланцами из будущего и их духовная жизнь на целый век опередила свое время. Тем не менее они говорили истинное, которое может стать реальной и объективной истиной в другую историческую эпоху цивилизации — в третьем тысячелетии.

Лорд Линлитгоу, бывший адмирал, с медлительным складом ума, отбросив дипломатию, действовал как истый солдафон, управляя огромной страной почти в духе предписаний военно-морского устава.

Индийский народ, питавший презрение и ненависть к фашизму и готовый вступить с ним в борьбу, в то же время был глубоко оскорблен в своих национальных чувствах действиями английского правительства, которое, остро нуждаясь в военной и экономической помощи Индии, управляло ею методами голого принуждения.

14 сентября 1939 г. собралось заседание Рабочего комитета Конгресса. На него был приглашен и лидер Мусульманской лиги Джинна. Его отказ принять участие

в заседании Рабочего комитета ИНК не предвещал ничего хорошего: он означал обострение индусско-мусульманских отношений и, к полному удовлетворению колонизаторов, отсутствие единства цели у индийцев. Совещание, однако, прошло по-деловому. Члены Рабочего комитета горячо осуждали пренебрежительное отношение английского правительства к национальным интересам Индии, отмечали империалистический и колониальный характер внешней политики Англии.

Рабочий комитет обнародовал пространное заявление по вопросу о войне. В нем резко осуждались фашизм и нацизм и указывалось, что в них особо ярко проявились те черты империализма, против которых индийский народ борется уже многие годы. Рабочий комитет со всей решимостью осудил агрессию нацистского правительства Германии против Польши и выразил симпатию тем, кто противостоит этой агрессии. В заявлении подчеркивалось, что вопрос об участии Индии в войне должен решаться самим индийским народом и никакие чужеземные власти не могут навязать ему свою волю. Народ Индии не может позволить эксплуатировать ресурсы его страны в империалистических интересах.

Вместе с тем Рабочий комитет ИНК выразил готовность сотрудничать с английским правительством в ведении войны, обусловив свое сотрудничество отказом Англии от методов принуждения и давления на Индию. Сотрудничество должно быть сотрудничеством между равными и осуществляться с обоюдного согласия сторон во имя цели, которую они признают достойной их совместной борьбы. В заявлении отмечалось, что Индия не может участвовать в войне, которая провозглашается войной за демократическую свободу в то время, когда сама Индия лишена и свободы, и демократии.

Руководители ИНК указывали на необходимость единства провозглашаемых Англией идеалов с действительными целями и мотивами ее политики. В этой связи в заявлении говорилось: «...История учит тому, что даже самая пламенная клятва может быть вероломно нарушена... Сейчас вновь утверждают, что демократия в опасности и ее нужно защищать, с чем Комитет полностью согласен. Комитет верит, что народы Запада движимы этим идеалом и этими целями и что они готовы принести жертвы во имя них, но идеалы и стремления народов и тех, кто пожертвовал

собой в борьбе, вновь пограны, и клятва, данная людям, принесшим себя в жертву, нарушена.

Если война ведется во имя защиты статус-кво империалистических владений, колоний, интересов отдельных групп и привилегий, то Индия не может связать себя с ней. Если же стоит вопрос о судьбах демократии и мирового устройства, основанного на демократии, тогда Индия глубоко заинтересована в этом. Комитет убежден, что стремление Индии к демократии не противоречит интересам английской или мировой демократии, тогда как между демократией в Индии и в других районах Земли и империализмом и фашизмом существует неразрешимый внутренний конфликт. Если Великобритания борется за сохранение и расширение демократии, тогда ей непременно надлежит покончить с империализмом в своих собственных владениях, основать полную демократию в Индии и предоставить индийскому народу без вмешательства извне право на самоопределение путем принятия своей конституции на Учредительной ассамблее... Свободная демократическая Индия с радостью объединится с другими свободными странами ради совместной обороны от агрессии и в целях экономического сотрудничества. Она готова содействовать созданию такого мирового порядка, который действительно будет основан на свободе и демократии и при котором знания и ресурсы всего мира будут использованы в интересах прогресса и благосостояния человечества».

Авторы заявления Рабочего комитета оказались очень прозорливыми, указав на глубинные последствия развязанной войны: они предсказывали, что в итоге войны наступит распад колониальной системы империализма. «Кризис, переживаемый Европой, — это кризис всего человечества, и он не пройдет, подобно другим кризисам и войнам, оставив нетронутыми основы современного мира... Индия с ее огромными ресурсами должна играть важную роль в реорганизации мира, но она может выполнять эту роль, лишь будучи свободной нацией, раскованная энергия которой может быть направлена к этой великой цели. Свобода сегодня неделима, и всякая попытка сохранить империалистическое господство в любой части мира неизбежно приведет к новому бедствию».

Основным автором этого документа был Джавахарлал Неру, который только что вернулся из поездки в Китай. Ганди одобрял антиимпериалистическую сущность заявле-

ния Рабочего комитета Конгресса, однако он не мог согласиться с положением о возможности совместного с англичанами ведения военных действий — этого он не принимал.

Таким образом, в начале второй мировой войны руководители Конгресса, правомерно сомневаясь в характере войны, потребовали от английского правительства, во-первых, ясно определить ее цели и, во-вторых, заявить, намерено ли оно предоставить Индии независимость.

Заявление Конгресса об отношении к войне вызвало настоящее смятение в правящих кругах Англии. Вице-король был явно растерян.

Возмущенная Индия протестовала. Антивоенное движение серьезно угрожало планам Англии по использованию людских и материальных ресурсов страны в целях ведения войны. Вице-король уже сожалел о своих самоуверенных действиях. Зря он игнорировал лидеров Конгресса, лишив себя их доверия и поддержки. Лорд Линлитгоу пытается исправить свою ошибку и вспоминает о Ганди. Он посылает ему телеграмму с просьбой о встрече. Первым же поездом Ганди приезжает в Симлу, где его с нетерпением ожидает вице-король. Ганди говорит Линлитгоу, что его симпатии целиком на стороне государств, борющихся против фашизма. Но как человек, верующий в доктрину ненасилия, самое большее, что он может предложить державам антигитлеровской коалиции, — это свою полную и безусловную моральную поддержку. Ужасы войны потрясли Ганди. «Я не нахожу никакого утешения для себя, — признается он вице-королю. — В тайниках своего сердца я всегда буду в ссоре с Богом за то, что он позволил этому свершиться. Мое ненасилие кажется почти бессильным...»

«Почему миллионы людей позволяют убедить себя убивать других или идут на сознательный риск быть убитыми или искалеченными на войне, но так мало находится людей даже среди самых неистовых пацифистов, которые были бы готовы отдать свою жизнь за дело мира?» — печально задумывается над этим вопросом Ганди, видя, как конгрессистов все больше захватывает соблазнительная идея почерпнуть из кровавых луж войны свободу для своей родины. Такие планы представлялись ему чудовищными. Ганди продолжает стоять на своем, утверждая, что насилием против насилия нельзя решить ни одной проб-

лемы. Он остается убежденным пацифистом, сознавая при этом, что мало кто из конгрессистов верит в возможность применения принципа ненасилия на практике во время войны между государствами.

Индийский вождь разочаровал вице-короля, совершенно определенно сказав ему, что он против того, чтобы Конгресс согласился взять на себя ответственность за активное участие Индии в войне. Позиция Ганди расходилась с настроением подавляющего большинства конгрессистов, которые все еще не теряли надежды на то, что участие индийцев в войне на стороне Англии вынудит ее уже теперь предоставить Индии независимость. Кроме того, миллионы индийцев были подлинными антифашистами и стремились принять активное участие в борьбе с нацистской Германией. Поэтому-то Ганди с грустью говорит: «Моя позиция замыкается на одном мне. Я должен еще посмотреть, есть ли у меня какие-либо попутчики на моем одиноком пути...» Его убеждения были настолько тверды, что он без колебания готов был порвать отношения со своими близкими соратниками и с самим Конгрессом.

Вице-король лихорадочно ищет выхода из создавшегося положения в Индии: ни заявление Рабочего комитета Конгресса об отношении к войне, ни его трехчасовая беседа с Ганди в Симле не сулили ничего хорошего. Индия становилась еще более непокорной, запрашивая за свое военное сотрудничество неприемлемую для метрополии цену. Линлитгоу шлет в Лондон одну депешу тревожнее другой. А там почти непрерывно заседает Военный кабинет. Однако тщетно: и там не находят панацеи от стремления индийского народа к свободе.

2 октября 1939 г. английский кабинет по докладу министра по делам Индии рассмотрел очередную телеграмму вице-короля. Он сообщил о том, что разрыв с Конгрессом представляется ему почти неминуемым, и просил одобрить наконец текст заявления правительства ее величества в отношении Индии в связи с начавшейся войной. Желая выглядеть перед Лондоном конструктивным политиком, Линлитгоу выдвинул при этом предложение созвать конференцию представителей всех партий Индии. Против «экстремистской» позиции Конгресса он надеялся заручиться поддержкой Мусульманской лиги и партий князей. Но и теперь кабинет медлил с обнарудова-

нием заявления: нужно было сделать слишком большую ставку, на что в Лондоне не решались.

Английскому правительству потребовался месяц для ответа на требования Конгресса. Причем реакция оказалась столь негибкой, что лишь еще более осложнила англо-индийский кризис. 17 октября 1939 г. вице-король публично признался, что он «не может раскрыть цели войны лучше, чем это уже сделал премьер-министр Великобритании». Лорд Линлитгоу многозначительно, будто идя на большую уступку Конгрессу, заявил, что английское правительство намерено после завершения войны в соответствии с законом об управлении Индией 1935 года рассмотреть вопрос о предоставлении Индии статуса доминиона, то есть не сказал ничего нового. Он снова распространялся о трудностях решения этого вопроса в связи с религиозно-общинными разногласиями в стране и отрицательной позицией, занятой правителями многочисленных «самостоятельных» княжеств.

Слова Линлитгоу расстроили Ганди, он с горечью комментировал их: «Общинные различия издавна использовались английским правительством для того, чтобы мешать устремлениям Индии. Даже теперь, как можно себе представить, продолжает разыгрываться отвратительный спектакль о противоречиях между Лигой и Конгрессом».

Джинна, поощряемый вице-королем в своих политических амбициях, заявил, что мусульмане самостоятельно определяют свое отношение к будущей конституции Индии и устройству государства и что Мусульманская лига должна быть признана единственной организацией в стране, представляющей всех индийских мусульман. Таким образом, Джинна наносил удар по представлениям Ганди о будущем Индии как о едином и светском государстве и по самому Конгрессу как всеиндийской политической партии, которая строилась независимо от религиозной принадлежности ее членов.

25 октября 1939 г. на заседании Военного кабинета Великобритании, которое состоялось в резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, 10, снова стоял вопрос о положении в Индии и о ее участии в войне. При всей сложности вопрос этот для английского правительства сводился к дилемме: или найти компромисс с Конгрессом, используя при этом то обстоятельство, что его руко-

водство, включая Ганди, осуждает фашизм, или — на чем настаивал Черчилль — просто раздавить конгрессиистскую партию и силой подавить национально-освободительное движение. К однозначному решению правительство Чемберлена тогда еще не пришло. Оно колебалось. Верховный наместник британской короны в Индии вице-король Линлитгоу на этот раз тоже проявлял не свойственную ему осмотрительность. Видимо, он убедился, что держать в повиновении огромный народ куда сложнее, чем разыгрывать в адмиралтействе на штабных картах военно-морские сражения.

Вице-король в шифрованной депеше испрашивал у Лондона совета на новую встречу с Ганди и Джинной. Он полагал возможным согласиться с предложением представителя консервативных мусульманских кругов сэра Мохаммеда Зафруллаха Кхана передать портфель министра обороны Индии индийцу. Уже сам факт принятия этого предложения, по мнению Линлитгоу, создавал бы иллюзию, что индийцы сами организуют оборону своей страны. Кроме того, это позволит представить дело так, будто самые популярные лидеры выразили тем самым готовность к сотрудничеству с центральным правительством.

Министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс (лорд Ирвин), хорошо знавший Индию и самого Ганди по своей нелегкой верховной миссии в этой стране, усомнился, чтобы Ганди, будучи неистовым пацифистом, одобрил предложение о назначении министра обороны из числа своих соотечественников. Это противоречило бы его принципам и убеждениям. Правда, ограничение полномочий такого министра сугубо административно-хозяйственными, по своему характеру мирными функциями могло бы изменить его отношение к этому предложению. К тому же, если учесть склонность Ганди к компромиссам и его моральное сочувствие англичанам в их войне с фашизмом, то предлагаемая вице-королем тактика имела определенный шанс на успех. Передача индийцам поста министра обороны безусловно была бы положительно воспринята индийскими промышленниками, заинтересованными в получении выгодных заказов.

Галифакс, изложив все аргументы «за» и «против», выразил убежденность, что только такого рода уступки позволят расколоть индийских националистов.

— В противном случае, — заявил он, — конгрессиист-

ские министры в провинциальных правительствах, по всей вероятности, по призыву Ганди и Неру уйдут в отставку, и тогда кампания гражданского неповиновения и антибританские выступления в стране быстро наберут силу.

Галифакс сделал выразительную паузу и угрожающе добавил:

— Британское правительство неминуемо встретится в Индии с серьезными трудностями. А это повлечет за собой нежелательную для нас пропаганду за океаном.

Конечно же, Галифакс имел в виду Соединенные Штаты, которые, претендуя на расширение своего влияния в Южной Азии, заигрывали с индийскими лидерами и напрямую пытались установить деловые связи с финансовыми и промышленными кругами Индии. Опасность американского проникновения в Индию уже не раз была предметом острых дискуссий в английском кабинете.

— До тех пор, пока мы не пойдем на разумные уступки пожеланиям Конгресса, — продолжал Галифакс, — «умеренные» не смогут отмежеваться от экстремистов (такими он считал Неру и Боса. — *Авт.*) и ситуация в Индии будет быстро ухудшаться.

Бывший вице-король еще долго занимал внимание своих коллег по Военному кабинету, рассуждая о необходимости для нынешнего вице-короля тонко использовать противоречия между Ганди и Джинной, между Конгрессом и Мусульманской лигой. Галифакс согласился с мнением Линлитгоу, что руководство Мусульманской лиги, очевидно, с большей готовностью пойдет на сотрудничество с правительством, однако мусульманская молодежь, по всей вероятности, воспротивится этому и свои симпатии отдаст Ганди и Неру.

— Во всяком случае, если мы сделаем расчетливый шаг навстречу Конгрессу, наши моральные позиции среди определенных слоев индийского населения станут прочнее, — заключил Галифакс.

После Галифакса слово взял другой специалист по обсуждавшемуся вопросу, недавний министр по делам Индии, а ныне лорд-хранитель печати Хор. Теперь его волновало, как в наилучшем свете представить индийскую политику правительства Чемберлена в английском парламенте.

— Очень надеюсь, что нам не придется объяснять парламенту, почему мы вынуждены были пойти на реп-

рессии в Индии, в пользу которых настроены некоторые наши коллеги, — сказал Хор, косясь на насупившегося Черчилля. — Надо успокоить палату представителей, сообщив ей о намерении вице-короля встретиться с Ганди и Джинной, и сказать, что сейчас нет оснований опасаться ухода в отставку индийских министров в провинциальных правительствах, а следовательно, и говорить об угрозе кампании гражданского неповиновения.

Хор, соглашаясь с Галифаксом, высказался за гибкую тактику поведения в отношении индийских лидеров.

— Надо терпеливо выслушать их, дать им время на раздумье, — сказал он.

Вице-королю, по убеждению Хора, следует больше апеллировать к чувствам Ганди, говоря ему о спасительном взаимопонимании и взаимопомощи в тяжелую годину испытаний, об общей военной угрозе, которую война несет Объединенному Королевству и Индии. Если будет нужно, то, не страшась, передать индийцам портфель министра обороны.

Слушая речи Галифакса и Хора, Черчилль, который был тогда военно-морским министром, хмурил брови и, не обращая ни на кого внимания, выпускал сизые клубы сигарного дыма. Эта политическая мимикрия явно претила ему.

— Мы не можем так далеко заходить с уступками и позволять Конгрессу, использующему в своих интересах опасность, в которой сейчас находится Англия, оказывать на нас давление, — начал свое выступление Черчилль. — Подобные уступки будут шоком для большинства в Англии, и они способны только подорвать устои внутренней безопасности в Индии. Нет никаких оснований считать, что твердые, решительные меры с нашей стороны обязательно приведут к новым осложнениям в Индии. Напротив, восстановление всей полноты британского управления в провинциях после ухода конгрессистских министров в отставку создаст возможность увеличить экономический эффект участия этой страны в войне и тем самым повысить популярность британской политики в отношении Индии среди наших соотечественников.

Оратор обвел возмущенным взглядом членов кабинета и остановил его на Хоре.

— Встань мы однажды на путь, который нам здесь указывают, и мы окажемся на скользкой дороге. Прави-

тельство уже будет не в состоянии контролировать положение. Угроза поддержанию внутреннего порядка в Индии исходит не из-за укрепления нашей власти в этой стране, а из-за намерения согласиться с неразумными и неприемлемыми для нас требованиями индийцев. — И повернувшись к Галифаксу, сурово продолжил: — Именно ослабление нашей власти в Индии приведет к усилению антибританской пропаганды в США и повсюду в мире. Поэтому мы должны вдохновить вице-короля на проведение твердой политики и в центре, и на местах.

— Может быть, передача портфеля министра обороны индийцам и звучит как бедствие, — пасуя перед Черчиллем, словно оправдываясь, ответил Галифакс, — однако надо иметь в виду, что это помогло бы устранить прямую конфронтацию с индийцами. К тому же министр обороны, как мы себе это представляем, будет обладать символическими полномочиями. Он будет подбираться и назначаться вице-королем, в любом случае сохраняющим за собой всю полноту власти в Индии.

— Конгрессистская партия все равно останется неудовлетворенной. Она добивается реальной власти и в области обороны, и в области финансов, — резко парировал Черчилль.

Ганди и всем индийским патриотам предстояло примирить два противоречивых направления в политических настроениях конгрессистской партии — оппозицию английскому колониализму и ненависть к фашизму. Это противоречие тут же перестало бы существовать, предоставь английское правительство независимость Индии. Такое, однако, было маловероятно. В политике правящих кругов Англии явно брала верх линия консерваторов, которую тогда выражал Уинстон Черчилль. Английский парламент в эти дни принял дополнения к Закону об управлении Индией 1935 года и Закон об обороне Индии, лишив всех основных полномочий провинциальные правительства, которые в большинстве провинций были представлены конгрессистами. Вся власть теперь сосредоточилась в центре, в руках самого вице-короля и его близкого окружения. Оскорбленные действиями англичан, конгрессистские министры в провинциях подали в отставку, правительства на местах практически распались и там установилась диктатура английских губернаторов.

Последовавшие в ноябре 1939 года встречи между

лидерами Конгресса и вице-королем, между руководителями Мусульманской лиги и ИНК не привели к преодолению тупика ни по проблемам внутреннего положения страны, ни по вопросу отношения партий к войне.

Английское правительство с присущим ему крайним консерватизмом в колониальной политике по-прежнему подходило к Индии как к стране, которой самой историей будто бы предназначено вечно быть сырьевым придатком Англии, как к стране с неискоренимой враждой религиозных общин и каст, как к государству, состоящему из авторитарных княжеств и полудиких племен, то есть как к конгломерату, неспособному и недостойному иметь свою собственную государственность.

Подходя с такими мерками к Индии, Лондон игнорировал просьбу Конгресса о разъяснении целей войны. Не думали всерьез в Лондоне и о рассмотрении требования о предоставлении Индии независимости. «Ответ на эти требования, — говорилось в очередной резолюции Рабочего комитета Конгресса, — был совершенно неудовлетворительным, причем со стороны английского правительства предпринята попытка вызвать недоразумения и затемнить основной, моральный аспект проблемы... Эту попытку уклониться от заявления о целях войны и освобождения Индии под разными несостоятельными предложениями Комитет может истолковать лишь как желание сохранить империалистическое господство в Индии в союзе с реакционными элементами страны».

Лидеры ИНК, руководствуясь советами Ганди, все же продолжали поиск компромисса с английским правительством. Сатьяграха, учил вождь, по своей моральной сути требует не щадить усилий для достижения достойного соглашения с другой стороной.

Новая попытка Конгресса к приемлемому компромиссу с правительством была предпринята летом 1940 года, когда Гитлер направил свои полчища на Запад и над Великобританией нависла реальная угроза непосредственно испытать на себе мощь военной машины вермахта. Гитлер решил полностью использовать выгодную для него обстановку, созданную политикой «странной войны», которую вели английское и французское правительства, все еще не терявшие надежды направить фашистскую агрессию на Восток. 10 мая 1940 г. «странной войне» был положен конец. В течение нескольких дней гитлеровские войска

захватили Бельгию, Голландию и Люксембург. Английский экспедиционный корпус был прижат к побережью в районе Дюнкерка и эвакуировался на Британские острова, бросив все тяжелое вооружение. Франция капитулировала. Хищные взоры Гитлера устремились теперь через Ла-Манш, непосредственно на Англию.

Учитывая ухудшение военно-стратегической обстановки для метрополии, Конгресс решил сделать очередной шаг навстречу английскому правительству. Рабочий комитет ИНК наперекор воле Ганди выступил с заявлением о том, что если Англия даст гарантии предоставления Индии независимости сразу же после окончания войны, то представители Конгресса готовы войти во временное национальное правительство и вернуться на свои министерские посты в провинциях, чтобы принять активное участие в организации эффективной обороны Индии от возможной агрессии против нее со стороны держав «оси».

Отвергая установку Ганди о неприменении силы против агрессоров, Конгресс тем не менее целиком следовал указаниям в борьбе за независимость. Руководители ИНК, опасаясь стихийных выступлений, обратились к народу с призывом строго осуществлять гражданское неповиновение властям исключительно мирными средствами.

Опасение правоцентристского руководства ИНК утратить контроль над массами было вполне обоснованным. В 1938—1940 годах в стране проходили многолюдные антивоенные демонстрации и митинги. Стачки рабочих состоялись в Мадрасе, Бомбее, Канпуре, Патне, Джхари и во многих других промышленных центрах. Ширилось движение рабочих и других слоев трудящихся против первых политических и экономических последствий войны — ликвидации в стране элементарных демократических институтов, массового использования властями указа о превентивном заключении, роста дороговизны и спекуляции предметами первой необходимости.

Все большее влияние на формирование настроения народа стали приобретать левые силы. Демонстрацией возросшей популярности левых сил явилась антиимпериалистическая конференция рабочих, крестьянских и студенческих организаций, состоявшаяся в Нагпуре. В ней приняли участие Компартия Индии, конгресс-социалисты и созданный С. Ч. Босом «Форвард блок». Принятые

конференцией резолюции носили бескомпромиссный анти-колониальный характер.

В Индии вновь складывались объективные условия для создания объединенного национального фронта всех антиимпериалистических сил. Однако этому во многом препятствовала позиция правоцентристского руководства ИНК, проанглийская линия Мусульманской лиги и obstructионистская тактика Боса. Сторонники Боса провели так называемую «антикомпромиссную конференцию», где подвергли резкой и оскорбительной критике Конгресс и лично Махатму Ганди. Индийские коммунисты, хотя и стремились к сотрудничеству с левыми силами, в этой конференции не участвовали, считая, что она наносила серьезный удар по единству антиимпериалистического движения.

Одновременно с конференцией, проведенной сторонниками Боса, в марте 1940 года в Лахоре состоялся съезд Мусульманской лиги, на котором было принято решение, сыгравшее роковую роль в истории индийского национального движения: Мусульманская лига своей конечной политической целью объявляла создание Пакистана, «государства чистых», то есть приверженцев ислама.

Ганди был потрясен этим решением. Его мечта о создании единого, демократического и светского государства, казалось, рухнула, а все усилия и принесенные ради этой цели жертвы стали напрасными. Однако, оправившись от первого шока, Ганди взялся за продолжение своего дела с еще большей энергией. Не увлекаясь глубоко никакой наукой, он обладал чутьем как историка, так и политического деятеля, учитывавшего требования политического момента. Ганди всякий раз с негодованием отвергал утверждения о том, что в Индии будто бы сложились две самостоятельные нации — индусская и мусульманская. Критикуя лидеров Мусульманской лиги, он говорил, что в Индии испокон веков существуют и легко уживаются десятки религиозных общин. И что же, представители каждой из них составляют отдельную нацию?.. Единая и неделимая свободная Индия — вот путь, на который должны ступить все индийцы, независимо от их вероисповедания. Вместе с тем Ганди с исключительной чуткостью относится к религиозным меньшинствам. По его предложению в этот период роста взаимного недоверия и подозрения между индусами и мусульманами президентом

Конгресса избирается виднейший мусульманский деятель Абул Калам Азад, высокая образованность и гуманистические взгляды которого широко были известны в Индии.

Однако размежевание политических сил в Индии в связи со второй мировой войной продолжалось. Бос и его сторонники, разуверившись в возможности свержения английского господства в Индии самими индийцами, сделали авантюристическую ставку на сотрудничество с фашистской Германией и милитаристской Японией. Сам Бос нелегально перешел индийско-афганскую границу, добрался до Берлина, а оттуда переехал в Японию. Он наивно верил в то, что военные противники Англии принесут на своих штыках в Индию избавление от иностранного гнета.

Разобщенность национально-освободительного движения в этот критический для Индии момент, отсутствие единого фронта против колонизаторов позволяло английскому правительству не идти на уступки Конгрессу, который, по словам Дж. Неру, будучи «полуреволюционной» организацией, далеко не всегда проявлял в своих действиях необходимые смелость и решительность.

Предприняв новую попытку найти общую военно-политическую платформу с английским правительством, Конгресс отказался от своих прежних требований о немедленном предоставлении Англией независимости Индии и разъяснении целей войны. На этот раз Конгресс предложил вице-королю создать в рамках существующей конституции национальное правительство Индии из представителей различных партий.

Такого рода компромисс ничем не грозил английскому господству. В стране сохранялась верховная власть вице-короля, военный аппарат подчинялся английскому главнокомандующему; вся сложная система гражданской службы, созданная англичанами, ни в коей мере не затрагивалась. Короче, речь шла о чисто моральном факторе — национальном престиже индийцев и о послевоенной перспективе для Индии получить наконец независимость. Но и на это не хотели идти в Лондоне. Там больше полагались на Закон об обороне Индии, нежели на сотрудничество с Конгрессом, достигнутое ценой обещания предоставить стране свободу в весьма отдаленном будущем.

Лорд Линлитгоу отклонил компромиссное предложение Конгресса. Он заявил, что английское правительство не

намерено передавать свою ответственность «за сохранение мира и благополучие Индии» никакому национальному правительству, сославшись на индусско-мусульманские разногласия, которые будто бы делают невозможным создание такого правительства.

Конгрессисты и в особенности лидер правоцентристской группы и инициатор этого предложения Раджагопалачария оказались публично посрамлены и расклевывались, что не послушались совета Ганди не соглашаться на военное сотрудничество с Англией.

Как раз в эти мрачные дни фашистского «блицкрига» в Западной Европе в Лондоне произошла смена правительства. Невилл Чемберлен ушел в отставку. Новым премьер-министром стал Уинстон Черчилль. Министерство по делам Индии возглавил Эмери, который еще в 1933 году «прославился» тем, что оправдывал в английском парламенте японскую агрессию против Китая. Он же с редкой для английского политического деятеля откровенностью мотивировал свое мнение тем, что, дескать, если английские парламентарии «осудят то, что Япония делала в Китае, им придется осудить точно так же и то, что Англия делала в Индии и Египте».

Политическое кредо Черчилля было хорошо известно индийским патриотам. Его приход к власти вызвал в Индии уныние, горькую досаду и крушение надежд на скорое получение свободы. В стране, пожалуй, не было ни одного причастного к освободительному движению человека, которого бы резкие слова Черчилля, произнесенные еще в январе 1930 года, больно не хлестнули по чувству национального достоинства. Тогда он призвал парламент «сокрушить Ганди и Индийский национальный конгресс». Месяцем позже он заявил: «Английский народ отнюдь не намерен отказаться от контроля над жизнью и прогрессом Индии (разумеется, «прогрессом» в понимании самого Черчилля. — *Авт.*)... Мы, — продолжал он развивать свою мысль, — не намерены отказываться от этой блестящей и драгоценной жемчужины королевской короны, которая в большей мере, чем все прочие наши доминионы и владения, составляет силу и славу Британской империи».

Но бывало, что и Черчилль становился в хор «либералов» и демагогически рассуждал о пользе и вреде реформ в Индии и даже не исключал возможности предоставления ей в неопределенном будущем статуса до-

миниона. Обещанием предоставить такой статус индийцев «одаривали» уже многие годы. Никто, однако, из англичан не разъяснял, в чем состояла суть этого дара. Сделал это Черчилль. В декабре 1931 года он сказал: «Большинство видных общественных деятелей, к числу коих в свое время принадлежал и я, выступали с речами — я, во всяком случае, выступал — насчет статуса доминиона, но я не имел в виду, что Индия когда-либо в обозримом будущем будет иметь такие же конституционные права и такую же систему, как Канада... Англия, потеряв Индию в качестве части своей империи, навсегда перестанет существовать как великая держава». Итак, разговоры об Индии как будущем доминионе были не более чем политическим надувательством, пустым разглагольствованием. «Империализм не желал разжимать своих когтей, которые он глубоко запустил в живое тело Индии», — говорил по этому поводу Неру.

Отклонив примирительную инициативу Конгресса, вице-король Линлитгоу разослал строгий циркуляр губернаторам провинций, в котором предписывалось покончить с Конгрессом и принять все меры для пресечения национально-освободительного движения, рассматривая его деятельность как «подрывную, направленную на оказание поддержки врагам короля». В этом же циркуляре лорд Линлитгоу распорядился: при решении вопроса об аресте лидеров Конгресса исключения для Ганди не делать, «учитывая вместе с тем его особую позицию».

Вице-король видел в Ганди скорее пронизательного и грозного противника, чем покорного союзника. Хотя Ганди и выступал против развертывания в Индии массового освободительного движения в тяжелое для Англии время войны с фашистской Германией, он оставался самым влиятельным борцом в своей стране. Вот почему униженные во дворце вице-короля руководители Конгресса пришли к Ганди и стали просить его вновь возглавить движение.

Вождь, однако, не поддается давлению со стороны руководителей левого крыла ИНК, уговаривающих его развернуть массовую кампанию гражданского неповиновения. Он провозглашает на этот раз индивидуальную сатьяграху, в которой в основном должны участвовать видные конгрессисты — его стойкие последователи. Он не отказывается от идеи обратить конгрессистов в пацифист-

скую веру. Тот, кому даровалась привилегия оказывать английским властям неповиновение, должен был разделять антивоенные пацифистские лозунги: «Никакой другой поддержки Англии в войне, кроме моральной! Ненасильственное сопротивление всякой войне! Все планы использовать фашистские державы в борьбе против господства англичан в Индии — безнравственны!»

Ганди предостерегает Конгресс от организации массовых шествий, демонстраций, публичных митингов, собраний, групповых выступлений — только «устные протесты» и только в одиночку. Он требует отказаться от соблазна использовать в условиях войны рабочих и крестьян для достижения партийных и политических целей. Ганди предупреждает тех, кто готов сразу же ринуться в бой с твердыней английской власти, что без достижения индусско-мусульманского согласия нельзя начинать в стране массовую кампанию. Ему не дает покоя опасность возникновения гражданской войны. Кошмары религиозных распр постоянно преследуют его.

Одновременно с индивидуальной сатьяграхой вождь Индии агитирует терпеливо, шаг за шагом добиваться осуществления его «конструктивной программы» — укреплять индусско-мусульманское единство, обучать народ грамоте, расширять ручное прядение, поощрять деревенский кустарный промысел и ремесла, развивать кооперацию труда, изживать из быта индийцев социальные и кастовые предрассудки, в том числе затворнический образ жизни женщин, и т. д. Он придает «конструктивной программе» очень большое значение и ее осуществление прямо связывает с кампанией гражданского неповиновения, с самой борьбой за свободу Индии. Без осуществления «конструктивной программы», как он считает, невозможно успешно противостоять колонизаторам, как невозможно «поднять ложку парализованной рукой». Перемен в сознании людей нужно добиваться снизу, класть в фундамент будущего здания кирпичик за кирпичиком. Те, кто думает, что с завоеванием независимости люди изменят свое отношение друг к другу, к труду и собственности и что все блага им «свалятся с неба», глубоко заблуждаются, разъясняет Ганди.

В индивидуальной сатьяграхе приняли участие прежде всего члены Рабочего комитета ИНК и руководящие деятели провинциальных комитетов конгрессистской партии.

Полиции не представляло никакого труда заполучить списки участников «символической кампании», и поэтому многие из них, еще не успев выкрикнуть ни одного антивоенного лозунга, оказались за решеткой. Конгресс был обезглавлен. К маю 1941 года власти арестовали более 25 тысяч конгрессистов, робко пытавшихся протестовать против участия Индии в войне.

В Лондоне были приятно удивлены столь осторожными и «джентльменскими» действиями Ганди, который признавался в том, что он не хотел в суровые для Англии дни испытаний наносить ее администрации в Индии серьезного политического ущерба. Министр по делам Индии Л. Эмери отзывался об индивидуальной сатьяграхе как о «достойной сожаления и нелогичной», называя ее «апатичной, вялой кампанией, неспособной пробудить к себе скольконибудь широкого интереса». Это была объективная оценка.

В это время после завершения учебы в Лондоне в Индию вернулась дочь Неру — Индира. Не успела она сойти с корабля в Бомбее, как ей вручили телеграмму от Махатмы Ганди. Он просил ее, не откладывая, сразу же повидать его.

Индира была в той завидной физической и духовной форме зрелой молодости, для которой не существует ни преград, ни трудностей. Она готова была, не раздумывая, ринуться в любое пламя борьбы за свободу Индии. Предстоящая встреча с Бапу взволновала ее. Она не видела его уже несколько лет. Какой он сейчас?..

По дороге на родину, куда она возвращалась вместе со своим возлюбленным другом Ферозом Ганди (однофамильцем Махатмы Ганди. — Авт.), их судно, побывав в суровом морском бою, на несколько дней задержалось для ремонта в южноафриканском порту в Кейптауне. Так им довелось побывать в местах, где Махатма Ганди начинал свои беспримерные социально-политические эксперименты в борьбе против расизма, за достойную человека жизнь своих соотечественников.

«Отцы» индийской общины, еще помнившие молодого Мохандаса Карамчанда Ганди и теперь наслышанные о его патриотической деятельности на родине, попросили

Индиру выступить перед большим собранием соотечественников.

Приветствуя бурными овациями дочь выдающегося индийского лидера — Джавахарлала Неру, сподвижника Махатмы Ганди, собравшиеся готовы были услышать от почетной гостьи что угодно, только не то, что им пришлось услышать.

— Постыдно и неразумно сотрудничество с англичанами в эксплуатации африканцев, — смело бросила она обвинение в притихший зал. — Вы должны найти взаимопонимание с коренными жителями этой страны. Не сегодня, разумеется, но через десять — двадцать лет они станут хозяевами своей страны, и тогда вам будет стыдно перед ними.

Гул удивления, возмущения и испуга прокатился по залу. Организаторы встречи, ничего не понимая, растерянно переглядывались, а Индира с нескрываемым возмущением продолжала:

— Располагая капиталами, вы транжирите их в свое удовольствие вместо того, чтобы оказать помощь национально-освободительному движению на родине или угнетенным племенам в Южной Африке, как пытался в свое время это делать Махатма Ганди, живя в этих краях.

О «дерзком» выступлении Индиры Махатма узнал еще до того, как она успела прибыть в Бомбей. Для него стало ясно, что в плеяду стоических борцов за индийскую свободу вступает новое, молодое поколение.

Индира нашла Бапу мало изменившимся, разве что он еще больше похудел и совсем лишился зубов. Большую часть времени он проводил в своей скромной обители на реке Сабармати. Бапу встретил Индиру по-отечески трогательно. Она, конечно же, догадывалась, что встреча состоялась не без участия ее отца, который, находясь в тюрьме, не мог сам ввести ее в курс последних событий в Индии и дать необходимые советы. Сделать это за себя он, вероятно, попросил Бапу. Что в общем-то было вполне естественно, поскольку Бапу всегда принимал самое живое участие в судьбах членов семьи Неру. А быть может, Бапу и сам проявил такую инициативу, что тоже неудивительно.

Из откровенной и обстоятельной беседы с Ганди Индира поняла, что Бапу не изменил за эти годы свои убеждения. Он все так же истово искал гармонии в соединении боль-

шой политики с чувствами и желаниями простого человека, рационального разума с отсталыми крестьянскими взглядами. Он оставался олицетворением идеализированной правды. Выживет ли эта красивая трепетная правда в условиях суровой действительности — войны, жесткого правительственного насилия, полицейского террора, голода и нищеты? Сомнений не было, Махатма Ганди играл выдающуюся роль в истории страны, но все же послушный ему народ один решал судьбу Индии. Очень хорошо, что сам Ганди понимал это лучше других.

...В то время, когда объявленная Ганди «символическая кампания» против войны была сведена на нет и руководители ИНК, включая Джавахарлала Неру, содержались в изоляции, пожар войны в Европе разгорался. Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Война против гитлеровского фашизма и японского милитаризма приобретала для всех народов мира освободительный характер. Советский народ вел Великую Отечественную войну.

Освободительные цели войны оказали влияние и на позиции индийского движения за независимость; еще сильнее обострились идеологические разногласия между правыми и левыми конгрессистами. Компартия Индии призвала наряду с продолжением борьбы за независимость страны активно участвовать в войне против держав фашистской «оси».

Рабочий комитет Конгресса в декабре 1941 года принял резолюцию, в которой говорилось: «Советский Союз всегда отстаивал ясные гуманные, культурные и социальные ценности, имеющие огромное значение для развития и прогресса человечества. Рабочий комитет считает трагедией, если в итоге разрушительной войны эти усилия и достижения будут уничтожены». Конгресс выразил восхищение героической борьбой советских людей против фашизма в защиту своей Родины и свободы. Симпатии Ганди были целиком на стороне Советского Союза, но он и его сторонники по-прежнему выступали против участия индийцев в любой войне.

Руководители двух самых крупных западных держав — Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль, учитывая глобальные масштабы войны, больше уже не могли умалчивать о целях своих стран в войне. Обнародования этих целей так, как это сделал в самом начале войны Совет-

ский Союз, добивалась не одна Индия, но и «белые» доминионы Британской империи — Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южная Африка. Надо было убедить народы мира, что США и Англия воюют в первую очередь за высокие антифашистские освободительные идеалы.

В начале августа 1941 года на борту военного корабля в гавани Арджентия состоялась встреча президента США Рузвельта и премьер-министра Англии Черчилля. В подписанной ими 14 августа Атлантической хартии были наконец сформулированы цели войны, о которых можно было бы публично заявить, рассчитывая на симпатии народов мира. Правительства Англии и США торжественно декларировали, что «они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем».

Война приобрела освободительный характер. Она велась за души народов мира. Поверженные и угнетенные нации хотели верить — и этого не могли не знать в Лондоне и Вашингтоне — в возможность создания нового справедливого послевоенного мира, мира, который бы, как мечтал Ганди, был способным уберечь человечество в будущем от глобальных катастроф.

Фарисейски ставя свою подпись под Атлантической хартией, Черчилль тут же делает запись в своем дневнике: «Военный кабинет абсолютно прав, что не пожелал рассматривать Индию в качестве самостоятельного суверенного государства». Он ничуть не смущается заявлять, что положения Атлантической хартии не могут быть распространены на Индию. Черчилль раскрывает свое отношение к хартии, как к документу чисто конъюнктурного характера: это «временное и частичное заявление о целях войны, предназначенное для того, чтобы убедить все страны в наших справедливых целях, а не завершенная схема, которую мы должны осуществить после войны».

За внешне привлекательными статьями Атлантической хартии скрывалась тайная, «джентльменская» договоренность лидеров двух держав установить после войны англо-американское господство над всем миром. Этот замысел тем более казался им выполнимым, что они рассчитывали на ослабление Советского Союза, который один на один отражал натиск всей мощи гитлеровской военной машины.

В период войны под игом Британской империи находилось полмиллиарда населения колоний, но она все еще продолжала строить алчные планы по захвату новых колоний. США, однако, вовсе не были склонны уступать Англии руководство миром. Их привлекала Индия, и они в любой момент были готовы усилить свое влияние в этой стране. Рузвельт был не прочь наладить контакты с буржуазными лидерами индийского национально-освободительного движения. Поэтому еще в первой половине 30-х годов Ганди не раз передавалось приглашение посетить США. Но понимая смысл таких приглашений, Ганди отклонял их, тактично говоря, что сейчас не время для визитов.

Всякий раз, когда заходила речь об Индии, Черчилль приходил в крайнее раздражение. Заигрывание США с индийскими националистами вызывает у Черчилля непроходящую сердечную боль, тревогу у всей английской автократии. Ревность вызывает подозрительность. Не зря, видимо, английскими послами в США направлялись «специалисты» по индийским делам: до декабря 1940 года — бывший вице-король Индии лорд Лотиан, а после его кончины — лорд Галифакс. В декабре 1941 года Рузвельт, воспользовавшись пребыванием Черчилля в Вашингтоне, хотел обсудить с ним индийскую проблему. «Моя реакция была такой острой и такой пространной, — вспоминает позднее об этом случае Черчилль, — что он уже больше никогда устно не поднимал этого вопроса».

Война в Азии расширялась. Япония уже захватила Индокитайский полуостров, приближаясь к Бирме и к восточным границам Индии. В этих условиях вице-король, рассчитывая заручиться поддержкой руководителей Конгресса в войне с Японией, 3 декабря 1941 г. объявляет массовую амнистию участникам гандистской сатьяграхи. Однако премьер-министр Черчилль не согласен с действиями вице-короля и телеграфирует ему: «Я был поражен известием о том, как вы далеко зашли с освобождением из тюрем остававшихся там сатьяграхов. Как вам известно, я всегда считал, что к человеку, подобному Неру, необходимо относиться как к политическому узнику, а не как к уголовнику, и приветствовал любое смягчение его участи. Тем не менее мое мнение по поводу этого массового освобождения сводится к тому, что оно является капитуляцией в момент, когда нам сопутствует успех. Не

вызывает сомнения то, что освобождение этих заключенных в качестве акта милосердия будет провозглашено победой партии Ганди...»

Индийский вождь воспринял «милосердие» властей без энтузиазма и не помышлял делать благодарственных жестов.

Черчиллю все же пришлось пересмотреть свою жесткую позицию в отношении индийских национальных сил. К этому его вынуждали военные успехи Японии, грозившие Британской империи катастрофой: 7 декабря 1941 г. японская авиация нанесла внезапный удар по Пёрл-Харбору и вывела из строя основные силы Тихоокеанского флота США; в феврале 1942 года под ударами японских войск пал Сингапур; в марте ими была занята столица Бирмы — Рангун; они оккупировали Гонконг; японский флот появился в Бенгальском заливе. В сложившейся обстановке и под известным нажимом президента США Черчилль решает предпринять попытку преодолеть кризис в отношениях Англии с Индией. После падения Рангуна он объявляет в парламенте, что направляет в Индию для переговоров с лидерами всех индийских партий и общин видного государственного деятеля Англии, члена Военного кабинета сэра Стаффорда Криппса.

Напряженность в политической жизни Индии усиливалась. По мере того как нарастала угроза японского вторжения в Индию, к ней все больше стали проявлять непосредственный интерес США и Китай, вызывая тем самым раздражение Черчилля. Между ним и президентом Рузвельтом завязалась переписка о положении в Индии.

Еще до приезда в Индию миссии Стаффорда Криппса сюда в феврале 1942 года прибыл Чан Кайши, который не скрывал своего намерения установить личные контакты с представителями национального движения в Индии с целью оказания на них своего влияния. Это обстоятельство просто взбесило английского премьер-министра. Он резко заявил, что Военный кабинет не может согласиться, чтобы глава иностранного государства вмешивался в качестве «беспристрастного арбитра» во взаимоотношения между представителями короля Англии и лидерами Конгресса Ганди и Неру.

12 февраля 1942 г. Черчилль писал Чан Кайши: «Мы, члены правительства, считаем, что Ваше намерение посетить г-на Ганди в Варде может помешать нашему жела-

нию сплотить всю Индию в военных усилиях против Японии... Я смею надеяться, что Ваше Превосходительство будет столь любезно, что не станет проявлять настойчивость в этом вопросе вразрез с желаниями вице-короля и короля-императора». Чан Кайши не прислушался к предостережению Черчилля. 18 февраля в Калькутте состоялась четырехчасовая беседа Чан Кайши с индийским вождем. Ганди, как всегда, был внимателен и вежлив с собеседником, однако твердо выразил несогласие со многими его националистическими взглядами. После отъезда Чан Кайши из Индии Черчилль облегченно записал в своем дневнике, что его «несвоевременная поездка закончилась, не принеся никакого вреда».

Перед тем как направить миссию Криппса в Индию, Черчилль обменялся несколькими посланиями с президентом Рузвельтом. «Мы серьезно рассматриваем вопрос о том, — писал он, — следует ли в нынешний критический период объявить декларацию о предоставлении Индии после войны статуса доминиона и при желании с правом отделения...» Но вслед за обнадеживающим введением Черчилль делает такое множество оговорок и высказывает столько сомнений, что вопрос о предоставлении Индии независимости и о превращении ее в единое национальное государство при этих условиях практически становится неразрешимым.

Он цитирует Рузвельту заявление председателя Мусульманской лиги Джинны, в котором выражает серьезные опасения, что власти могут отступить перед антианглийскими элементами в Индии, и призывает английское правительство, в случае конституционных преобразований в стране, объявить о своей согласии с планом раздела Индии и создания Пакистана.

Черчилль, стараясь быть убедительным, апеллирует даже к мнению английского губернатора в Пенджабе, от которого вряд ли можно было ожидать объективной оценки политической обстановки в Индии или симпатий к патриотическим силам страны. Губернатор телеграфировал Черчиллю о том, что во избежание беспорядков и хаоса в стране никаких заявлений о предоставлении Индии в будущем права отделения от империи делать нельзя.

Мировое общественное мнение все же вынуждало английские правящие круги создать видимость желания осуществить в Индии демократические преобразования и обе-

щать индийскому народу предоставление в будущем свободы, очертив ее хотя бы в самых туманных контурах. Поэтому Черчилль писал 10 марта 1942 г. вице-королю Индии: «Учитывая злосчастные слухи и широкую гласность, а также общее отношение американцев, невозможно занять чисто отрицательную позицию, и миссия Криппса крайне необходима для того, чтобы доказать наши честные намерения и выиграть время для необходимых консультаций».

23 марта Криппс прибыл в Дели, имея в портфеле декларацию британского правительства. В декларации провозглашалось намерение Англии по окончании войны осуществить меры по созданию «нового Индийского союза, который образует доминион, связанный с Соединенным Королевством и другими доминионами общей преданностью короне». Криппс сразу же телеграммой вызвал из Варды Ганди.

В 1942 году индийскому вождю уже исполнилось семьдесят три года. Нелегкая, заполненная суровыми испытаниями жизнь основательно согнула его хрупкое тело, но не надломила души, которая светилась в его все еще молодых глазах. Мысль о возможной кончине ничуть не пугала Ганди, но он надеялся еще увидеть Индию независимой.

В августе 1941 года Индия проводила в последний путь Тагора. Ушли из жизни и многие другие соратники Ганди по борьбе за индийскую свободу. Надо было успеть сделать как можно больше: главное, сохранить и расширить связь Конгресса с простым народом и не дать захватить руководство конгрессистской партией сепаратистам и представителям религиозно-общинной реакции.

Взгляды Махатмы Ганди с годами становятся радикальнее, и ему все больше импонирует политическая платформа Джавахарлала Неру, которого он на заседании Рабочего комитета ИНК в январе 1942 года официально провозглашает своим преемником. Однако между ними все еще много разногласий.

Итак, индийский вождь, в своем неизменном дхоти, с посохом в руке, окруженный толпой единомышленников и назойливых корреспондентов, прибыл в Дели. Ознакомившись с текстом декларации Военного кабинета Черчилля, Ганди невозмутимо заявил, что английские предложения «являются просроченным чеком обанкротившегося

банка» и посоветовал сэру Криппсу «следующим же самолетом вернуться домой». Надежды Криппса заручиться авторитетной поддержкой Ганди не оправдались. Ганди даже отказался от участия в переговорах с Криппсом, предоставив эту возможность председателю ИНК А. К. Азеду, Дж. Неру и другим членам Рабочего комитета.

Индийский вождь не захотел обсуждать новые предложения английского правительства, увидев в них колониалистский план расчленения Индии. Если двумя годами раньше идея образования Пакистана была еще призрачной и только вынашивалась реакционными мусульманскими лидерами, то теперь кабинет Черчилля пытался поставить этот вопрос на повестку дня политических переговоров с руководителями национально-освободительного движения Индии. Декларация английского правительства была обращена главным образом в будущее. В ней содержался и призыв к неопределенному англо-индийскому сотрудничеству в ведении войны.

Англо-индийские переговоры, которые проходили с 29 марта по 11 апреля 1942 г., обнаружили, что колонизаторы, чтобы не допустить самоопределения Индии, коварно использовали в своих интересах «разрушительный фугас» — центробежные силы страны и сепаратизм. Английская декларация предоставляла провинциям страны право не входить в Индийский союз и создавать свои «независимые» государства. Этим же правом наделялись около 600 индийских княжеств. Всей своей политической направленностью декларация побуждала реакционные, феодальные и религиозно-общинные организации требовать отделения. Предложение, выдвинутое от имени английского правительства, на деле исключало создание единого демократического государства на территории Индии, о котором мечтал и за которое боролся Махатма Ганди. «Это предложение предполагало не просто признание Пакистана или какого-либо конкретного плана расчленения, что было достаточно скверно само по себе, — в итоге переговоров с Криппсом отмечал Дж. Неру, — но заключало в себе нечто гораздо худшее: оно открывало возможность для неограниченных разделов».

Что касается английского предложения о сотрудничестве с Индией в области обороны, то оно полностью исключало создание индийской национальной армии. Криппс не соглашался даже на формирование местных

отрядов самообороны и рекомендовал индийскому населению в случае захвата той или иной территории японцами сдаваться на милость победителей. Максимум, что он обещал, — это учредить департамент обороны, который мог бы возглавить индиец. Но и эта уступка Криппса оказалась смехотворной, когда выяснилось, что основными функциями этого департамента будут не вопросы обороны, которые являлись исключительно прерогативой английского главнокомандующего, а организация развлечений для солдат, торговля в войсковых частях, снабжение их канцелярскими принадлежностями, почта и т.п. Было ясно, что колонизаторы не хотели доверять оружие индийцам.

Декларация Военного кабинета Черчилля, по крайней мере на время войны, никаких изменений в Индии не предусматривала. Существующая в стране система управления сохранялась. Никакого национального правительства не создавалось. За вице-королем по-прежнему оставалась вся полнота самодержавной власти. Лишь некоторым избранным индийцам предоставляли дополнительные места в Исполнительном совете при вице-короле. Иными словами, им позволялось, как остро подметил Дж. Неру, «составить ливрейную свиту вице-короля, присматривать за войсковыми лавками и тому подобным».

11 апреля 1942 г. Рабочий комитет ИНК опубликовал резолюцию об отказе Конгресса принять предложения британского правительства. И в этом решающую роль сыграла резко отрицательная позиция Ганди к английской декларации, его бойкот миссии Криппса. С этой точкой зрения согласился и сам Стаффорд Криппс. В тот же день он телеграфировал Черчиллю: «Совершенно ясно, что нет никакой надежды на достижение соглашения...» Президент США Рузвельт, не оставлявший надежды на усиление американского влияния в Индии, попытался было убедить Черчилля в необходимости продолжить переговоры с индийцами, однако тщетно: Англия ни с кем не собиралась делить свою единоличную власть в стране. «...Я не вынес бы никаких серьезных разногласий между нами, — ответил английский премьер-министр Рузвельту, — что, несомненно, нанесло бы большой вред обеим нашим странам в самый разгар этой ожесточенной борьбы».

Так бесславно закончилась еще одна попытка двух противоборствующих сторон — правящих кругов Англии и

индийских национальных сил — найти взаимоприемлемое решение внутренних и внешних проблем борющейся за свою независимость Индии. Провал миссии Криппса показал, что английское правительство уже не может далее управлять Индией по-старому и вынуждено все чаще прибегать к политическим маневрам, рассчитанным на обман и внешний эффект. Но переговоры с Криппсом обнаружили и неготовность национальных сил Индии действовать против колонизаторов революционными методами.

Глава одиннадцатая

«Вон из Индии!» Последняя жертва на алтарь свободы

Парализованная внутренними и внешними противоречиями, Индия бездействовала. Освободительное движение, все усилия которого растрчивались на бесплодные переговоры, межпартийные дискуссии и мелкие чисто символические политические акции, казалось надломленным. Бесконечный поиск взаимоприемлемого соглашения или «золотого компромисса» с английским правительством на период войны лишал народ инициативы, обрекал на инертность.

Затянувшаяся война изменила привычный образ мышления людей. У одних она болезненно распаляла воображение, у других порождала иллюзии о лучшем будущем, основную же массу она ввергала в состояние безысходности и беспомощного отчаяния, способствовала тому, что люди теряли ориентиры и перспективу в жизни. В измученной стране вместе с ростом антианглийских настроений все больше распространялось чувство безразличия к тому, кто будет править ею. Всенародная борьба за освобождение Индии от колониального рабства утрачивала свой прежний накал, уступая место проблемам «воевать или не воевать» вместе с Англией, «оборонять или не оборонять» Индию от японской агрессии.

Обреченность и пассивность в умонастроениях людей подтачивала столь дорогой для Ганди идеал свободы. Взвешивая сложившуюся в стране обстановку, индийский вождь переживает мучительную эволюцию в своем миропонимании: где-то и в чем-то допущена ошибка. Если истина проявляется во всеобъемлющей любви, присущей

по природе всем людям, невзирая на их социальные различия, то почему торжествует зло? Почему война — высшая и самая жестокая форма насилия на Земле — управляет поступками миллионов людей, движет целыми народами, становится основным содержанием деятельности правительств многих стран? Разве всеобщий мир и созидание менее привлекательны для людей, чем тотальная война, смерть и разрушения?

Насилие — плохо, бездействие и смирение с ним — преступно, а рабство и того хуже. Лучше смерть, чем бесчестье. Империализм и нацизм — вот носители мирового насилия. Конечно, ненасилие — разумно, гуманно, оно должно быть в основе отношений государств и народов, но оно, как убеждает в этом сама жизнь, порою поощряет и делает безнаказанным насилие.

История поставила перед Ганди вопрос о применении принципа ненасилия в условиях войны, с которой были связаны не только судьбы Индии, но и всего человечества. Проверка практикой этого принципа как моральной альтернативы войне, как универсального средства решения не только внутренних, но и международных проблем разочаровала гандистов. Да и сам Ганди позднее скажет, что ему не удалось противопоставить войне организованное ненасилие народа.

Учение о ненасилии было самым дыханием Махатмы Ганди, и он не мог расстаться со своим основным жизненным принципом. В противном случае ему пришлось бы принять за объективную истину антагонистическую борьбу эксплуатируемых и эксплуататоров, борьбу классов; воспринять правильность слов В. И. Ленина о том, что рассуждать о насилии вообще, без понимания условий, отличающих реакционное насилие от революционного, «значит просто обманывать себя и других софистикой»*.

И все же Ганди позднее найдет в себе мужество усомниться если не в самом принципе ненасилия, то в его действенности. «Имелся существенный просчет в моей технике осуществления ненасилия», — признавался он.

Даже преданные сторонники Ганди, такие как Раджендра Прасад, стали открыто выражать сомнения в практической ценности «святого принципа». Ганди переживал

*Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 296.

тяжелое время: жизнь сурово отвергала его морально-этические установки в политике. Правдоискательство не давало ему покоя.

В душные летние месяцы 1942 года он часто и подолгу беседует с руководителями Конгресса. Особенно он любил не спеша, без взаимных резкостей и обвинений, обсудить проблемы национального движения с Джавахарлалом Неру. Хотя, впрочем, Неру редко безоговорочно соглашается с Ганди, порою смело возражает учителю и даже осмеливается критиковать его. Частые размолвки, однако, только усиливают тягу друг к другу этих двух выдающихся политических деятелей Индии. Умение Неру просто и логично соединять воедино национальные проблемы Индии с общим положением дел в мире убеждает Ганди в необходимости прислушиваться к мнению сравнительно молодого и энергичного руководителя, который в своих суждениях идет от жизни и хорошо знает настроение масс.

Несмотря на известный консерватизм Махатмы Ганди и на его прочно устоявшиеся мировоззренческие принципы, он обладал редким даром уметь находить общий язык с людьми, не разделявшими его взглядов, и гибко приспосабливаться к изменившейся обстановке. В таких случаях он проявлял готовность даже «не соглашаться и с самим собою». Стоило ему на деле убедиться в непригодности применения своего учения о ненасилии к человеконенавистнической морали фашистов и японских милитаристов, и он публично пересмотрел свою прежнюю позицию. Когда вторжение японских войск становится реальной угрозой для Индии, Ганди заявляет о возможности вооруженного отпора агрессору. Сделал он это вопреки своим убеждениям, но решительно, и сам внес в Конгресс резолюцию, которая гласила, что первейшей обязанностью временного правительства свободной Индии будет мобилизация всех ее огромных ресурсов для борьбы за свободу, против агрессии и полное сотрудничество с Объединенными Нациями в обороне Индии с использованием для этого всех имеющихся в ее распоряжении вооруженных и других сил. В этой связи Дж. Неру писал о Ганди: «Для него это было поразительное и знаменательное изменение позиции, связанное с моральными и душевными страданиями. В борьбе между принципом ненасилия, который стал для него источником жизненной силы, смыслом существования, и свободной Индией, являющейся его главной всепоглощающей

страстью, чаша весов склонилась в сторону последней... Практический государственный деятель одержал верх над непреклонным пророком».

Как вождь национально-освободительного движения и как политический деятель Махатма Ганди от смирения и покорности смело переходит к борьбе. Он приходит к пониманию, что затхлое болото реакции, социальный застой — все это для Индии смерти подобно. Необходимы смелые и решительные действия. Заявления и статьи Ганди, призывающие к активному действию, чтобы отстоять поруганную честь Индии и утвердить ее право в качестве свободного государства дать отпор агрессору, настолько контрастировали с его прежней позицией, что даже близкие Ганди конгрессисты оказались в замешательстве.

14 июля 1942 г. в Варде собирается заседание Рабочего комитета ИНК. Ганди настаивает на принятии резолюции, содержащей призыв к английскому правительству немедленно предоставить Индии независимость. Причем успех дела организации обороны Индии от японских милитаристов Ганди ставит в прямую зависимость от получения Индией свободы. Предложенная им резолюция, по меткому выражению одного из журналистов, получила название «Вон из Индии!».

Колонизаторы — в смятении. Такого бескомпромиссного требования от Ганди они никак не ожидали. Ганди и сам понимает это: «Я знаю, что новизна постановки вопроса, особенно при данном стечении обстоятельств, вызовет шок у многих людей. Но даже рискуя быть названным сумасшедшим, я должен был сказать правду, если не хочу обманывать самого себя. Я рассматриваю это как свой весомый вклад в войну и защиту Индии от грозящей ей опасности».

С резкой критикой резолюции «Вон из Индии!» выступили лидеры реакционных кругов страны и даже некоторые влиятельные конгрессистские деятели, например Ч. Раджагопалачария. В штыки ее приняли в английском парламенте, в том числе лейбористы. Все они рисовали страшные картины развала Индии, наступление анархии в стране, предрекали ужасы гражданской войны, говорили о неспособности индийцев противостоять вооруженным силам Японии и авторитетно выступать на международной арене, призывали народ к бессловесной покорности власти имущим.

Ганди, однако, невозмутимо парирует все возражения своих политических оппонентов. Он утверждает, что только свободная Индия может сплотиться для отпора агрессору и только в условиях независимости страна по-настоящему будет способна внести свой вклад в победу Объединенных Наций над фашизмом. Более того, вопреки своему прежнему убеждению в том, что Индия может завоевать независимость только в том случае, если ей удастся ликвидировать индусско-мусульманскую рознь, теперь он приходит к выводу, что религиозным распрям можно положить конец лишь после завоевания Индией независимости, когда Англия утратит способность играть на религиозно-общинных разногласиях.

Таким образом, практическая проверка своего нравственного абсолюта «всеединства» людей в условиях социально разобщенного общества, столкновение отвлеченных этических взглядов с жестокой политической реальностью приводит вождя индийского национального движения к выводу: любовь и самопожертвования нужны, но одними ими великого исторического дела не свершить — необходимы решительные действия, непримиримая борьба.

То, что Ганди борьбу за свободу Индии называл антиимпериалистической и в то же время отказывался признать ее классовой, ничуть не меняло сути дела. Его отказ от классового подхода к нравственности и морали не мог изменить объективного характера развития событий в борющейся за свою свободу Индии, существенно повлиять на расстановку внешних и внутренних классовых сил. Он и сам стал выдающейся личностью только потому, что неосознанно отражал объективное веление времени, требование исторического прогресса общества.

Прошел месяц со времени принятия Рабочим комитетом ИНК резолюции «Вон из Индии!». В Бомбее на расширенное заседание собрался Всеиндийский комитет Конгресса (пленум конгрессистской партии). На нем Ганди призвал все политические партии страны объединиться ради достижения свободы родины и ее защиты от японской агрессии. Речь шла о создании своего рода объединенного национального фронта. Он заявил, что уход англичан из Индии не ослабит обороноспособности страны, а напротив, усилит ее и что признание независимости Индии явится «первоклассной военной операцией», ибо боевой дух и единство народа важнее самого совершенного оружия.

В резолюции Комитета указывалось, что Конгресс «не стремится ни в какой мере затруднять оборону Китая и России, чья свобода драгоценна и должна быть сохранена, или ослабить обороноспособность Объединенных Наций».

Члены Всеиндийского комитета Конгресса обратились к Англии и Объединенным Нациям с заявлением, в котором говорилось, что «Комитет не имеет больше права удерживать нацию от попыток утвердить свою волю вопреки воле империалистического и авторитарного правительства, которое господствует над ней и препятствует ей действовать в своих интересах и в интересах всего человечества. Комитет поэтому постановляет: санкционировать для защиты неоспоримого права Индии на свободу и независимость начало массовой борьбы на основе принципа ненасилия под неперменным руководством Ганди».

Руководители Конгресса провозгласили, что они не стремятся обеспечить власть своей партии и что политическая и государственная власть, когда она будет завоевана, будет принадлежать всему индийскому народу.

Дебаты затянулись. После единодушного утверждения резолюции «Вон из Индии!» Ганди обратился к присутствующим с заключительным словом. Возбужденные важным решением делегаты ждали от вождя конкретных установок, как действовать дальше. Однако нового они не услышали. Метод все тот же — кампания гражданского неповиновения, упорно повторял Ганди, добавляя: «Каждый из нас с этого момента должен считать себя свободным мужчиной или женщиной и поступать так, как если бы мы уже освободились из-под пяты империализма». Ганди и теперь не изменяет самому себе, и прежде всего заботится о выборе справедливых и честных средств для достижения политической цели. Он не хочет заставить противника врасплох и ставить его в невыгодное положение. Он дает ему время на обдумывание: может быть, английские колонизаторы наконец осознают свою неправоту, и тогда все уладится справедливым согласием сторон? Поэтому он дает установку начать кампанию «Вон из Индии!» через две недели, подождав официальной реакции вице-короля на резолюцию Конгресса.

Тем временем вице-король не мешкал и слал тревожные шифровки в Лондон. А там не заставили себя ждать. Уже буквально на следующий день после принятия резолюции «Вон из Индии!» кабинет Черчилля принял решение

расправиться с Конгрессом и его лидерами. Теперь лишь спешно уточнялся оперативный план ликвидации конгрессистской опасности. В этой связи министр внутренних дел Англии в Дели телеграфировал министру по делам Индии в Лондоне: «Мне понятно ваше указание насчет того, что Рабочий комитет Конгресса должен быть арестован целиком и заключен в тюрьму на основании Закона об обороне Индии, но мне не совсем ясно, почему вы намерены для обоснования ареста Ганди вновь прибегнуть к закону 1818 года, тогда как очевидно, что к нему в равной мере можно было бы применить тот же Закон об обороне Индии».

Власти в Дели выражали беспокойство, что применение к Ганди закона более чем вековой давности может послужить основанием для критики нелогичных действий правительства. У Лондона, однако, был свой расчет. Там еще надеялись оторвать популярного вождя от Конгресса и народа, заточить его в «башню из слоновой кости» и таким образом превратить революционера в обыкновенного философствующего религиозного отшельника.

Но на этот раз делийским властям удалось убедить Лондон в неразумности такого решения: Ганди не тот человек, он не будет из себя делать ни святого, ни пророка. Ему чуждо суеверие и все противоестественное, оторванное от обычной жизни. Его религия — конкретные земные поступки. Абстракции — не его мир.

3 августа вице-король в срочном донесении сообщил план карательной операции в Индии. Он информировал Военный кабинет, что первая часть плана уже успешно осуществляется: задействованы все средства пропаганды, и поэтому общественное мнение как в стране, так и за ее пределами будет подготовлено к тому, чтобы правильно воспринять чрезвычайные меры правительства.

Планом предусматривались специальные меры, чтобы полностью исключить для Ганди и других руководителей Конгресса возможность выступить с публичными заявлениями и призывами. В случае, если Ганди объявит голодовку, вице-король предложил осуществлять в отношении него тактику «кошки-мышки»: в заключении ему будут созданы нормальные бытовые условия, соответствующее питание, медицинский присмотр, но как только его жизнь окажется в опасности, узник будет выпущен на свободу. И так всякий раз, иначе говоря, предлагался гуманизм

по-звериному. Кабинет Черчилля нашел такую тактику вполне приемлемой.

В заключении вместе с Ганди будет разрешено находиться его секретарю и другу Махадеву Десаи, Маделин Слейд и врачу Шушиле Наир. Но это в том случае, если они добровольно согласятся пойти на все тюремные ограничения. Вице-король не сомневался, что никто из них не изменит своему вождю. Далее в плане подробно расписывались мероприятия, обеспечивающие секретное, внезапное и быстрое проведение операции.

Устанавливались единые закодированные команды, которые после передачи их по правительственным каналам связи во все провинции и княжества страны будут означать начало арестов.

На случай возникновения массовых беспорядков или распространения по стране кампании гражданского неповиновения вице-король отдал распоряжение командующему войсками в Индии привести в готовность войсковые подразделения для решительного подавления любых антибританских выступлений. Разработаны отдельные инструкции для прессы.

Теперь Военный кабинет должен был подготовить общественное мнение в самой Англии и США, где президент Рузвельт, к негодованию Черчилля, лично следил за развитием событий в Индии.

В палате общин английского парламента Черчилль заявил: «Конгрессистская партия во многих отношениях уже отказалась от ненасилия, которое г-н Ганди издавна проповедовал в теории, и перешла к открытым революционным действиям». Черчилль умышленно преувеличивал действительное положение дел, чтобы оправдать готовившиеся карательные меры колонизаторов против конгрессистов.

Двух недель конгрессистам ждать не пришлось. 7 августа 1942 г. состоялось заседание Всеиндийского комитета Конгресса, а уже 9 августа все руководители ИНК, включая Махатму Ганди, оказались в тюрьме. Столь решительные и быстрые репрессивные меры правительства были неожиданными для Ганди, и он не успел даже разработать инструкцию для осуществления всеиндийской кампании под лозунгом «Вон из Индии!».

«Злое начало» в политике, предпочтя коварство и интригу, хитрость, вероломство и грубую силу всякой добродетели, заняло выгодную и активную позицию в борьбе с

национальным движением. «Добрая стратегия» полководца ненасильственного народного войска потерпела поражение. Еще не ступив на поле брани для духовно-нравственного сражения с колонизаторами, индийский народ лишился своих руководителей, и никто толком не знал, где и в каких застенках они теперь находятся. Все было покрыто мраком государственной тайны. Официальная пресса писала о внешних интересах империи и о суровых требованиях военного времени. Индийцев убеждали, что только английский король и могущественная Англия ценой своих «бескорыстных» усилий и жертв могут спасти их от неминуемой гибели.

Как и прежде, зло, верша свое черное дело, рядилось в благородную тогу. Наступит ли когда-нибудь этому конец?! Неужели политики так ничему и не научились за долгие столетия существования на Земле человеческого общества и государства?! — вопрошали критики Ганди слева.

Научились, убежден Ганди. Добро осознало себя. Человечество за свою историю накопило огромный потенциал духовных ценностей и славных дел. А потому по мере дальнейшего духовного и общественного развития человечества и каждого человека в отдельности добро будет одерживать все больше побед. Общество должно и непременно станет в конечном итоге ненасильственным: у него просто нет другого выхода. Ненасилие могущественнее тирании зла. Вопрос только в том, чтобы оно стало в жизни активнее зла, чтобы человек научился пользоваться ненасилием как непобедимым оружием своего ума и сердца.

Ганди, этот немощный телом старец, схвачен полицией и содержится под усиленной охраной. А во дворце вице-короля в Дели и в резиденции Черчилля в Лондоне спокойнее не стало. Там боятся Великой души.

11 августа, на второй день после ареста Ганди, министр по делам Индии телеграфировал вице-королю в Дели о том, что Военный кабинет уже рассмотрел его срочное донесение о возможном объявлении Ганди голодовки-протеста и что в Лондоне полностью осознают его, вице-короля, трудности и те серьезные последствия, которые, вероятно, станут неизбежными в Индии, если Ганди умрет, образно говоря, на его руках.

Ничего не имея против коварной тактики «кошки-мышки» по отношению к Ганди в принципе, министр поставил

перед вице-королем ряд вопросов. В частности, и его, и Черчилля тревожило то обстоятельство, что, оказавшись умирающий Ганди на свободе, его трудно будет изолировать от внешнего мира, умирая, он еще может успеть нанести ощутимый урон правительству и престижу империи. Лондон, разумеется, интересовала не судьба индийского вождя. Его возможная кончина ничуть не волновала английское правительство. Власти были озабочены, как бы сделать так, чтобы Ганди ушел из жизни незаметно, тихо и по своей собственной воле, чтобы он своей жертвенной смертью не потряс устои колониальной власти в Индии.

Военный кабинет в этой связи предписывал вице-королю продумать до мельчайших деталей избранную им тактику «кошки-мышки». Главное при переводе голодающего Ганди из места заключения в его обитель — обеспечить полную изоляцию «свободного» узника от друзей и единомышленников; перекрыть всякие каналы, по которым он мог бы осуществить контакты с прессой; оцепить район предполагаемого местонахождения Ганди плотным кольцом полицейского заслона.

Возможно ли осуществить все это на практике? — запрашивал вице-короля кабинет Черчилля. И, опасаясь, что эти меры окажутся все-таки неэффективными, предлагал ему изучить вопрос и незамедлительно сообщить свое мнение о целесообразности высылки Ганди, Неру и других руководителей Конгресса из Индии, например, в Южную Африку или на малонаселенные острова в Индийском океане.

16 августа зашифрованной телеграммой вице-король ответил Лондону. Имея в виду, сообщал он, что по причине плохого состояния здоровья Ганди может не перенести длительной дороги в Южную Африку или в Аден, принято решение поместить его под стражу в районе Пуны в пустующем дворце верного английским властям мусульманского миллионера Ага Хана. Остальных руководителей Конгресса содержать в заключении отдельно от Ганди в Ахмаднагарской крепости, расположенной в 300 километрах от Бомбея. Территория дворца Ага Хана будет обнесена колючей проволокой и круглосуточно охраняться специальным подразделением полиции. На случай голодовки Ганди разработана целая система мер. К Ганди будет подослан его сын Девадас, который, заботясь о судьбе отца, по мнению губернатора Бомбея, вероятно, согласится

сотрудничать с английскими властями и информировать их о том, что происходит во дворце Ага Хана. Ему же, если отец объявит голодовку, будет доверено, при условии соблюдения им интересов английского правительства, определять круг лиц, исключая представителей прессы, которым будет дозволено свидание с Ганди.

По мнению вице-короля и губернатора Бомбея, осуществление этого плана отвечало бы их замыслу и позволило бы английскому правительству выглядеть перед индийской и мировой общественностью в деле Ганди вполне гуманно.

Кабинет Черчилля, одоббив соображения вице-короля, тем не менее предписал ему занять в отношении Ганди твердую линию и действовать, сообразуясь со складывающимися обстоятельствами.

И все-таки Ганди, находясь в строгой изоляции от внешнего мира, не давал покоя колонизаторам. Вопрос о нем еще не раз выносился на повестку дня заседаний Военного кабинета. Разве одно это не свидетельствовало о выдающейся роли Ганди в национально-освободительном движении в Индии, об эффективности его ненасильственных методов борьбы за свободу своей страны?!

Английские власти нисколько не смущало беспардонное вторжение в личную жизнь узника, использование безнравственных средств слежки за ним, отвратительных по своей сути приемов лжи и лицемерия для обмана общественности. Не случайно поэтому на протокольных записках заседаний кабинета по «делу Ганди» помимо грифа «секретно» жирным шрифтом указывается: «Подлежит хранению под замком и на ключе». Мало того, делается еще и дополнительная приписка с просьбой обращаться с протоколами особо осторожно, дабы сохранить их содержание в абсолютной тайне.

Но история — беспощадный судья. Рано или поздно, тайное становится явным, и в этом смысле суд будущего действительно неотвратим.

Когда повсюду в Индии шли повальные аресты и в тюрьмах уже находились почти все видные руководители Конгресса, агентство Рейтер распространило заявление Раджагопалачария о плане выхода из создавшегося в Индии политического кризиса. Говорили, что идея этого плана возникла не без подсказки и участия дипломатических эмиссаров США. Тем не менее его единственным автором выступил Раджагопалачария, который в 1937—1939 годах

был главным министром конгрессистского правительства в провинции Мадрас. Политическое кредо Раджагопалачария было настолько консервативным, что он не находил общей платформы даже с конгрессистами, стоявшими на крайне правом крыле партии. По этой причине уже к 1940 году он вышел из Конгресса. Его план был неоригинален: что-то похожее обсуждалось еще правительством Чемберлена в 1939 году. Собственно, это была старая, уже провалившаяся идея, с которой Раджагопалачария никак не мог расстаться. Суть — создание марионеточного индийского правительства с сохранением верховной власти за британской короной. За вице-королем закреплялось единоличное право назначать и смещать министров, утверждать или отклонять все решения правительства.

Инициатор плана обратился к вице-королю с просьбой организовать ему поездку в Лондон. Тот запросил английское правительство. 7 ноября 1942 г. вопрос был вынесен на обсуждение Военного кабинета. К этому времени в Лондоне получили и письмо Криппса, который, потерпев неудачу со своей миссией в Индии, рекомендовал принять Раджагопалачарию. Криппс писал, что беседы с ним ни к чему не обязывают, но были бы весьма полезными как свидетельство того, что правительство его величества предпринимает-де постоянные усилия, чтобы найти способ урегулирования индийской проблемы. Во всяком случае такой шаг показал бы нашим друзьям и в Индии, и в Америке, подчеркивал он, что мы делаем для достижения этой цели все от нас зависящее.

Криппс откровенно писал, что не имеет в виду достижение какого-либо положительного результата от переговоров. Он предлагал принять Раджагопалачарию для обмана общественного мнения и для того, чтобы «умаслить» американского союзника. А для придания визиту Раджагопалачария в Лондон большей политической важности просил организовать ему в Индии встречу с Ганди и как можно шире разрекламировать ее.

Выдвигая такое предложение, вице-король и Криппс не учли одного — Черчилль не допускал и тени мысли об изменении колониальных порядков в Индии. Даже политическая игра на этот сюжет казалась ему неприемлемой. Он мог мастерски разыграть любой политический сценарий, что же касалось Индии — нет. Индия значила для британской империи слишком многое, чтобы играть с ней в

опасные игры. Черчилль был опытным и мудрым политиком, но он не мог даже притворно проявить терпимость к идее предоставления Индии независимости, хотя бы в отдаленном будущем.

План Раджагопалачария вместе с соображениями вице-короля и Криппса были отвергнуты Черчиллем с порога как несостоятельные. Кстати, одним из мотивов решения кабинета послужило то, что индийской общественности было хорошо известно о политических расхождениях Раджагопалачария с Ганди. Уже одно это обстоятельство не могло никого ввести в заблуждение: Раджагопалачария без Ганди не представлял реальной политической силы в Индии.

Индия не была подготовлена к организованному и достаточно широкому выступлению против колонизаторов, их армии и полиции. Правда, в течение нескольких месяцев народные волнения охватывали многие индийские провинции. Мощные антиимпериалистические демонстрации состоялись в Дели, Бомбее и Калькутте. В прессе даже замелькали заголовки о начале революции. Но это была не революция, а стихийное, лишенное руководства выступление возмущенных масс. Правительство действовало решительно, не останавливаясь перед массовыми расстрелами демонстрантов. Для расправы с индийцами по указанию Черчилля была использована авиация. Толпы безоружных и беспомощных людей безжалостно обстреливались из пулеметов с воздуха.

В ряде районов страны в ответ на жестокое насилие властей возникли группы индийских повстанцев, которые громили полицейские участки, взрывали железнодорожные мосты, нарушали связь. Но эти разрозненные группы, не имея единого руководящего центра, не могли противостоять регулярным войскам и вскоре были разбиты.

Ганди заранее предупреждал правительство, что кампания гражданского неповиновения может выйти за рамки ненасилия. Это звучало серьезной угрозой в адрес англичан. Расчеты Ганди на то, что колонизаторы в условиях военной угрозы со стороны Японии не решатся на массовые карательные операции против индийского народа, не оправдались. Народ оказался неподготовленным к серьезным схваткам с властями, и момент для его выступления был выбран неудачно. Тем не менее индийцы показали свою приверженность делу свободы Индии. «Августовская

революция... окончилась поражением, но она свидетельствовала о важном сдвиге в национальном движении — готовности его участников, воспитанных в основном в духе гандистской доктрины ненасилия, выступить с оружием в руках в борьбе за свободу» — так оценивают советские индологи в монографии «История Индии» (М., 1973) события этого этапа национально-освободительной борьбы индийского народа.

Все большее число индийцев начинало понимать, что, ведя войну, западные державы — Англия и США — борются не за изменение, а за увековечение удобного им мирового порядка. До войны они умиротворяли фашизм как силу, способную сдерживать социализм и освободительную борьбу народов. Руководители западных держав уже в ходе войны со скрытым сожалением видели, как рушатся бастионы крайней реакции, как ненавистна свободолюбивым странам их империалистическая политика. «Иногда они красноречиво говорили о будущем, чтобы умиротворить свой народ, — отмечал Дж. Неру, — но политика их имела мало общего с этими красивыми фразами. Для Уинстона Черчилля это была война реставрации старых порядков и ничего больше, это было сохранение с небольшими изменениями как социального строя Англии, так и политической структуры ее империи. Президент Рузвельт выступал более многообещающе, но его политика существенно не отличалась от общей политики...»

Английское правительство, опасаясь нарастания освободительного движения в Индии, решило раз и навсегда расправиться с Ганди и Конгрессом, со всеми индийскими патриотами. Черчилль угрожающе заявил в адрес Индии: «Я стал первым министром короля не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи». Его империалистические амбиции поддерживали не только консерваторы, но и лидеры лейбористской партии, которые вслед за Черчиллем клялись сохранить и укрепить империю после войны.

Из союзных держав только Советский Союз заявил о задачах войны против государств фашистского блока, которые были сформулированы в выступлении Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля, в Декларации правительства СССР на межсоюзнической конференции в Лондоне в сентябре 1941 года.

«Советский Союз, — провозглашалось в Декларации, —

отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие считает целесообразным и необходимым для обеспечения экономического и культурного процветания своей страны». Советское правительство выражало уверенность в том, что в результате полной и окончательной победы над гитлеризмом будут заложены основы правильных и отвечающих желаниям и идеалам свободолюбивых народов отношений международного сотрудничества и дружбы».

Эти же цели войны, которую вел Советский Союз против гитлеровской Германии, были подтверждены 7 ноября 1942 г. по случаю празднования 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако Советский Союз, приняв на себя основную тяжесть войны, естественно, не мог в те годы прямо и непосредственно солидаризироваться с борьбой индийского народа за свободу. Правительство Сталина скрупулезно оберегало с трудом налаживавшиеся союзнические отношения с Великобританией и США. Борьба с немецким фашизмом и японским милитаризмом требовала усилий всех свободолюбивых государств и народов мира. Поэтому Сталин не только не препятствовал военным усилиям Великобритании в Индии, но и ожидал от антифашистских сил в этой стране максимально активного участия в войне против стран «оси».

Ганди и Неру с пониманием относились к такой позиции Советского правительства и ни в коей мере не подвергали критике или сомнению британо-советский военно-политический союз. Хотя каждый из них руководствовался своей собственной позицией в вопросе о войне, тем не менее оба были активными антифашистами. Но в общем потоке национально-освободительного движения в Индии было и немало трагично заблуждавшихся националистов, которые, отчаявшись, готовы были и, что особенно горько, шли ради достижения национальных целей на сотрудничество со странами «оси».

Быть подлинным интернационалистом не на словах, а на деле, сердцем воспринимать примат общечеловеческих интересов перед узконациональными страстями и амбициями дано, к сожалению, немногим политикам. Таким политиком без всяких оговорок был Ганди.

Арест Ганди и его соратников по Конгрессу вызвал волну протестов не только в Индии, но в самой Англии и в других странах. Даже консервативные газеты Англии «Таймс», «Дейли геральд» призывали премьер-министра Черчилля «отказаться от своего фантастического подхода к индийской проблеме» и попытаться найти политическое решение на основе переговоров с Конгрессом и лично с Махатмой Ганди.

Требуя освобождения Ганди, подали в отставку несколько министров в провинциальных правительствах, в защиту индийского вождя выступили даже лояльные к английским властям индийские либералы, члены законодательных собраний и некоторые из князей.

Вице-король, имея строгие инструкции из Лондона, отклонял все ходатайства и прошения о пересмотре дела Ганди и лидеров Конгресса. Министр внутренних дел Индии обвинил Ганди в организации вооруженных выступлений против правительства, в саботаже и санкционировании актов насилия. Ко всем возражениям защитников Ганди и к разъяснению самого заключенного, доказывающего, что методом политической борьбы Конгресса является ненасильственное сопротивление, правительство оставалось глухо.

Контакты Ганди с внешним миром контролировались лично вице-королем, и никакие корреспонденты, тем более иностранные, к узнику не допускались.

12 ноября 1942 г. Раджагопалачария добился аудиенции у вице-короля с единственной целью вымолить у него разрешение встретиться с Махатмой Ганди. «Нет, нет и еще раз нет», — был ответ наместника английской короны в Индии. Покинув дворец вице-короля, Раджагопалачария сокрушенно заявил окружавшим его журналистам: «Полученный мною отказ означает, что урегулирование политического тупика стало невозможным. Ибо с точки зрения самих англичан никакого решения не может быть достигнуто без Конгресса или Гандиджи...»

Между Махатмой Ганди и вице-королем весь конец 1942 и начало 1943 года велась интенсивная переписка, о содержании которой знал исключительно узкий круг лиц в Дели и Лондоне. Узник тщетно пытался убедить лорда Линлитгоу в том, что английское правительство заняло опасную и ошибочную позицию в отношении Индии и что такая позиция только ослабляет усилия Объединенных

Наций в их борьбе против гитлеровской Германии, милитаристской Японии, фашизма в целом. В своем письме от 19 января 1943 г. Ганди писал вице-королю: «1. Если вы хотите, чтобы я действовал в одиночку, убедите меня, что я был до этого неправ, и я смело исправлю ошибку. 2. Если вы желаете, чтобы я сделал какое-либо предложение от имени Конгресса, вы должны дать мне возможность встретиться с членами Рабочего комитета Конгресса...»

Лорд Линлитгоу отвечал индийскому вождю подчеркнуто почтительно, не забывая отметить, что он со всем вниманием изучил его письмо и был тронут искренностью, благородством и душевностью его автора, но... То, что следовало за этим «но», всегда отражало политическую реакцию консервативного правительства Черчилля на события в Индии: не останавливаться перед выбором средств, чтобы задушить национально-освободительное движение, оставить Индию в колониальном подчинении Англии.

И на этот раз, 25 января, вице-король ответил Ганди, что события, имевшие место в стране, «не дают ему альтернативы, кроме как рассматривать конгрессистское движение и вас как уполномоченного, наделенного всей полнотой власти деятеля, который в августе прошлого года принимал решения и который несет ответственность за осуществление мрачной кампании насилия, преступлений и революционной деятельности, кампании, нанесшей такой огромный вред и подорвавшей доверие к Индии...» Короче — английское правительство отказывалось идти на политическое урегулирование и вступать в переговоры с руководителями ИНК.

Не имея никакой другой возможности для выражения политического протеста, Ганди 29 января (теперь уже в открытом обращении к лорду Линлитгоу) объявляет 21-дневную голодовку.

Вице-король пишет узнику пространный ответ, в котором вновь упрекает его за организацию революционных насильственных действий, за его открытый призыв к индийскому народу — «действовать или умереть!». В заключение Линлитгоу пишет, что решение Ганди объявить голодовку является его личным делом и весь риск, связанный с этим решением, лежит на нем самом. Однако он, вице-король, «рассматривает использование голодовки для достижения политических целей как одну из форм политического шантажа...»

Вице-король, остерегаясь роста недовольства в стране, через своего министра внутренних дел Тоттенхэма предлагает Ганди на время голодовки освободить его из-под стражи. Но тот отклоняет показной гуманизм властей и заявляет, что желает осуществить свою голодовку в качестве заключенного его величества, а не свободного гражданина Индии. Тактика вице-короля по принципу игры в «кошки-мышки» сразу же была разгадана Махатмой Ганди и потерпела неудачу.

Полностью отданная служению своему народу жизнь Ганди была на редкость счастливой. Даже в годы физических и моральных страданий, часто выпадавших на его долю, дух его никогда не ослабевал, любовь к людям становилась еще глубже, а уверенность в том, что индийский народ завоюет свою свободу, наполняла его существование желанием дожидаться этого дня.

Годы, однако, делали свое дело. Многие самые близкие друзья Ганди постепенно уходили из жизни. Здесь, во дворце Ага Хана, умирал самый преданный его сподвижник Махадев Десаи, который до последнего вздоха посвятил ему свою жизнь. Кастурбай, жена Ганди, тоже находившаяся в заключении во дворце Ага Хана, переживает один сердечный удар за другим.

Голодовку Махатма Ганди начал 10 февраля. Уже через неделю врачи отметили резкое ухудшение его здоровья.

19—20 февраля в Дели состоялось совещание двухсот политических деятелей, собравшихся со всей Индии. Они потребовали освобождения Ганди из тюрьмы. Вице-король отклонил их требование. По всей стране начались массовые митинги протеста. Голоса протеста раздавались из-за рубежа.

США, преследуя собственные цели в Азии, давно и пристально следили за всем происходящим в Индии. Возможность революции в Индии пугала их не меньше, чем Англию, и предотвратить «худшее» они хотели уступками национальной буржуазии, а также экономической и идеологической экспансией в эту страну.

Еще до начала голодовки Ганди корреспондент газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм» В. Симмс писал об огромном

стратегическом значении Индии для США. «Индия, — отмечает он, — будет одной из самых сложных послевоенных проблем, с которыми придется столкнуться союзникам. В Индии и Китае, двух соседних странах, роится более половины населения земного шара, и от их политического и экономического статуса после войны в огромной степени зависит наше будущее и будущее Европы. Поэтому Соединенные Штаты не могут быть безразличными к тому, что происходит в Индии, даже если бы они и захотели этого».

Черчилль, раздраженный растущим интересом США к делам Индии, все же информировал президента Рузвельта: «Вице-король арестовал и интернировал несколько сот (десятков тысяч. — Авт.) членов партии Индийский национальный конгресс с санкции Военного кабинета... В начале февраля Ганди объявил голодовку на три недели... Он упорно продолжал голодовку, и была поднята самая усиленная пропаганда во всем мире. Утверждали, что близится его смертный час... В конце концов, убедившись в нашем упорстве, Ганди прекратил голодовку (как он и говорил — по истечении трех недель. — Авт.), и хотя его здоровье и было весьма слабо, оно серьезно не пострадало...»

«Этот инцидент, — признавался далее Черчилль, — в свое время заставил меня сильно волноваться, потому что смерть Ганди произвела бы глубокое впечатление в Индии, где его святостью глубоко восхищались. Мы, однако, правильно оценили положение».

Черчилль лукавил. Ознакомившись с заключением врачей о состоянии здоровья Ганди (прогрессирующее малокровие, неустойчивое кровяное давление, аритмия сердца), премьер-министр был уверен тогда, что дни индийского вождя сочтены. Правительство уже распорядилось подготовить все для его кремации и, самое главное, полицейские и войсковые силы для быстрой ликвидации ожидаемых беспорядков в стране.

Итак, Черчилль успокоил США, что никакой революции в Индии из-за голодовки Ганди не произошло и что английское правительство-де лучше американцев разбирается во внутривнутриполитической обстановке в своей и только своей колонии, а американцам нечего беспокоиться. Тем не менее Соединенные Штаты упорно продолжали поиски контактов с индийскими национальными лидерами на случай их прихода к власти в будущем. В апреле 1943 года

Уильям Филлипс, личный представитель президента США в Индии, попытался было добиться встречи с Ганди, но ему было в этом отказано.

В июне 1943 года на пост нового вице-короля Индии был назначен Уэйвелл, человек военный, любивший говорить и действовать без лишней дипломатии. Что же касается личного отношения Уэйвелла к Махатме Ганди, то оно — в его оскорбительных словах, которые он произнес в адрес индийского вождя. Уэйвелл назвал Ганди «зловредным старым политиком...», практичным, упрямым, деспотичным и лживым». Назначение Уэйвелла не сулило никаких перемен в индийской политике в Англии.

В это время, находясь в заключении вместе с мужем, умирала Кастурбай. 22 февраля 1944 г. ее не стало. Ганди прожил с ней в любви и согласии 62 года. Она была ему в жизни постоянной опорой и бесконечно верной подругой, безропотно разделявшей с мужем и радость борьбы, и все лишения и страдания. Страна чтит память супруги индийского вождя. По всей Индии прошли дни памяти Кастурбай, состоялись траурные шествия и митинги. Ганди безмолвно сидел у ложа умершей жены. Сразу же после кремации Кастурбай он серьезно заболел сам и был прикован к постели три месяца. Движение за его освобождение не прекращалось.

6 мая 1944 г. английское правительство в Индии опубликовало коммюнике, в котором говорилось, что, «принимая во внимание медицинское заключение о здоровье г-на Ганди, правительство решило освободить его из заключения без каких-либо условий». В коммюнике подчеркивалось, что это решение было принято не потому, что с Ганди снималось обвинение, а исключительно на основании медицинских данных.

Ганди переезжает в Бомбей и, никого не принимая, объявляет две недели абсолютного молчания: надо сосредоточиться в уединении и все хорошенько обдумать. Состояние его здоровья почти не улучшилось. Он пишет письма политическим деятелям, говорит, что он вовсе не рад своему освобождению, скорее испытывает чувство стыда, ибо его друзья еще томятся в тюрьмах. Ганди подчеркивает, что ничто и никто не заставит его отказаться от августовских (1942 г.) решений Конгресса и от призыва «действуй или умри!». «Это для меня дыхание самой жизни».

Находясь в заключении, Ганди познакомился с трудом К. Маркса «Капитал», с другой марксистской литературой. Он все больше стал задумываться об экономической сущности капиталистического общества. Ганди видел, как марксизм проникает в сознание заводских рабочих. Не соглашаясь с классовым подходом коммунистов к освободительной борьбе, Ганди воздаст должное их патриотизму и решительности. Он признает, что сторонники смелых действий подталкивают его к таким же действиям. Признавая революционизирующее влияние коммунистического движения, Ганди говорит: «В стране, несомненно, имеется партия насилия. Ее силы растут. Члены этой партии такие же патриоты, как и лучшие из нас. Более того, принесенные ею большие жертвы — ее заслуга. Никто из нас не превзойдет эту партию в отваге. Но, восхищаясь ее мужеством, я не верю в ее методы. Эту партию не увлечешь речами, резолюциями и даже конференциями. Только действиями можно убедить ее».

Объективная реальность классового общества, хотел того или не хотел Ганди, поставила его во главе освободительного движения под лозунгами «Вон из Индии!.. Действуй или умри!»

Весной 1945 года всему миру стало очевидно, что страны «оси» войну проиграли. Советские войска штурмовали Берлин. Военно-политическая обстановка в Южной и Юго-Восточной Азии также изменилась в пользу союзных держав. Главнокомандующий англо-американскими войсками в этом районе лорд Маунтбеттен доносил Черчиллю, что угроза Индии со стороны японцев миновала. Теперь, когда победа союзников в войне была обеспечена, содержать в заключении руководителей ИНК под предлогом военно-политической необходимости для отражения японского вторжения в Индию было по меньшей мере нелогично. 15 июня 1945 г. все руководители Конгресса вышли на свободу.

Поражение гитлеровской Германии и ее союзников, рост международного авторитета и усиление роли Советского Союза в решении мировых проблем, начавшиеся революционные изменения в освобожденных Советской Армией

странах Центральной и Юго-Восточной Европы, укрепление демократических сил в мире и ослабление позиций колониальных держав в Азии и Африке, обострение кризиса всей колониальной системы империализма — все эти факторы изменившейся к концу войны обстановки воздействовали на внутривнутриполитическое положение в Индии.

За годы войны выросла деловая активность индийской торгово-промышленной буржуазии. Англия потеряла монополию в экономике своей главной колонии. Американский капитал, воспользовавшись экономическими трудностями Англии в период войны, стал усиленно проникать на индийский рынок. К концу войны доля США в индийском экспорте выросла с 8 до 21 процента, а в импорте с 6 до 25 процентов. Потеря Англией своей торгово-экономической монополии в Индии объективно способствовала укреплению позиций индийской буржуазии. Однако прекращение военных заказов повлекло за собой сокращение производства, закрытие предприятий, массовую безработицу. Понижение рыночной конъюнктуры пагубно сказалось на положении миллионов мелких кустарей и торговцев. Мелкие буржуа разорялись. Неурожайный 1944/45 сельскохозяйственный год поставил под угрозу голодной смерти 100 миллионов крестьян, которые хлынули в города в поисках работы.

Все говорило о том, что в стране назревал политический взрыв, который неизбежно должен был приобрести антиимпериалистическую, антианглийскую направленность. Социальные силы индийского субконтинента пришли в движение, группируясь по разным сторонам баррикад. Нарастивали политическую активность в отношении Индии и правящие круги Англии, пытаясь во что бы то ни стало сохранить свое колониальное господство. «Индия изменилась, и за ее внешним спокойствием скрывались сомнение и недоумение, разочарование и гнев, а также сдерживаемая страсть... Гладкая поверхность покорибилась, и на ней появились трещины. Волны возбуждения прокатились по стране; после трех лет народ прорвал оболочку сдержанности. Я никогда раньше не видел таких огромных толп, такого лихорадочного возбуждения, такого страстного стремления народных масс к освобождению», — писал Дж. Неру в летние месяцы 1945 года.

Британское правительство, обеспокоенное обстановкой в Индии, вызвало Уэйвелла в Лондон для консультаций.

Как и в предшествующие годы, колонизаторы решили сделать ставку на обострение разногласий между основными политическими партиями страны — Конгрессом и Мусульманской лигой. Тем более что состоявшиеся еще в сентябре 1944 года переговоры Ганди с Джинной зашли в тупик. Индийский вождь не мог согласиться с религиозно-экстремистской позицией Джинны, который требовал признания за Лигой исключительного права выступать от лица всех мусульман Индии и одобрения идеи образования Пакистана.

Уэйвелл, вернувшись из Лондона в мае 1945 года, объявил о намерении сформировать Исполнительный совет при вице-короле из представителей индийских политических партий. Ганди сразу же скептически отнесся к английскому предложению, считая его совершенно неудовлетворительным, однако переговорам не стал препятствовать, хотя сам в них непосредственно не участвовал. Переговоры начались в летней резиденции вице-короля в Симле. В них приняли участие представители Конгресса Неру, Патель, Азад и руководители Мусульманской лиги во главе с Джинной.

Разъясняя предложение британского правительства, вице-король заявил, что места в Исполнительном совете фактически будут резервироваться не за политическими партиями, а за религиозными общинами. Это оказалось неприемлемым для обеих партий. Ганди всегда подчеркивал, что ИНК является не индусской религиозной, а всеиндийской политической организацией. Джинна же, напротив, претендовал на исключительное представительство Лиги от имени всей мусульманской общины страны и не соглашался с тем, чтобы в Исполнительный совет вошли мусульмане-конгрессисты. Ганди, подобно Неру и другим конгрессистам, считал английское предложение иллюзорным, реализация которого, если бы даже и осуществилась, не могла принести свободы Индии, ибо предполагалось, что совет будет ответственным только перед английской короной и парламентом.

Переговоры в Симле окончились полным провалом. Как и следовало ожидать, ответственность за это Уэйвелл возложил на Ганди и его соратников — участников конференции. О сепаратистской позиции Джинны вице-король предпочел умолчать: она вполне устраивала правительство Англии.

Ганди не покидало чувство горькой досады, когда он видел, как торжествовали колонизаторы и лично лорд Уэйвелл, наблюдая за яростными спорами индийцев, у которых была одна родина и которые некогда жили в духе религиозной терпимости и внутреннего согласия между общинами. Индусы и мусульмане, составляя одну исторически сложившуюся нацию, могли бы жить в мире, если бы внутренняя религиозная реакция не поддерживала политику колонизаторов. С религиозными распрями, еще раз убеждается Ганди, можно будет покончить только в условиях независимой и демократической Индии.

В то же самое время, когда лорд Уэйвелл, подстрекая представителей двух индийских партий к раздору, председательствовал на конференции в Симле, в Англии состоялись первые послевоенные выборы. Консерваторы потерпели поражение. Черчилль ушел в отставку, и резиденцию премьер-министра занял лидер лейбористской партии Клемент Эттли. Некоторые из конгрессистских руководителей, в отличие от Ганди и Неру, ожидали от лейбористского правительства нового подхода к индийской проблеме. Председатель ИНК А.К. Азад, несмотря на отговоры Неру, направил Эттли поздравительную телеграмму, в которой выражалась надежда, что теперь английское правительство предоставит Индии давно обещанное ей самоуправление. Ответ Эттли не вселял больших надежд: премьер только обещал приложить все старания, чтобы достичь правильного разрешения индийской проблемы. Эттли вызывает вице-короля Уэйвелла в Лондон для проведения консультаций с членами нового правительства.

Пока Уэйвелл находился в Лондоне, здесь, в Индии, состоялось несколько заседаний Рабочего комитета Конгресса, посвященных международным проблемам, от политически правильного решения которых во многом зависела судьба Индии.

О свободах, обещанных в начале войны Соединенными Штатами и Англией поработленным народам в Атлантической хартии, вспоминали теперь все реже. Будущее мира западные державы начали представлять как сохранение прежнего мирового порядка с некоторыми «территориаль-

ными изменениями» за счет виновников войны — Германии, Японии, Италии.

Неру, стоявший у истоков независимой внешней политики Индии, часто обсуждает с Ганди проблемы, связанные с международной обстановкой, которая складывалась в конце второй мировой войны.

Ганди, всецело поглощенный внутренними делами своей страны, тем не менее проявляет большой интерес к предложению о создании международной Организации по поддержанию мира и безопасности — ООН. Он усматривает в идее создания такой организации возможность практического воплощения принципов ахимсы (ненасилия) в жизни международного сообщества. Если в области классовых отношений принципы ахимсы (даже по признанию самого Ганди) часто оказывались «бессильными», то применение их в межгосударственных отношениях сулило человечеству большие надежды.

Гандистская ахимса применительно к мировому сообществу означала бы отказ от угрозы и использования силы при решении спорных международных вопросов, объявление войны вне закона, установление справедливых и взаимовыгодных отношений между различными странами, отношений дружбы и сотрудничества между ними, которые бы основывались на взаимном уважении, невмешательстве во внутренние дела друг друга и на урегулировании всех противоречий путем переговоров. Ганди говорит: «Мы хотим свободы для нашей страны, но не за счет кого-то другого или ценою эксплуатации и деградации других стран... В мире не должно быть места для расовой ненависти. Пусть это и будет нашим национализмом».

Собравшись в Бомбее (июнь 1945 г.), Рабочий комитет ИНК провозгласил, что международный мир и любой новый мировой порядок может быть создан только на основе признания свободы угнетенных наций, устранения всех форм и методов империалистического господства над ними.

Еще раньше Конгресс по инициативе Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру направил своих представителей на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско, открывшуюся в апреле 1945 года. Таким образом, на этой конференции наряду с официальной делегацией Индии, в которую входили лица, назначенные английским правительством, присутствовали и два представителя ИНК —

сестра Неру Виджайялакшми Пандит и Шива Рао. В связи с этим глава советской делегации на конференции в Сан-Франциско заявил: «Мы имеем здесь, на конференции, делегацию от Индии. Но Индия не является независимой страной. Мы все понимаем, что придет время, когда будет выслушан и голос независимой Индии». Это заявление было прямой политической поддержкой национально-освободительного движения в Индии.

В июльской (1945 г.) резолюции Рабочего комитета ИНК вместе с горячей и безусловной поддержкой усилий Объединенных Наций создать действенный орган по поддержанию международного мира и безопасности содержится резкая критика в адрес западных держав, которые «не проявили склонности к тому, чтобы отказаться от своих колониальных владений...»

Особенно возмутила индийских патриотов позиция США, выразителем которой был Дж. Ф. Даллес, будущий госсекретарь США. Являясь представителем США на конференции в Сан-Франциско, он больше всего занимался вопросами установления «опеки» над иностранными территориями. В резолюции Рабочего комитета ИНК по поводу позиции западных держав, в частности, говорилось: «Решение Сан-Францисской конференции по вопросу об установлении опеки и, особенно, энергичное возражение со стороны некоторых держав против использования слова «независимость» являются доказательством того факта, что империалистические державы все еще действуют в старой империалистической манере и намерены удерживать и эксплуатировать свои колониальные владения». Рабочий комитет ИНК отмежевался от действий официальной индийской делегации на конференции в Сан-Франциско, которая, как указывалось в резолюции Комитета, не представляла интересов народов Индии, а занимала позицию, указанную ей Англией.

Тем временем вице-король Уэйвелл завершил свои консультации в Лондоне. 19 сентября 1945 г. одновременно в Лондоне и Дели была объявлена первая декларация правительства Эттли о политике в Индии. В ней говорилось, что лейбористы осуществят меры, изложенные в предло-

жениях миссии Криппса 1942 года. Объявлялось о проведении зимой 1945/46 года выборов в центральную и провинциальные законодательные ассамблеи. О независимости в декларации вообще не упоминалось.

Ганди никак не комментировал новую попытку английского правительства умиротворить Индию уже давно отвергнутыми и негодными средствами. Он просто игнорировал предложения Эттли, которые Неру охарактеризовал как «неопределенные и не отвечающие требованиям» индийского народа.

Массовые антиколониальные выступления индийцев разрушили планы английских правящих кругов подменить подлинную независимость Индии мнимой свободой. Экономическая борьба индийских рабочих во второй половине 1945 года, как правило, стала сочетаться с выдвижением ими политических требований и с антиколониальными выступлениями. Стачки и демонстрации перерастали в вооруженные столкновения с войсками и полицией. В рабочем движении страны возросли роль и влияние индийских коммунистов. Вернувшиеся с фронтов второй мировой войны тысячи демобилизованных индийских солдат еще более революционизировали обстановку в стране. Это уже были не забитые крестьяне, а люди, побывавшие в боях, видевшие мир и узнавшие, что такое свобода и демократия и как за них борются другие народы.

В начале 1946 года Индию посетила делегация парламента Великобритании в составе десяти человек. В нее входили представители всех партий. Английским парламентариям надлежало в течение пяти недель изучить обстановку в стране и представить правительству Эттли свои сообщения о том, насколько готова Индия к получению независимости.

Парламентарии первым делом пришли к Махатме Ганди. Встретил он их с присущей ему доброжелательностью, и, ведя разговор на прекрасном английском, тепло шутил. Стульев в небольшой комнате не было, и джентльменам из Лондона пришлось усестись полукругом перед хозяином прямо на полу.

— Почему вы хотите изгнать из страны англичан? — перешел к деловому разговору лейборист Р. В. Соренсен, известный своими либеральными взглядами и симпатиями к Индии.

— Ничего подобного мы не хотим, — серьезно ответил

Ганди. — Особенно по отношению к таким высокоуважаемым в Индии людям, каким мы считаем вас, господин Соренсен.

— Но позвольте, а ваш лозунг «Вон из Индии!»? — кто-то из парламентариев нетерпеливо перебил Ганди.

— Лозунг остается в силе, — спокойно сказал Ганди и пояснил: — Это вовсе не означает, что индийцы питают ненависть к англичанам. Они могут оставаться, если пожелают, и по-прежнему жить в Индии как ее равноправные граждане. Индийцы сами, познав позор расовой дискриминации, не намерены ущемлять теперь законные права и интересы проживающего в нашей стране белого населения. Это походило бы на тупую месть и отвратительный расизм наизнанку. Такого свободная Индия никогда не допустит. Из Индии должны уйти не англичане, а их имперская власть, предоставив местному населению самому управлять своей страной.

— А готова ли Индия к этому? — наперебой раздался голоса парламентариев.

— Да, джентльмены, готова, и давно, — ответил Ганди. — Так, пожалуйста, и передайте это господину Эттли.

Парламентарии снова затронули неприятную для Ганди тему — заговорили о территориально-административной разобщенности Индии, о так называемых «суверенных» княжествах, о религиозно-общинных разногласиях, о различии политических платформ двух основных партий — Конгресса и Мусульманской лиги. Они сообщили, что приехали в Индию, чтобы оценить обстановку, узнать страну не понаслышке и подготовить для парламента и правительства независимые отчеты.

Ганди слушал гостей терпеливо, но без интереса. Выбрав удобную паузу в беседе, он лукаво улыбнулся и предложил послушать старую индийскую притчу.

— Как-то слепые, бродя по дорогам, повстречали слона, — начал он. — Не видев его и не зная, что это такое, они решили все вместе обследовать слона. Каждый ощупал одну из частей его огромного тела. Один потрогал хобот, другой — ногу, третий — ухо. Первый заявил, что слон похож на кусок толстого каната. Второй возразил и сказал, что это скорее ствол дерева, а третий доказывал, что это похоже на большой лист. Никто из них не составил целостного и правильного представления о животном. Так, к сожалению, иностранцы часто судят об Индии и ее народе, —

заклучил рассказчик. — Надеюсь, что с вами этого не случится.

Видимо, мало кто из членов парламента стремился познать душу Индии, но понять, что в этой стране быстро назревала революционная ситуация, было не так уж и трудно даже для иностранцев.

Член лейбористского комитета Х. Александер, хорошо знавший Индию, позднее заявит в парламенте: «Необходимо признать, что правительство Индии буквально сидело на вершине вулкана, и в результате положения, которое сложилось в стране после войны, революционный взрыв нужно было ожидать в любой момент».

Дополнительным толчком для обострения внутривнутриполитической обстановки в Индии явилось решение английского правительства использовать части англо-индийской армии для оказания помощи Франции и Голландии в их борьбе против национально-освободительного движения в странах Юго-Восточной Азии. По призыву Конгресса, Мусульманской лиги, Коммунистической партии и других организаций в Индии прошли многочисленные антиимпериалистические митинги и демонстрации. 25 октября 1945 г. в Индии широко отмечался «день Индонезии»: индийские dockers отказались грузить военными грузами суда, направлявшиеся в эту страну. В декабре 1945 года Рабочий комитет ИНК принял воззвание в поддержку борьбы народов Индонезии и Индокитая. «Любое содействие из любой части Земли осуществлению империалистических замыслов в Индонезии, в Индокитае и где бы то ни было, — говорилось в воззвании, — вызывает чувство гнева во всей Азии. Эти замыслы являются грубым нарушением основных целей Объединенных Наций». Руководители ИНК выразили сожаление, что «Соединенные Штаты Америки, заняв пассивную позицию, на деле поощряют империалистическую агрессию».

Много хлопот доставил английским колонизаторам в Индии затеянный ими процесс над группой офицеров Индийской национальной армии (ИНА), созданной в ходе войны С. Ч. Босом из числа попавших в плен в Бирме индийских военнослужащих. Сам Бос в 1945 году бежал из Бирмы и во время перелета в Японию погиб в авиационной катастрофе. Суд в Дели, на котором Джавахарлал Неру выступал защитником обвиняемых, приговорил ряд офицеров ИНА к длительным срокам тюремного заключения.

Среди обвиняемых были индусы, мусульмане, сикхи; все они были патриотами одной родины и по-своему добивались для нее свободы. При всех разногласиях с С. Ч. Босом Махатма Ганди был далек от того, чтобы изображать деятельность Боса в черных красках. В эти дни он публикует статью, посвященную памяти Боса, в которой говорит о том, что Бос преподавал Индии «урок самопожертвования».

Обвинительный приговор индийским офицерам вызвал настоящий бунт в ряде городов Индии. Особенно обострилась обстановка в Калькутте, где многочисленные демонстрации переросли во всеобщую политическую стачку. В городе появились баррикады. Из-за забастовки работников транспорта и коммунального хозяйства Калькутта осталась без воды и света. Схватки с войсками и полицией продолжались несколько дней. Вскоре, 18 февраля 1946 г., в Бомбее стихийно началось восстание моряков Королевского индийского флота. К восставшим присоединились матросы кораблей, стоявших на рейде в портах Карачи, Мадраса, Калькутты, Визагапатама, а также матросы береговых служб. Восстание на флоте проходило под тремя флагами — Конгресса, Мусульманской лиги и Компартии. События развивались в направлении объединения основных антиимпериалистических сил. С требованиями независимости Индии выступили военные летчики в Бомбее, к которым присоединились индийские летчики на других военновоздушных базах. По призыву Компартии 22 февраля в Бомбее началась всеобщая забастовка. Против нее были брошены крупные военно-полицейские силы, учинившие жестокую расправу: около 300 человек было убито и 1700 ранено.

Волнения в армии и восстание на флоте вызвали панику в Лондоне. Уже 19 февраля английское правительство объявило, что в Индию для переговоров с лидерами политических партий по вопросам ее будущего государственного устройства срочно направляется правительственная миссия во главе с министром по делам Индии и Бирмы лордом П. Лоуренсом. Одновременно кабинет Эттли распорядился экстренно направить в Индию надежные войсковые части и «укрепить» состав индийского флота английскими матросами и офицерами.

Складывающаяся революционная ситуация в Индии напугала не только колониальную администрацию, но и индийские буржуазно-помещичьи круги. Хотя Ганди и не

одобрил восстание военных моряков, надежды колонизаторов на то, что в революционной обстановке он сыграет спасительную для них миротворческую роль, не оправдались. Как всегда, Ганди был в самой гуще народа, разъезжал по городам и деревням Бенгалии и предпринимал невероятные усилия для урегулирования начавшихся в ряде мест индусско-мусульманских столкновений.

Тем временем лидеры Мусульманской лиги и Конгресса под давлением крупной национальной буржуазии вступили в переговоры с восставшими моряками. От Конгресса их вел В. Патель. Признав справедливыми протесты восставших против расовой дискриминации и пообещав им защиту от возможных репрессий, он сумел уговорить повстанческий комитет отказаться от дальнейшей борьбы.

В Лондоне, наконец, вздохнули с облегчением. Премьер-министр Эттли 15 марта 1946 г. провозгласил в палате общин вторую декларацию об индийской политике лейбористов, в которой объявлялось о предоставлении Индии статуса доминиона. Эттли при этом признал, что движение в Индии за национальную независимость является всенародным и что в нем участвуют армия и флот.

Когда в конце марта миссия П. Лоуренса прибыла в Индию, стали известны результаты выборов в центральную и провинциальные законодательные ассамблеи страны. Конгресс одержал внушительную победу, доказав тем самым, что он остается самой массовой и популярной политической партией Индии. Однако результаты выборов мало радовали Махатму Ганди: выборы проходили по религиозным куриям и поэтому объективно выдвигали на передний план политической жизни страны религиозно-общинную проблему. Это обстоятельство его беспокоило больше всего.

По прибытии в Индию Лоуренс по своей инициативе имел несколько встреч с Ганди. Индийский вождь одобрительно отнесся к решению английского правительства предоставить Индии статус независимой страны. В то же время он отрицательно высказался по поводу английского плана территориального разделения Индии по религиозному принципу. По его мнению, это только осложнило бы решение религиозно-общинного вопроса, ослабило единство страны и с учетом идеи Джинны об образовании Пакистана вызвало к действию центробежные силы. Ганди настаивал на уходе всех англичан из Индии еще до реализации пред-

ложения о предоставлении ей независимости. Он отвергал опасения тех, кто говорил, что в этом случае в Индии якобы непременно вспыхнет гражданская война. Напротив, убеждал Ганди, без англичан, без внешней силы индийский народ, вдохновленный полученной свободой, лучше разберется в своих внутренних делах.

Индийского вождя тревожила обструкционистская позиция Джинны. Поэтому он предупреждал своих соратников по Конгрессу не торопиться принимать решения, если надо, выждать удобный момент, постоянно учитывать настроение и готовность народа правильно воспринять их политические решения.

В переговорах с членами миссии Лоуренса и вице-королем, которые начались 5 мая в Симле, Ганди не участвовал. Высказав свое мнение и дав необходимые советы конгрессистским лидерам, он предпочел остаться в тени. Конгрессистскую делегацию возглавил А. К. Азад. В нее вошли Дж. Неру, В. Патель и Абдул Гаффар-хан — самые близкие соратники Ганди, и не случайно среди них были два индуса и два мусульманина. Лигу на переговорах представляли Джинна и еще три мусульманских лидера.

Джинна сразу же в самой категоричной форме заявил, что индийские мусульмане «не примут никакого устройства, неизбежным результатом которого было бы создание правительства с индусским большинством». Он потребовал образовать из провинций с мусульманским большинством отдельное государство. Азад и Неру, руководствуясь установками Ганди, доказывали, что в такой стране, как Индия, возможна лишь конституция, основанная на принципах федерации. Конгрессистские лидеры шли на уступки руководителям Лиги, заявляя о готовности предоставить провинциям с большинством мусульманского населения широкую автономию, полную свободу во внутренних делах и гарантировать их участие в деятельности центральных правительственных органов. Как вскоре обнаружится, переговоры в Симле не принесли победы ни Конгрессу, ни Лиге, ни, что самое главное, самому индийскому народу. Англичане, искусно играя на противоречиях между Конгрессом и Лигой, навязали Индии свое решение, в котором уже были заложены живучие семена будущих общинно-религиозных раздоров в стране.

16 мая 1946 г. правительство Эттли заявило, что на основе выводов, сделанных миссией Лоуренса, оно «реко-

мендует» создать Индийский Союз, включающий Британскую Индию и княжества. Союз должен решать вопросы внешней политики, обороны и связи и располагать для этого необходимыми финансами. Провинции получали широкую автономию. Они группировались по религиозному принципу, то есть как раз по тому принципу, против которого выступал Ганди. Внешне англичане создавали видимость единой Индии, на самом же деле своим планом они «про-рубали дверь» для создания Пакистана, для расчленения и ослабления будущей независимости Индии.

Руководство Мусульманской лиги одобрило «рекомендацию» английского правительства, многозначительно заметив при этом, что не исключает возможность создания суверенного Пакистана. Ганди, который страстно верил в осуществление идеи всей своей жизни — мирного перехода власти от колонизаторов к индийцам, вынужден был смириться с неизбежным.

На выборах в Учредительное собрание в июне 1946 года конгрессисты получили почти в три раза больше голосов, чем Мусульманская лига.

7 июля 1946 г. в Бомбее состоялось заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Председатель ИНК А. К. Азад, отражая настроение Махатмы Ганди, говорил на заседании о скором приближении победы — получении Индией независимости без насилия и кровопролития, путем переговоров и компромиссного урегулирования разногласий. Большинство членов Комитета проголосовало за резолюцию, в которой указывалось, что майские предложения должны стать основой для разработки Учредительным собранием конституции независимой Индии. С одобрения Ганди новым председателем ИНК был избран Джавахарлал Неру.

Руководство Конгресса, в том числе и сам Ганди, рассматривало английские предложения лишь как рекомендации. Конституцию Индии должно разработать Учредительное собрание, то есть представители индийского народа, а не англичане. Поэтому Неру говорил, что «Конгресс войдет в состав Учредительного собрания, не связанный никакими соглашениями, сохраняя за собой при любой ситуации право самостоятельного решения». Такие высказывания весьма ревниво воспринимались мусульманскими лидерами, которые не хотели мириться с индусским большинством в Учредительном собрании. Они исходили из того, что

английский план образования правительства на основе религиозно-общинного представительства должен оставаться неизблемым.

Джинна, отказавшись от участия в правительстве, угрожающе заявил, что он намерен предпринять практические шаги для осуществления своей идеи образования Пакистана. Тогда вице-король предложил Неру в качестве вице-премьера сформировать временное правительство. Главой правительства оставался вице-король. Конгрессисты приняли предложение. В ответ на это Джинна официально объявил, что 16 августа станет днем начала «прямой борьбы за Пакистан». Обращение Неру к мусульманскому лидеру с призывом образовать коалиционное правительство было отвергнуто. Джинна в своих речах призывал единоверцев «держат наготове свои мечи». Его слова не были пустой угрозой...

16 августа 1946 г. по улицам и площадям Калькутты полилась кровь: началась братоубийственная индуССко-мусульманская резня, в огне пожарищ и погромов гибли тысячи людей, в том числе женщины и дети. Четыре дня длилось кровавое побоище. Английские власти, располагавшие всеми возможностями для наведения порядка в городе, заняли позицию сторонних наблюдателей. Эпидемия религиозно-общинной «чумы» перекинулась на Бихар, Бомбей, Восточную Бенгалию.

В эти черные дни Индии Ганди все свои силы и влияние в народе отдает тому, чтобы покончить с безумием религиозно-общинной резни. Находясь в Калькутте, переходя из одной деревни в другую в округе Ноакхали, в Бихаре, каждодневно рискуя жизнью, он проповедует идею братства и единства индусов и мусульман. Кое-где ему удастся остановить безумие. Простые люди — крестьяне, ремесленники, рабочие — с пониманием воспринимали его проникновенные слова. Что же касается религиозной верхушки общин, будь то мусульманская или индуССкая, то он все больше разочаровывается в их истинных намерениях. Вождь переживает глубокий моральный кризис. Тридцать лет жизни он посвятил проповеди братской любви, и что же — теперь он видел, как его народ оказался расколотым на два враждующих религиозно-общинных лагеря.

Ганди все больше начинает убеждаться, что в основе раскола была не вера в бога как таковая, не религиозные различия соотечественников, а целенаправленная политика,

проводившаяся колонизаторами и внутренней реакцией. Индию лихорадило, ее мучили политические конвульсии и в центре, где делало свои первые шаги временное правительство, и на местах, в глубинных районах страны, где бушевало пламя классовых битв и религиозно-общинных волнений.

Неру постоянно поддерживает связь с Ганди. Он просит его вернуться в Дели, чтобы помочь своими советами временному правительству. А тот каждый раз отвечает ему, что самой весомой помощью правительству является как раз то, что он делает — пытается урегулировать общинно-религиозные междоусобицы.

В то время, когда Ганди, находясь на периферии страны, пытался восстановить «внутренний мир» и обеспечить тылы для временного правительства, Неру 2 сентября 1946 г. провозгласил по радио первую внешнеполитическую декларацию новой Индии. «...Шесть дней назад мои коллеги и я заняли высокие посты в правительстве Индии, — звучали слова Неру. — В нашей стране появилось новое правительство, промежуточное или временное правительство, — веха на пути к полной независимости Индии. Мы получили много тысяч пожеланий со всех концов мира, из каждого уголка Индии. Однако мы не призывали праздновать это историческое событие и даже сдерживали энтузиазм нашего народа, ибо нам хотелось, чтобы он осознал, что мы пока находимся в пути и нам предстоит еще достичь эту цель. (Эти слова полностью отражали настроение и мысли Ганди, которые он высказывал Неру. — Авт.)

...Мы вошли в это правительство в надежде на скорое достижение полной независимости, — продолжал Неру, — и мы намерены работать так, чтобы постепенно достичь этой независимости действий как в нашей внутренней, так и во внешней политике. Мы будем принимать активное участие в международных конференциях, проводя свою собственную политику как свободная страна, а не как сателлит другой страны. Мы надеемся установить тесные и непосредственные контакты с другими странами и сотрудничать с ними в укреплении всеобщего мира и свободы.

Мы намерены, насколько это возможно, держаться в стороне от политики силы, проводимой противостоящими друг другу группировками, которая в прошлом вела к мировым войнам и опять может привести к большим бедствиям... Мы особенно заинтересованы в освобождении ко-

лониальных и зависимых стран и народов и в признании в теории и на практике равных возможностей для всех рас...»

В соответствии с установкой Ганди относительно особой мирной миссии свободной Индии Неру в заключение сказал: «Индия идет вперед, и старый порядок уходит. Мы слишком долго оставались безучастными зрителями событий, игрушками в руках других. Сейчас инициатива переходит к нашему народу, и мы сами будем вершить его историю. Объединимся же ради выполнения этой огромной задачи и сделаем дорогую нашему сердцу Индию великой страной, играющей выдающуюся роль в деле мира и прогресса!»

В октябре 1946 года в Мируте состоялся первый после войны съезд ИНК, который одобрил политическую линию руководства и высказался за превращение Индии в суверенную республику.

В условиях, когда Индия еще окончательно не освободилась от колониальной зависимости, Махатма Ганди, который направлял деятельность Конгресса и имел решающее влияние на формирование его внутренней и внешней политики, проявил прозорливость и мужество вождя великого народа. В годы «холодной войны», развязанной западными державами, с ее агрессивными доктринами «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма, «массированного возмездия», с ее локальными войнами в Азии, Ганди и его верный соратник Неру смело призывали индийский народ к борьбе за мир, демократию и социальный прогресс. В программном выступлении Неру было четко заявлено об отказе Индии от участия в военных блоках, содержался призыв к борьбе против колониализма и империализма, за предотвращение новой войны и сохранение мира, были сформулированы новые принципы в практике международных отношений, которые позднее стали основой политики «позитивного нейтралитета», а с середины 50-х годов получают название «политики неприсоединения».

Через месяц после формирования временного правительства Индии Дж. Неру направил министру иностранных дел СССР В. М. Молотову послание, в котором говорилось: «Мы искренне хотим развивать дружественные отношения с СССР и обмениваться с вашей страной дипломатическими и другими представительствами. Мы надеемся, что сотрудничество между Индией и Россией будет бла-

готовным для обеих стран и послужит делу мира и прогресса во всем мире». Советское правительство, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма и солидарности с угнетенными народами, 13 апреля 1947 г. установило с Индией дипломатические отношения на основе равноправия и взаимного уважения, продемонстрировав свою готовность оказать индийскому народу, борющемуся за полное освобождение от пут колониализма, всестороннюю поддержку.

В критический период борьбы Индии за свою независимость в 1946—1947 годы Ганди как никогда раньше утверждает в мысли, что не политическое маневрирование и межпартийные интриги национальных лидеров решают судьбу нации и вынуждают колонизаторов отступать, а мощное антиколониальное движение самих народных масс. О решающей роли народа в борьбе за свои права он убедился, еще будучи в Южной Африке. Теперь он окончательно приходит к такому выводу.

Ганди не желает убивать время на частых и длительных заседаниях конгрессистских и других национальных лидеров. Он должен быть с народом и всю свою неутомимую энергию отдает непосредственному общению с ним. Вместе с тем Ганди никоим образом не умалял политической и организаторской роли конгрессистской партии. Именно благодаря его усилиям Конгресс стал массовой партией, однако с преимущественной ориентацией на крестьянство. В последние годы жизни индийский вождь наблюдал рост политического сознания индийских рабочих, их организованность, солидарность и дисциплинированность в борьбе против колонизаторов и за жизненные права трудящихся. Он видел, что в Индии родилась сила огромного социального и политического значения. В своей газете «Хариджан» в 1946 году Ганди писал: «Если бы Конгресс руководил всеми промышленными рабочими в Индии, он был бы куда более сильным, чем он есть сегодня».

Демократизм Ганди наиболее ярко проявился в его требовании политической организации масс. Не скрывая своих предубеждений против коммунистов из-за их подхода к принципу ненасилия, он никогда не занимал по отношению к ним враждебной позиции и не призывал к изоляции их, к отказу от сотрудничества с ними. «Я знаю, что вы стоите немало, — говорил Ганди, обращаясь к индийским коммунистам. — У вас есть очень способная молодежь, ко-

торой присуще такое же бескорыстие, на какое претендую и я. Вы — трудолюбивые люди, обладающие большой энергией и соблюдающие строгую дисциплину. Все это я высоко ценю и перед этим преклоняюсь. Я бы не хотел потерять такую силу из-за каких-то своих предубеждений».

Борьба народных масс Индии против внешних и внутренних врагов нарастала с каждым днем и, несмотря на страстную пропаганду ненасильственных методов, проводимую Махатмой Ганди, принимала характер острых классовых битв и вооруженных столкновений с полицией и войсками. Расстрелы демонстрантов и насилие властей вызывали ответную реакцию. Было ясно, что теперь народ не отступит.

Правительство Эттли начало понимать — медлить с передачей всей полноты власти представителям индийской буржуазии и помещиков больше нельзя, иначе передавать уже будет нечего: власть может взять в свои руки сам народ. 20 февраля 1947 г. Эттли огласил третью декларацию своего правительства о политике в Индии, в которой было заявлено, что англичане уйдут из Индии не позднее июля 1948 года. Поскольку вице-король Уэйвелл своими топорными действиями стал уже вызывать раздражение в Лондоне, на его место был назначен адмирал Маунтбеттен, находившийся в прямом родстве с королевской семьей и отличавшийся незаурядными дипломатическими способностями, остротой ума и политической расчетливостью. По убеждению Черчилля, никто иной не смог бы так искусно выполнить миссию по подрыву национального движения в Индии и по сохранению британского влияния в этой стране, как лорд Маунтбеттен. Новый вице-король прибыл в Индию, имея в портфеле уже готовый план раздела Индии на два доминиона: Индийский Союз и Пакистан.

Первым делом Маунтбеттен попросил Ганди прервать свою миротворческую поездку по Бихару и срочно прибыть в Дели для обсуждения вопроса о предоставлении Индии полной независимости. Адмирал вел интенсивные переговоры с лидерами национальных партий. Ему уже удалось склонить некоторых руководителей ИНК, в том числе В. Пателя, претендовавшего на главную роль в партии, принять план раздела Индии. Дж. Неру и А. К. Азад, встревоженные капитуляцией В. Пателя, который объективно поддержал теорию Джинны о двух нациях, с нетерпением ожидали приезда Ганди, чтобы узнать его позицию. Перед встречей с вице-королем он сказал им:

— Если Конгресс захочет согласиться на раздел, то он может сделать это, только переступив через мой труп. Пока я жив, я никогда не соглашусь на раздел Индии. Уже вскоре Ганди пожалеет о своем столь категоричном заявлении.

Беседы Маунтбеттена с Ганди затянулись на три дня. Махатма ставил на карту все, шел на большие уступки, лишь бы снять с повестки дня вопрос о разделе Индии. Он просил Маунтбеттена распустить действующий состав временного правительства и, чтобы устранить болезненные подозрения мусульманского населения против индуcского большинства, предложить Джинне сформировать новое правительство. Маунтбеттен, расценив это предложение собеседника как хитроумную уловку, сообщил о ней Джинне. Тот, как и ожидал вице-король, с порога отклонил это предложение и продолжал настаивать на образовании Пакистана. Вице-король и лидер Мусульманской лиги оказались «в одной упряжке». Позиция конгрессистов, если учесть, что и среди них были сторонники раздела, стала более шаткой.

Спасая положение, Махатма Ганди высказался за то, чтобы отложить вопрос о разделе Индии до того времени, когда англичане уйдут из Индии. «Мы не в состоянии независимо мыслить до тех пор, пока в Индии действует британская власть, — убеждал Ганди вице-короля. — Эта власть существует не для того, чтобы изменять карту Индии. Все, что должно быть сделано с ее стороны, так это покинуть Индию, осуществляя свой уход в условиях порядка, если возможно, а может быть даже и в обстановке хаоса, в обещанный день или раньше». Поддерживая мысль вождя, Азад образно сказал, что «не может быть развода раньше женитьбы». Речь шла о том, чтобы колонизаторы дали возможность самому индийскому народу решить жизненно важный для него вопрос.

Как об этих событиях будут вспоминать современники, Маунтбеттен, аристократ, член королевской семьи, вышколенный дипломат, в беседах с Ганди трепетал и чувствовал себя загнанным в угол. Такого с Маунтбеттеном еще не бывало. Он терялся в догадках, что же замышляет Ганди, какой следующий шаг он предпримет. Английский сановник никак не мог уразуметь, что его собеседник вовсе не хитрит, а говорит правду. В этой связи интересно высказывание Неру о Ганди. Он писал, что не знал человека, который был бы более правдив, чем Ганди. Даже Неру это

качество казалось опасным для политического деятеля, ибо Ганди раскрывал свою душу и позволял людям видеть формирование своих воззрений. Ганди, заявив Маунтбеттену, что он против раздела страны, не стал далее участвовать в переговорах. От Конгресса переговоры продолжали Неру, Патель и Азад.

Для обсуждения плана Маунтбеттена в июне 1947 года собралась сессия Всеиндийского комитета Конгресса. Ганди был удручен, мрачен и участия в горячих дебатах не принимал: его мнение конгрессисты и без этого знали. Он не одобрял раздела страны, но оказался в меньшинстве. Конгресс шел против воли своего вождя. Однако политическая обстановка складывалась для судеб Индии куда сложнее, чем в начале войны, когда Ганди мог просто отойти от Конгресса и свободно отстаивать свою собственную позицию. Теперь на одной чаше весов истории страны лежала свобода, на другой — неизвестность, прямая угроза вспышки небывалого еще по своим масштабам насилия.

Вождь видел, что в этот критический для страны момент Конгресс может расколоться и даже развалиться, и тогда верх возьмут религиозные экстремисты. Народ останется без руководства. Начнется братоубийственная гражданская война. Англичане непременно воспользуются ею для того, чтобы «доказать» неподготовленность Индии к самостоятельной государственности. «Политический реализм требует принятия плана Маунтбеттена», — решает Ганди. Делегаты Всеиндийского комитета Конгресса 157 голосами против 61 проголосовали за план Маунтбеттена. Сердце Ганди разрывалось на части. Он переживал самые трагичные минуты своей жизни. Предпочитая меньшее зло большему, вождь отдал свой голос большинству.

Маунтбеттен убедил британское правительство перенести срок передачи власти в Индии с июня 1948 года на 15 августа 1947 г. В противном случае, признавался он, бомба, уготованная им для индийцев, «может разорваться в его руках». Да, вице-король знал, чего опасаться. Парламент Англии утвердил Закон о независимости Индии. Живое тело сложившейся нации разрубалось на две части: Индию и Пакистан.

Ганди, убитый крушением своих идеалов и не желая принимать участия в празднествах по случаю получения независимости, демонстративно покинул столицу. Мучи-

тельно страдая, он все больше осознавал несостоятельность своей идеи ненасилия, которую всю жизнь пропагандировал как универсальное средство для разрешения политических и социальных проблем. Но страдая, Ганди прилагал отчаянные усилия остановить грозную и все нарастающую лавину безумия людей, легко поддавшихся провокациям колонизаторов.

4 августа Джавахарлал Неру сформировал первое национальное правительство Индии в составе 14 человек. Неру занял посты премьер-министра, министра иностранных дел и по делам Содружества, возглавил министерство по научным исследованиям. В. Патель, который был бы не прочь стать главой правительства, но, не получив соответствующей поддержки от Ганди, довольствовался постами заместителя премьер-министра, министра внутренних дел и по делам княжеств, а также министра информации и радиовещания.

14 августа председатель Учредительного собрания Р. Прасад провозгласил образование нового государства — Индийского Союза. «Много лет назад мы избрали свою судьбу, — звучали с трибуны взволнованные слова Неру. — Теперь настал момент, когда мы вспомним свою клятву, если не целиком и в полной мере, то во всяком случае в значительной части. Когда часы пробьют полночь и весь мир будет погружен в сон, Индия проснется к жизни и свободе... В этот торжественный момент мы должны поклясться посвятить себя служению Индии и ее народу...»

15 августа 1947 г. на площади перед делийской крепостью Красный форт при огромном скоплении людей Джавахарлал Неру поднял флаг свободной Индии — полотнище из ярких цветов: шафранового, белого, зеленого.

Тогдашний председатель ИНК Ачария Крипалани в «Послании к нации» восторженно писал: «Никогда еще столь великое событие, изменившее судьбу миллионов мужчин и женщин, не осуществлялось с таким незначительным кровопролитием и таким незначительным применением насилия... То, что это оказалось возможным, — заслуга вдохновляющего руководства Махатмы Ганди, который, если вообще можно называть так кого-либо из людей, является Отцом нашей нации».

Бапу, однако, не разделял восторженного мнения Крипалани. Апостол ненасилия не любил похвал и совсем не выносил неправды: сотни тысяч индийцев, поддавшись на

политические провокации колонизаторов, облили свободу Индии своей кровью. Это был худший вид насилия, не говоря уже о многочисленных массовых расстрелах английскими солдатами мирных безоружных демонстраций. Д. Дж. Тендулкар, индийский автор многотомной биографии Махатмы Ганди, писал: «По всей стране проходили празднества, но человек, который больше любого другого сделал для освобождения Индии от иноземного владычества, не участвовал в этом всеобщем ликовании. Когда представитель министерства информации и радиовещания правительства Индии обратился к нему с просьбой о послании, то Ганди ответил, что «его красноречие иссякло». На слова о том, что если он не выступит с каким-либо посланием, то это будет нехорошо, Ганди ответил: «Мне нечего сказать, и если даже это плохо, пусть все-таки будет так». Ганди — снова в самой гуще народа. Он видит, как возбуждены люди, как радость от получения свободы быстро сменяется и омрачается непреодолимым чувством страха за свою жизнь, за свой очаг, за судьбы детей.

Индусов и мусульман в обеих частях разделенной родины охватила невиданная паника: им надо было решить вопрос, где жить. Люди снимались с насиженных мест, покидали землю своих прародителей. Все пришло в хаотическое, всеразрушающее движение. Пенджаб, его города и села задыхались в дыму пожарищ, всюду лилась кровь. По дорогам в противоположных направлениях двигались нескончаемые колонны беженцев. Голодные и полураздетые, погибая в пути, люди стремились к непонятной для себя цели по другую сторону новой границы, где у них не было ни крова, ни пищи, ни занятия — ничего, кроме неизвестности и их бога. По приблизительным подсчетам, более шести миллионов мусульман и четырех с половиной миллионов индусов переместились из одной страны в другую. Около 700 тысяч человек погибло.

Вот что писала одна из газет о роли в этой трагедии индийского народа тогдашнего губернатора Пенджаба англичанина Дженкинса: «В истории Пенджаба он надолго останется как самый бездарный и самый бессовестный из всех тех, кто когда-либо сидел в губернаторском кресле. Мы не знаем, в какой степени английское правительство санкционировало его политику натравливания пенджабцев друг на друга, но если англичане все еще намерены использовать сикхов как клин для вбивания между Пакистаном и Индией,

то лучшего шулера для игры этими краплеными картами они найти не могли».

Маунтбеттен забыл о своих «заверениях солдата», данных им Ганди и другим лидерам, сохранить мир в Индии. Теперь он говорил, что армия не в силах контролировать положение.

В сентябре 1947 года Ганди переехал в Дели и поселился в громоздком особняке, принадлежавшем крупнейшему индийскому промышленнику Бирле. Не привыкший к комфорту, Ганди спал на циновке, брошенной на мраморный пол.

Нашлось немало людей, которые бросали в лицо Махатме Ганди горькие, обидные слова, говоря о его слепой, догматической приверженности принципу ненасилия. Метод Ганди сурово критиковался не только в Индии, внутри Конгресса, другими политическими партиями страны, но и в Советском Союзе, где сталинские идеологи воинственно претендовали на истину в последней инстанции. Практический и конкретный гуманизм Ганди противоречил лозунговому, абстрактному человеколюбию Сталина, полагавшемуся в политике и в своих поступках на силу авторитарной власти.

— Ганди идеализировал политику и превратил ее в сентиментальное орудие богословов, решивших заняться не своим делом. Политика — вещь жестокая, это-де почти всегда насильственная и зачастую кровавая борьба одних против других, — отовсюду слышал Махатма обвинения в свой адрес.

Он не считал нужным отвечать тем, кто не останавливался перед прямыми выпадами и оскорбительными заявлениями, называя его агентом английского империализма.

Его мало трогали подобные чудовищные обвинения. Он и не думал оправдываться: нечестный умысел оскорбителя и без того был очевиден для всех.

Ганди готов был говорить о своих заблуждениях и открыто признавал собственные ошибки, но при этом он не отступился от веры в истинность ненасилия как основополагающего принципа организации человеческого общежития на нашей Земле, если не сейчас, то в ближайшем будущем. Он продолжал видеть в ненасилии «величайшую силу на службе человечества, более действенную, чем самое мощное оружие разрушения, изобретенное человеческим гением». Ганди не уставал и теперь повторять, что нена-

силие — это не отказ от активных действий, не робость перед испытаниями, напротив — самоотверженный и мужественный акт, бесстрашный вызов каждого человека в отдельности и всех вместе власти зла, несправедливости и национальному угнетению.

— Мы ежедневно расплачиваемся дорогой ценой за бессознательную ошибку, которую допускали, смешивая пассивное сопротивление с ненасильственным, — отвечает Ганди своим оппонентам. — Если бы я не допускал и сам этой ошибки, мы не были бы свидетелями этого унижительного зрелища бездушного и бесчеловечного братоубийства.

— Как можно добиться политической цели, — спрашивают Ганди, — не ответив на силу силой, не подвергнув и не разгромив для этого врага?

— У вашего врага, нередко мнимого, воображаемого противника, есть свое понимание цели, свое человеческое достоинство, ему так же дорога жизнь, как и вам, — терпеливо разъясняет Ганди. — Сатьяграх не должен проявлять к нему ненависти и лишать его жизни. Больше того, вы не сатьяграх, если молча, пассивно наблюдаете, как убивают вашего врага. Вы должны защитить его даже ценой своей жизни. Постыдные общинно-религиозные погромы были бы невозможны, если бы так поступали и индусы, и мусульмане... К тому же разве они враги друг другу? — с недоумением задает вопрос Ганди. — Врагами их делает только насилие. Взаимная ненависть ослабляет и тех и других. Любая третья держава легко поработит Индию, пока индусы и мусульмане готовы перерезать друг другу горло.

— Но вы оказались банкротом, — раздавался хор голосов. — Кругом вершится насилие. Ваше ненасилие — не что иное, как химера. Вы наивный мечтатель.

— Я должен признать банкротство свое, но не принципа ненасилия. Я уже говорил, что ненасилие, которое практиковалось на протяжении истекших тридцати лет, было ненасилием слабых. Индия не имеет опыта ненасилия сильных, — продолжал отстаивать свои убеждения Ганди и принимал вину за происходящую трагедию на себя, утверждая, что не сумел научить народ подлинному ненасилию.

В эти трагические дни Махатма Ганди отдавал последние силы своей великой души примирению индусов и мусульман. Несмотря на кровавые погромы, на вакханалию диких страстей и взрыв у людей звериного гнева, вопреки

всему ужасу, он продолжал верить, что человеческое братство — не фраза и что подлинная природа человека — любовь и милосердие, без которых цивилизация погибнет. Больше всего его повергало в уныние то, что разное представление людей о боге — о высшем понятии справедливости — толкает их на безотчетное насилие, тогда как первоосновой всякой религии являются общечеловеческие ценности. Ганди страдает из-за того, что религия может служить источником зла и насилия. В своих выступлениях перед людьми, измученными религиозными распрями, Ганди смело отбрасывает ханжеские постулаты своекорыстных служителей культа. Он не делает различий между исламом и индуизмом, между Кораном и священными книгами индусов: добро едино, как едины и люди.

Не всеми своими соратниками доволен Бапу. Некоторые из конгрессистов-индусов поддались религиозно-шовинистическому настроению и отказывались вести честную работу среди мусульманской общины. Этим настроениям поддался и Патель, один из его сподвижников. Неру вместе с Пателем снова приезжали к вождю в «Бирла-хаус» — спрашивать совета. Ганди настаивал на том, чтобы правительство на деле проявило заботу о мусульманах, занялось устройством их быта и приняло неотложные меры, которые полностью бы исключали их дискриминацию и обеспечивали бы им полную безопасность со стороны экстремистских элементов.

Патель, выслушав Ганди, резко возразил ему, обвинив в якобы неоправданных симпатиях к мусульманам. А ведь он, Патель, славится ортодоксальным гандистом, верным учеником и последователем Махатмы. В самом деле, нет ничего опаснее ортодоксальных учеников: заучив слова, в которые облечена идея учителя, они не понимают ее живой души. Они претендуют на право идейных наследников учителя, а на деле становятся его духовными палачами. Такое в жизни случается, к сожалению, не так редко.

Но не все так безысходно и мрачно: Ганди был доволен, что не ошибся в Неру — ему чужды какие-либо религиозные амбиции; он выше личных обид и частных разногласий, его всегда бодрствующий разум соединен с сердцем гуманиста и патриота, его нельзя ввести в заблуждение разжиганием лживых националистических страстей, недоверия и подозрений в индийской общине; он терпелив, мягок, но нестигаем — дай бог ему сил и умения.

Почти каждый вечер в это жестокое время испытаний посещала Бапу удивительно деятельная и бесстрашная Индира. О самоотверженной работе, требовавшей большого мужества, которую дочь Неру проводила среди беженцев, Бапу был наслышан, но не от нее. Много раз Индира оказывалась в самой гуще разъяренной, ослепленной гневом толпы и, словно чудотворная богиня, предотвращала кровопролитие. Поразительная внутренняя сила этой женщины действовала на людей гипнотически.

— Я слышал, Инду, что ты, рискуя собой, спасла жизнь человеку. Правда ли это? — спросил Бапу.

— Да, было такое, — призналась Индира.

— Почему же ты никогда не рассказываешь мне о своих поступках?

— А не о чем особенно рассказывать. Я действовала, не задумываясь о последствиях, — ответила она и, солнечно улыбнувшись, добавила: — Чувства сильнее рассудка.

Ганди ласково смотрел на Индиру. Он был удовлетворен ее ответом, хотя и уточнил:

— Душа, любовь к людям сильнее страха.

Его методом борьбы всегда была апелляция к сердцам и совести людей, поэтому он мог понять, что имела в виду Индира.

Ганди открывает в Индире редкий дар — ее способность влиять на людей. Кто, как не она — отважная, честная, молодая женщина, может пробудить добрые, человеческие чувства!

Вождь просит Индиру поехать в штабы мусульманских и индуcских общин в Дели и склонить их к примирению. Задача, за которую не всякий бы взялся!

Старый вождь знает — это может сделать с успехом бескорыстная молодость, дочь его самого близкого и дорогого ему друга. Опасно? Да, очень. Случись худшее, и он не вынесет ее гибели: слишком невосполнима была бы утрата. Но нет такой цены, которую он не уплатит за национальный мир.

В Дели продолжали стекаться пенджабские беженцы. К началу 1948 года на окраинах города их скопилось до 400 тысяч. Религиозно-общинные погромы начались в самой столице. Гибли люди, разрушались исторические памятники и святыни мусульман. Рушились жизненные идеалы Бапу.

Каждый день перед «Бирла-хаус» собирались сотни и тысячи людей, чтобы послушать проповеди Ганди, его

страстные призывы к религиозной терпимости, к братству, единению индусов и мусульман, всех индийцев. Но, как никогда раньше, многие люди оставались глухи к пламенным словам своего вождя. Все чаще воинствующие фанатики — в одинаковой мере и индусы, и мусульмане — угрожающе выкрикивали: «Ганди мурдабад!» — «Смерть Ганди!»

Бапу не видит другого выхода, кроме как прибегнуть к своему обычному оружию — 12 января 1948 г. он объявляет шестнадцатую за свою жизнь голодовку протеста и заявляет, что будет продолжать ее до тех пор, пока в Дели не восстановятся мир и спокойствие. Ганди находился в состоянии морального и физического истощения, его жизнь угасала. Сколько-нибудь длительная голодовка означает для него неминуемую смерть. Неру, Патель, Азад пытаются уговорить Ганди отказаться от голодовки, но тщетно.

Вся страна, все честные индийцы — мусульмане и индусы — с сочувствием и страхом следят за протестом престарелого вождя, который решил отдать свою жизнь в укор религиозным фанатикам. Многие люди, как бы прозрев, одумавшись, останавливаются перед совершением преступления. В столице проходят митинги и демонстрации солидарности с Ганди. 18 января представители индусов и мусульман в присутствии Махатмы клянутся сохранить мир между общинами и распространить его на всю Индию и Пакистан.

В стране воцаряется торжественное спокойствие. Махатма прекращает голодовку. Однако религиозные экстремисты только затаились. Они недовольны таким исходом событий и обвиняют вождя в «предательстве священного дела индусов», открыто грозя ему расправой. 20 января, в тот момент, когда Ганди выступал перед тысячами людей, террорист бросил в него бомбу, но она не причинила никому вреда. Вождь как ни в чем не бывало продолжал свою речь. «Враг мусульман является врагом Индии», — спокойно сказал он.

В последнее время Ганди все больше задумывается над судьбой своего народа. Теперь, когда Конгресс стал правящей партией, вождь часто критикует его за отход от принципов ненасилия, без соблюдения которых, по его мнению, немыслима действительная демократия на деле, а не на словах. Ганди и Неру хотят построить в Индии светскую демократическую республику. Они оба понимают

демократию как творческую энергию миллионов, как искусство и науку мобилизации физических и духовных сил общества на благо всех и каждого. Там, где интересы государства осуществляются насильственным и в ущерб политическим, социальным и личным правам отдельного человека, нет демократии, считает Ганди. «Демократия и насилие едва ли могут существовать вместе, — писал он еще в 1938 году, в период активной подготовки империалистическими державами второй мировой войны и проведения в СССР массовых сталинских репрессий. — Государства, которые сегодня номинально считаются демократическими, станут в конечном итоге или открыто тоталитарными или, если они действительно хотят остаться демократическими, должны мужественно воспринять ненасилие. Было бы кощунством утверждать, что ненасилие может осуществляться только отдельными личностями и никогда целым народом, который состоит из этих личностей».

Непременным условием ненасилия и демократии, установления на Земле прочного мира между народами, по Ганди, должно стать разоружение, в первую очередь отказ от ядерного оружия и других средств массового уничтожения.

Пессимисты не верят в реальность мира без войн и советуют Ганди очнуться от грез.

— Взгляните на прошлое человечества, и вы легко убедитесь, что вся его история обезображена войнами и насилием, — пытаются они уличить его в наивном мечтательстве.

— Да, история в самом деле свидетельствует о бесконечных войнах, — соглашается Ганди, — но мы стремимся создать новую историю человечества, теперь уже без войн и насилия, и я говорю об этом как выразитель чаяний моего народа. Человеку суждено заменить закон джунглей законом осознанного братства.

— Оглянитесь вокруг себя! Не закрывайте глаза на то, что происходит в мире: не успела закончиться одна война, как готовится другая, — возражают ему.

— Не верить в возможность прочного и постоянного мира — значит не верить в природу человека, — убежденно продолжает Ганди. — Миллионы таких же людей, как я, может быть, окажутся неудачниками, доказывая свою правоту. Но это будет их собственная неудача, а не доктрины ненасилия.

— От большинства народов мало что зависит, — не соглашаются пессимисты с Ганди. — Основное слово за великими державами.

— Великие державы свободны в любой день воспринять ненасилие и тем самым покрыть себя неувядаемой славой и заслужить всеобщую благодарность последующих поколений. Если они, преодолев страх, разоружатся, то помогут тому, чтобы и в остальных странах возобладал здравый смысл, — терпеливо разъясняет Ганди. — Но затем великие державы должны будут отказаться от империалистических амбиций и эксплуатации так называемых нецивилизованных или полумцивилизованных наций, — рассуждает он и далее признает: — Трудно ожидать, чтобы великие нации, следуя своим привычным курсом, вот так, вдруг, одновременно начали двигаться в противоположном направлении и, руководствуясь общечеловеческими ценностями, шли от победы к победе. Однако ясно одно: если сумасшедшая гонка вооружений будет продолжаться, она непременно приведет к такому массовому истреблению людей, какого еще не было в истории. Если и будет победитель в этой войне, то его единственным завоеванием станет его же собственное жалкое примитивное существование, какое только он может себе представить. У человечества нет никакого спасения от неминуемой гибели, кроме как честное и безусловное принятие доктрины ненасилия, — твердо заключает Ганди.

В январе в Дели самая лучшая пора года: синее небо, ласковое нежаркое солнце и множество роз. В это время люди особенно остро ощущают бесценный дар жизни и не перестают восхищаться величайшей загадкой мироздания — его целесообразностью, внутренней логикой и красотой. Ваше физическое бытие словно постигает буддистскую нирвану: восторженные плоть, душа и разум, обретая гармонию, озаряются мыслью: какой же редкий дар выпал вам быть человеком на этой Земле!

29 числа Бапу с оказией послал Индира записку, в которой писал, что не видел ее уже несколько дней, и просил навестить его. В тот же день Индира пришла в «Бирла-хаус»

вместе со своим маленьким сыном Радживом. Бапу находился в саду, сидел в тени раскидистого дерева. Увидев Индиру и Раджива, он радостно всплеснул руками и приветливо заулыбался, приглашая их присесть под благодатную тень манго.

Отбросив все свои невеселые думы, Бапу ласково заговорил с Индирой. Она выполнила его поручение, причем наилучшим образом, в полном соответствии с его представлениями о методе решения межобщинных распрей.

Индира не стала тратить время на нудные переговоры с чванливой общинно-религиозной элитой. Пошла прямо в народ и убедила индусов встретиться с мусульманами. Сначала она организовала встречи и беседы с делегатами от общин, затем с небольшими группами и в конечном счете добилась массового индусско-мусульманского братания.

Для многих правительственных чиновников все это казалось невероятным. Тем не менее Индира сумела сделать так, что ненасилие и братство одержали победу. Махатма гордился Индирой.

Разговор у Бапу был душевным, домашним. Вождь говорил о детях, о будущем Раджива, а тот не мешал беседе взрослых и спокойно играл четками Бапу.

Расставались тягостно: от недобрых предчувствий ныло сердце. Все еще поразительно молодые глаза Махатмы были полны печали.

— Берегите себя, Бапу, будьте осторожны, — прощаясь, сказала Индира.

— Пустое, Инду. Не беспокойся за меня. Индия обрела свободу, теперь ей нужно обрести единство и мир. Сделать это надлежит вам.

30 января 1948 г. Махатма Ганди, как обычно, вышел из дома к народу, собравшемуся послушать его. Из толпы выделился человек и быстро направился навстречу Ганди. Один за другим звучат три выстрела. На белой одежде расплываются красные пятна. Ганди благостно произносит: «Рам, Рам!» (Боже, Боже!). И это была не смерть, а вознесение. Казалось, он принял на себя разбушевавшееся в стране насилие, и оно, захлебнувшись в горячей крови индийского вождя, вдруг утихло.

Ганди не стало. Его убил Натурам Годсе — террорист из экстремистской индусской организации «Хинду махасабха».

Махатма Ганди оставил после себя тюремную миску с деревянной ложкой — сувенир от колониальных властей, две пары самодельных сандалий, стопку книг, очки, посох и постель на полу, убранную домотканым полотном. Но он оставил еще своим соотечественникам освобожденную родину и страждущий мир, мятущийся в поисках истины, познанию которой Ганди отдал свою жизнь. Его видение этой истины, его правда, как он ее себе представлял, гуманизм и любовь к своему народу, его завет людям свято беречь жизнь на Земле как величайший дар стали бесценным наследием для мирового сообщества, столь разноликого, разобщенного и вместе с тем единого в своих лучших устремлениях к миру, демократии и социальной справедливости.

Ганди по праву принадлежит к сильным мира сего, к могучим личностям, оставившим свой след в истории на века, но не как власть имущий или повелитель людских судеб и не как недоступный простому народу святой ясновидец — нет. Он оказался сильнее британского вице-короля и его правительства, войска и полиции только потому, что стал выразителем и неподкупным глашатаем чаяний своего народа, идеалом которого издревле был справедливый и ненасильственный мир.

Великобритания вынуждена была уйти из Индии. Причинами тому были как сложное взаимодействие внутренних и внешних сил, так и веление самой истории. Однако сравнительно мирный приход к власти национального правительства и относительно добровольное, хотя бы по своей форме, согласие колонизаторов предоставить Индии независимость, несомненно, были заслугой Ганди, торжеством его ненасильственного метода, впервые примененного в масштабах огромной страны.

По убеждению известного английского историка Арнольда Тойнби, беспримерная деятельность Ганди была благодеянием как для его страны, так и для Великобритании. «Он сделал невозможным дальнейшее господство англичан в Индии, — писал Тойнби, — но в то же время позволил им ретироваться достойно и без затаенной вражды... Помогая выйти из затруднительного положения, Ганди тем самым оказал англичанам величайшую услугу, ибо владеть империей гораздо легче, чем избавиться от нее».

Гуманистические идеалы и практические дела отца освобожденной Индии шагнули за пределы своего времени и страны. Его политический метод оказался тем более ценным, что он предвосхитил возникновение в наш век новой исторической потребности в жизни государств и народов — планетарного гуманистического движения за мир без войн и насилия, за полное и окончательное избавление человечества от всех форм колониализма и расизма.

Практический гандизм дал человечеству первый, хотя далеко не во всем совершенный, как признавал сам Ганди, опыт мирного, политического решения самых острых, казалось бы, непримиримых противоречий во взаимоотношениях народов, когда затрагиваются коренные интересы государств и правительств, когда противоречия между ними грозят разрушить наш непрочный, но во многом единый и взаимозависимый мир взрывом новой войны и тотального насилия и когда само существование земной цивилизации может быть поставлено под вопрос.

При всем том, видимо, еще рано возводить нравственно возвышенный метод Ганди в абсолют, в универсальный способ решения всех социально-политических противоречий современного общества. Скажем, можно ли противопоставить агрессивной силе одно жертвенное ненасилие, безудержной гонке вооружений — одностороннее разоружение, а угнетению человека — одно его добровольное страдание? Но наша цивилизация благодаря великим рыцарям мира и ненасилия, каким был Махатма Ганди, меняет свой облик, свое планетарное сознание, и там, где еще недавно безраздельно господствовала и отравляла умы людей милитаристская идея фатальной неизбежности и закономерности войн, уже возникает и все больше утверждается новое политическое мышление; общественным сознанием народов овладевает гуманистическая философия мира. «Образ врага», веками питавший войны между народами, пока с трудом начинает уступать вере людей в единство, в их братство и партнерство.

Глубокий патриотизм, демократизм и гуманизм Махатмы Ганди, его последовательное выступление против колониального насилия и расовой дискриминации, его решительное осуждение фашизма, милитаризма и войны, его неустанные призывы ко всеобщему разоружению, к запрещению ядерного оружия, к широкому международному сотрудничеству стран и народов и, наконец, самое важное,

его революционная тактика и политическая деятельность, направленная на достижение этих целей, — все это сделало Ганди выразителем императивов грядущего века.

Жизненный подвиг Ганди получил признание во всем честном и совестливом мире, даже среди тех, кто далеко не всегда разделял его мировосприятие, соглашался с «гандистской правдой» о нашей реальности.

В постановлении Национального совета Коммунистической партии Индии о праздновании 100-летия со дня рождения Махатмы Ганди индийские коммунисты призывают «взять на вооружение и продолжить то, что было наступательным и демократическим, прогрессивным и объединяющим в жизни и деятельности Ганди».

Бег времени отдаляет нас от живого Ганди. Уже мало осталось соратников Махатмы, но растет число его последователей во всех странах; его идеи о ненасильственном мире, все шире завоеывая умы и сердца людей, начинают приобретать международно-правовые контуры, становятся гуманистическим резервом мировой политики прогрессивных государств и правительств.

Духовное величие и историческая прозорливость великого индийца с уходящими десятилетиями становятся только более зримыми. И то, что еще полвека назад многим казалось неприемлемым и наивным в гандистском видении мира, теперь становится велением времени.

Ганди всю жизнь не устал убеждать людей в том, что вечные понятия о добре, совести, стыде, сострадании и справедливости — вовсе не абстракция. Они призваны одухотворить, очеловечить международные отношения. Возвышая достоинство и права отдельной личности, люди ставят и мировую политику на фундамент нравственности и морали.

По Ганди, человек — единственный во Вселенной носитель разума, причем не просто разума — разум может быть огромной разрушительной силой, — а интеллекта, наделенного совестью и способностью любить своих братьев и сестер по людскому роду. В своем утверждении добра, верил Ганди, человек непобедим и уже один способен противостоять несправедливому правительству и его армии.

Жизнь человека выше своекорыстных целей военно-политических группировок и союзов, интересы которых в сравнении с духовными потребностями человека — сиюминутны и ничтожны.

Провозглашение в Делийской декларации, подписанной М. С. Горбачевым и Р. Ганди, жизни человека наивысшей ценностью в мире — момент истины и венец земной мудрости, признания чего всю жизнь добивались Махатма Ганди и лучшие умы человечества. Понимание этой истины призвано привести народы и нации к добровольному содружеству, к единению и к гармонической целостности человеческого сообщества в грядущем веке.

Оглавление

Вместо пролога

Глава первая	
ВЕЛИКАЯ ДУША	5
Глава вторая	
В ЮЖНОЙ АФРИКЕ. ПОЗАДИ ОТЧИЙ ДОМ И УЧЕБА В ЛОНДОНЕ	17
Глава третья	
ВОЗВРАЩЕНИЕ. ВОЙНА. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ИНДИЯ	62
Глава четвертая	
БОРЮЩАЯСЯ ИНДИЯ НАЗЫВАЕТ СВОЕГО ВОЖДЯ	88
Глава пятая	
ВПЕРЕД, К ЦЕЛИ. ОТСТУПЛЕНИЕ. ДОКТРИНА МЕЧА. СУД	126
Глава шестая	
В ТЮРЬМЕ И НА СВОБОДЕ. РАЗНОГЛАСИЯ. ОБЩИННЫЕ РАСПРИ. ВСЕ СНАЧАЛА	142
Глава седьмая	
ПЕРЕДЫШКА. КОНГРЕСС УСТАНОВЛИВАЕТ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ. МИССИЯ САЙМОНА. КУРС НА НЕЗАВИСИМОСТЬ	166
Глава восьмая	
«СОЛЯНОЙ ПОХОД» И ВТОРАЯ КАМПАНИЯ НЕСОТРУДНИЧЕСТВА. СНОВА В ТЮРЬМЕ. ПЕРЕМИРИЕ И «КОНФЕРЕНЦИЯ КРУГЛОГО СТОЛА»	198
Глава девятая	
ВОЗВРАЩЕНИЕ. ТЮРЬМЫ. ГОЛОДОВКИ. ГАНДИ И НЕРУ. БАПУ И ЕГО ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ	242
Глава десятая	
ПАЦИФИЗМ ГАНДИ. КОНГРЕСС ИЩЕТ КОМПРОМИССА С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ. МИССИЯ КРИППСА	283
Глава одиннадцатая	
«ВОН ИЗ ИНДИИ!». ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА НА АЛТАРЕ СВОБОДЫ	320

Монография

Александр Васильевич Горев

МАХАТМА ГАНДИ

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

Редактор Т. Б. Романова
Оформление художника К. К. Федорова
Художественный редактор С. С. Водчиц
Технический редактор Т. С. Орешкова
Корректор К. С. Чигринова

ИБ № 1404

Сдано в набор 18.10.88. Подписано в печать 09.02.89.
А 03167. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарни-
тура «таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 19,74 +
+ 0,84 усл. печ. л. вкладка на офсетной бумаге. Усл. кр.-
отт. 21,84. Уч.-изд. л. 22,39. Тираж 60 000 экз. За-
каз № 1638. Цена 1 р. 70 к. Изд. № 23—11/88.

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Госкомиздата СССР.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Горев А. В.

Г67 Махатма Ганди. — 2-е изд., перераб. и доп. —
М.: Междунар. отношения, 1989. — 376 с.

ISBN 5—7133—0053—6

В книге рассказывается о жизни и деятельности выдающегося лидера и идеолога национального освобождения Индии. Дается критический анализ его социально-политического, религиозно-философского учения. Автор, используя новые архивные материалы, раскрывает взгляды Махатмы Ганди на проблемы войны и мира, на непреходящие общечеловеческие ценности, знакомит читателя с его учением о ненасилии, рассказывает о руководимых Ганди кампаниях гражданского неповиновения.

Для читателей, интересующихся проблемами национально-освободительной борьбы, новейшей историей Индии.

Г 0503030000—018 55—89
003(01)—89

ББК 63.3(0)

Handwritten text in a stylized script, possibly a mix of Latin and Greek characters, arranged in two lines. The first line contains a long sequence of characters, and the second line contains a shorter sequence followed by a period.

myfanti.